

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

(1919-1939)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ / ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КНИГА I

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга I

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

(1919-1939)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1954

WINSTON S. CHURCHILL
FROM WAR TO WAR
(1919 – 1939)

THE SECOND WORLD WAR
Book I

Copyright, 1954, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я смотрю на эти тома «Второй мировой войны», как на продолжение рассказа о Первой мировой войне в моих книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «На другой день». Если настоящий труд будет закончен, все вместе составит отчет о второй тридцатилетней войне.

Как и в предыдущих томах, я, насколько мог, следовал методу «Мемуаров кавалериста» Дефо, в которых автор нанизывает хронику и обсуждение больших военных и политических событий на нить личных переживаний одного лица. Я, вероятно, единственный человек, который оставался на правительственном посту в течение всего времени обеих величайших катастроф писаной истории. Но в то время как в Первой мировой войне я занимал ответственные, но подчиненные должности, во время более чем пяти лет второй мировой катастрофы я стоял во главе Правительства Его Величества. Поэтому теперь я пишу с другой перспективы и с большим авторитетом, чем это было возможно в моих прежних книгах.

Почти вся моя официальная работа шла через диктовку секретарям. За время, когда я был Премьер-министром, мои меморандумы, директивы, личные телеграммы и заметки составляют почти миллион слов. Эти документы, составлявшиеся изо дня в день в разгар событий и на основании того, что я знал в каждый данный момент, без сомнения, имеют много погрешностей. Тем не менее в своей совокупности они дают текущий отчет об огромных событиях, в которых я нес на себе главную ответственность за ведение войны и политику Британского Содружества

Народов и Империи. Я сомневаюсь, чтобы теперь или когда-либо существовал подобный отчет о ведении войны и государственных дел. Я не называю это историей, которая будет делом другого поколения. Но я убежден, что это вклад в историю, который в будущем будет полезен.

Эти тридцать лет действия и защиты своих взглядов охватывают и выражают дело моей жизни, и я согласен, чтобы по нему судили обо мне. Я держался правила никогда не критиковать задним числом какого-либо военного или политического мероприятия, если я раньше не выражал о нем своего мнения или предостережения публично или формально. Оглядываясь назад, я смягчил многие суровые суждения о ведшихся в свое время спорах. Мне было тяжело говорить об этих разногласиях с таким количеством людей, которых я любил или уважал; но было бы неправильно не передать будущему уроков прошлого. Пусть никто не смотрит свысока на этих честных, полных добрых намерений людей, о деятельности которых рассказано на этих страницах, прежде чем он сам не заглянет в глубину своей души, не проверит, как он сам исполнял свой общественный долг, и не решит, сможет ли он применить уроки прошлого к своему собственному поведению.

Не следует думать, что я жду, что все согласятся с тем, что я пишу, и еще меньше, что я пишу только то, что будет популярно. Я даю свое свидетельство, исходя из своего понимания событий. Факты проверялись самым тщательным образом; но из захваченных документов и других источников постоянно поступают новые данные, которые могут в новом свете представить мои заключения. Именно поэтому важно основываться на аутентичных современных событиям отчетах и на мнениях, как они выражались, когда все еще было во мраке.

Однажды Президент Рузвельт сказал мне, что он публично просил делать предложения, как назвать эту войну. Я сразу сказал: «Ненужная война». Ни-

когда еще не было войны, которую было так легко предупредить, как эту, изуродовавшую и то, что осталось миру от предыдущей. Трагедия человечества достигает своей высшей точки в том факте, что после всех усилий и жертв сотен миллионов людей и после победы правого дела мы все еще не достигли мира и безопасности и снова находимся пред лицом опасностей еще худших, чем те, которые мы преодолели. Я искренне надеюсь, что размышления над прошлым могут стать руководством для будущего, сделают новое поколение способным исправить некоторые ошибки прежних лет и таким образом помогут управлять величественно развертывающейся сценой будущего в согласии с потребностями и во славу человечества.

Винстон Спенсер Черчилль

Чартвелл
Вестерхэм
Кент

Март 1948

1.

БЕЗУМСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

После окончания Мировой войны 1914 г. существовало глубокое убеждение и почти всеми разделяемая надежда, что отныне мир воцарится во всем мире. Это страстное желание всех народов легко могло быть осуществлено при условии твердости правильных убеждений и при наличности достаточной доли здравого смысла и предусмотрительности. Фраза «война, чтобы покончить с войнами» была у всех на устах, и были предприняты шаги, чтобы сделать ее реальностью. Президент Вильсон, опираясь — как тогда думали — на авторитет Соединенных Штатов, достиг того, что идея Лиги Наций овладела всеми умами. Британская делегация в Версале оформила его идеи в инструмент мира, который навсегда останется вехой на трудном пути человеческого прогресса. Победоносные союзники были тогда всемогущими по отношению к их внешним врагам. Они стояли перед большими внутренними трудностями и перед загадками, решения которых они не знали, но немецкие державы в массиве Центральной Европы, вызвавшие великое потрясение, были распростерты перед ними, а Россия, уже размолоченная германским цепом, билась в судорогах гражданской войны и стала добычей большевистской или коммунистической партии.

**

Летом 1919 г. союзные войска стояли вдоль Рейна и их предмостные позиции вклинивались глубоко в побежденную, разоруженную и голодную Германию. Главы победивших держав спорили в Париже о будущем. Перед ними лежала карта Европы, которую

они могли переделать почти так, как они хотели. После пятидесяти двух месяцев смертельной борьбы германская коалиция лежала перед ними во прахе, и ни одна из четырех участвовавших в ней стран не могла оказать им ни малейшего сопротивления. Германия, глава и авангард нападения, которую все считали главной виновницей обрушившейся на мир катастрофы, сдалась на милость победителей, которые сами еще содрогались от выдержанных ими мучений. Более того, это была война не правительств, а народов. Вся жизненная энергия величайших наций вылилась в ярости и кровопролитии. Собравшиеся в Париже военные вожди были вынесены туда самым сильным и яростным потоком, который когда-либо разливался в истории человечества. Миновали дни мирных договоров в Утрехте и Вене, когда аристократические государственные деятели и дипломаты, победители вместе с побежденными, встречались для изысканно вежливой дискуссии и, не тревожимые шумом и гулом демократии, могли изменять системы на основании общих для всех их принципов. Народы, возбужденные их страданиями и воодушевлявшими их популярными идеями, десятками миллионов стояли вокруг и требовали, чтобы расплата была взыскана без послабления. Горе вождям, поднятым теперь на головокружительную высоту торжества, если они проиграют за столом мирной конференции то, что солдаты выиграли на сотнях пропитанных кровью полях сражений.

На первом месте по количеству понесенных жертв и затраченных усилий стояла Франция. Около полутора миллиона французов погибло, защищая французскую землю, на которой они сражались против вторгшегося врага. Пять раз за сто лет, в 1814, 1815, 1870, 1914 и 1918 гг. башни Нотр Дам видели огни прусских орудий и слышали гром их канонады. На этот раз в течение четырех страшных лет тринадцать французских провинций были под суровым ярмом прусского военного управления. Обширные области систематически опустошались неприятелем или раз-

рушались во время столкновений между армиями. От Вердена до Тулона вряд ли были дома или семьи, не оплакивавшие своих мертвых или не ухаживавшие за родными калеками. Тем французам — а их было много среди высшей администрации, — которые сражались и страдали в 1870 г., казалось почти что чудом, что Франция вышла победительницей из только что закончившейся, несравненно более ужасной борьбы. Всю свою жизнь они жили в страхе перед Германской Империей. Они помнили о превентивной войне, которую Бисмарк намеревался ввести в 1875 г.; они вспоминали грубые угрозы, вынудившие отставку Делькассе в 1905 г.; они дрожали во время угрозы в Марокко в 1906 г.; во время боснийского конфликта в 1908 и во время агадирского кризиса в 1911 году. Над речами кайзера с его «бронированным кулаком» и «сияющими доспехами» можно было смеяться в Англии и Америке. В ушах французов они звучали как набатный колокол страшной действительности. Почти пятьдесят лет они жили под страхом германского оружия. Теперь ценой их крови долгий гнет был сброшен. Теперь, наконец, пришли мир и безопасность. В одном страстном порыве французский народ кичал: «Никогда больше!».

Но будущее было омрачено тяжелыми предзнаменованиями. Население Франции составляло меньше двух третей германского. Французское население не увеличивалось, тогда как германское росло. Через десять или даже меньше лет ежегодный приток достигающей призывного возраста молодежи должен был стать в Германии вдвое больше, чем во Франции. Германия, почти одна, боролась против почти всего мира и почти что победила. Те, кто знали больше других, хорошо знали прежние случаи, когда результаты большой войны колебались на весах судьбы, и знали те случайности и шансы, которые поворачивали роковую чашку весов. Можно ли было надеяться, что великие союзники снова миллионами появятся на полях сражений во Франции или на Востоке? Россия была в развалинах и в судорогах, изменившись

до потери всякого сходства с ее прошлым. Италия может оказаться на противоположной стороне. Великобритания и Соединенные Штаты отделены от Европы морями или океанами. Сама Британская Империя казалась связанной такими нитями, которых никто, кроме ее собственных граждан, не мог понять. Какая комбинация обстоятельств сможет опять привести во Францию и Фландрию грозных канадцев, державших хребет Вими; великолепных австралийцев, сражавшихся у Виллэ-Бретоннэ; неустрашимых новозеландцев в ложбинах Пасшендэле; стойкий индийский корпус, который в жестокую зиму 1914 держал линию фронта у Армантиера, и южных африканцев? Когда опять мирная, беззаботная, антимилитаристская Англия будет бродить по полям Артуа и Пикардии с двумя или тремя миллионами своих солдат? Когда опять океан принесет два миллиона превосходных бойцов из Америки в Шампань и Аргоны? Истощенная, истекшая кровью, но в данный момент хозяйка положения, французская нация смотрела в будущее с недоумением и гнетущим страхом. Где же была та б е з о п а с н о с т ь, без которой казалось лишенным цены все, что было достигнуто, и сама жизнь, даже среди радостей победы, была почти невыносимой? Смертельной необходимостью была безопасность любой ценой и любыми средствами, даже жестокими.

**

В день перемирия германские армии направились домой в полном порядке. «Они сражались хорошо», сказал маршал Фош, главнокомандующий Союзников, с лаврами, сияющими на его челе, и все же в настроении солдата: «пусть у них останется их оружие». Но он требовал, чтобы отныне французской границей стал Рейн. Германию можно разоружить, разбить ее военную систему вдребезги, скрыть ее крепости; Германия может обнищать, ей можно навязать неисчислимы платежи; она может стать добычей внутренних распрей; но все это кончится через десять или

двадцать лет. Несокрушимая мощь «всех германских племен» воспрянет снова, и снова заблестят и загорятся негаснущие огни воинственной Пруссии. Но Рейн, широкий, глубокий и быстрый Рейн, раз он будет занят и укреплен французской армией, станет барьером и щитом, за которыми Франция в течение ряда поколений сможет жить и дышать. Совсем иными были настроения и взгляды наций английского языка, без помощи которых Франция не выдержала бы войны. Территориальные условия Версальского договора оставили Германию фактически почти нетронутой. Она попрежнему осталась самым большим этнически однородным блоком в Европе. Когда маршал Фош узнал о подписании Версальского мирного договора, он заметил с поразительной точностью: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет».

Экономические условия мирного договора были так проникнуты злобой и так нелепы, что их невыполнимость была очевидна. Германия была осуждена платить репарации сказочных размеров. Этот диктат выразил гнев победителей и веру их народов в то, что побежденная нация может платить дань в таком объеме, который сможет покрыть издержки современной войны.

Массы оставались в неведении самых простых экономических фактов, а их вожди, добываясь их голосов, не решались их разочаровывать. Газеты, по своему обыкновению, отражали и подчеркивали господствовавшие представления. Несколько голосов поднялось, пытаясь объяснить, что платежи репараций могут выполняться или экономическими услугами или физическим передвижением товаров в вагонах через государственные границы или в кораблях через моря; когда же товары прибывают в требовавшую их страну, то они дезорганизуют местную промышленность всюду, за исключением очень примитивных или подверженных строгому государственному контролю обществ. На деле, как теперь это по-

няли и в России, единственный способ грабить побежденную страну, это вывозить из нее всякую движимость, которую хочет иметь победитель, или превратить часть ее населения в своих временных или постоянных рабов. Но получаемая таким путем выгода не находится ни в каком отношении к стоимости войны. Никто из стоявших у власти не имел ни прощальности, ни достаточного авторитета или независимости от общего безумия, чтобы сообщить избирателям эти основные, суровые факты; да ему бы никто и не поверил. Торжествующие союзники продолжали утверждать, что они будут давить на Германию, пока у нее не затреплют кости. Всё это имело огромное влияние и на благосостояние всего мира и на настроение немецкого народа.

Фактически, эти условия договора никогда не вошли в силу. Напротив, в то время, как союзники забрали германскую собственность на сумму около одного миллиарда английских фунтов, Германия через немного лет получила займы, главным образом, от Соединенных Штатов и Великобритании, более полутора миллиардов, что позволило ей быстро восстановить то, что было разрушено во время войны. Но поскольку это несомненное великодушие всё еще сопровождалось сфабрикованными завываниями несчастного и озлобленного населения в победоносных странах и заявлениями государственных людей, что Германию надо заставить платить «до последнего гроша», благодарности и симпатии нельзя было ни ожидать, ни получить.

Германия выплатила или была в состоянии выплачивать взятые с нее репарации только потому, что Соединенные Штаты щедро давали займы Европе и в особенности Германии. В течение трех лет, от 1926 до 1929, от всех своих должников Соединенные Штаты получили лишь около одной пятой того, что они ссудили Германии без всякой надежды на обратную уплату. Тем не менее все были, видимо, довольны и, казалось, думали, что так может продолжаться без конца.

История охарактеризует все эти операции, как сумасшествие. Они помогли подготовить и проклятие новой войны и «экономический буран», о чем подробнее будет речь впереди. Германия теперь занимала со всех сторон, жадно поглощая все кредиты, которые ей в изобилии предлагались. Превратно направленное желание помочь побежденному народу вместе с выгодными процентами на эти займы побуждало участвовать в них и британских вкладчиков, хотя и в значительно меньших размерах, чем это было в Соединенных Штатах. Таким образом, Германия получила в форме займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, которые она выплатила в той или иной форме, или отдавая свои капитальные вложения и валюту в чужих странах или жонглируя огромными американскими займами.

Это была печальная история сложного идиотизма, на который было потрачено много труда и способностей.

**
*

Второй трагедией кардинального значения был полный распад Австро-Венгерской Империи по договорам в Сэн-Жермене и Трианоне. Это уцелевшее воплощение Священной Римской Империи в течение веков давало большому количеству народов возможность совместной жизни с ее преимуществами для торговых сношений и для безопасности. Ни один из них в наше время не имел достаточно силы и жизнеспособности, чтобы устоять против давления со стороны возродившейся Германии или России. Все эти народы хотели отколоться от общей федеральной или имперской структуры, и либеральной политикой считалось поддерживать это желание. Следствием быстро подвигавшейся балканизации Юго-восточной Европы было относительное расширение Пруссии и Германской империи, которые, хотя и были утомлены и изранены войной, но остались целыми и подавляюще превосходившими своим пространством. Нет ни

одной народности или области из состава прежней империи Габсбургов, которой независимость не принесла бы мук, которые древние поэты и богословы предназначали осужденным душам. Благородная столица Вена, убежище такой богатой и так долго охраняемой культуры и традиций, осталась застывшей и истощенной, словно огромный рынок в обнищавшем районе, из которого выселилось большинство жителей.

Победители навязали немцам все вожделенные идеалы либеральных наций Запада. Немцы были освобождены от бремени обязательной военной службы и от необходимости иметь тяжелое вооружение. Вскоре им, хотя они не были кредитоспособны, были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была принята демократическая конституция со всеми новейшими усовершенствованиями. Императоры были изгнаны, ничтожества были избраны. За этим хрупким фасадом бушевали страсти могучей, побежденной, но в основном неослабленной, германской нации. Американское предубеждение против монархии, которому Ллойд-Джордж не пытался противодействовать, убедило побежденную империю в том, что союзники будут обходиться лучше с республикой, чем с монархией. Мудрые политики увенчали и укрепили бы Веймарскую республику конституционным государем в лице малолетнего внука кайзера с советом регентов. Вместо этого, в национальной жизни немецкого народа была образована зияющая пустота. Все сильные элементы, военные и феодальные, которые могли бы сплотиться вокруг конституционной монархии и ради нее уважали и поддерживали бы новые демократические и парламентские учреждения, теперь оказались отчужденными. Веймарскую республику со всеми ее украшениями и благодеяниями рассматривали, как навязанную врагом. Она не могла завоевать лояльности или воображения немецкого народа. На короткое время немцы старались как бы в отчаянии держаться за престарелого фельдмаршала Гинденбурга. Затем всплыли мощные силы; пустота раскрылась, и в нее проник маньяк, одаренный дикой гениальностью, вме-

стилище и выражение самой яростной ненависти; какая когда-либо разъедала человеческое сердце — капрал Гитлер.

**

Война обескровила Францию. Поколение, которое с 1870 года мечтало о реванше, победило ценой ужасающей растраты национальной жизнеспособности. Франция была изнеможенной страной, когда она встречала зарю победы. На следующий день после их блистательного успеха французы уже были снова проникнуты страхом перед Германией. Этот страх побудил маршала Фоша требовать границу на Рейне, чтобы обезопасить Францию со стороны ее гораздо более многолюдного соседа. Но британские и американские государственные люди считали, что включение в территорию Франции областей с немецким населением противоречило Четырнадцати Пунктам и тем принципам национализма и самоопределения, которые были положены в основу мирного договора. Поэтому они противились требованиям Фоша и Франции. Они добились согласия Клемансо, обещав, во-первых, совместную англо-американскую гарантию защиты Франции, во-вторых, образование демилитаризованной зоны; и, в-третьих, полное и постоянное разоружение Германии. Клемансо согласился, несмотря на протесты Фоша, и вопреки своему собственному инстинкту. Договор о гарантии был подписан Вильсоном, Ллойд-Джорджем и Клемансо. Американский сенат отказался его ратифицировать. Сенат не признал подписи президента Вильсона. А нам, так считавшимся во время выработки мирного договора с его мнениями и желаниями, было сказано без особой церемонии, что следовало бы быть лучше осведомленными об американской конституции.

В своем страхе, гневе и растерянности французский народ необдуманно отвернулся от властной фигуры Клемансо с его всем миром признанным авторитетом и его связями в Англии и Америке. «Неблагодарность своим великим людям, — сказал Плутарх, — есть

черта сильных народов». Со стороны Франции было неблагоприятно проявить это свойство, когда она была так сильно ослаблена. Возрождение интриг разных групп и непрерывные смены правительств и министров, которые были характерны для Третьей республики, не могли быть компенсацией для этой слабости, как бы выгодны и занимательны они ни были для тех, кто в них участвовал.

Пуанкарэ, самая сильная личность из преемников Клемансо, сделал попытку образовать независимую Рейнскую область под покровительством и контролем Франции. Попытка не имела шансов на успех. Он не колебался послать войска в Рурскую область, чтобы взыскать с Германии репарационные платежи. Это, без сомнения, вынуждало Германию выполнять условия мирного договора, но было сурово осуждено общественным мнением в Англии и Америке. Вследствие полной финансовой и политической дезорганизации Германии, а также репарационных платежей в годы от 1919 по 1923, марка быстро обесценивалась. Ярость, которую вызвала в Германии французская оккупация Рура, привела к массовому, безудержному печатанию бумажных денег с сознательным намерением окончательно расстроить всё денежное обращение. В последний период инфляции один фунт стерлингов стоил сорок три триллиона марок. Социальные и экономические результаты этой инфляции были чрезвычайно велики и чреватые последствиями. Сбережения средних классов были уничтожены, и этим были созданы естественные кадры сторонников национал-социализма. Вся структура германской промышленности была извращена растущими, как грибы, трестами. Весь оборотный капитал страны исчез. Вместе с этим, конечно, были ликвидированы или больше не выплачивались внутренние государственные долги и долги промышленности в форме облигаций или залоговых. Но это не возмещало потери оборотного капитала. Все приводило к большим заграничным займам обанкротившейся страны, что и было характерным явлением последующих лет. Страдания и озлобление немцев нара-

стали одно вместе с другим — как это происходит и сегодня.

Английское настроение по отношению к Германии, бывшее сначала таким ожесточенным, очень скоро пошло так же далеко в противоположном направлении. Обнаружился разлад между Ллойд-Джорджем и Пуанкарэ, резкий характер которого мешал его твердой и дальновидной политике. Обе нации разошлись в своем мышлении и действиях, и симпатия англичан к Германии, даже восхищение ею, нашли мощное выражение.

**

Лига Наций получила почти смертельный удар при самом своем возникновении. Соединенные Штаты покинули детище президента Вильсона. Сам президент, готовый дать бой за свои идеалы, был разбит параличом как раз в момент, когда он собирался начать свою кампанию. После этого он, став беспомощным инвалидом, медленно умирал большую часть двух долгих и решающих лет, к концу которых его партия и его политика были сметены победой республиканцев в 1920 г. По ту сторону Атлантического океана после республиканской победы господствовали изоляционистские идеи. Пусть Европа варится в собственном соку и пусть платит свои долги. В то же время тарифы были повышены, чтобы не допускать товаров, которыми только и можно было выплачивать эти долги. В 1921 г. на Вашингтонской конференции Соединенные Штаты сделали далеко идущие предложения для морского разоружения. Британское и американское правительства стали усердно топить свои броненосцы и разрушать свои военные сооружения. Это со странной логикой мотивировалось тем, что было бы не морально разоружать побежденные страны, если сами победители не откажутся от своих вооружений. Вскоре перст англо-американского осуждения стал показывать на Францию за то, что она, оставшись и без границы на Рейне и без договора о гарантии, сохранила, хотя и в значительно уменьшенных размерах, основанную на всеобщей повинности армию.

Соединенные Штаты дали понять Англии, что ее союз с Японией, условия которого японцы тщательно выполняли, будет барьером для отношений между Англией и Америкой. Вследствие этого союзу был положен конец. Его аннулирование произвело в Японии глубокое впечатление и рассматривалось, как выражение пренебрежения Западного мира к азиатской державе. Много было устранено связующих звеньев, которые впоследствии могли бы иметь решающее значение для дела мира. Япония могла утешить себя тем, что упадок Германии поднял ее на третье место среди морских держав и, без сомнения, в самую высокую их категорию. Хотя Вашингтонское морское соглашение установило для Японии более низкую квоту линейных боевых судов, чем для Великобритании и Соединенных Штатов (5 : 5 : 3), ее квота на много лет соответствовала ее кораблестроительным и финансовым возможностям, и Япония внимательно следила за тем, как обе крупнейшие морские державы урезали одна другую много больше того, что позволяли их ресурсы и чего требовали их обязательства. Так победоносные союзнники быстро создавали и в Европе и в Азии условия, которые во имя мира расчищали путь к новой войне.

Пока все эти печальные события совершались под аккомпанемент непрерывной, полной добрых намерений плоской болтовни по обеим сторонам океана, в Европе появились новые очаги раздора, более грозные, чем империализм царей и кайзеров. Гражданская война в России закончилась полной победой большевистской революции. Правда, советские армии, двинутые, чтобы покорить Польшу, были отражены в битве под Варшавой, но Германия и Италия едва не стали жертвами коммунистической пропаганды и замыслов. Венгрия на некоторое время попала под власть коммунистического диктатора Бела Куна. Хотя маршал Фош мудро заметил, что «большевизм никогда не переступал границ победы», в первые годы после войны основы Европейской цивилизации заколебались. Фашизм был тенью или уродливым ребенком коммунизма. В то время как в Мюнхене капрал Гитлер делал се-

бя полезным в глазах немецкого офицерства, возбуждая у солдат и рабочих яростную ненависть против евреев и коммунистов, на которых он возлагал вину за поражение Германии, Бенито Муссолини подарил Италии новый вариант правительства, когда он под предлогом спасения итальянского народа от коммунизма, сам достиг диктаторской власти. Как фашизм вырос из коммунизма, так нацизм развился из фашизма. Так окрепли эти родственные движения, которым суждено было повергнуть мир в еще более ужасный конфликт, о котором нельзя утверждать, что он закончился с их уничтожением.

**
*

Тем не менее одна надежная гарантия мира оставалась. Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и другое оружие было уничтожено. Ее флот уже сам потопил себя в Скапа Флоу. Ее огромная армия была распущена. Версальский договор разрешил Германии иметь для поддержания внутреннего порядка профессиональную армию не свыше ста тысяч человек с долгосрочной службой, так что она не могла образовать резервы. Ежегодный прирост больше не получал военной подготовки; кадры были распущены. Всё было сделано, чтобы свести офицерский состав до минимума. Германии не было позволено иметь какую-либо военную авиацию. Подводные лодки были запрещены, и германский флот был ограничен небольшим количеством судов ниже 10.000 тонн. Советской России был закрыт доступ в Западную Европу кордоном непримиримых антибольшевистских государств, отпавших от прежней империи царей в ее новой и более ужасной форме. Польша и Чехословакия стали независимыми и, казалось, заняли прочное положение в Центральной Европе. Венгрия оправилась от полученной ею «дозы» Бела Куна. Французская армия, покоясь на своих лаврах, была несравненно самой большой военной силой в Европе, и в течение нескольких лет считалось, что и ее авиация также была на высоте.

До 1934 года мощь победителей не имела соперников в Европе, да и во всем мире. В течение 16 лет не было момента, когда прежние союзники или даже Англия и Франция с их союзниками в Европе не могли бы, от имени Лиги Наций и прикрываясь ее моральным международным щитом, одним усилием своей воли контролировать вооруженную силу Германии. Вместо этого, до 1931 года победители и, в особенности, Соединенные Штаты сосредоточили свои усилия на том, чтобы посредством раздражающего иностранного контроля выжимать из Германии ежегодно репарационные платежи. Тот факт, что эти платежи покрывались из еще более обширных американских займов, свел всю эту операцию к нелепости. Ничего не было достигнуто, кроме раздражения. С другой стороны, в любое время до 1934 можно было, вынуждая строгое соблюдение пунктов мирного договора, касающихся разоружения, без насилия и кровопролития обеспечить на неопределенное время мир и безопасность человечества. Но об этом не думали, пока нарушения оставались незначительными, и этого боялись, когда они приняли серьезные размеры. Так была потеряна последняя гарантия длительного мира. Преступления побежденных находят свое обоснование и объяснение, но, конечно, не оправдание в безрассудстве победителей. Без этого безрассудства не было бы ни соблазна, ни возможности преступления.

**

На этих страницах я старался передать некоторые из фактов и впечатлений, которые в моем понимании образуют историю того, как на человечество надвинулась самая страшная в его бурной истории катастрофа. Она выразилась не только в неизбежном в случае войны уничтожении человеческих жизней и собственности. И в Первую мировую войну имела место ужасающая солдатская бойня, и значительная часть накопленного нациями богатства была растратчена. Но все же, помимо эксцессов русской революции, к концу борьбы здание европейской цивилизации сохранилось. Когда

внезапно исчезли буря и пыль канонады, то, несмотря на взаимную вражду, каждая нация могла разглядеть в других исторические этнические единицы. Законы ведения войны в общем и целом соблюдались. И побежденные и победители сохраняли облик цивилизованных государств. Был заключен торжественный мир, который, за исключением его невыполнимой финансовой стороны, соответствовал принципам, которые в девятнадцатом столетии в возрастающей мере регулировали отношения между просвещенными народами. Было провозглашено господство права и был создан мировой орган, чтобы охранять всех нас и в особенности Европу от нового потрясения.

Во время Второй мировой войны гибло все связующее человека с человеком. Немцы, которые позволили подчинить себя гитлеровскому господству, совершили преступления, по их размерам и низости превосходившие всё, что омрачило историю человечества. Систематически проведенное массовое уничтожение шести или семи миллионов мужчин, женщин и детей затмевает своим ужасом примитивно дикие боины Чингисхана, по сравнению с теперешними они кажутся карликовыми. Сознательное истребление всего населения ставилось задачей и осуществлялось в восточной войне и немцами, и русскими. Отвратительная практика воздушных бомбардировок открытых городов была начата немцами, а затем оплачена им в двадцать раз по мере роста мощи союзников и нашла свое высшее завершение в атомных бомбах, которые смели Хиросиму и Нагасаки. Мы, наконец, вышли из сцены материального разрушения и морального хаоса, что-либо подобное которым никогда не омрачало воображение прошлых столетий. После всего, что мы перестрадали и чего достигли, мы снова стоим перед проблемами, не менее, а гораздо более грозными, чем те, через которые мы едва смогли проложить себе путь.

Как один из тех, кто жил и действовал в те дни, я ставлю себе задачей прежде всего показать, как легко могла быть избегнута трагедия Второй мировой войны; как злая воля порочных была усилена слабо-

стью добродетельных; как структура и навыки демократических государств, если они не объединяются в более обширные организмы, обнаруживают недостаток настойчивости и убежденности, которые одни могут дать уверенность широким массам; как даже в вопросе самосохранения не было политики, последовательно проводимой в течение десяти или пятнадцати лет. Мы увидим, как призывы к осторожности и умеренности могут оказаться возбудителями смертельной опасности; как средний курс, взятый ради безопасности и спокойной жизни, может оказаться прямо ведущим в пасть катастрофы. Мы увидим, как абсолютно необходима широкая дорога международной активности, годами совместно проводимой многими государствами, независимо от приливов и отливов их внутренней политики.

Было бы простой политикой в течение тридцати лет оставить Германию разоруженной, а победителей достаточно вооруженными, и за это время, даже если бы не могло быть достигнуто примирение с Германией, всё энергичнее строить подлинную Лигу Наций, способную обеспечить выполнение договоров или изменение их лишь путем переговоров и соглашения. После того, как три или четыре могущественных правительства, действуя совместно, требовали от своих народов самых страшных жертв, и жертвы эти были принесены в изобилии, и когда, наконец, была достигнута давно желанная цель, казалось бы было естественно, чтобы согласованность действий была сохранена, так, чтобы не было потеряно по крайней мере самое существенное. Но всей мощи, цивилизации, образования, знаний, науки победителей не было достаточно, чтобы удовлетворить этому скромному требованию. Они жили изо дня в день, от одних выборов до других, пока едва двадцать лет спустя не был дан роковой сигнал Второй мировой войны, и мы должны были писать о сыновьях тех, кто так верно и доблестно умирал, что

Сомкнув ряды, плечом к болящему плечу,
Они уходят в тьму от света вольной жизни.

2.

МИР В СВОЕМ ЗЕНИТЕ

1922 — 1931

В 1922 году в Англии появился новый лидер. В мировой драме Стэнли Болдвин был неизвестен или оставался незамеченным, играя скромную роль во внутренней политике. Во время войны он был финансовым секретарем Государственного казначейства и одно время президентом Департамента торговли. Он стал руководящей силой английской политики с октября 1922, когда он вытеснил Ллойд-Джорджа, до мая 1937, когда, осыпанный почестями, он сложил с себя свои тяжелые обязанности, чтобы с достоинством и в молчании уединиться в своем Ворчестершайре. Мои отношения с этим государственным деятелем составляют существенную часть предстоящего рассказа. Временами у нас бывали серьезные разногласия, но не было ни одного неприятного разговора или столкновения, и у меня никогда не было ощущения, что мы не можем говорить друг с другом искренне и с взаимным пониманием.

**

Вызванная регулированием ирландского вопроса натянутость отношений между партиями и возглавляемой Ллойд-Джорджем коалицией росла по мере того, как приближались неизбежные всеобщие выборы. Встал вопрос, должны ли мы выступить перед страной, как коалиционное правительство, или разойтись до выборов. В большем соответствии с интересами страны и с моральными традициями британской политики, казалось бы, было, чтобы партии и министры, которые вместе прошли через столько испытаний и несли такую огромную общую ответственность, выступили перед нацией, сохраняя свое единение. Чтобы облегчить это консерваторам, которые были гораздо более сильной и многочисленной партией, премьер-министр и я в начале года сделали письменное предло-

жение отказаться от наших постов и, как частные лица, дать свою поддержку новому правительству, которое образовал бы Остин Чемберлэн. Лидеры консерваторов, ознакомившись с нашим письмом, ответили категорически, что они не примут от нас этой жертвы, и что мы должны все вместе или победить или пасть. Эта рыцарская позиция лидеров не была одобрена их партийными сторонниками, которые уже чувствовали себя достаточно сильными, чтобы взять себе всю государственную власть.

подавляющим большинством консервативная партия решила порвать с Ллойд-Джорджем и положить конец правительству Национальной коалиции. Премьер-министр подал в отставку в тот же вечер. Утром мы были друзьями и товарищами всех этих людей. С наступлением ночи они были нашими партийными врагами, намеревающимися вытеснить нас из государственной жизни. За исключением лорда Керзона, все видные консерваторы, которые вместе с нами вели войну, и большинство всех министров, оставались верными Ллойд-Джорджу. В числе их были Артур Бальфур, Остин Чемберлэн, Роберт Хорн и лорд Бирхенхэд, все наиболее даровитые фигуры в консервативной партии. В критический момент я лежал без движения вследствие тяжелой операции аппендицита, и когда утром я пришел в сознание, я узнал, что правительство Ллойд-Джорджа подало в отставку и что я потерял не только мой аппендикс, но и мой пост министра доминионов и колоний, на котором я, по моему мнению, имел некоторый парламентский и административный успех. Бонар Лоу, за год до этого оставивший нас по серьезным соображениям здоровья, неохотно согласился стать премьер-министром. Он образовал правительство, которое можно назвать «Вторые одиннадцать». Наиболее выдающейся фигурой в нем был Болдвин, ставший министром финансов. Бонар Лоу просил короля распустить парламент. Страна хотела перемены. Бонар Лоу с Болдвиным рядом с ним и с лордом Бивербруком, как главным вдохновителем и наставни-

ком, получил большинство в 120 голосов со всеми шансами остаться у власти в течение пяти лет. В начале 1923 года Бонар Лоу подал в отставку и скоро умер от жестокой болезни. Болдвин стал его преемником, как премьер, а лорд Керзон примирился с постом министра иностранных дел в новом правительстве.

Так начался тот четырнадцатилетний период, который можно назвать «Режимом Болдвина-Макдональда». В течение всего этого времени Болдвин всегда был, если не формально, то фактически или главой правительства или лидером оппозиции. И так как Макдональд никогда не имел самостоятельного большинства, то Болдвин, или у власти или в оппозиции, был в Великобритании доминирующей политической фигурой. Эти два государственных человека, сначала по очереди, а в конце концов в политическом содружестве управляли страной. Номинально представители враждебных партий, противоположных доктрин, антагонистических интересов, они на деле оказались гораздо более родственными по взглядам, темпераменту и методам действия, чем какие-либо два премьер-министра с тех пор, как эта должность признана конституцией. Странным образом симпатии каждого из них проникали далеко в область другого. Рамсэй Макдональд разделял многое в настроениях старого Тори. Стэнли Болдвин, оставляя в стороне укоренившееся у него, как промышленника, сочувствие протекционизму, был по своим склонностям более подлинным представителем умеренного социализма, чем многие в рядах Рабочей партии.

Внезапно приобретенная им политическая значительность ни в коей мере не ослепила Болдвина. «Молитесь за меня», говорил он, когда его поздравляли. Вскоре, однако, его стало беспокоить опасение, что Ллойд-Джордж соберет вокруг себя под знаменем протекционизма многих недовольных консервативных лидеров, которые вместе с военным кабинетом оставили свои посты, и таким образом расколет консервативное большинство и даже будет оспаривать лидерство в

партии. Поэтому осенью 1923 года он решил предупредить своих соперников и сам поставил вопрос о протекционизме. 25-го октября он произнес в Плимуте речь, которая не могла не привести к преждевременному концу вновь избранного Парламента. Он утверждал, что у него не было такого намерения; но поверить этому значило бы недооценить его глубокое знание британской партийной политики. По его совету Парламент был распущен в октябре, и вторые всеобщие выборы состоялись на отрезке времени едва в двенадцать месяцев.

Либеральная партия, объединенная под знаменем свободной торговли, к которому примыкал и я, получила на выборах ключевое положение и, хотя была в меньшинстве, но могла бы легко получить правительственную власть, если бы Асквит этого хотел. Вследствие его нежелания, Рамсэй Макдональд, имея за собой немногим больше двух пятых палаты, стал первым великобританским социалистическим премьером и продержался один год благодаря попустительству и взаимным раздорам обеих старых партий. Во время правления социалистического меньшинства нация стала чрезвычайно беспокойной, и политическая погода стала настолько благоприятной, что обе оппозиции — либеральная и консервативная — выбрали случай, чтобы оставить правительство в меньшинстве по важному вопросу. Состоялись новые выборы — третьи менее чем в два года. Консерваторы получили большинство в 222 голоса против остальных партий вместе взятых.*). В начале кампании позиция Болдвина была очень слаба, и он не оказал особого влияния на исход выборов. Но он уже был лидером партии, и когда результаты были объявлены, было несомненно, что он снова будет первым министром. Он удалился к себе домой, чтобы формировать свое второе правительство.

В то время я пользовался большой популярностью среди Тори. Шестью месяцами раньше на допол-

*) Консерваторы 413, Либералы 40, Рабочая партия 151.

нительных выборах в Вестминстере я показал свое влияние на Тори. Хотя я выставил свою кандидатуру, как либерал, большое количество Тори агитировало и голосовало за меня. Каждой из тридцати четырех комнат моего избирательного комитета заведовал консервативный депутат, не подчинившийся своему лидеру Болдвину и партийному аппарату. Это не имело прецедента. Я был побежден только тридцатью четырьмя голосами при поданных двадцати тысячах. На всеобщих выборах я был избран в Эппинге большинством в десять тысяч голосов, но как «конституционалист». Тогда я не хотел называть себя «консерватором»! В промежутках у меня было несколько дружеских встреч с Болдвином, но я не думал, что он уцелеет как премьер. На следующий день после победы я не имел понятия, что он думает обо мне. Я был удивлен, а консервативная партия ошарашена, когда он предложил мне стать министром финансов — пост, который когда-то занимал мой отец. Через год с одобрения моих избирателей и без давления с чьей-либо стороны я снова стал членом Консервативной партии и Карлтон клуба, которые я покинул двадцать лет назад.

**

Моим первым вопросом в министерстве финансов был наш долг Америке. К концу войны европейские союзники были должны Америке около десяти миллиардов долларов, из которых английский долг составлял четыре миллиарда. С другой стороны, другие союзники, главным образом Россия, были должны нам семь миллиардов. В 1920 году Англия предложила аннулирование всех военных долгов. Для нас это означало бы, по крайней мере на бумаге, отказ примерно от семисот пятидесяти миллионов фунтов. Так как за это время деньги были обесценены наполовину, то сумму эту фактически можно удвоить. Соглашение не было достигнуто. 1-го августа 1922, еще при Ллойд-Джордже, Бальфур заявил в своей ноте, что Великобритания будет взыскивать с ее должников, союзников или бывших врагов, не больше того, что с нее взы-

скивает Америка. Это было достойное одобрения заявление. В декабре 1922 британская правительственная делегация была в Вашингтоне: в результате Англия согласилась выплатить весь свой долг Америке с понижением процентов с пяти на три с половиной и независимо от платежей ее должников.

Это соглашение глубоко озаботило многие осведомленные круги и больше всего самого премьер-министра. Сильно обедневшая вследствие войны, в которой она, как этому суждено было повториться, сражалась с первого дня до последнего, Великобритания обязывалась платить в течение 62 лет по тридцати пяти миллионов фунтов в год. Не только у нас, но и многими беспристрастными финансовыми авторитетами в Америке, основной принцип соглашения рассматривался как суровый и недальновидный и для должника и для кредитора. «Ведь они заняли деньги, разве нет?» — сказал президент Кулидж. Это лаконическое замечание было правильно, но вопроса не исчерпывало. Платежи между странами в форме передачи товаров и экономических услуг, а еще более в форме их плодотворного обмена, не только справедливы, но и полезны. Платежи, которые являются произвольным, искусственным превращением в другую валюту таких огромных сумм, которые образуются финансированием войны, не могут не дезорганизовать всего мирового хозяйства. Это одинаково верно, взыскиваются ли эти платежи со стороны, которая содействовала победе и выносила главные удары, или с побежденного врага. Проведение в жизнь соглашения Болдвина-Кулиджа о долгах было ясно различимым фактором в том экономическом потрясении, которое скоро должно было охватить мир, помешать его оздоровлению и разжечь его ненависть. Особенно трудно было платить долг Америке — стране, которая только что еще много выше подняла свои тарифы и скоро должна была хоронить в своих складах почти все золото, которое добывалось. Америка навязала аналогичные, но более мягкие условия другим европейским союзникам. Первым результатом было, что все стали нажимать на Германию.

Я был совершенно согласен с Бальфуровской нотой от 1922 года, и в свое время защищал ее. Став министром финансов, я ее повторил и соответственно действовал. Я думал, что, если Великобритания станет не только должником, но и взыскателем долгов для Соединенных Штатов, то нецелесообразность взыскания долгов станет для Вашингтона очевидной. Но такой реакции не было. Моя аргументация вызвала недовольство. Соединенные Штаты продолжали настаивать на получении ежегодных английских платежей.

На мою долю выпало таким образом заключить с другими союзниками соглашения, которые вместе с уже сниженными германскими платежами сделали бы для нас возможным каждый год выплачивать тридцать пять миллионов фунтов американскому казначейству. Самое сильное давление было оказано на Германию, и был установлен раздражающий режим международного контроля над немецкими внутренними делами. Соединенные Штаты получили от Англии три полных платежа, которые были взысканы с Германии в форме репараций согласно измененным планом Дауса нормам.

**
**

Почти пять лет я жил рядом с Болдвинным в доме № 11 на Даунинг-стрит и почти каждое утро, проходя через его часть дома к министерству финансов, я заходил к нему в его служебный кабинет, чтобы поговорить минут пять. Так как я был одним из его главных коллег, я нес свою долю ответственности за все, что происходило. Эти пять лет были отмечены очень значительным улучшением внутреннего положения. В этот период, когда год за годом в стране происходило заметное оздоровление, у власти было способное и уравновешенное правительство. Не было ничего сенсационного или спорного, чем хвастаться на избирательных собраниях, но по всякой мерке, экономической и финансовой, положение народных масс определенно улучшилось, состояние нации и мировое положение были менее напряженными и более плодо-

творными к концу нашего срока, чем в его начале. Это претензия скромная, но обоснованная.

В Европе политика правительства имела очень большое значение.

**
*

В Германии пришел к власти Гинденбург. В конце февраля 1925 умер Фридрих Эберт, лидер довоенной германской Социал-демократической партии и после поражения первый президент Германской республики. Надо было избрать нового президента. Все немцы в течение долгого времени росли под благожелательным деспотизмом, смягченным укоренившимися навыками свободы слова и парламентской оппозиции. Поражение принесло им на своих жалких крыльях демократические формы правления и свободы в их крайней форме. Но нация была разъединена и сбита с толка всем, через что она прошла, и много партий и групп боролись за преобладание и власть. В общем смятении возникло сильное желание обратиться к престарелому фельдмаршалу фон Гинденбургу, с достоинством проживавшему на покое. Гинденбург остался верен изгнанному императору и был сторонником восстановления имперской монархии «по английскому образцу». Это, конечно, было самым разумным, но и наименее популярным, что можно было сделать. Когда его стали убеждать выставить свою кандидатуру в президенты, согласно Веймарской конституции, он был глубоко потрясен. «Оставьте меня в покое», — повторял он много раз.

Однако давление было настойчивым, и в конце концов адмиралу фон Тирпицу удалось убедить его преодолеть свои сомнения и личные склонности и последовать призыву долга, которому он всегда повиновался. Оппонентами Гинденбурга были Маркс из партии католического центра и коммунист Тэльман. Вся Германия голосовала в воскресенье, 26-го апреля. Результаты обнаружили неожиданно незначительную разницу в числе голосов:

Гинденбург	14 655 766
Маркс	13 751 615
Тэльман	1 931 151

Гинденбург, который возвышался над своими соперниками своей славой и как кандидат против своей воли, то есть без личной заинтересованности, был выбран большинством меньше чем в один миллион и не получил абсолютного большинства всех голосов. Он сделал выговор своему сыну Оскару за то, что тот разбудил его в 7 часов, чтобы сообщить ему результат выборов. «Зачем тебе понадобилось будить меня на час раньше? Ведь и в 8 часов это будет так же верно». И с этими словами он снова улегся спать до своего обычного времени.

Во Франции избрание Гинденбурга сначала рассматривалось как возобновление германской угрозы. В Англии реакция была более спокойной. Так как я всегда хотел, чтобы Германия вновь обрела свою честь и самоуважение и забыла ожесточение военного времени, то я несколько не был обеспокоен. «Он — очень здравомыслящий старик», — сказал мне Ллойд-Джордж при нашей ближайшей встрече. И таким он, действительно, себя показал, пока его не оставили его способности. Даже некоторые из его самых ожесточенных противников вынуждены были признать, что «лучше нуль, чем Нерон»^{*}). Но как ни как ему было 77 лет, а он был избран на семь лет. Мало кто ожидал, что он будет избран еще раз. Он делал всё, что мог, чтобы быть нейтральным среди разных партий, и его президентство, без сомнения, давало Германии спокойную силу и утешение без угрозы ее соседям.

**

Тем временем, в феврале 1925 Германское правительство само обратилось к тогдашнему французскому премьер-министру Эррио. В его меморандуме было сказано, что Германия готова заявить о ее согласии на договор, которым заинтересованные в Рейне дер-

^{*}) Теодор Лессинг, убитый нацистами в сентябре 1933.

жавы, прежде всего Англия, Франция, Италия и Германия, примут на себя на длительный срок и с Соединенными Штатами, как гарантом, торжественное обязательство не вести войны против участников договора. Далее, Германия согласна на договор, специально гарантирующий сохранение территориального статуса на Рейне. Это было знаменательное событие. Французское правительство начало совещаться со своими союзниками. 5-го марта в Палате общин Остин Чемберлэн сообщил эту новость. Парламентские кризисы во Франции и в Германии замедлили процесс переговоров, но, после консультации между Лондоном и Парижем, 16 июня 1925 года французский посол в Берлине вручил германскому министру Штреземану формальную ноту. В ноте было сказано, что никакое соглашение не может быть достигнуто, если, как предварительное условие, Германия не вступит в Лигу Наций. В предлагаемом соглашении не может быть предложений изменить условия мирного договора. Бельгия должна быть включена в число участников договора; и, наконец, естественным дополнением Рейнского пакта было бы заключение франко-германского договора об арбитраже.

Позиция Англии обсуждалась в Палате Общин 24-го июня. Чемберлэн объяснил, что британские обязательства по договору будут относиться только к Западу. Франция, вероятно, оформит свои особые отношения с Польшей и Чехословакией, но Великобритания не возьмет на себя обязательств помимо тех, которые предусмотрены уставом Лиги Наций. Британские доминионы не проявили энтузиазма к Западному пакту. Генерал Смутс хотел избежать региональных соглашений. Канадцы были равнодушны, и только ново-зеландцы готовы были без оговорок присоединиться к точке зрения британского правительства. Тем не менее мы упорно продолжали начатое дело. Для меня выше всего была задача положить конец тысячелетнему раздору между Францией и Германией. Если бы только мы смогли так тесно связать галлов и тевтонов экономически, социально и морально, чтобы

устранить поводы для новых дразг, и дать вековому антагонизму отмереть в процессе осуществления обоюдного благополучия и взаимозависимости, Европа воспрянула бы вновь. Я думал, что высший интерес английского народа состоит в том, чтобы смягчить франко-германскую вражду, и что нет у нас других интересов такой же важности или противоречащих этой задаче. Это остается моим убеждением и сегодня. Остин Чемберлэн, как министр иностранных дел, обладал широтой взглядов, которая находила признание у всех партий, и весь кабинет поддерживал его единодушно. В июле Германия ответила на французскую ноту, приняв обусловленность Западного пакта ее вступлением в Лигу Наций, но указав на настоятельную необходимость соглашения об общем разоружении. Бриан приехал в Англию, где имело место продолжительное обсуждение Западного пакта и связанных с ним вопросов. В августе Франция, в полном согласии с Англией, ответила Германии. Первым и обязательным шагом должно быть вступление Германии в Лигу Наций без всяких оговорок. Германское правительство приняло это условие. Это означало, что условия договоров должны оставаться в силе, если или пока они не будут изменены по взаимному соглашению, и что не было дано никакого определенного обещания относительно сокращения союзных вооружений. Германское правительство не настаивало на таких выдвинутых вследствие сильного националистического давления и возбуждения требованиях, как устранение из мирного договора пункта об «ответственности за войну», оставление открытым вопроса об Эльзасе-Лотарингии и немедленная эвакуация союзными войсками Кельна. Они и не были бы удовлетворены союзниками. На этой основе 4-го октября была формально открыта Локарнская конференция. У тихих вод озера собрались делегаты Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Италии. Результатами конференции были: во-первых, договор о взаимной гарантии между пятью державами; во-вторых, договоры об арбитраже между Германией и Францией, Герма-

нией и Бельгией, Германией и Польшей, Германией и Чехословакией. В-третьих, особые соглашения между Францией и Польшей и Францией и Чехословакией, согласно которым Франция обязывалась оказать этим странам помощь в случае, если за крушением Западного пакта последовало бы непровоцированное вооруженное нападение. Таким образом, западно-европейские демократии согласились сохранять между собой мир при всех обстоятельствах и совместно выступать против того из них, кто нарушил бы договор и напал на братскую страну. Что касается Франции и Германии, то Великобритания торжественно обязалась прийти на помощь любой из них, которая стала бы жертвой непровоцированного нападения. Такое далеко идущее военное обязательство было принято Парламентом и получило горячее одобрение нации. Тщетно было бы искать в летописях истории что-либо параллельное такому обязательству.

Вопрос, было ли для Франции и Англии обязательно разоружение или уменьшение вооружений до определенного уровня, не был затронут. В качестве министра финансов я столкнулся с этой проблемой на ранней стадии ее обсуждения. Мое убеждение в виду этой двухсторонней гарантии было, что, поскольку Франция остается вооруженной, Германия же разоруженной, Германия ее атаковать не может, а с другой стороны, Франция никогда не атакует Германии, если это автоматически сделало бы Великобританию союзником Германии. Поэтому, хотя в теории представлялось опасным взять на себя обязательство участвовать на той или другой стороне в случае франко-германской войны, было очень мало вероятности, что такая катастрофа произойдет, и данное обязательство было лучшим средством ее предотвратить. Поэтому я всегда был в равной мере противником и разоружения Франции и вооружения Германии, так как это немедленно создавало бы гораздо большую опасность для Великобритании. В то же время, Великобритания и Лига Наций, вступление Германии в которую состав-

ляло часть соглашения, представляли для Германии реальную защиту. Так было создано состояние равновесия, при котором Великобритания, главным интересом которой было прекращение раздора между Францией и Германией, была в значительной мере посредницей и третейским судьей. Можно было надеяться, что это равновесие удержится двадцать лет, в течение которых вооружение союзников будет уменьшаться постепенно и естественным путем под влиянием долгого мира, растущего доверия и финансовых тягот. Было очевидно, что опасность возникнет, если Германия станет более или менее равной, а тем более, если она станет сильнее Франции. Но это казалось исключенным торжественными договорными обязательствами.

**
*

Локарнский договор имел в виду гарантию мира на Западе и можно было надеяться, что за ним последует, так называемое «Восточное Локарно». Мы были бы очень счастливы, если бы опасность будущей войны между Германией и Россией могла бы также быть контролирована в том же духе и подобными же мерами, как возможность войны между Германией и Францией. Но даже Германия Штреземана не была склонна отказаться от германских притязаний на востоке или примириться с территориальными условиями мирного договора относительно Польши, Данцига, Коридора и Верхней Силезии. Советская Россия таила мрачные мысли в своей изоляции за санитарным кордоном антибольшевистских государств. Хотя наши старания и продолжались, на востоке не было достигнуто никаких успехов. Я никогда не отказывался от мысли дать Германии известное удовлетворение в вопросе об ее восточных границах. Но в те короткие годы надежд случая для этого не представлялось.

**
*

Договор, явившийся в конце 1925 года результатом Локарнской конференции, вызвал большое ликование.

вание. Болдвин первым подписал его в министерстве иностранных дел. Министр иностранных дел, не имевший официальной квартиры, просил меня предоставить ему мою столовую на № 11 Даунинг-стрит для интимного дружеского завтрака с Штреземаном. Мы все встретились очень дружески и думали о том, какое чудесное будущее ожидает Европу, если ее самые сильные нации будут едины и будут чувствовать себя в безопасности. После того, как этот замечательный договор получил горячее одобрение Парламента, Остин Чемберлэн получил Орден Подвязки и Нобелевскую премию Мира. Его достижение было высшим пунктом возрождения Европы и открыло собой три года мира и благосостояния. Хотя старые антагонизмы только притихли и уже слышался барабанный призыв к новому сбору сил, мы имели право надеяться, что так солидно укрепленное основание откроет дорогу для дальнейшего движения вперед.

К концу срока второго правительства Болдвина европейское положение было таким спокойным, каким оно не было уже двадцать лет и каким оно не должно было стать еще по меньшей мере двадцать лет. После Локарнского договора и эвакуации Рейнской области французской армией и союзными контингентами значительно раньше срока, установленного в Версале, отношение к Германии было дружественным. Германия заняла место в Лиге Наций. Она быстро оживала под благожелательным влиянием американских и английских займов. Ее новые океанские пароходы завоевали Голубую Ленту Атлантического Океана. Ее международная торговля увеличивалась со стремительной быстротой, и благосостояние внутри страны укреплялось. Франция и ее система союзов в Европе также казалась вне опасности. Касающиеся разоружения статьи Версальского договора открыто не нарушались. Германский военный флот не существовал. Германская авиация была запрещена и еще не возродилась. В Германии было сильное течение, которое хотя бы по соображениям осторожности, отвергало мысль о войне, и германское высшее командова-

ние не верило, что союзники позволят Германии вновь вооружаться. Но, с другой стороны, нас ожидало то, что я позднее назвал «экономическим бураном». Об этом знали только немногие финансовые круги, которые хранили молчание о том, что они предвидели.

**
*

Всеобщие выборы в мае 1929 показали, что «колебание маятника» и нормальное желание перемены являются для британских избирателей могущественными факторами. Социалисты получили немногим больше мест, чем консерваторы. Либералы, имевшие около шестидесяти мест, занимали ключевую позицию, и было ясно, что под руководством Ллойд-Джорджа они, по крайней мере, в начале будут враждебны консерваторам. Болдвин и я были вполне согласны в том, что мы не должны стараться остаться у власти, как правительство меньшинства или зависящее от ненадежной поддержки либералов. Поэтому, хотя в кабинете и в партии были некоторые разногласия, Болдвин вручил Королю свою отставку. Мы все отправились в специальном поезде в Виндзор, чтобы сдать свои должности и 7-го июня Рамсэй Макдональд вторично стал премьер-министром во главе правительства меньшинства, зависящего от либералов.

**
*

Социалистический премьер хотел, чтобы новое рабочее правительство ознаменовало себя широкими уступками Египту, далеко идущими конституционными изменениями в Индии и новыми стараниями осуществить всеобщее, или во всяком случае британское, разоружение. Во всех этих вопросах он мог рассчитывать на поддержку либералов и благодаря этому располагать парламентским большинством. Тут начались мои разногласия с Болдвином, и это существенно изменило наши отношения, как они сложились во время совместной работы с тех пор, как пять лет до этого он выбрал меня своим министром финансов. Правда, мы попрежнему оставались в тесном личном кон-

такте, но мы оба знали, что думаем по-разному. Я считал, что консервативная оппозиция должна твердо противостоять рабочему правительству во всех имперских и национальных вопросах, должна, как во времена лорда Биконсфильда и лорда Салисбэри, отождествить себя с величием Великобритании и не должна избегать полемики, даже если она не будет встречать немедленное сочувствие народа. Болдвин находил, что времена слишком изменились для энергичного утверждения британского имперского величия. Он видел шансы Консервативной партии в ее соглашении с либералами и лейбористами и в искусных, в подходящее время производимых маневрах, чтобы оторвать от них могущественные течения общественного мнения и широкие слои избирателей. Он несомненно действовал с большим успехом. Он был самым выдающимся управляющим делами партии, которого консерваторы когда-либо имели. Как их лидер, он провел пять избирательных кампаний и три из них выиграл. По упомянутым выше основным проблемам вынесет приговор только история.

Прямой разрыв между нами произошел по вопросу об Индии. Премьер-министр при солидной поддержке и даже подталкиваемый консервативным вице-королем лордом Ирвином, впоследствии лордом Галифаксом, выдвинул план индийского самоуправления. В Лондоне состоялась чреватая большими последствиями конференция, центральной фигурой которой был Ганди, только что выпущенный из комфортабельного заключения. Здесь нет необходимости рассказывать подробности споров, происходивших во время парламентских сессий 1929 и 1930. Пункт разрыва в моих отношениях с Болдвином был достигнут по вопросу об освобождении Ганди для того, чтобы он мог представлять национальную Индию на Лондонской конференции. Он, видимо, был вполне удовлетворен ходом событий, был в общем согласен с премьер-министром и вице-королем и определенно вел консервативную оппозицию по этому пути. Я был убежден, что в конечном итоге мы потеряем Индию и что сами народы Ин-

дии будут подвергнуты неизмеримым бедствиям. Поэтому по истечении некоторого времени я по этому вопросу вышел из так называемого «Призрачного кабинета». 27-го января 1931 я писал Болдвину:

«Теперь, когда наши разногласия относительно индийской политики стали достоянием гласности, я чувствую себя больше не вправе посещать заседания Вашего делового комитета, на которые Вы до сих пор меня так любезно приглашали. Вряд ли мне нужно добавлять, что я буду делать все, что могу, чтобы поддерживать в Палате общин Вашу оппозицию социалистическому правительству и что я приложу крайние усилия, чтобы обеспечить его поражение на всеобщих выборах».

Почти до конца третьего квартала 1929-й год был под знаком перспективы и видимости растущего благоденствия, в особенности в Соединенных Штатах. Чрезвычайный оптимизм вызвал оргию спекуляции. Целые тома были написаны, чтобы доказать, что экономические кризисы были фазой развития, преодоленной ростом экономической организованности и наукой. «Мы, видимо, покончили и разделались с экономическими циклами, как мы их знали», — заявил в сентябре президент нью-йоркской биржи. Но в октябре внезапная и неистовая буря пронеслась над Уолл-стритом. Вмешательство самих влиятельных организаций не смогло сдержать волну панических продаж. Группа руководящих банков образовала фонд в миллиард долларов, чтобы поддержать и стабилизировать рынок. Все было напрасно.

Исчезло все богатство, так быстро накапливавшееся в бумажных ценностях предыдущих лет. Благосостояние миллионов американских семейств росло на гигантском здании инфляционного кредита, внезапно оказавшегося призрачным. Помимо охватившей всю нацию спекуляции ценными бумагами, которую даже самые солидные банки поощряли легко дававшимися займами, выросла обширная система покупок на выплату домов, домашней обстановки, автомобилей и бесчисленного множества предметов домашнего удобства и причуд. Все это теперь рухнуло. Мощные промышленные предприятия были захвачены общим смя-

тением и парализованы. Еще вчера существовала насущная проблема стоянок для автомобилей, на которых тысячи ремесленников и рабочих стали приезжать на место работы. Сегодня мучительные следствия падающей заработной платы и растущей безработицы поразили всё общество, которое до этого момента было занято самым активным созиданием самых разнообразных предметов потребления для миллионов. Американская банковая система была гораздо менее концентрирована и менее солидно фундирована, чем английская. Двадцать тысяч местных банков прекратили платежи. Средства обмена товарами и услугами между людьми были совершенно дезорганизованы, и крах на Уолл-стрите одинаково отозвался и в богатых и в бедных домах.

Не следует однако думать, что восхищавшая американский народ картина все растущих и все шире распространившихся богатства и жизненных удобств не имела за собой ничего, кроме самообмана и спекулятивного безрассудства. Никогда раньше ни в каком обществе не было произведено, распределено и обменено такое необозримое количество всякого рода благ. Нет предела тем благодеяниям, которыми люди могут наделять друг друга при наивысшем применении их трудолюбия и умения. Это дивное зрелище было разрушено и сметено бесплодными воображаемыми процедурами и жадностью к обогащению, которое своими размерами превзошло великие достижения. За биржевой катастрофой последовали в годы между 1929 и 1932 непрерывное падение цен и вызванное им сокращение производства, приведшее к огромной безработице.

Последствия этой дезорганизации хозяйственной жизни сказались во всем мире. Следствием безработицы и уменьшающегося производства было общее сокращение торгового оборота. Для защиты внутренних рынков были введены тарифные ограничения. Общий кризис повлек за собой денежные затруднения и парализовал международный кредит. Вследствие этого разорение и безработица распространились по

всему миру. После всех своих обещаний правительство Макдональда видело, как в течение 1930 и 1931 годов безработица поднялась с одного миллиона почти до трех. В Соединенных Штатах десять миллионов были без работы. Вся банковая система великой республики пришла в полное расстройство и была на некоторое время парализована. В результате подобные же бедствия постигли Германию и другие европейские страны. Все же в странах английского языка никто с голоду не умирал.

**
*

Для правительства или партии, принципиально враждебной капиталу, всегда трудно поддерживать доверие и кредит, которые так важны в чрезвычайно сложной экономике такого острова, как Великобритания. Рабоче-социалистическое правительство Макдональда было совершенно неспособно справиться со вставшими перед ним проблемами. Оно не могло добиться достаточной партийной дисциплины или найти в себе энергию даже для того, чтобы привести в равновесие бюджет. В таких условиях правительство, уже без того в меньшинстве и лишенное всякого доверия к его финансовой политике, не могло удержаться. Неспособность Рабочей партии противостоять буре, внезапное крушение британского финансового кредита и развал Либеральной партии с ее нездоровой ключевой позицией привели к национальной коалиции. Макдональд и его министр финансов, руководимые сильным патриотическим чувством, пытались повести за собой в эту комбинацию массу Рабочей партии. Болдвин, всегда довольный, когда другие занимают руководящее положение, если он держит в своих руках власть, был готов служить под началом Макдональда. Ллойд Джордж все еще оправлялся от серьезной для его возраста операции, и сэр Джон Саймон повел за собой большинство либералов в коалицию всех партий.

Я не был приглашен участвовать в коалиционном правительстве. С Болдвиним я политически разошелся.

ся по вопросу об Индии. Я был противником политики Рабочего правительства Макдональда. Как и многие другие, я считал национальную концентрацию необходимой. Но я не был ни удивлен, ни огорчен тем, что меня оставили вне ее. Во всё время кризиса я оставался в Каннах и занимался живописью. Я не могу сказать, что я сделал бы, если бы меня просили участвовать. Не стоит обсуждать гипотетические искушения, которые никогда не существовали. Правда, летом я говорил с Макдональдом об идее национального правительства, и он проявил некоторый интерес. Но мое положение на политической сцене было слишком неудобным. Я уже пятнадцать лет пробыл на министерских постах, а теперь был занят своей «Жизнью Мальборо». Политические драмы, когда они разыгрываются, очень волнуют тех, кто втянут в шум и водоворот политики, но я могу утверждать в соответствии с истиной, что я никогда не чувствовал раздражения, а тем менее страдания от того, что меня так определенно игнорировали в момент национального бедствия. Было однако одно неудобство. Во все годы с 1905 я сидел на том или другом из министерских мест и был в выгодном положении говорить из-за пюпитра, на который можно класть свои заметки, и более или менее успешно делать вид, что говоришь то, что приходит в голову во время речи. Теперь я не без труда нашел себе место на правительственной стороне ниже прохода, так, что должен был говорить с заметками в руках и мириться с этим, вступая в дискуссии с другими, хорошо известными бывшими министрами. Однако, время от времени ко мне обращались.

**

Образование нового правительства не прекратило финансового кризиса и, вернувшись из-за границы, я застал все неулаженным и в ожидании неизбежных всеобщих выборов. Приговор избирателей был достоин британской нации. Национальное правительство было образовано под председательством Рамсэя Макдональда, основателя Рабоче-социалистической партии. Оно представило народу программу сурового

воздержания и жертв. Это была первая версия «Крови, пота, труда и слез», но без стимула и требований войны и смертельной опасности. Должна была соблюдаться самая строгая экономия. У всех должны были быть сокращены заработная плата, жалованье или другие доходы. От народных масс требовали голосовать за режим самоотречения. Они ответили, как отвечают всегда, когда бывают охвачены порывом героизма. Хотя вопреки своим заявлениям, правительство отказалось от покрытого золотом обращения, и хотя Болдвин был вынужден прекратить, как оказалось навсегда, те самые платежи Америке, которые он в 1923 навязал правительству Бонар Лоу, доверие и кредит были восстановлены. Новое правительство получило подавляющее большинство. За Макдональдом, как премьер-министром, последовали только семь или восемь членов его партии, но из его противников и бывших сторонников в Рабочей партии в Парламент вернулось едва сто человек. Его здоровье и силы быстро падали, он все более дряхлел, но оставался на вершине Великойбританской системы в течение еще почти четырех судьбоносных лет. И очень скоро в эти годы появился Гитлер.

3.

ЗАТАЕННАЯ УГРОЗА

В моей книге “Aftermath” («Последствия») я записал некоторые из впечатлений четырех лет между перемирием и переменой правительства в Англии в 1922 году. Я писал в 1928 году, находясь под влиянием предчувствия грядущей катастрофы:

«Только на заре двадцатого столетия христианской эры война начала вступать в свои права, как возможный истребитель всего человечества. Организация человечества в государстве и империи и достижение нациями их полного коллективного сознания сделало возможным замышлять и выполнять смертоносные предприятия в таких размерах и с таким упорством, как никогда раньше нельзя было и во-

образить. Все благороднейшие качества индивидуумов были призваны усилить разрушительную способность масс. Прочные финансы, средства мирового кредита и обмена, накопление больших резервов капитала сделало возможным отвлекать на дело разрушения энергию целых народов на значительные периоды времени. Демократические учреждения дали выражение волевой энергии миллионов. Образование не только сделало развитие конфликта понятным для всех, но сделало каждого в отдельности в высокой степени пригодным для выполнения поставленной задачи. Печать предоставила средства единения и взаимного возбуждения. Религия, осторожно избегая конфликта по основным проблемам, беспристрастно предоставила свое ободрение и утешение всем сражающимся. Наконец, наука открыла безрассудным запросам людей свои сокровища и тайны и предоставила в их распоряжение силы и орудия почти решающего характера.

В результате обнаружилось много новых особенностей ведения войны. Вместо того, чтобы морить голодом укрепленные города, стали систематически подвергать или стараться подвергать вымиранию от голода целые нации. Все население стало в той или иной форме участвовать в войне, и все в равной мере стали предметом атак. Воздухоплавание открыло пути, по которым можно было нести смерть и ужас далеко за фронт действующих армий, к женщинам, детям, старикам, больным, ко всем, кто волей или неволей оставались нетронутыми в прежние войны. Чудодейственная организация железных дорог, судоходства и автомобильного транспорта позволила собирать и длительно удерживать в действии десятки миллионов людей. Медицинский уход и хирургия с их усовершенствованными методами снова и снова возвращали людей на место бойни. Из того, что могло содействовать процессу опустошения, ничто не трапилось попустому. Военная польза извлекалась из последнего умирающего. Но все, что имело место за четыре года Великой Войны, было только прелюдией к тому, что готовилось для пятого года. 1919 год увидел бы гигантское усиление средств разрушения. Если бы немцы сохранили достаточно боевой морали, чтобы выполнить их отход к Рейну, они были бы атакованы летом 1919 года силами и методами, неизмеримо более убийственными, чем применявшиеся до тех пор. Тысячи аэропланов разрушили бы их города. Десятки тысяч орудий дробили бы их фронт. Делались приготовления к тому, чтобы четверть миллиона солдат со всем их снаряжением одновременно двинулись на моторизованных средствах передвижения, делая десять или пятнадцать миль в час. Ядовитые газы невероятной злокачественности, против которых могли бы защитить только держав-

шиеся в секрете маски (которыми немцы не могли бы во время застать), удушили бы сопротивление и парализовали бы всю жизнь на подвергшемся атаке фронте. Немцы, без сомнения, тоже имели свои планы. Но час ярости миновал. Был дан сигнал к отдыху, и ужасы 1919-го года остались похороненными в архивах великих противников. Война кончилась так же внезапно и повсеместно, как она началась. Мир поднял свою голову и обзрел арену разрушения. И победители и побежденные вздохнули облегченно. Из сотен лабораторий, фабрик и бюро люди были выброшены как бы судорожным толчком и отвернулись от задач, которыми они были поглощены. Их проекты были оставлены незаконченными, невыполненными, но их знания сохранились; их данные, расчеты и открытия были собраны в связки и спрятаны «для будущих справок» военными ведомствами всех стран. Кампания 1919-го года не состоялась, но ее идеи находятся в движении. Под покровом мира они изучаются, разрабатываются, утончаются в каждой армии и, если войне еще раз суждено разразиться, она будет вестись оружием и методами не так, как они были приготовлены для 1919 года, а в усовершенствованном и усиленном виде, что делает их несравненно более ужасными и смертельными.

При таких обстоятельствах мы вступили в период истощения, который получил название Мира. Он дает нам по крайней мере возможность разобраться в положении вещей. Некоторые мрачные факты выступают отчетливыми, беспощадными, как очертания гор из рассеивающегося тумана. Теперь установлено, что все население будет участвовать в войне, все будут рабствовать до крайнего напряжения, все будут объектами ярости врага. Установлено, что нации, которые считают, что для них встал вопрос жизни, не будут воздерживаться ни от каких средств, чтобы обеспечить свое существование. Вероятно — нет, несомненно, — что среди находящихся в распоряжении средств будут орудия и методы массового разрушения, неограниченные, и, может быть, однажды пущенные в ход, уже не поддающиеся контролю.

Никогда раньше человечество не было в таком положении. Не улучшившись заметно в моральном отношении и лишенное мудрого руководства, оно впервые получило в свои руки орудия, которыми оно может безошибочно воспользоваться для самоистребления. К такому пункту человеческих судеб привели в конце концов все прославленные достижения и весь тяжкий труд людей. Им следовало бы задуматься над их новой ответственностью. Смерть стоит руки по швам, покорно выжидая, готовая служить, готовая косить целые народы; готовая, если ей прикажут, не-

поправимо разрушить все, что осталось от цивилизации. Она только ждет приказа. Она ждет его от хрупкого, ратерянного существа, которое долгое время было ее жертвой, а теперь — но только в одном случае — стало ее повелителем».

**
*

Это было опубликовано 1-го января 1929. Сегодня, в день Нового года, восемнадцать лет спустя, я не мог бы написать иначе. Все речи и действия, за которые я ответственен в период между двумя войнами, имели целью исключительно предотвращение Второй мировой войны; и, конечно, на случай, если случится худшее, обеспечить, чтобы мы выиграли или, по крайней мере, выжили. Вряд ли была когда-либо война, которую было бы легче предотвратить, чем этот второй Армагеддон. Я всегда был готов применить силу, чтобы противодействовать тирании или предотвратить катастрофу. Но, если бы наши британские, американские и союзные дела велись с нормальной последовательностью и здравым смыслом, как это принято в порядочных семействах, то не было бы нужды прибегать к силе, не подкрепляемой правом; тем более, что в правом деле сила может применяться без большого риска кровопролития. В своей нерешительности, в своем отказе даже от тех задач, которым они были преданы со всей искренностью, Англия, Франция и больше всего, вследствие своей колоссальной мощи и своей нейтральности, Соединенные Штаты, допустили постепенное накопление условий, которые привели именно к тому кульминационному пункту, которого они больше всего боялись. Им остается только повторить то же полное благих намерений, но близорукое поведение по отношению к новым проблемам, которые встают перед ними сегодня, странно напоминая прежние, и когда разразится третья судорога, после которой, может быть, никто уже не уцелеет, чтобы о ней рассказать.

**
*

Еще раньше, в 1925 г., я записал некоторые мысли технического характера, которые нельзя не вспомнить в наши дни:

«Не существуют ли методы применения взрывчатой энергии, неизмеримо более мощной, чем все, что было открыто до сих пор? Не возможно ли, что бомба величиной не больше апельсина, окажется обладающей тайной силой, достаточной, чтобы разрушить целый квартал домов — нет, чтобы сконцентрировать в себе взрывчатую силу тысячи тонн кордита и одним взрывом разрушить целое селение? Не могут ли даже взрывчатые снаряды существующего типа автоматически направляться в летающих машинах посредством радио или других лучей без управляющего человека, так, чтобы они, не переставая, падали на вражеский город, арсенал, военный лагерь или верфь?»

Что касается ядовитых газов и химического оружия во всех его видах, то написана только первая глава этой страшной книги. Каждый из этих методов разрушения, без сомнения, изучается по обеим сторонам Рейна со всей ученостью и усидчивостью, на которые способен человек. И почему мы должны думать, что эти возможности ограничиваются только неорганической химией? Изучение болезней — эпидемий, методически изготавливаемых и намеренно выпускаемых на людей и животных — несомненно производится в лабораториях не одной большой страны. Специальная болезнь, чтобы уничтожить урожай, сибирская язва, чтобы убивать лошадей и животных, чума, чтобы заражать не только армии, но целые области — вот по каким путям без угрызений совести движется военная наука».

Это было написано уже почти четверть века тому назад.

**
**

Вполне естественно, что побежденный в войне гордый народ будет стремиться возможно скорее снова вооружиться. Он будет соблюдать навязанные ему силой договоры лишь поскольку это неизбежно:

Он с легкостью отвергнет
Обеты, данные в жестокой и бесплодной муке.

Ответственность за соблюдение побежденным врагом постоянного военного разоружения лежит поэтому на победителях. Для этого они должны вести двойного рода политику. Во-первых, сами оставаясь достаточно вооруженными, они должны с неуклонной бдительностью и властно добиваться выполнения статей договора, запрещающих восстановление военной мо-

щи их недавнего противника. Во-вторых, они должны делать все возможное, чтобы примирить побежденную нацию с ее судьбой, достигая этого благожелательными мерами с целью обеспечить побежденной стране максимум благосостояния и всячески стараясь создать базис подлинной дружбы и взаимных интересов, чтобы этим постепенно уменьшить побудительные мотивы для того, чтобы снова взяться за оружие. В эти годы я сформулировал принцип: «Успокоение недовольства побежденных должно предшествовать разоружению победителей». Как мы увидим, Англия, Соединенные Штаты и Франция в значительной мере шли обратным путем. И к этому можно кое-что прибавить.

**
*

Формирование армии, охватывающей все мужское население могущественной нации, является огромной задачей. По предложению Ллойд-Джорджа, победоносные союзники ограничили численность германской армии ста тысячами человек и запретили всеобщую военную повинность. В результате эта вооруженная сила стала тем ядром и плавильным котлом, благодаря которым, если представится возможность, могла быть вновь сформирована миллионная армия. Эти сто тысяч человек были стами тысячами командиров. Раз будет решено увеличить армию, солдаты станут сержантами, сержанты офицерами. Тем не менее план Ллойд-Джорджа для предупреждения возрождения германской армии не был плохо задуман. Во время мира никакая иностранная инспекция не была в состоянии контролировать качество ста тысяч человек, которые были разрешены Германии. Но дело было не в этом. Только для того, чтобы оборонять границы Германии, требовалось три или четыре миллиона человек. Для того, чтобы создать национальную армию, которая могла бы сравниться с французской, и тем более стать сильнее ее, было необходимо не только готовить командный состав и воскрешать старые полки и другие воинские части, но нужна была всеобщая обязательная

служба каждой годичной квоты достигающих военного возраста мужчин. Добровольческие отряды, движения молодежи, увеличение кадров полиции, общества старых товарищей по оружию, всякого рода не официальные и прямо нелегальные организации, могли сыграть свою роль в переходный период. Но без всеобщей воинской повинности кости скелета никогда не смогли бы покрыться мускулами и жилами.

Таким образом, для Германии не было возможности создать армию, которая могла бы противостоять французской, без того, чтобы всеобщая повинность практиковалась в течение нескольких лет. Тут была граница, которую нельзя было перейти без явного и грубого нарушения Версальского договора. Всякого рода тайная, искусная, тщательная подготовка могла быть произведена заранее, но должен был наступить момент, когда нужно было перейти Рубикон и оказать открытое неповиновение победителям. Таким образом принцип Ллойд-Джорджа был правилен. Если бы он был проведен в жизнь с достаточной энергией и предусмотрительностью, Германия не смогла бы вновь выковать свою военную машину. Каждый призывной возраст, как бы хороша ни была предварительная подготовка, должен пробыть по меньшей мере два года в полковых или других воинских частях, и только после этого периода обучения было возможно формирование и накопление резервов, без которых современная армия немислима. Хотя ее мужское население было в ужасающей мере сокращено прошлой войной, Франция тем не менее сохранила непрерывную практику военного обучения ежегодных контингентов и перевода обученных солдат в запас, который охватывал всех боеспособных мужчин. Германии в течение пятнадцати лет не разрешалось образовывать подобный резерв. За все эти годы германская армия могла поддерживать и беречь ее воинский дух и традиции, но не могла и мечтать о соперничестве с длительным, непрерывным развитием вооруженной, обученной и организованной военной силы, которая естественно выливалась и накапливалась при французской военной системе.

Создателем ядра и структуры будущей германской армии был генерал фон Зект. Уже в 1921 Зект планировал тайно и на бумаге полностью возрожденную германскую армию, в то же время почтительно объясняясь с Межсоюзной высшей контрольной комиссией по поводу различных своих действий. Его биограф генерал фон Рабенау писал в победоносные дни 1940 г.: «Было бы трудно проделать работу 1935-39 гг., если бы от 1920 по 1934 центральные командные органы соответствовали потребностям только маленькой армии». Договор требовал, например, сокращения числа офицеров с тридцати четырех до четырех тысяч. Все способы были использованы, чтобы обойти этот роковой барьер, и, несмотря на все старания Межсоюзной контрольной комиссии, разработка планов для возрождения германской армии подвигалась вперед.

«Враг, — пишет биограф Зекта, — делал всё возможное, чтобы разрушить Генеральный штаб, и находил для этого поддержку политических партий в самой Германии. Межсоюзный контроль годами, и с его точки зрения правильно, добивался, чтобы обучение в штабах более крупных частей было настолько примитивным, чтобы формирование Генерального штаба было невозможным. Они старались самым энергичным образом попытаться, как обучаются офицеры Генерального штаба, но нам удалось не выдать ничего, ни системы, ни того, что преподавалось. Зект никогда не уступал, так как, если бы Генеральный штаб был разрушен, было бы трудно его снова создать... Хотя форму пришлось сломать, содержание было спасено».

Действительно, под видом работы в организациях для восстановления, исследовательских и культурных, несколько тысяч штабных офицеров в штатском со своими ассистентами были сосредоточены в Берлине, глубоко размышляя о прошлом и будущем. Рабенау дает яркое освещение тому, что происходило:

«Без Зекта сегодня (в 1940 г.) не было бы Генерального штаба в германском смысле, для формирования которого требуются поколения, и который не может быть создан в один день, как бы офицеры ни были талантливы и трудолюбивы. Чтобы обеспечить руководство при критических испытаниях, обязательно нужна непрерывность традиции.

Знаний и способностей отдельных лиц недостаточно. В войне необходимо органически развившееся умение большого числа людей, а для этого нужны десятилетия. В маленькой стотысячной армии без создания большой теоретической основы и генералы будут маленькими. В виду этого были введены большого масштаба практические упражнения или военные игры не столько для тренировки Генерального штаба, сколько для создания кадров высшего командного состава».

Эти последние окажутся способными мыслить военными понятиями большого масштаба.

Зект настойчиво добивался того, чтобы были избегнуты ошибочные доктрины, выведившиеся из личного опыта в Великой войне. Все уроки войны изучались тщательно и систематически. Были введены новые принципы военной подготовки и всякого рода курсы руководящего характера. Все существующие учебники были написаны заново не для стотысячной армии, а для вооруженной силы Германской империи. Чтобы сбить с толку надзирающих союзников, целые отделы этих учебников печатались особыми шрифтами и делались доступными читающей публике. Отделы, предназначенные для внутреннего употребления, держались в секрете. Главным принципом была необходимость самой тесной кооперации всех существенных видов оружия. Не только основные подразделения — пехота, моторизованная кавалерия и артиллерия должны были быть тактически связаны между собой, но и отряды пулеметчиков, автоматчиков, окопных мортир, противотанкового оружия и многие другие должны были быть слиты в единое целое. Проведением этого принципа германские военачальники объясняли их тактические успехи в кампаниях 1939 и 1940. С 1924-го года Зект мог чувствовать, что силы Германской армии медленно перерастали за стотысячный предел. В 1925 г. старый фельдмаршал фон Макензен поздравлял Зекта, как создателя Рейхсвера, и не без основания сравнивал его с Шарнгорстом, который в годы оккупации французами Германии после Иены приготовил прусскую контратаку против Наполеона. «Старый огонь продолжает гореть, и союзный кон-

троль не разрушил ни одного из постоянных элементов германской мощи».

Летом 1926 г. Зект провел самые обширные из своих военных упражнений для командных составов со штабами и сигналами. У него не было войск, но фактически все генералы, командующие офицеры и офицеры Генерального штаба армии были посвящены в искусство войны и его неисчислимые технические проблемы, как они стояли бы для такой германской армии, которая, когда придет время, снова могла бы поднять Германию до ее прежнего уровня.

В течение нескольких лет в небольшом масштабе практиковалось краткосрочное обучение солдат вне официальных формаций. Эти солдаты назывались «черными», т. е. нелегальными. С 1925 г. вся «черная» деятельность была централизована в министерстве Рейхсвера и финансировалась из средств государства. По выработанному Генеральным штабом в 1925 г. плану расширения и улучшения качества армии за установленные мирным договором пределы, предполагалось сначала удвоить, а затем утроить легально существовавшие семь пехотных дивизий. Но конечная цель Зекта была иметь минимум шестьдесят дивизий. Начиная с 1926 года, главным препятствием для этих планов было противодействие социалистического правительства Пруссии. Позднее оно было сметено. Только в апреле 1933 г. резервы стотысячной армии были официально превышены, но ее действительная сила уже до того неуклонно росла выше этого предела.

**
*

В атмосфере взаимного доверия и надежд, возникших после Локарно, английское и французское правительства приняли сомнительное, хотя и не непоправимое решение отозвать межсоюзную контрольную комиссию и вместо этого договориться о системе инспекции Лигой Наций, которая была бы готова вступить в действие по желанию какой-либо стороны. Предполагалось, что такого рода соглашение может быть дополнением Локарнского договора. Эти надеж-

ды не сбылись. Маршал Фош дал заключение, что действительное разоружение Германии было осуществлено; но что следовало иметь в виду, что разоружение 65-миллионной нации не может быть вечным, и что необходимы известные меры предосторожности. Тем не менее в январе 1927 г. контрольная комиссия была отозвана из Германии. Уже было известно, что немцы в прикрытой форме и по второстепенным пунктам допускают натяжки в толковании договора, и не было сомнения, что на бумаге они готовили планы, чтобы снова стать военной нацией. Имелись бойскауты, кадетские корпуса и многочисленные добровольческие невооруженные организации молодежи и ветеранов. Но ни в армии, ни во флоте нельзя было делать ничего в большом масштабе так, чтобы это не стало явным. Введение обязательной военной повинности, создание военной авиации или закладка военных судов сверх допущенной мирным договором нормы были бы открытым нарушением принятых Германией обязательств, и вопрос об этом мог бы быть поставлен в Лиге Наций, к которой Германия теперь принадлежала.

С воздушными силами положение было не так ясно. Договор запретил Германии иметь военную авиацию, которая и была официально упразднена в мае 1920 г. В прощальном приказе Зект выразил надежду, что она вновь возродится и что до того времени дух ее все же будет жить. И он всячески этому способствовал. Его первым шагом было создать внутри министерства Рейхсвера особую группу бывших авиационных офицеров, существование которой было скрыто от союзной комиссии и оберегалось от собственного правительства. Эта группа постепенно расширялась, пока внутри министерства не образовались «воздушные ячейки» в различных бюро и инспекциях, и пока авиационный персонал постепенно не проник в кадры армии. Отделом гражданской авиации руководил выбранный Зектом опытный офицер военного времени, который заботился о том, чтобы управление гражданской авиацией и ее развитие были в соответствии с военными потребностями. Этот отдел, как и общество

гражданского воздушного транспорта и различные замаскированные армейские или морские воздушные учреждения, имели в своем составе большое количество бывших летчиков-офицеров, не имевших понятия о коммерческой авиации.

Даже до 1924 г. в Германии уже имелись зачатки системы аэродромов, гражданские авиационные заводы, тренировка пилотов и подготовка противовоздушной обороны. Коммерческие воздушные сообщения представляли уже весьма внушительное зрелище, а создание сети клубов безмоторной авиации способствовало тому, что очень большое число немцев, как мужчин так и женщин, приобретали «авиационную психологию». Строгие ограничения персонала, которому было позволено летать, на бумаге соблюдались, но при попустительстве министерства путей сообщения Зект обходил эти правила, как и многие другие, и сумел заложить прочные основания для будущей военной авиации. В атмосфере 1926 г. союзники считали, что было бы оскорблением германской национальной гордости слишком усердно преследовать эти нарушения договора, и победители довольствовались тем, что в принципе германская военная авиация оставалась запрещенной. Эта граница оказалась очень неопределенной и призрачной.

Подобные же уловки практиковались и во флоте. По Версальскому договору Германия имела право сохранить лишь небольшой военный флот с персоналом, не превышающим пятнадцати тысяч человек. Это число было увеличено обходными путями. Морские организации были в замаскированном виде включены в гражданские министерства. Сооружения береговой обороны на Гельголанде и в других местах не были разрушены, как было предписано договором, и вскоре были заняты германскими морскими артиллеристами. Подводные лодки строились незаконно, а их офицеры и матросы тренировались в других странах. Все возможное делалось, чтобы сохранить императорский флот и готовиться к тому дню, когда он снова сможет открыто занять свое место на морях.

Значительный прогресс имел место также в другом решающего значения направлении. Ратенау, когда он в 1919 г. был министром восстановления, заложил в самом широком масштабе основы для восстановления германской военной промышленности. По существу он говорил генералам: «Они разрушили ваше оружие. Но эти виды оружия до следующей войны все равно устарели бы. В следующей войне будут сражаться совершенно новым оружием, и армия, не обремененная устаревшим вооружением, будет иметь большое преимущество».

Тем не менее во все годы контроля германские штабы упорно боролись за то, чтобы уберечь оружие от разрушения. Всяческие виды обмана и всяческие препятствия осложняли работу Союзной комиссии. Уклонение от выполнения обязательств стало совершенно организованным. Германская полиция, сначала мешавшая, стала затем помощницей Рейхсвера в образовании запасов оружия. Была образована мнимо гражданская организация для того, чтобы хранить запасы оружия и снаряжение. С 1926 года эта организация имела своих представителей по всей Германии, и существовала сеть всякого рода складов. Еще больше изобретательности было употреблено на то, чтобы создать машинное оборудование для будущего производства военного материала. Те станки, которые применялись в военном производстве и могли быть снова приспособлены для той же цели, были сохранены в мирной промышленности в гораздо большем количестве, чем это было нужно для обычного коммерческого производства. Вопреки договору, построенные для войны арсеналы не были ликвидированы.

Таким образом была проведена в жизнь общая схема, по которой многие старые фабрики и все новые, построенные с помощью американских и британских займов, были сразу планированы для быстрого приспособления к военным потребностям, и можно было бы написать целые томы об основательности и тщательности этого планирования. В 1922 г. Ратенау был зверски убит антисемитскими, в зародыше нацистски-

ми, тайными обществами, питавшими ненависть к этому еврею — верному служителю Германии. Прийдя к власти в 1929 году, Брюнинг усердно и осторожно продолжал то же дело. И в то время как победители почивали на массе устаревшего снаряжения, в Германии, год за годом, создавались огромные возможности производства новой амуниции

**
*

В 1919 г. Военный кабинет постановил, чтобы, как часть программы финансовой экономии, военные ведомства составляли свои сметы, исходя из того, что «в течение ближайших десяти лет Британская империя не будет участвовать в большой войне и что не будет надобности в экспедиционной армии». В 1924 году, став министром финансов, я просил Комитет обороны империи пересмотреть эту директиву, но предложение ее изменить сделано не было. В 1927 г. военное министерство предложило, чтобы постановление 1919 г. было продолжено только для армии на десять лет «от того времени». Это было одобрено Кабинетом и Комитетом обороны империи. Вопрос снова обсуждался 5-го июня 1928 г., когда я сделал предложение, которое и было принято, «что базисом для расчетов военных ведомств должно быть ожидание, что в течение десяти лет не будет большой войны, и что этот базис должен передвигаться со дня на день, но с тем, что принятое предположение должно каждый год пересматриваться Комитетом обороны империи». Каждому министерству и правительству каждого доминиона было предоставлено право поставить вопрос о пересмотре, если они сочтут это нужным.

Высказывалось мнение, что принятие этого принципа побудило министерства вооруженных сил успокоиться в ошибочной уверенности в безопасности, что поэтому была запущена исследовательская работа и что в особенности в вопросе о расходах целиком господствовали только представления о ближайшем будущем. До тех пор, когда в 1929 г. я покинул свой пост, я настолько надеялся на возможность сохранить мир,

что не видел оснований для какого-либо нового решения: события показали, что я не ошибался. Война не разразилась до осени 1939 г. Десять лет долгий срок в нашем шатком мире. Принцип десяти лет с передвижением со дня на день оставался в силе до 1932 г., когда 23-го марта правительство Макдональда правильно решило, что от него следует отказаться.

Всё это время союзники имели и силу и право предупредить видимое или осязаемое вооружение Германии, и Германия должна была бы подчиниться энергичному совместному требованию Англии, Франции и Италии согласовать свои действия с предписаниями мирного договора. Оглядываясь на историю восьми лет с 1930 до 1938 года, мы можем убедиться, как много у нас было времени. По меньшей мере до 1934-го года можно было предотвратить вооружение Германии, не потеряв ни одной человеческой жизни.

4.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

В октябре 1918 г. во время британской атаки около Комина один немецкий капрал был на время ослеплен хлористым газом. Пока он лежал в госпитале в Померании, поражение и революция пронеслись над Германией. Сын незаметного австрийского таможенного чиновника, он в юности мечтал стать великим художником. Не попав в Венскую Академию искусств, он жил в бедности сначала в Вене, потом в Мюнхене. Работая иногда маляром, а часто на случайной черной работе, он терпел физические лишения и таил в себе ожесточенное возмущение тем, что мир закрыл ему дорогу к успеху. Но неудачи не привели его в ряды коммунистов. С какой-то благородной извращенностью он все больше растил в себе ненормальное чувство расовой преданности, страстное и мистическое восхищение Германией и немецким народом. Когда

вспыхнула война, он нетерпеливо бросился к оружию и четыре года служил в баварском полку на Западном фронте. Такова была ранняя история Адольфа Гитлера.

В зиму 1918 г., когда он лежал слепой и беспомощный в госпитале, его несчастье казалось ему слившимся с бедствием всего немецкого народа. Ужас поражения, разрушение законности и порядка, торжество французов причиняли выздоравливающему полковому ординарцу страдание, поглотившее всё его существо, и вызвали в нем те зловещие и безудержные силы, которые могли означать для человечества или избавление или гибель. Крушение Германии, как ему казалось, нельзя было объяснить обыкновенными обстоятельствами. Где-то должно было быть гигантское и чудовищное предательство. Одинокий и замкнувшийся в самом себе молодой солдат взвешивал и измышлял возможные причины катастрофы, руководствуясь только своим собственным узким опытом. В Вене он вращался в крайне националистических кругах, и там он слышал о мрачной разлагающей деятельности другой расы, врагов и эксплуататоров Северного мира — об евреях. Его патриотический гнев слился с его завистью к богатым и успевающим в одну над всем господствующую ненависть.

Когда, наконец, как никому неизвестный пациент, он был выпущен из госпиталя, всё еще нося солдатскую форму, которой он гордился почти как школьник, какую картину увидели его снова открывшиеся глаза? Ужасны были судороги поражения. Вокруг него в атмосфере отчаяния и иступления сверкали очертания красной революции. Броневики носились по улицам Мюнхена, осыпая торопливых прохожих листовками или пулями. Его собственные товарищи, с вызывающими красными повязками на рукавах их мундиров, выкрикивали лозунги ярости против всего, что ему было дорого. Как во сне всё внезапно стало ясно. Германия была поражена в спину и истерзана евреями, барышниками и интриганамии позади линии фронта, проклятыми большевиками, участниками международно-

го заговора еврейских интеллигентов. Он увидел, как перед ним засиял его долг спасти Германию от этих язв, отомстить за причиненное ей зло и повести расу господ к ее издавна предрешенной судьбе.

Офицеры его полка, глубоко обеспокоенные мятежным и революционным настроением их солдат, были очень рады найти по крайней мере одного, который, видимо, оставался в корне здоровым. Капрал Гитлер хотел остаться мобилизованным и нашел себе занятие, как «офицер для политического воспитания» или агент. Под этим прикрытием он собирал информации о мятежных и революционных планах. Вскоре офицер, для которого он работал, поручил ему посещать митинги местных политических партий всех направлений. Как-то вечером в сентябре 1919 г. капрал пошел на собрание Германской рабочей партии в одной мюнхенской пивной и там он впервые услышал ораторов, которые в духе его собственных убеждений говорили против евреев, спекулянтов, «ноябрьских преступников», повергших Германию в бездну. 16-го сентября он вступил в эту партию и, в гармонии со своими воинскими обязанностями, стал участвовать в ее пропаганде. В феврале 1920 в Мюнхене состоялось первое массовое собрание Германской рабочей партии, на котором Гитлер играл доминирующую роль и изложил в двадцати пяти пунктах партийную программу. Теперь он стал политическим деятелем и открыл свою кампанию национального спасения. В апреле он был демобилизован, и расширение рядов партии поглотило его целиком. В середине следующего года он устранил первоначальных лидеров партии и своей страстью и гениальностью заставил загипнотизированных членов партии признать его личное руководство. Он уже был «Фюрер». Прозябавшая газета «Фелькишер беобахтер» была куплена, чтобы сделать ее органом партии. Коммунисты скоро распознали своего врага. Они пытались разгонять митинги Гитлера, и в конце 1921 г. он организовал первые отряды своих штурмовиков. До этого времени всё происходило в местном масштабе, в Баварии. Но при тяжести немец-

кой жизни в эти первые послевоенные годы то там, то здесь по всей Германии многие стали прислушиваться к новому обетованию. Ярость, вызванная в 1923 г. во всей Германии французской оккупацией Рура, принесла широкую волну приверженцев партии, называвшейся теперь Национал-социалистической. Обесценение марки разрушило основу существования германского среднего класса, из рядов которого многие в их отчаянии были завербованы в новую партию и нашли утешение в ненависти, жажде мести и пламенном патриотизме.

С самого начала Гитлер не оставлял сомнений в том, что путь к власти лежит через натиск с применением насилия против рожденной в позоре поражения Веймарской республики. К ноябрю 1923 г. «Фюрер» имел около себя сплоченную группу, в которой выделялись Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Эти люди действия решили, что пришел момент попытаться захватить власть в Баварии. Генерал Людендорф дал предприятию воинский престиж своего имени и маршировал в «путче» в первом ряду. До войны было принято говорить, что в «Германии не будет революции, потому что все революции строго запрещены». В данном случае это правило ожило у мюнхенских властей. Полиция стреляла, стараясь миновать генерала, который прямо промаршировал в ее ряды и был принят с почетом. Около двадцати демонстрантов было убито; Гитлер лег на землю и затем исчез вместе с другими лидерами. В апреле 1924 года он был приговорен к четырем годам тюремного заключения. Хотя германские власти восстановили порядок и суд присудил наказание, по всей стране было распространено чувство, что они преследуют собственную плоть и кровь и за счет самых верных сынов родины выполняют волю иностранцев. Гитлеру наказание было сокращено с четырех лет до тринадцати месяцев. Этих месяцев в ландсбергской тюрьме было, однако, для него достаточно, чтобы в основном закончить «Мою борьбу», — изложение его политической философии, посвященное павшим в недавнем «путче». Когда, наконец, он при-

шел к власти, не было книги более заслуживающей самого тщательного изучения политическими и военными правителями Союзных держав. Там было всё: программа возрождения Германии; техника партийной пропаганды; план борьбы против марксизма; концепция национал-социалистического государства; право Германии на положение во главе всего мира. Это был новый Коран веры и войны: напыщенный, многословный, бесформенный, но многозначительный своим пророчеством.

Главная идея «Моей борьбы» проста. Человек есть борющееся животное. Поэтому нация, как сообщество борцов, есть борющееся целое. Всякий живой организм перестающий бороться за свое существование, обречен на вымирание. Страна или раса, перестающая бороться, также обречена. Боеспособность расы зависит от ее чистоты. Отсюда необходимость очистить ее от чуждых примесей. Еврейская раса, вследствие своей универсальности, неизбежно является пацифистской и интернационалистичной. Пацифизм есть самый смертельный грех, потому что он означает капитуляцию расы в борьбе за существование. Поэтому первая обязанность каждой страны сделать массы проникнутыми национальным духом. Ум не имеет для индивидуума первостепенного значения, первыми качествами являются воля и решительность. Индивидуум, рожденный повелевать, более ценен, чем бесчисленные тысячи подчиняющихся натур. Только грубая сила может обеспечить выживание расы; отсюда необходимость ее милитаризации. Раса должна бороться; находящаяся в покое раса должна ослабеть и погибнуть. Если бы германская раса во-время объединилась, она уже господствовала бы над земным шаром. Новая Империя должна собрать в своих границах все германские элементы, рассеянные по Европе. Раса, потерпевшая поражение, может быть спасена восстановлением ее веры в себя. Прежде всего надо внушить армии веру в свою непобедимость. Чтобы восстановить германскую нацию, надо убедить народ, что свободу можно вернуть силой. Аристократический принцип имеет ос-

новное значение. Интеллектуализм нежелателен. Конечная цель воспитания формировать немца, который минимальной тренировкой может быть превращен в солдата. Величайшие перевороты в истории были бы немыслимы без движущей силы фанатических и истерических страстей. Ничего нельзя осуществить с помощью буржуазных добродетелей мира и порядка. Мир движется теперь к такому перевороту, и национал-социалистическое государство должно достичь того, чтобы раса была готова к последним и величайшим решениям на земле.

Внешняя политика не должна быть разборчивой в средствах. Задача дипломатии не в том, чтобы допустить героическую гибель нации, а в том, чтобы обеспечить ее существование и благосостояние. Только Англия и Италия являются возможными союзниками Германии: ни одна страна не заключит союза с трусливо пацифистским государством, управляемым демократами и марксистами. Пока Германия не заботится о самой себе, никто о ней заботиться не будет. Потерянные области нельзя вернуть ни торжественными обращениями к небу, ни благочестивыми надеждами на Лигу Наций, но только силой оружия. Германия не должна повторить ошибку одновременно сражаться против всех своих врагов. Она должна выделить самого опасного и обрушиться на него всеми своими силами. Мир перестанет быть противогерманским только тогда, когда Германия вернет себе равноправие и вновь займет свое место под солнцем. Во внешней политике Германии нет места для сентиментальности. Было бы нелепо напасть на Францию по чисто сентиментальным основаниям. Германия нуждается в расширении ее территории в Европе. Довоенная колониальная политика Германии была ошибкой и должна быть оставлена. Германия должна искать возможности расширения в России и в особенности в Балтийских государствах. Никакой союз с Россией недопустим. Было бы преступлением воевать вместе с Россией против Запада, потому что цель Советов — торжество международного иудейства.

**
*

Таковы были «гранитные столпы» его политики.

Непрерывная борьба и рост значения Адольфа Гитлера, как политической фигуры, были мало заметны победителям, слишком занятым и обеспокоенным их собственными трудностями и борьбой партий. Много времени прошло, пока национал-социализм или, как его стали называть, «партия наци» приобрела настолько сильное влияние на немецкие народные массы, армию, государственный аппарат и промышленников, не без основания испугавшихся коммунизма, что она стала в жизни Германии силой, с которой пришлось считаться во всем мире. Когда Гитлер в конце 1924 был освобожден из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать его движение.

**
*

Успех Гитлера и его теорий регистрировался вполне точно. В 1928 году он имел в Рейхстаге лишь двенадцать депутатов. В 1930 году их стало 130 и в 1932-м — 230. К этому времени вся структура Германии была пронизана активностью и дисциплиной Национал-социалистической партии. Всякого рода терроризирование населения, всяческие оскорбления и насилия против евреев приняли дикие размеры.

В нашем рассказе нет необходимости проследить год за годом это сложное и грозное развитие со всеми его страстями и низостями, его подъемами и падениями. Некоторое время потускневшие солнечные лучи Локарно еще продолжали светить над мировой сценой. Расходование обильных американских займов создавало впечатление возвращающегося благосостояния. Германию возглавлял фельдмаршал Гинденбург, и его министром иностранных дел был Штреземан. Морально устойчивое и порядочное большинство немецкого народа с его укоренившейся любовью к солидной и величественной власти держалось за него до его предсмертного дыхания. Но в выбитой из колеи нации, которой Веймарская республика не могла дать

ни уверенности в себе, ни удовлетворения национальной гордости или реванша, действовали также другие могущественные факторы.

За фасадом республиканских правительств и демократических учреждений, навязанных победителями и носящих клеймо поражения, реальной политической силой и прочной национальной структурой в Германии был в послевоенные годы Генеральный штаб Рейхсвера. Это он назначал и устранял президентов и кабинеты министров. Фельдмаршал Гинденбург был символом власти генералов и исполнителем их воли. Но в 1930 ему было уже 83 года. Во время войны была сооружена огромная статуя фельдмаршала, и патриоты могли демонстрировать свое почитание, платя за гвозди, которые они вбивали в статую. Это прекрасная иллюстрация того, чем он теперь стал — «Деревянным титаном». С некоторого времени генералам было ясно, что нужно найти подходящего преемника престарелому фельдмаршалу. Поиски нового человека были однако осложнены бурным ростом и усилением национал-социалистического движения. После неудачи «путча» в Мюнхене, Гитлер провозгласил программу строгой легальности в рамках Веймарской республики. Однако в то же время он поощрял и сам готовил расширение военных и построенных по военному образцу организаций нацистской партии. Сначала очень незначительные С.А., штурмовые отряды или «Коричневые рубашки» с их небольшим дисциплинированным ядром С.С., росли численно и усиливали свою энергию в такой мере, что Рейхсвер стал с большим беспокойством смотреть на их деятельность и потенциальную силу.

Во главе немецких штурмовых отрядов стоял немецкий солдат-авантюрист Эрнст Рем, товарищ и близкий друг Гитлера во все годы борьбы. Рем, начальник штаба С.А., был человеком испытанных способностей и мужества, но целиком во власти личного честолюбия и сексуально извращенный. Его пороки не препятствовали Гитлеру сотрудничать с ним на всем трудном и опасном пути к власти. Как жаловался Брюнинг,

штурмовые отряды поглотили большую часть таких старых германских националистических организаций, как «вольные корпуса», которые в двадцатых годах сражались против большевиков в Балтике и Польше, а также националистическую организацию ветеранов или «Стальной шлем» (Штальхелм).

Тщательно обдумывая значение тех волн, которые разливались по Германии, Рейхсвер, хотя и очень неохотно, всё же пришел к заключению, что, как военная каста и организация, враждебная нацистскому движению, он больше не смог бы сохранять свое господствующее положение. Общей для Рейхсвера и для наци была решимость поднять Германию из бездны и отомстить за ее поражение, но в то время как Рейхсвер отражал упорядоченную структуру старой империи и был прибежищем для феодальных, аристократических, землевладельческих и состоятельных классов немецкого общества, С.А. в большой мере превратились в революционное движение, разжигаемое недовольством мятежников по натуре или вследствие ожесточения и отчаяния разоренных людей. От большевиков, которых они поносили, они отличались не больше, чем северный полюс от южного.

Для Рейхсвера враждовать с нацистской партией значило бы раздирать на части побежденную нацию. В 1931-м и 1932 гг. вожди армии чувствовали, что в собственных интересах и в интересах страны, они должны поддержать тех, против кого в вопросах внутреннего устройства страны они были настроены совсем немецким отсутствием гибкости и присущей суровостью. Со своей стороны Гитлер, хотя и был готов использовать любой таран, чтобы проникнуть в цитадель власти, всегда мечтал для себя о верховной роли в великой и блистательной Германии, которая была предметом восхищения и преданности его юношеских лет. Таким образом условия для соглашения были естественны для обеих сторон. Постепенно вожди армии поняли, что нацистская партия приобрела в стране такую силу, что Гитлер является единственным возможным преемником Гинденбурга в качестве главы

германской нации. Со своей стороны Гитлер знал, что союз с правящей элитой Рейхсвера был необходим для осуществления его программы возрождения Германии. Сделка была заключена, и вожди армии начали убеждать Гинденбурга смотреть на Гитлера, как на возможного имперского канцлера. Таким путем, согласившись ограничить активность «Коричневых рубашек», подчинить их Генеральному штабу и в конце концов, если это будет неизбежно, распустить их, Гитлер приобрел поддержку руководящих сил нации, официальное влияние на исполнительную власть и как бы наследственное право на возглавление германского государства. Капрал зашел далеко.

**
**

Было однако внутреннее осложнение особого рода. Если ключом к господствующей комбинации германских внутренних сил был Генеральный штаб, то к этому ключу тянулось несколько рук. В то время генерал Курт фон Шлейхер пользовался неуловимым, но в некоторых случаях решающим влиянием. Он был политическим ментором замкнутого круга военных, имевшего шансы приобрести доминирующее значение. Все группы и партии относились к нему с известной долей недоверия. Его считали искусным и полезным политическим дельцом, который имел много знаний, выходящих за пределы учебников Генерального штаба и обычно военным недоступных. Шлейхер давно уже был убежден в значении нацистского движения и в необходимости его сдерживать и держать под контролем. С другой стороны, он видел в этом грозном напоре черни с ее постоянно растущей частной армией С.А. также орудие, которое под правильным руководством его товарищей по Генеральному штабу может восстановить величие Германии и даже, может быть, дать величие ему лично. С таким намерением Шлейхер в течение 1931 года начал тайно сговариваться с Ремом, начальником штаба штурмовых отрядов. Таким образом происходил двойной процесс:

Генеральный штаб устраивал свое соглашение с Гитлером, а принадлежавший к нему Шлейхер имел свой личный заговор с Ремом, главным помощником Гитлера, мнившим себя его соперником. Отношения Шлейхера с революционными элементами нацистской партии и в частности с Ремом продолжались до тех пор, пока оба они спустя три года не были убиты по приказу Гитлера. Это, без сомнения, упростило политическое положение, а также положение тех, кто остался в живых.

**

*

Тем временем экономический буран захватил и Германию. Американские банки в виду увеличения их обязательств в собственной стране отказывались увеличивать их рискованные займы Германии. Это привело к закрытию большого количества фабрик и внезапному банкротству многих предприятий, на которых зиждилось мирное возрождение Германии. Зимой 1930 года число безработных в Германии достигло 2.300.000. В то же время репарационный вопрос вступал в новую фазу. В предыдущие три года американский представитель в Репарационной комиссии Юнг контролировал германские бюджеты и собирал большие репарационные платежи, включая платежи Англии, которые я автоматически переправлял в казначейство Соединенных Штатов. Было очевидно, что эта система не могла дольше существовать. Уже летом 1929 года Юнг задумал, предложил и провел в Париже значительно смягченную схему, которая не только устанавливала предельный срок, до которого должны были продолжаться платежи, но также устраняла союзный контроль над Государственным банком и железными дорогами и упраздняла Репарационную комиссию с передачей ее функций Банку международных расчетов. Гитлер и его национал-социалистическое движение объединились с промышленными и торговыми кругами, представляемыми и в известной мере руководимыми бурной и неустойчивой фигурой коммерческого магната Гугенберга. Тщетная, но ярост-

ная кампания поднялась против далеко идущего и благожелательного облегчения, предложенного союзниками. Германскому правительству крайними усилиями удалось получить для «Плана Юнга» согласие Рейхстага большинством всего 224 голосов против 206. Министр иностранных дел Штреземан, который был уже умирающим человеком, достиг своего последнего успеха в виде соглашения о полной эвакуации Рейнской области союзниками задолго до установленного мирным договором срока.

Но немецкие массы в своем большинстве отнеслись безразлично к этим большим уступкам победителей. Раньше или при более благоприятных обстоятельствах эти уступки приветствовались бы как крупные шаги на пути к соглашению и возвращению к подлинному миру. Но теперь все затмевалось постоянным страхом немецких масс перед грозящей безработицей. Средние классы уже были разорены и привлечены на сторону политики насилия «бегством от марки». Внутренняя политическая позиция Штреземана была подорвана международными экономическими трудностями, и яростные нападки гитлеровских наци и гугенбергских магнатов капитала привели к его свержению. 28-го марта 1930 года канцлером стал лидер католической партии Центра Брюнинг.

**

Брюнинг был католиком из Вестфалии и патриотом, стремившимся воссоздать прежнюю Германию в демократическом облачении. Он последовательно продолжал подготовку промышленности для войны по схеме, изобретенной Ратенау до его убийства. Он также должен был бороться за сохранение устойчивых финансов среди растущего хаоса. Его программа экономии, сокращения числа чиновников и жалований не была популярна. Волны ненависти разливались все более бурно. Получив поддержку президента Гинденбурга, Брюнинг распустил враждебный ему Рейхстаг, и выборы 1930 года дали ему большинство. Он сделал по-

следнее, заслуживающее внимания усилие, чтобы собрать все, что оставалось от старой Германии против возобновившейся яростной и низменной националистической агитации. С этой целью он прежде всего решил обеспечить переизбрание Гинденбурга как президента. Брюнинг стремился к новому, но очевидному решению. Он видел успокоение, безопасность и славу Германии только в восстановлении империи. Но удастся ли ему убедить престарелого фельдмаршала, если и когда он будет переизбран, в последний период своего президентства действовать как регент для монархии, которая будет восстановлена после его смерти? Если бы эта политика удалась, она заполнила бы пустоту в возглавлении германской нации, к которому явным образом шел Гитлер. При всех обстоятельствах это была правильная линия. Но как мог Брюнинг привести к ней Германию? Консервативные элементы, которые тяготели к Гитлеру, могли быть привлечены реставрацией кайзера Вильгельма; но ни социал-демократы, ни профессиональные союзы не потерпели бы реставрации Второй Империи. Он хотел конституционной монархии по английскому образцу. Он надеялся, что один из сыновей кронпринца мог быть подходящим кандидатом.

В ноябре 1931 года он посвятил в свои планы Гинденбурга, от которого всё зависело. Реакция престарелого фельдмаршала была и очень бурной и своеобразной. Он был поражен и возмущен. Он заявил, что считает себя только поверенным кайзера. Всякое другое предложение является оскорблением его воинской чести. Его глубокие монархические убеждения несоместимы с подыскиванием и выбором среди принцев императорского дома. Принцип легитимности не должен быть нарушен. Пока же, раз Германия не допустит возвращения кайзера, не остается ничего другого, кроме него, Гинденбурга. На этом он стоит. Для него нет компромиссов! “J’y suis, j’y reste”*) Брюнинг энергично и, может быть, слишком долго спорил со старым ве-

*) Я здесь и здесь останусь.

тераном. У него была сильная позиция. Если Гинденбург не примет хотя бы не правоверное с точки зрения монархической решение, то придет революционная диктатура нацистов. Соглашение не было достигнуто. Но смог бы или нет Брюнинг переубедить Гинденбурга, повелительной необходимостью было переизбрание Гинденбурга, чтобы по крайней мере предотвратить немедленное политическое крушение германского государства. В этой части план Брюнинга удался. В марте 1932 года Гинденбург был переизбран на втором голосовании, получив большинство против своих соперников, Гитлера и коммуниста Тэльмана. Теперь надо было заботиться об экономическом положении Германии и ее отношениях с Европой. В Женеве заседала конференция по разоружению, а Гитлер вел оглушительную кампанию против версальского унижения Германии.

Тщательно обдумав, Брюнинг составил план далеко идущего пересмотра мирного договора; в апреле 1932 года он поехал в Женеву и нашел там неожиданно благожелательный прием. В его разговорах с Макдональдом, Стимсоном и Норман Дэвисом казалось, что соглашение может быть достигнуто. Неожиданным базисом для него был доступный различным толкованиям принцип «равенства вооружений» Германии и Франции. Как будет объяснено в следующих главах, можно было только удивляться, что кто-либо в здравом уме мог вообразить, что мир может быть построен на таком основании. Если бы победители уступили в этом решающего значения пункте, то это могло бы освободить Брюнинга от его трудностей; тогда следующим — и единственным разумным — шагом была бы отмена репараций ради возрождения Европы. Такое решение, конечно, подняло бы Брюнинга до положения триумфатора.

Норман Дэвис, американский посол, не прикрепленный к определенной стране, телефонировал французскому премьеру Тардьё, прося его немедленно приехать из Парижа в Женеву. Но, к несчастью для Брюнинга, у Тардьё была другая информация. Шлейхер

был активен в Берлине и только что предостерег французского посла от переговоров с Брюнингом, который находился накануне своего падения. Вполне возможно, что Тардьё был также озабочен тем, каково будет военное положение Франции при формуле «равенства вооружений». Так или иначе, но Тардьё в Женеву не приехал, и Брюнинг 1-го мая вернулся в Берлин. Вернуться в такой момент с пустыми руками было для него гибелью. Чтобы справиться с грозящей Германии экономической катастрофой, нужны были чрезвычайные и даже отчаянные мероприятия, для которых не пользующееся популярностью правительство Брюнинга не имело необходимой силы. Он еще боролся весь май, а тем временем в калейдоскопе французской парламентской политики Эррио сменил Тардьё.

Новый французский премьер выразил готовность обсуждать формулы, выработанные в женевских переговорах. Норман Дэвис получил инструкцию настаивать, чтобы германский канцлер без малейшего промедления ехал в Женеву. Брюнинг получил это послание утром 30-го мая. Но тем временем влияние Шлейхера возобладало. Гинденбурга уже убедили уволить Брюнинга. В то же утро, когда американское приглашение со всеми его надеждами и его рискованностью дошло до Брюнинга, он узнал, что его судьба была решена, и около полудня он подал в отставку, чтобы избежать прямого увольнения. Так кончилось последнее правительство послевоенной Германии, которое могло привести немецкий народ к обладанию прочной и культурной конституцией и открыть возможность мирного общения с соседями. Предложения, которые союзники сделали Брюнингу, без сомнения, спасли бы его, если бы не было интриги Шлейхера и промедления Тардьё. Теперь эти предложения должны были обсуждаться с другой системой и с другим человеком.

5.

ГОДЫ САРАНЧИ*)

1931-35 гг.

Правительство, образованное в результате выборов 1931 г., было по видимости одним из самых сильных, а на деле одним из самых слабых в истории Англии. Его премьер-министр Рамсэй Макдональд порвал при крайнем ожесточении обеих сторон с Социалистической партией, создание которой было делом его жизни. После этого он пассивно держался во главе правительства, которое, называясь национальным, фактически было целиком под господством консерваторов. Болдвин предпочитал сущность власти ее форме и спокойно правил, оставаясь на заднем плане. Министром иностранных дел был сэр Джон Саймон, один из лидеров тех либералов, которые примкнули к коалиции. Во внутренней политике главную работу выполнял Невиль Чемберлэн, скоро сменивший Сноудена в качестве министра финансов. Лидером рабочей партии, ответственным за ее несостоятельность перед лицом финансового кризиса, был потерпевший на выборах тяжелое поражение, крайний пацифист Джордж Лэнсбюри. В течение почти пяти лет существования этого правительства, с января 1931 по ноябрь 1935, положение на европейском континенте изменилось коренным образом.

**

Когда новый парламент впервые собрался, правительство потребовало вотум доверия его индийской политике. Я внес следующую поправку:

«При условии, что ничто в этой политике не будет для Палаты обязательством ввести в Индии конституцию доминиона, как она определена Вестминстерским статутом... И что в данном положении вопрос о самоуправлении в Индии не должен уменьшать ответственность, которую в ко-

*) Спустя четыре года сэр Томас Инскип, министр для координации обороны, хорошо знавший Библию, применил к этим мрачным годам, наследие которых он получил, выразительную фразу из пророка Иоила: «Годы, которые ела саранча».

нечном счете Парламент несет за мир, порядок и качество администрации в Индийской империи».

По этому поводу я говорил целых полтора часа, и меня внимательно слушали. Но по этому вопросу, как позднее по вопросу об обороне, что бы ни говорилось, не имело ни малейшего значения. На этом отдаленном восточном пути мы достигли теперь ужасающего завершения в виде избиения сотен тысяч несчастных людей, не желавших ничего кроме возможности зарабатывать на жизнь в мирных и справедливых условиях. Я позволил себе сказать неосведомленным членам всех партий:

«Когда британский авторитет временно падает, старая ненависть между мусульманами и индусами оживает с новой силой и озлоблением. Нам не легко себе представить, как сильна эта ненависть. В Индии имеется множество соседей, людей, живших всю свою жизнь в самой тесной близости, которые, если ими овладевают их страсти, будут рвать друг друга на части собственными руками — мужчин, женщин и детей. За сто лет отношения между мусульманами и индусами не были так отравлены, как они стали с тех пор, как создалось мнение, что Англия теряет свою власть и готова уйти со сцены, если от нее этого требуют».

Мы собрали немногим больше сорока голосов против всех трех партий Палаты общин. Это должно быть отмечено, как печальная веха на пути упадка.

**

Тем временем вся Германия была охвачена возбуждением, и надвигались большие события.

Многое произошло за год, последовавший за падением правительства Брюнинга в мае 1932 г. Папен и его генерал-политик Шлейхер до известного времени пытались править Германией посредством ловкости и интриг. Но время для этого уже прошло. Папен, который сменил Брюнинга в качестве канцлера, надеялся править, пользуясь поддержкой окружения Гинденбурга и крайней националистической группировки в Рейхстаге. 20-го июля был сделан решительный шаг. Социалистическое правительство Пруссии было насильственно устранено. Когда прусский министр-пре-

зидент заявил, что он подчинится только физической силе, его спросили: «Силу скольких людей Вы желаете?» И он был силой уведен от своего стола. Но соперник сам стремился к власти. По расчету Шлейхера, его орудием должны были стать скрытые темные силы, которые врывались в германскую политику под прикрытием растущего значения Адольфа Гитлера и его имени. Шлейхер надеялся превратить гитлеровское движение в покорных служителей вождей рейхсвера и таким образом подчинить себе и тех и других. Завязавшийся в 1931 г. контакт между Шлейхером и вождем нацистских штурмовиков Ремом в следующем году был расширен до установления определенных отношений между Шлейхером и самим Гитлером. Каждый из них считал, что для него путь к власти загражден только Папеном и доверием, которое питает к нему Гинденбург.

В августе Гитлер прибыл в Берлин по неофициальному приглашению президента. Казалось, что наступил момент сделать шаг вперед. За Фюрером стояли тринадцать миллионов немецких избирателей. По его требованию он должен был получить важнейшую долю власти. Он был в некоторой степени в положении Муссолини накануне марша последнего на Рим. Но Папен не считался с историей Италии. Он пользовался поддержкой Гинденбурга и не намеревался подавать в отставку. Старый фельдмаршал увидел Гитлера, который не произвел на него впечатления. «Этот человек в роли канцлера? Я назначу его почтмейстером, и он может лизать марки с изображениями моей головы». В придворных кругах у Гитлера не было такого влияния, как у его соперников.

В стране массы избирателей были в возбуждении и растерянности. В ноябре 1932 выборы были произведены пятый раз в течение одного года. Наци потеряли голоса и получили 196 вместо прежних 230 мест, разницу получили коммунисты. Для торга позиция Гитлера стала слабее. Может быть, в конце концов Шлейхер сможет обойтись и без него. Генерал приобрел большое расположение в кругу советников Гин-

денбурга. 17-го ноября Папен подал в отставку, и канцлером вместо него стал Шлейхер. Но оказалось, что новый канцлер был более способен держать нити в руках из-за кулис, чем стоя на вершине власти. Он ссорился со слишком многими. Теперь Гитлер вместе с Папеном и националистами объединились против него; а коммунисты, борясь против наци на улицах и против правительства посредством забастовок, помогали делать его правление невозможным. Папен пользовался своим личным влиянием, чтобы давить на Гинденбурга. Не будет ли в конце концов лучше всего усмирить Гитлера, возложив на него ответственность и бремя правительственной власти? Неохотно, но Гинденбург, наконец, согласился. 30-го января 1933 года Адольф Гитлер вступил в должность канцлера Германии.

Вскоре все, кто хотел или был способен противиться «Новому порядку», почувствовали на себе руку повелителя. 2-го февраля были запрещены все митинги и демонстрации коммунистической партии, и во всей Германии начались облавы с целью отобрания принадлежавшего коммунистам оружия. Высшая точка была достигнута вечером 27-го февраля. Загорелось здание Рейхстага. Были вызваны «Коричневые рубашки», «Черные рубашки» и их вспомогательные отряды. За ночь было арестовано четыре тысячи человек, в том числе центральный комитет коммунистической партии. Проведение этих мероприятий находилось в руках Геринга, ставшего прусским министром внутренних дел. Они служили подготовкой к предстоящим новым выборам и обеспечили поражение коммунистов, бывших самой сильной оппозицией нового режима. Организация избирательной кампании была делом Геббельса, у которого для этого не было недостатка ни в умении, ни в усердии.

21-го марта 1933 г. Гитлер открыл в гарнизонной церкви в Потсдаме, около гробницы Фридриха Великого, первый рейхстаг Третьей Империи. В главном корабле церкви сидели представители рейхстага, символ преемственности германского могущества, и стар-

шие офицеры С.А. и С.С., новые люди возрождающейся Германии. 24-го марта большинство рейхстага, подавив или запугав всякую оппозицию, 441 голосом против 94 дало Гитлеру на четыре года неограниченные чрезвычайные полномочия. Когда результат был объявлен, Гитлер повернулся к скамьям социалистов и крикнул: «Теперь вы мне больше не нужны».

Среди созданного выборами возбуждения ликующие колонны национал-социалистов маршировали по улицам Берлина мимо Фюрера, по-язычески чувствуя его факельным шествием. Это была долгая борьба, которую трудно было понять иностранцам — в особенности тем, кто не знал мук поражения. Наконец, явился Адольф Гитлер. Но он был не один. Из пучин побежденного народа он вызвал мрачных и диких фурий, таившихся в самой многочисленной, самой трудолюбивой, необузданной, противоречивой и злополучной нации Европы. Он вызвал к жизни грозных идолов всепожирающего Молоха, жрецом и воплощением которого он был. В мою задачу не входит описывать невообразимую грубость и низость, с которыми был сформирован этот аппарат ненависти и тирании, и как он еще был усовершенствован. Для нашей цели необходимо только показать читателю новый и страшный факт, обрушившийся на недвижно недоумевающий мир: Германия во власти Гитлера и Германия вооружающаяся.

**

В то время, как в Германии происходили эти роковые перемены, правительство Макдональда считало себя обязанным проводить в жизнь строгие сокращения и ограничения, которые финансовый кризис вынудил применить к нашим и без того скромным вооружениям. Оно упорно закрывало глаза и уши на тревожные симптомы в Европе. В своем страстном желании добиться такого же разоружения победителей, какое Версальским договором было предписано в отношении побежденных, Макдональд и его консервативные и либеральные коллеги старались провести ряд предложений как через Лигу Наций, так и всяким другим до-

ступным им путем. Но французы, хотя их внутреннее положение продолжало постоянно меняться и все время было в не очень осмысленном движении, упорно держались за свою армию, как центр и опору для жизни Франции и всех ее союзников. За это они получали выговоры как из Англии, так и из Соединенных Штатов. Мнения печати и публики ни в какой мере не базировались на реальности: но неблагоприятное течение было сильно.

Когда в мае 1932 г. все партии в Палате Общин восхваляли благодеяния разоружения, министр иностранных дел нашел новый подход в виде классификации оружия, которое должно быть разрешено или запрещено. Он назвал это «качественным разоружением». Легче было разоблачить заблуждение, чем убедить членов Палаты. Я говорил:

«Министр иностранных дел сказал, что трудно разделить разные виды оружия на наступательную и оборонительную категорию. Это, конечно, так, потому что почти каждое мыслимое оружие может быть применено и в обороне и в нападении; или агрессором или невинной жертвой его нападения. Чтобы сделать нападение более трудным, тяжелая артиллерия, танки и ядовитые газы отнесены в зловредную категорию наступательного оружия. Но нападение Германии на Францию в 1914 г. достигло своей высшей точки без применения этих видов оружия. Тяжелое орудие должно быть охарактеризовано как «наступательное оружие». Но в крепости оно вполне законно, там оно добродетельно и миролюбиво по своему характеру. Но перенесите его в поле — и, конечно, когда это понадобится, оно будет перенесено в поле, — и оно сразу становится дурным, грешным, милитаристским и должно быть под запретом во имя цивилизации. Возьмем танк. Вторгшись во Францию, немцы окопались и в пару лет убили полтора миллиона французов и англичан, пытавшихся освободить французскую землю. Танк был изобретен, чтобы преодолеть огонь пулеметов, благодаря которым немцы держались во Франции, и он спас много жизней, очистив землю Франции от агрессора. Теперь, повидимому, пулемет, служивший немцам, чтобы удерживать тринадцать французских провинций, должен считаться добродетельным оборонительным оружием, а танк, бывший средством спасти жизни союзников, должен стать предметом осуждения и поношения для всех честных и праведных людей...

Можно установить более правильную классификацию, запретив виды оружия, которые имеют тенденцию действовать без разбора, причиняя смерть и ранения не только сражающимся в боевых зонах, но и гражданскому населению, мужчинам, женщинам и детям, на большом расстоянии от этих зон. Это, по моему мнению, и есть то направление, по которому объединенные нации, собравшиеся в Женеве, могут двигаться с надеждой на успех».

Кончая, я сделал свое первое предостережение о приближающейся войне:

«Я очень жалел бы, если бы было осуществлено какое-либо приближение к равенству военной силы Германии и Франции. Те, кто говорят об этом, как будто это было бы правильно или даже вопросом справедливости, совершенно недооценивают серьезности положения в Европе. Я скажу тем, которые хотели бы видеть Германию и Францию в равных условиях вооружения: «Хотите ли вы войны?» Что касается меня, то я искренне надеюсь, что такого уравнивания не произойдет ни при моей жизни, ни при жизни моих детей. Сказать это ни в коей мере не означает отсутствия признания и восхищения большими достоинствами немецкого народа, но я убежден, что, если будет осуществлен принцип, что Германия в военном отношении будет поставлена в равные условия с Францией, то это приблизит нас к почти что неизмеримому бедствию».

В марте 1933 г. смета расходов на авиацию обнаружила полное непонимание как правительством, так и либеральной и рабочей оппозицией, того, что происходит. Я вынужден был заявить (14-го марта 1933 г.):

«Я с огорчением услышал от товарища министра, что мы, как воздушная держава, находимся лишь на пятом месте и что десятилетняя программа отложена еще на год. Я с грустью слушал, как он хвалился тем, что министерство авиации за этот год не создало ни одной новой боевой единицы. Все такие идеи становятся всё более бессмысленными в виду развития событий, и с нашей стороны будет правильно с большей энергией заботиться о воздушной обороне».

**
*

При так называемом национальном правительстве английское общественное мнение обнаруживало склонность все меньше бояться Германии. Тщетно Франция в меморандуме от 21-го июля 1931 г. правильно ука-

зала, что данное в Версале общее заверение, что за односторонним разоружением Германии должно последовать всеобщее ограничение вооружений, не является договорным обязательством. Это, несомненно, не было обязательством, подлежащим выполнению независимо от времени и обстоятельств. Однако, когда в 1932 г. германская делегация на конференции по разоружению категорически потребовала отмены всех ограничений права Германии вооружаться, она нашла большую поддержку в английской печати. «Таймс» писал о «своевременном устранении неравенства», а «Нью Стэйтсман» о «безоговорочном признании принципа равенства государств». Это означало, что семидесяти миллионам немцев должно быть разрешено вооружаться и готовиться к войне без того, чтобы победители в долгой страшной борьбе имели бы право делать какие-либо возражения. Равенство между победителями и побежденными; равенство между Францией с ее 39 миллионами населения и почти вдвое более многолюдной Германией!

Поведение Англии придало смелости германскому правительству, которое приписало его коренной слабости и неизбежному вырождению, которое демократия и парламентаризм порождают даже в северной расе. Чувствуя за собой весь националистический напор Гитлера, правительство стало вести себя высокомерно. В июле его делегаты сложили свои бумаги и покинули Конференцию по разоружению. Главной политической задачей победоносных союзников стало теперь упросить их вернуться. В ноябре под сильным и упорным давлением Англии французы предложили то, что не вполне точно получило название «Плана Эррио». Он сводился к преобразованию всех европейских вооруженных сил в армии с коротким сроком службы и ограниченной численности, признавая равенство в структуре, но не обязательно равенство сил. Фактически и принципиально равенство в структуре сделало бы невозможным не согласиться в конце концов и на равенство сил. Это позволило союзным правительствам предложить Германии «равенство прав в системе,

обеспечивающей безопасность всех наций». Получив некоторые гарантии иллюзорного характера, французы были вынуждены принять эту лишенную содержания формулу. После этого немцы согласились вернуться на Конференцию по разоружению. Это приветствовалось, как замечательная победа для дела мира.

Вознесенное на волнах популярности, Правительство Его Величества 16 марта 1933 г. представило план, названный, по имени его автора и вдохновителя, «Планом Макдональда». Его исходным пунктом было принятие французской идеи армии с коротким — в данном случае восьмимесячным — сроком службы, а затем следовало указание точных цифр для войск каждой страны. Французская армия должна была перейти от ее численности мирного времени в пятьсот тысяч человек к двумстам тысячам, а немецкая армия должна была быть увеличена до той же численности. К этому времени, хотя Германия еще не располагала массой обученных резервов, которые могли образоваться лишь из ряда годовых призывов, ее военные силы смело могли быть оценены в более чем миллион ревностных и частью вооруженных добровольцев, и со многими видами новейшего вооружения, выходящего из фабрик, которые могли быть и частью уже были превращены в военные.

По окончании Первой мировой войны Франция, как и Англия, имела огромное количество тяжелой артиллерии, в то время как согласно мирному договору орудия германской армии были буквально разбиты на куски. Макдональд, чтобы устранить это очевидное неравенство, предложил ограничить калибр подвижной артиллерии 105 мм или 4,2 дюймами. Существующие орудия калибры до 6 дюймов могли быть сохранены, но все замещения должны были быть ограничены 4,2 дюймами. В отличие от французских, английские интересы состояли в том, чтобы быть защищенными договорными ограничениями германских морских вооружений до 1935 г., когда должна была состояться новая морская конференция. Военная авиация была бы запрещена Германии на все время согла-

шения, но три Союзных державы должны были сократить свои воздушные силы до пятисот аэропланов каждая.

У меня было самое отрицательное отношение к этой атаке на вооруженные силы Франции и к попытке установить равенство между Германией и Францией. 23-го марта я воспользовался случаем, чтобы сказать в парламенте следующее:

«Я сомневаюсь в разумности навязывать в настоящий момент Франции такой план. Я не думаю, что французы на него согласятся. Они должны быть сильно озабочены тем, что происходит в Германии, а также настроением некоторых других своих соседей. Я осмеливаюсь утверждать, что в течение этого тревожного месяца очень многие говорили себе то, что я повторял уже несколько лет: «Благодарение Богу за французскую армию». Когда мы читаем о Германии, когда мы с изумлением и болью наблюдаем бурный взрыв дикости и воинственности, безжалостное обращение с меньшинствами, отрицание нормальных гарантий цивилизованного общества, преследование большого числа людей только вследствие их расы — когда мы видим, что всё это происходит у одной из самых одаренных, образованных, ученых и могущественных наций мира, нельзя не радоваться тому, что буйствующие в Германии дикие страсти не нашли еще пока другого выхода, как направиться против себя самих. Я думаю, что в такое время просить Францию сократить свою армию вдвое, когда Германия должна свою удвоить, просить Францию сократить вдвое свои воздушные силы, когда германская авиация остается тем, что она есть, что это является предложением, которое, вероятно, будет рассматриваться французским правительством, как нечто по меньшей мере несвоевременное. Цифры, данные в плане для численности армии и аэропланов, сохраняют у Франции лишь столько же аэропланов, сколько имела бы Италия, совершенно оставляя без внимания те воздушные силы, которые имеет Германия».

И снова в апреле:

«Немцы требуют равенства вооружения и равенства в организации армии и флота, и нам говорят: «Вы не можете держать такую большую нацию в положении неравноправия. Она должна иметь то, что имеют другие». Я никогда не был с этим согласен. Это самое опасное требование. Ничто в жизни не вечно; но если Германия приобретет полное военное равенство со своими соседями, когда ее претензии еще не удовлетворены и она находится в том воз-

буждении, которое мы, к несчастью, наблюдаем, то несомненно, что мы окажемся на ощутимом расстоянии от новой общеевропейской войны. После Великой войны нам говорили, что одной из гарантий для нас будет то, что Германия станет демократией с парламентарным управлением. Все это сметено. Перед вами теперь самая мрачная диктатура. Перед вами милитаризм и возбуждение боевого духа во всех видах от введения вновь дуэлей в университетах до советов министерства народного просвещения обильно пользоваться палкой в начальных школах. Перед вами военные или драчливые демонстрации, а также преследования евреев, о котором говорили так много членов Палаты...

Я оставляю Германию и обращаюсь к Франции. Франция не только единственная большая демократия, сохранившаяся в Европе; она также — я рад сказать это — и самая сильная военная держава, и она возглавляет целую систему государств и народов. Франция — гарант и покровитель целого полукруга небольших государств, простирающегося от Бельгии до Югославии и Румынии. Глаза их всех обращены к Франции. Когда Англия или какая-либо другая держава делает что-либо, чтобы ослабить дипломатическую или военную надежность Франции, все эти мелкие нации трепещут от страха и гнева. Они боятся, что будет ослаблена главная защищающая их сила, и они окажутся выданными на милость могучей Тевтонской державы».

Если принять во внимание, что факты вряд ли кем-нибудь оспаривались, то действия ответственного правительства, состоявшего из заслуживавших уважения людей, и стадная поддержка их общественным мнением являются непостижимыми. Как будто все спрятали свои головы под перины. Я в особенности вспоминаю страдающие и возмущенные взгляды, которые я видел на лицах депутатов всех партий, когда я сказал: «Благодарение Богу за французскую армию». Слова были тщетны.

Однако, Франция имела смелость настаивать, что разрушение ее тяжелого вооружения должно быть отсрочено на четыре года. Британское правительство согласилось на это под условием, что согласие Франции на разрушение ее артиллерии должно быть закреплено в немедленно подписанном документе. Франция подчинилась, и 12-го октября 1933 г. сэр Джон Саймон, сначала пожаловавшись на то, что Германия в течение последних недель изменила свою позицию, пред-

ставил Комиссии по разоружению проект этого соглашения. Результат был неожиданный. Гитлер, теперь канцлер и повелитель всей Германии, давший по приходе к власти приказ смело идти вперед в национальном масштабе и в военных лагерях и на фабриках, чувствовал силу своего положения. Презрительным жестом он приказал германскому правительству покинуть как конференцию по разоружению, так и Лигу Наций. Такова была судьба Плана Макдональда.

**
*

Трудно найти параллель безрассудству английского и слабости французского правительств, которые однако в этот катастрофический период отражали настроение своих парламентов. Не могут и Соединенные Штаты избежать приговора истории. Поглощенные своими собственными делами, они просто с любопытством смотрели на происходившие в Европе огромные перемены, воображая, что они их не касаются. Значительные кадры высоко компетентных, обладающих широким образованием американских профессиональных должностных лиц были другого мнения, но они не оказали заметного влияния на близорукую изолированность американской внешней политики. Влияние Соединенных Штатов могло бы побудить к активности английских и французских политиков. Лига Наций, как бы она ни была расшатана, все еще была высоко авторитетным учреждением, которое могло бы дать санкцию международного права всякому сопротивлению новой, исходящей от Гитлера, угрозе войны. Как ни напряженно было положение, американцы только пожимали плечами, в результате чего им позднее пришлось в изобилии тратить кровь и богатства Нового Света, чтобы спасти себя самих от смертельной опасности.

Всё это я вспомнил, когда семь лет спустя в Туре я был свидетелем агонии Франции и поэтому, даже когда делались предложения сепаратного мира, я говорил только обнадеживающие и ободряющие слова, которые, к моей радости, оправдались.

**
*

В начале 1931 г. я договорился о большом турне лекций в Соединенных Штатах и отправился в Нью-Йорк немедленно после выше приведенной речи. Там я имел несчастный случай, который едва не стоил мне жизни. 13-го декабря по дороге к Бернарду Баруху я вышел из автомобиля не с той стороны и стал переходить Пятое Авеню, не думая ни о том, что в Америке движение происходит на противоположной стороне, ни о красных огнях, не применяемых в Англии. Произошло страшное столкновение. В течение двух месяцев я был развалиной. В Нассау на Багамских островах я постепенно оправился достаточно, чтобы кое-как двигаться. В таком состоянии я совершил турне в сорок лекций по всем Соединенным Штатам, весь день лежа на спине в железнодорожном купе, а по вечерам говоря перед многолюдными аудиториями. В общем я думаю, что это было самое тяжелое время моей жизни. Я весь этот год был в весьма плохом состоянии, но со временем мои силы восстановились.

В это время на родине жизнь спокойно текла вниз по течению. В Вестминстере Болдвин одобрил и усвоил главные принципы макдональдовского законопроекта об Индии, проведение которого в Парламенте было поручено новому министру по делам Индии сэру Самуэлю Хору. Отчет Комиссии Саймона был игнорирован, и парламенту не была предоставлена возможность его обсуждать. Вместе с примерно семидесятью другими консерваторами я образовал группу под названием «Лига защиты Индии», которая в течение ближайших четырех лет противодействовала индийской политике правительства, поскольку она шла дальше рекомендаций названной комиссии. По этому вопросу мы боролись на партийных конференциях, находя значительную поддержку; всегда в меньшинстве, но иногда очень близко к большинству. По индийскому вопросу Рабочая оппозиция голосовала в парламенте вместе с правительством, и это стало, как и вопрос о разоружении, связующим звеном между

двумя сторонами парламента. Их сторонники составляли подавляющее большинство против нашей группы и высмеивали нас, как «твердолобых». Приход Гитлера к власти, господство нацистской партии над всей Германией и быстрый активный рост вооруженных сил Германии привели к дальнейшим разногласиям между мной и правительством, как и с различными политическими партиями.

Если отвлечься от моей тревоги вследствие дел политических, годы от 1931 по 1935 были лично для меня очень приятным временем. Я зарабатывал на жизнь, диктуя статьи, имевшие широкое распространение не только в Великобритании и Соединенных Штатах, но также — пока на них не пала тень Гитлера — в наиболее видных газетах в шестнадцати европейских странах. Фактически я жил со дня на день. Один за другим я выпустил тома «Жизни Мальборо». Я всё время размышлял об европейском положении и германском вооружении. Жил я главным образом в Чартвелле, где многое доставляло мне развлечение. Я собственными руками построил большую часть двух коттеджей и обширные стены вокруг огорода, устроив разного рода службы и водопроводные сооружения, большой купальный бассейн, который фильтровался до прозрачности и мог отопляться, чтобы тем дополнять наше непостоянное солнце. Таким образом, с утра до полуночи у меня не было ни одной скучной или незанятой минуты, и с моей счастливой семьей около меня я мирно жил в своей обители.

В эти годы я часто видел Фредерика Линдемана, профессора экспериментальной философии в Оксфорде. Мы уже были старыми друзьями. В первый раз я встретился с ним в конце предыдущей войны, в которой он прославился тем, что произвел в воздухе ряд экспериментов, до того производимых лишь самыми бесстрашными пилотами, чтобы устранить почти смертельную тогда опасность «штопора». Мы ближе сошлись, начиная с 1932 г., когда он часто приезжал из Оксфорда, чтобы гостить у меня в Чартвелле. Здесь мы много раз разговаривали ранним утром об опас-

ностях, которые явно накапливались вокруг нас. Линдеман — «Мистер Проф», как его называли в дружеском обществе, — стал моим главным советником по научной стороне современной войны и в частности противовоздушной обороне, а также по вопросам, связанным со всякого рода статистикой. Эта приятная и плодотворная дружба продолжалась и во время войны.

Другим моим близким другом был Десмонд Мортон (теперь майор сэр Десмонд Мортон). Когда в 1917 г. фельдмаршал Хэйг пополнял свой личный штаб молодыми людьми прямо с линии огня, Десмонд был рекомендован ему как выдающийся артиллерист. Он командовал самой передовой полевой батареей во время ожесточенных боев у Арраса весной того года. Кроме своего Военного Креста, он имел еще единственное в своем роде отличие быть раненным пулей, прошедшей через сердце, и после этого благополучно жить, нося ее в себе. Когда в июле 1917 я стал министром вооружений, я часто посещал фронт, как гость Главнокомандующего, который всегда посылал со мной своего доверенного адъютанта Десмонда Мортон. Вместе мы посетили много участков фронта. Во время этих, иногда опасных экскурсий, а также в доме Главнокомандующего, я проникся большим уважением и дружеским чувством к этому блестящему и храброму офицеру и, когда в 1919 я стал военным и воздушным министром, я дал ему назначение в разведке, где он оставался много лет. Он был моим соседом, живя только в одной миле от Чартвелля. От премьер-министра Макдональда он получил разрешение говорить со мной без ограничений и меня подробно информировать. Он стал и продолжал быть одним из моих самых близких советников до момента окончательной победы.

Я подружился также с Ральфом Виграмом, тогда восходящей звездой в министерстве иностранных дел и бывшим в центре всей деятельности министерства. Он достиг в министерстве положения, позволявшего ему высказывать ответственные суждения по полити-

ке и дававшего ему широкую свободу в его официальных и неофициальных контактах. Это был очаровательный и бесстрашный человек, целиком проникнутый своими убеждениями, основанными на глубоком знании и изучении. Он видел надвигавшуюся на нас опасность так же ясно, как и я, располагая при этом более достоверной информацией. Это нас сблизило. Мы часто встречались в его небольшом доме на Норт-стрит, а он приезжал с женой гостить у нас в Чартвелле. Как и другие, занимавшие высокие должности лица, он говорил со мной с полным доверием. Это помогло мне составить и укрепить мое мнение о гитлеровском движении. Со своей стороны, располагая многочисленными связями во Франции, Германии и других странах, я был в состоянии сообщать ему известное количество информации, которую мы вместе анализировали.

Начиная с 1933, Виграм был крайне удручен политикой правительства и ходом событий. В то время, как его официальные начальники составляли все более высокое мнение об его способностях и его влияние в министерстве росло, сам он много раз думал об отставке. В его разговоре было так много силы и привлекательности, что все, кто имел с ним серьезное дело, да и многие другие, придавали все большее значение его взглядам.

**
*

Для меня и, можно думать, также для страны было очень ценно, что в течение стольких лет я имел возможность вести основательные и детальные дискуссии в этом небольшом кругу. Со своей стороны я получал и сообщал большое количество информации из иностранных источников. Я имел доверительные отношения с несколькими французскими министрами и сменявшимися главами французского правительства. Ян Колвин, сын знаменитого автора передовых статей в «Морнинг Пост», был корреспондентом «Ньюс Кроникл» в Берлине. Он очень глубоко проник в германскую политику и установил отношения самого сек-

ретного характера с некоторыми из главных германских генералов, а также с независимыми, выделявшимися характером и способностями людьми, которые видели в гитлеровском движении надвигающуюся гибель их страны. Несколько посетителей, занимавших видное положение, приезжали ко мне из Германии и в своей горькой беде изливали передо мной свою душу. Из других источников я получал и сообщал информации обо всей области нашей воздушной обороны. Таким образом, я стал так же хорошо осведомленным, как многие министры. Время от времени я сообщал правительству все факты, которые я узнавал из разных источников, в особенности полученные посредством моих иностранных связей. Мои личные отношения с министрами и со многими из их высших чиновников были близкими и простыми, и, хотя я часто их критиковал, мы сохраняли товарищеские чувства. Позднее, как это будет видно дальше, я официально получил доступ к наиболее секретным техническим данным. Вследствие моего долгого опыта на высоких постах я был посвящен в наиболее важные государственные тайны. Всё это позволяло мне формировать и сохранять мнения, независевшие от того, что печаталось в газетах, хотя критический подход многое мог найти и там.

**
*

В парламенте я занимался моими двумя темами — Индией и германской опасностью, и время от времени произносил предостерегающие речи, которые привлекали внимание, но, к несчастью, не могли побудить к действию слушавшую их, переполненную и сбитую с толка Палату. По вопросам германской опасности и политики в Индии я работал в парламенте с группой друзей. Она по своему составу в значительной мере отличалась от Лиги защиты Индии. Наш круг составляли Остин Чемберлэн, Роберт Хирн, Эдуард Григг, лорд Винтертон, Бракен, Генри Крэфт и несколько других. Мы регулярно встречались и в большой мере объединяли нашу информацию. Министры отно-

сились с уважением к этой выделявшейся, но не враждебной им группе их собственных приверженцев и бывших коллег или начальников. Мы в любой момент были в состоянии овладеть вниманием парламента и вызвать обширную дискуссию.

**

Читатель простит мне отступление менее серьезного характера.

Работая над моей «Жизнью Мальборо», я посетил летом 1932 старые поля сражений в Голландии и Германии. Наша семейная экспедиция, включавшая «Профа», совершила приятную поездку по пути знаменитого похода Мальборо в 1705 г. от Голландии до Дуная, пересекая Рейн у Кобленца. Когда мы проезжали по этим прекрасным местам от одного прославленного города к другому, я естественно расспрашивал о гитлеровском движении и убедился, что оно занимало первое место в уме каждого немца. Я чувствовал гитлеровскую атмосферу. Проведя день на поле сражения у Бленгейма, мы проехали в Мюнхен и провели там большую часть недели.

В отеле «Регина» один господин сам представился кому-то из нашей компании. Это был Гофштенгль, и он говорил много о фюрере, с которым он, видимо, был в близких отношениях. Так как он оказался живым и разговорчивым человеком, к тому же превосходно говорившим по-английски, я пригласил его к обеду. Он дал в высшей степени интересный обзор деятельности и взглядов Гитлера. Он говорил как зачарованный. Ему было, вероятно, предписано встретиться со мной. Он явным образом чрезвычайно старался понравиться. После обеда он сел за рояль, играл и пел много мелодий и песен с таким искусством, что мы получили огромное удовольствие. Он, повидимому, знал все английские мелодии, которые я любил. Он был большим мастером развлекать и в то же время, как известно, был любимцем фюрера. Он сказал, что я могу увидеть Гитлера и что нет ничего легче, чем это устроить. Гитлер приходит в отель каж-

дый день около пяти часов и будет очень рад меня видеть.

В то время у меня не было национального предубеждения против Гитлера. Я мало знал об его теории и об его прошлом и ничего не знал об его характере. Я уважаю людей, которые стоят за свою страну после ее поражения, хотя бы я сам и находился на другой стороне. Он имел полное право, если хотел, быть германским патриотом. Я всегда хотел дружбы между Англией, Германией и Францией. Но во время разговора с Гофштенгелем я как-то сказал: «Почему ваш вождь так яростно враждебен к евреям? Я вполне могу понять, если кто-нибудь сердит на евреев, которые сделали что-нибудь дурное или враждебное его стране, и я понимаю противодействие им, если они пытаются монополизировать для себя господство в какой-либо области; но какой смысл быть против человека только вследствие его рождения? Как человек может влиять на собственное рождение?» Он, должно быть, передал эти слова Гитлеру, потому что на следующий день около полудня он пришел с серьезным видом и сказал, что свидание, о котором он условился со мной, чтобы встретиться с Гитлером, не может состояться, так как в этот день Гитлер не придет в отель. Это была моя последняя встреча с «Пуци» — такова была его кличка, — хотя мы оставались в отеле еще несколько дней. Так Гитлер упустил единственную возможность встретиться со мной. Позднее, когда он стал всемогущим, я получил от него несколько приглашений. Но к тому времени уже многое произошло, и я уклонился.

**
*

Все это время Соединенные Штаты были напряженно заняты собственными бурными внутренними делами и экономическими проблемами. Европа и отдаленная Япония следили с неослабевающим вниманием за ростом воинственной мощи Германии. Глубокое беспокойство царило во Франции, имевшей

обильную информацию о деятельности Гитлера и военных приготовлениях Германии. Как мне говорили, там имелся целый каталог нарушений Мирного договора, чрезвычайно многочисленных и серьезных; но когда я спрашивал моих французских друзей, почему этот вопрос не ставится в Лиге Наций и Германию не приглашают или даже не требуют от нее категорически, чтобы она объяснила свое поведение и дала точный отчет о том, что она делает, то мне отвечали, что британское правительство возражало бы против такого алармирующего шага. Таким образом, когда Макдональд при полной поддержке Болдвина проповедывал французам разоружение и проводил его в Англии, германская мощь росла не по дням, а по часам, и приближался момент открытого действия.

Чтобы отдать должное Консервативной партии, следует упомянуть, что, начиная с 1932 года, каждая конференция Национального объединения консервативных организаций почти единогласно принимала предлагавшиеся такими достойными людьми, как лорд Ллойд и сэр Генри Крэфт, резолюции, требовавшие в виду растущей опасности извне усиления наших вооружений. Но правительственный контроль в Палате Общин был в то время настолько действителен, и как три правительственные партии, так и Рабочая оппозиция, были настолько охвачены летаргией и слепотой, что предостережения их же сторонников в стране также не оказывали действия, как и знамена времени и данные разведывательных органов. Это был один из тех ужасных периодов, повторяющихся в нашей истории, когда благородная британская нация словно падает со своей высоты, теряет все признаки разума и воли и прячется от угрозы внешней опасности, упиваясь благочестивыми банальностями, в то время как враги куют оружие.

В это мрачное время самые низменные настроения встречали сочувствие или оставались без протеста со стороны ответственных лидеров политических партий. В 1933 году студенты в Оксфорде, вдохновленные господином Джодом, приняли навсегда оставшую-

ся позорной резолюцию, что «настоящее собрание отказывается сражаться за Короля и страну». В Англии было легко смеяться над таким эпизодом, но в Германии, России, Италии, Японии представление об упадочной, вырождающейся Англии пустило глубокие корни и поколебало много расчетов. Глупые мальчишки, принявшие эту резолюцию, меньше всего грезили о том, что им было суждено победить или пасть со славою в предстоящей войне и показать себя самым прекрасным поколением, когда-либо выросшим в Англии. Меньше оправдания можно найти для тех, кто были старше и уже не имели случая опровергнуть самих себя своими делами.*)

В ноябре 1933 в Палате снова происходили прения. Я вернулся к моей основной теме:

«Мы читаем об обширном ввозе железного и никелевого лома и военных металлов, далеко превышающем обычный. Мы читаем все более обильную информацию о воинственном духе, созревшем во всей стране; мы видим, как их молодежи внушается философия, отличающаяся кровавостью, подобно которой не было со времен варварства. Мы видим все эти силы в движении и мы должны вспомнить, что это та же мощная Германия, которая сражалась против всего мира и чуть не победила весь мир; та же мощная Германия, которая взяла две с половиной жизни за каждую потерянную немецкую жизнь**). Ввиду этих приготовлений, этих доктрин и этих публичных заявлений не удивительно, что тревога охватила все кольцо окружающих Германию стран».

*) Я не могу удержаться, чтобы не рассказать здесь следующую историю. Студенческая организация в Оксфорде пригласила меня произнести у них речь. Я от этого отказался, но сказал, что готов дать им час времени, чтобы задавать мне вопросы. Один из вопросов был: «Думаете ли вы, что Германия была виновна в возникновении последней войны?» Я ответил: «Да, без сомнения». Тогда учившийся там молодой немец поднялся и заявил: «После такого оскорбления моей страны я здесь оставаться не могу». Он вышел под гром аплодисментов. Я подумал, что это был смелый юноша. Через два года в Германии было обнаружено, что у него имелся еврейский предок. Этим был положен конец его карьере в Германии.

**.) Не считая русских потерь.

**
*

В то время как в Европе происходило это грозное перемещение в относительной военной мощи победителей и побежденных, полное отсутствие согласованности между неагрессивными и миролюбивыми сторонами проявилось также и на Дальнем Востоке. Это составляет дополнение к катастрофическому обороту событий в Европе и явилось результатом того же паралича мысли и активности у лидеров бывших и будущих Союзников.

Экономический буря 1929-31 гг. поразил Японию не менее, чем остальной мир. С 1914 ее население выросло с пятидесяти до семидесяти миллионов. Число ее металлургических заводов увеличилось с пятидесяти до ста сорока восьми. Стоимость жизни все время повышалась. Производство риса оставалось на том же уровне, а ввоз был дорог. Потребность в сырье и внешних рынках была вопиющей. Но во время жестокой депрессии Англия и сорок других стран с течением времени все сильнее вынуждались защищаться ограничениями и тарифами против японских товаров, производимых при условиях труда, несравнимых с европейскими или американскими нормами. Более, чем когда-либо, Китай был для Японии главным рынком сбыта ее хлопчатобумажных и других тканей и почти единственным источником угля и железа. Главной темой японской политики стало поэтому установление ее контроля над Китаем.

В сентябре 1931 под предлогом местных беспорядков японцы заняли Мукден и зону Манчжурской железной дороги. В январе 1932 они потребовали роспуска всех китайских организаций противояпонского характера. Китайское правительство отказалось, и 28 января японцы высадились к северу от международной концессии в Шанхае. Китайцы энергично сопротивлялись в течение более чем месяца, хотя они не имели ни аэропланов, ни противотанковых орудий, ни какого-либо современного вооружения. В конце февраля, понеся очень тяжелые потери, они вынуждены были от-

ступить от их укреплений у Ву-Сунчской бухты и занять позиции примерно в двенадцати милях от побережья. В конце 1932 года японцы создали марионеточное государство Манчжурию. Годом позже они аннексировали китайскую провинцию Иехол, а в марте 1933 года, глубоко проникнув в незащищенные области, японцы достигли Великой китайской стены. Эти агрессивные действия отражали усиление Японии на Дальнем Востоке и ее новую позицию на океанах.

С первого выстрела совершаемое над Китаем насилие вызвало в Соединенных Штатах чрезвычайно сильную враждебную реакцию. Но политика изоляции имела обоюдоострый характер. Если бы Соединенные Штаты были членами Лиги Наций, они несомненно могли бы побудить общее собрание Лиги предпринять коллективную акцию, главным исполнителем которой были бы сами Соединенные Штаты. Британское правительство не обнаружило желания действовать совместно только с одними Соединенными Штатами; оно также не хотело быть вовлечено в антагонизм против Японии дальше того, к чему его обязывала хартия Лиги Наций. В некоторых английских кругах существовало покаянное настроение вследствие потери союза с Японией, результатом чего было ослабление позиции Англии с ее давно укоренившимися интересами на Дальнем Востоке. Вряд ли можно порицать Правительство Его Величества за то, что при его тяжелых финансовых затруднениях и растущих осложнениях в Европе оно не хотело играть на стороне Соединенных Штатов видную роль на Дальнем Востоке без малейшей надежды на соответствующую американскую поддержку в Европе.

Но Китай был членом Лиги Наций и, хотя он не платил причитавшихся с него взносов, он обратился к Лиге, прося того, что было очевидной справедливостью. 30-го сентября 1931 Лига потребовала от Японии вывода ее войск из Манчжурии. В декабре была назначена комиссия, чтобы произвести расследование на месте. Лига поручила председательство в этой комиссии графу Литтону, достойному представителю да-

ровитого рода. Он имел многолетний опыт на Востоке, где он был губернатором Бенгалии и исполнял обязанности вице-короля Индии. Единогласный доклад комиссии был замечательным документом и остается базисом для всякого серьезного изучения конфликта между Китаем и Японией. Все факты, освещавшие манчжурские предприятия Японии, были представлены с большой тщательностью. Выводы были ясны: Манчжоу-Го было искусственным созданием японского генерального штаба, и желания населения не играли никакой роли в образовании этого государства. Лорд Литтон и его коллеги в своем докладе не только анализировали положение, но и сделали конкретные предложения для международного решения конфликта. Они были за провозглашение автономной Манчжурии. Она должна остаться частью Китая, под эгидой Лиги Наций, и детальный договор между Китаем и Японией должен был урегулировать их интересы в Манчжурии. Тот факт, что Лига не могла провести в жизнь эти предложения, нисколько не умаляет ценности «Доклада Литтона». Американский министр иностранных дел писал об этом документе, что «он стал и остался выдающимся и беспристрастным свидетельством по вопросу, который он трактует». В феврале 1933 года Лига Наций заявила, что Манчжоу-Го не может быть признано. Хотя на Японию не были наложены санкции и не было никакой другой акции, 27 марта 1933 Япония вышла из Лиги Наций. Во время войны Германия и Япония были на разных сторонах; теперь они относились одна к другой совсем иначе. Моральный авторитет Лиги оказался лишенным какой-либо физической опоры в то время, когда ее активность и сила были более всего нужны.

**
*

Мы должны признать заслуживающим сурового осуждения перед судом истории поведения в этот период не только британского национального правительства, состоявшего главным образом из консерваторов, но также и Рабоче-социалистической и Либеральной

партий, притом всех их направлений, как участвовавших в коалиции, так и оставшихся вне ее. Самоуспокоение приятно звучащими банальностями, нежелание видеть неприятные факты, желание популярности и успеха на выборах без заботы о жизненных интересах государства, подлинная любовь мира и достойная жалости вера, что эта любовь может быть его единственной основой, очевидный недостаток интеллектуальной энергии у обоих лидеров коалиционного правительства, ярко выраженное незнание Европы и нежелание заниматься ее проблемами у Болдвина, сильный и воинствующий пацифизм, господствовавший тогда в Рабочей партии, крайняя привязанность либералов к чуждым действительности эмоциям, неспособность и хуже, чем неспособность Ллойд-Джорджа, когда-то бывшего великим лидером военного времени, посвятить себя продолжению своего дела, и все это при поддержке подавляющего большинства в обеих палатах Парламента. Такова картина английской безрассудности и беспомощности, которые, хотя и были лишены коварства, но не свободны от вины, и которые, несмотря на отсутствие низких или злых намерений, в значительной мере способствовали тому, что на мир обрушились ужасы и страдания, которые уже в той мере, в какой они до сих пор обнаружались, несравнимы ни с чем в прошлой истории человечества.

6.

СЦЕНА ТЕМНЕЕТ

1934

В Риме приход Гитлера к власти был встречен без энтузиазма. На нацизм там смотрели, как на грубый и более жестокий вариант фашистской темы. Вождедения «Большой Германии», направленные в сторону Австрии и юговосточной Европы, были хорошо известны. Муссолини предвидел, что ни в одной из этих областей интересы Италии не будут совпадать с инте-

ресами новой Германии. Ему не пришлось долго ждать подтверждения.

**
*

Присоединение Австрии к Германии было одним из наиболее заветных стремлений Гитлера. Уже на первой странице «Моей борьбы» стояло, что «германская Австрия должна вернуться к великому германскому отечеству». Поэтому с момента овладения властью в январе 1933 года нацистское правительство не спускало глаз с Вены. Гитлер еще не мог рисковать конфликтом с Муссолини, громко заявлявшим о своей заинтересованности в судьбе Австрии. Все еще слабая в военном отношении Германия должна была быть осторожной даже в организации инфильтрации и подпольной работы. Тем не менее давление на Австрию началось в первые же месяцы. Австрийскому правительству постоянно предъявлялись требования назначать в министерства и на решающие административные посты членов австрийской нацистской партии. Австрийские наци тренировались в организованном в Баварии Австрийском Легионе. Взрывы бомб на железных дорогах и в центрах туризма, германские аэропланы, сбрасывавшие листовки в Зальцбурге и Инсбруке расстраивали повседневную жизнь республики. Австрийский канцлер Дольфус находился и под давлением социалистов внутри страны и под угрозой германских намерений против независимости Австрии. И это была не единственная угроза австрийскому государству. Следуя дурному примеру своих германских соседей, австрийские социалисты организовали свою частную армию, чтобы с ее помощью изменить решение избирательных урн. Обе опасности нависли над Дольфусом в течение 1933 года. Единственным местом, куда он мог обратиться за помощью и откуда он уже получил обещание поддержки, была фашистская Италия. В августе 1933 года Дольфус встретился с Муссолини в Риччионе. Между ними было достигнуто полное единодушие, личное и политическое. Дольфус, веривший в надежность итальянской поддержки, почувствовал себя до-

статочно сильным, чтобы действовать против одной части своих противников — австрийских социалистов.

В январе 1934 года Сувич, главный советник Муссолини по иностранным делам, посетил Вену. Это было предостережением по адресу Германии. 21-го января он сделал следующее публичное заявление:

«Вследствие ее положения в сердце Центральной Европы и в бассейне Дуная, значение Австрии, как известно, гораздо больше того, которое отвечало бы ее размерам и численности населения. Для того, чтобы она могла во всеобщем интересе выполнять миссию, дарованную ей традицией столетий и ее географическим положением, ей прежде всего должны быть обеспечены нормальные условия независимости и мирной жизни. Такова позиция, которую Италия, исходя из незыблемых принципов, давно уже заняла по отношению к политическим и экономическим условиям Австрии».

Через три недели после этого правительство Дольфуса выступило против социалистической организации в Вене. Хаймвер под начальством майора Фея, принадлежавшего к партии Дольфуса, получил приказ разоружать аналогичную и в той же мере незаконную организацию, руководимую австрийскими социалистами. Последняя оказала сопротивление, и 12-го февраля в столице вспыхнули уличные бои. Сопротивление социалистов было сломлено в несколько часов. Эти события не только еще более сблизили Дольфуса с Италией, но и усилили его на первое время в его борьбе против нацистской инфильтрации и заговорческой деятельности. С другой стороны, многие из побежденных социалистов или коммунистов в своем ожесточении перешли на сторону наци. Как и в Германии, вражда между католиками и социалистами и в Австрии помогла нацистам.

**
*

До середины 1934 года Правительство Его Величества могло в значительной мере направлять события, не рискуя войной. Оно могло в любое время, в согласии с Францией и через посредство Лиги Наций, с огромным превосходством силы оказать давление на ги-

тлеровское движение, в отношении к которому в Германии было глубокое расхождение. Это не привело бы к кровопролитию. Но эта фаза кончалась. Вооружения Германии под властью нацистов приближались к критической границе. Но, как это ни кажется невероятным, Макдональд, опираясь на политическое могущество Болдвина, и в этом решающем году продолжал добиваться разоружения Франции. Я могу только процитировать свой бесплодный протест из речи, произнесенной в Парламенте 7-го февраля:

«Что случится, например, если после того, как мы уравнием и снизим французскую армию до уровня германской, добьемся равенства для Германии и при всех тех реакциях, которые такая перемена вызовет в европейских настроениях, если тогда Германия заявит: «Как вы можете держать великую семидесятимиллионную нацию в таком положении, которое не позволяет ей иметь флот, равный самому большому из плавающих по морям?». Вы скажете: «Нет, мы не согласны. Армии касаются других народов. Вопрос о флоте затрагивает интересы Великобритании, и мы обязаны сказать: нет». Но в каком положении должны мы быть, чтобы сказать это «нет»?»

Войны приходят очень внезапно. Я пережил время, когда люди, как мы теперь, жили в большой тревоге и неуверенности в том, что случится в будущем. Внезапно нечто случилось — огромное, стремительное, непреодолимое, неотвратимое. Позвольте мне напомнить Палате то, что произошло в 1914 году. Между Германией и Францией не было абсолютно никакого раздора. В один июльский день германский посол приехал после полудня на Кэ д'орсе и сказал французскому премьер-министру: «Мы были вынуждены мобилизовать армию против России, и будет объявлена война. Какова будет позиция Франции?» Французский премьер дал ответ, который затем был одобрен его кабинетом, что Франция будет действовать в согласии с тем, что она считает ее собственными интересами. Посол сказал: «У вас союз с Россией, не так ли?» «Именно», — ответил французский премьер. Такова была процедура, посредством которой арена борьбы, уже обширная на Востоке, была в несколько минут колоссально расширена вовлечением в нее двух великих западных наций. Иногда недостаточно и заявления о своем нейтралитете. Как мы теперь знаем, на тот случай, если бы Франция не выполнила своих союзных обязательств по отношению к России и проявила бы склонность остаться в стороне от развязанного Германией конфликта, германский посол был уполномочен потребовать

передачи германской армии крепостей Туля и Вердена, как гарантии того, что Франция, провозгласив свой нейтралитет, не переменит в какой-либо момент своего решения...

Мы сами, если наша безопасность не будет должным образом обеспечена, можем еще при жизни здесь присутствующих при каком-либо случае получить визит некоего посла и можем оказаться вынужденными дать ответ, и, если этот ответ не будет сочтен удовлетворительным, уже через немного часов грохот взрывающихся в Лондоне бомб, рассыпающихся стен, огонь и дым обнаружат каждое опущение, которое было допущено в нашей противовоздушной обороне. Мы уязвимы, как еще не были никогда раньше. Я часто слышал критику довоенного либерального правительства... Много более тяжелая ответственность лежит на тех, кто сейчас стоит у власти, если каким-либо образом, против нашей воли и вопреки нашим упованиям, разразится несчастье. Ни один из уроков прошлого не был усвоен, ни один из них не был использован, а положение неизмеримо более опасно. Тогда у нас был флот, и не было угрозы с воздуха. Тогда флот был «надежным щитом» Британии... Мы не можем сказать это теперь. Это проклятое, адское изобретение и развитие воздушной войны революционизировали наше положение. Мы уже не такая страна, какой мы были, когда еще только двадцать лет тому назад были островом».

Я требовал тогда, чтобы немедленно были приняты три определенных решения. Для армии в Англии, как это имеет место во всей Европе, должна начаться реорганизация невоенных фабрик, так чтобы они могли быть быстро приспособлены к военным целям. Для флота мы должны вернуть себе свободу выбора типов судов. Мы должны избавиться от Лондонского договора, который мешал нам строить те суда, которые нам были нужнее, и удержал Соединенные Штаты от постройки большого броненосца, в котором они, вероятно, нуждались, и возражать против которого мы не имели бы ни малейшего основания. Сделать это нам должно быть тем легче, что другая сторона, участвовавшая в договоре (Япония), тоже решила вернуть себе свободу действия. В-третьих, воздух. Мы должны иметь авиацию такой же силы, как французская или германская, смотря по тому, которая из них сильнее. Правительство располагало подавляющим большинством в обеих палатах и ему ни в чем не было бы отка-

зано. Оно только должно было сделать эти предложения с уверенностью в их важности для безопасности страны, и оно получило бы поддержку своих соотечественников.

**

В этот момент имел место проблеск европейского единения против германской угрозы. 17-го февраля 1934 года британское, французское и итальянское правительства сделали совместное заявление о сохранении австрийской независимости. 14-го марта я опять говорил в Парламенте:

«Ужасающая опасность нашей теперешней внешней политики в том, что мы не перестаем требовать от французов, чтобы они себя ослабили. И что, по нашим словам, должно быть для них побуждением? Мы говорим «ослабить себя» и мы все время поддерживаем у них надежду, что, если они это сделают, а затем окажутся в беде, то мы так или иначе придем им на помощь, хотя нам не с чем идти им на помощь. Я не могу себе представить более опасную политику. Можно кое-что сказать в пользу изоляции, кое-что можно сказать в пользу союзов. Но ничего нельзя привести в пользу ослабления на континенте той державы, с которой вы будете в союзе, в то же время все глубже вовлекаясь в континентальные осложнения, которые ей предстоит распутывать. Таким путем вы не достигнете ни того ни другого, но имеете худшую сторону и того и другого.

У римлян было правило: «Укорачивайте оружие и удлиняйте границы». Но нашим правилом, повидимому, является: «Уменьшайте ваше оружие и увеличивайте ваши обязательства». Да, и «Уменьшайте оружие ваших друзей».

**

Италия сделала решительную попытку применить приведенное выше римское правило. 17-го марта Италия, Венгрия и Австрия подписали так называемые Римские протоколы, предусматривавшие взаимную консультацию в случае возникновения опасности для какой-либо из трех подписавших сторон. Но Гитлер становился все сильнее, и в мае и июне подрывная деятельность усилилась по всей Австрии. Дольфус немедленно послал Сувичу отчеты о террористических актах, жалуясь на их неблагоприятное влияние на австрийскую торговлю и на туризм,

С этим досье в руках Муссолини прибыл 14-го июня в Венецию, чтобы в первый раз встретиться с Гитлером. Германский канцлер сошел с самолета в коричневом макинтоше и мягкой шляпе к шеренге сверкающих фашистских мундиров во главе с блистательным и осанистым Дуче. Посмотрев на своего гостя, Муссолини шепнул своему адъютанту: “Non mi piace” («Он мне не нравится»). Во время этой странной встречи имел место лишь общий обмен идей с лекциями с обеих сторон о достоинствах диктатуры германского и итальянского образцов. Муссолини был приведен в недоумение личностью и манерой говорить своего гостя. Он резюмировал свое впечатление словами: «Болтливый монах». Он однако получил некоторые заверения об ослаблении германского давления на Дольфуса. После свидания Чиано заявил журналистам: «Вы увидите. Больше ничего не случится».

Но наступившая пауза в германской активности была вызвана не настояниями Муссолини, а собственными внутренними заботами Гитлера.

**

Приход к власти раскрыл глубокое расхождение между фюрером и многими из тех, кто вынесли его наверх. Под руководством Рема С.А. все больше представляли наиболее революционные элементы партии. Среди старших членов партии были такие, как Грегор Штрассер, пламенные сторонники социальной революции, которые боялись, что Гитлер, достигнув первого места в государстве, просто окажется орудием в руках существующей иерархии, рейхсвера, банкиров и промышленников. Он был бы не первым революционным вождем, спущенным вниз по лестнице после того, как он добрался до ее верхушки. Для рядовых С. А. (коричневые рубашки) победа в январе 1933 означала предоставление им свободы грабить не только евреев и спекулянтов, но и все зажиточные, солидные классы общества. В некоторых кругах партии скоро стали распространяться слухи о великой измене Вождя. Начальник штаба С. А. Рем энергично действовал

под влиянием этого импульса. В январе 1933 года имелось четыреста тысяч С.А. К весне 1934 года он набрал и организовал почти три миллиона. Гитлер в своем новом положении был обеспокоен ростом этой гигантской машины, которая, правда, провозглашала пламенную преданность и в своем большинстве была глубоко к нему привязана, но уже начала ускользать от его контроля. Раньше он имел свою личную армию. Теперь у него была национальная армия. Он не намеревался менять одну на другую, а хотел иметь обе и, чтобы использовать каждую из них, как того требовали обстоятельства, иметь под своим контролем и другую. Теперь он должен был, поэтому, урегулировать отношения с Ремом. В те дни он заявил лидерам С.А.: «Я твердо решил сурово подавить всякую попытку разрушить существующий порядок. Я с беспощадной энергией буду противодействовать второй революционной волне, потому что она неизбежно принесет с собой хаос. Кто бы ни поднял свою голову против установленной государственной власти, будет строго наказан, каково бы ни было его положение».

Несмотря на свои опасения, Гитлеру не легко было поверить в нелояльность своего товарища по мюнхенскому «путчу», который в течение последних семи лет был начальником штаба его армии «Коричневых рубашек». Когда в декабре 1933 года было провозглашено единство партии и государства, Рем стал членом совета министров. Одним из следствий объединения партии с государством должно было быть слияние «коричневых рубашек» с рейхсвером. Быстрый прогресс вооружения Германии выдвинул на первый план вопрос о статусе всех германских вооруженных сил и о руководстве ими. В феврале 1934 Иден приехал в Берлин, и в разговоре с ним Гитлер пока что согласился дать некоторые гарантии сохранения невоенного характера С. А. У Рема уже были постоянные трения с начальником генерального штаба армии генералом Бломбергом. Теперь он боялся, что партийная армия, на создание которой он потратил столько лет, будет принесена в жертву, и, несмотря на полученные им предостереже-

ния, он опубликовал 18-го апреля недвусмысленный вызов:

«Революция, которую мы совершили, есть не национальная, а национально-социалистическая революция. Мы бы даже хотели еще подчеркнуть эти слова «социалистическая». Единственный оплот, существующий против реакции, представляют собой наши штурмовые отряды, так как они являются абсолютным воплощением революционной идеи. Каждый член организации «Коричневых рубашек» с первого дня посвятил себя пути революции, и он не отклонится ни на волос, пока не будет достигнута наша конечная цель».

В этом случае он опустил “Heil Hitler”, бывшее обычным заключением всех речей «Коричневых рубашек».

В апреле и мае Бломберг постоянно жаловался Гитлеру на наглость С.А. и на их действия. Фюреру приходилось выбирать между генералами, которые его ненавидели, и разбойниками в коричневых рубашках, которым он был так много обязан. Он выбрал генералов. В начале июня Гитлер в пятичасовом разговоре сделал последнюю попытку примириться и договориться с Ремом. Но никакой компромисс с этим пожирым честолюбием и извращенным фанатиком не был возможен. Непроходимая пропасть разделяла мистическую иерархическую «Большую Германию», о которой мечтал Гитлер, и пролетарскую республику народной армии, которую хотел Рем.

Внутри организации «Коричневых рубашек» была образована небольшая и особо обученная элита, носившая черную форму и ставшая известной как С.С., а позднее как «Черные рубашки». Эти части предназначались для личной охраны Фюрера и для специальных и конфиденциальных заданий. Ими командовал бывший неудачный куровод Гейнрих Гиммлер. Предвидя предстоящий конфликт между Гитлером и армией, с одной стороны, и Ремом с его «Коричневыми рубашками» с другой, он позаботился о том, чтобы С.С. примкнул к лагерю Гитлера. С другой стороны, Рем имел в партии поддержку очень влиятельных фигур, которые, как Грегор Штрассер, видели, как отбрасывались их неистовые планы социальной революции.

Были свои бунтари и в рейхсвере. Бывший канцлер фон Шлейхер не забыл немилости, в которую он впал в январе 1933, а также того, что вожди армии не избрали его преемником Гинденбурга. В столкновении между Гитлером и Ремом Шлейхер видел шанс для себя. Он был даже настолько неосторожен, что намекнул французскому послу в Берлине, что падение Гитлера было недалеко. Это было повторением того, что он сделал по отношению к Брюнингу. Но время стало более опасным.

В Германии будут долго спорить о том, был ли Гитлер вынужден нанести свой удар вследствие непосредственной угрозы заговора Рема, или же он и генералы, боясь того, что может произойти, решили произвести полную ликвидацию, пока они обладали властью. В интересах Гитлера и победившей группы явным образом было показать, что существовал заговор. То, что Рем и «Коричневые рубашки», действительно, зашли так далеко, представляется невероятным. Они были не столько заговором, сколько опасным движением, но эта граница могла быть перейдена в любой момент. Достоверно то, что они сосредотачивали свои силы. Достоверно тоже, что они были предупреждены.

Теперь события развивались быстро. 25-го июня рейхсвер был оставлен в казармах, и оружие было выдано «Черным рубашкам». На противной стороне «Коричневым рубашкам» было приказано быть наготове, а Рем с согласия Гитлера созвал на 30-е июня конференцию старших начальников в Висзее в районе баварских озер. Гитлер был 29-го предупрежден о серьезной опасности. Он полетел в Годесберг, где к нему присоединился Геббельс, привезший тревожные известия о предстоящем восстании в Берлине. Согласно Геббельсу, адъютант Рема Карл Эрнст получил приказ попытаться поднять восстание. Это неправдоподобно. В действительности Эрнст был в Бремене, чтобы из этого порта отправиться в свое свадебное путешествие.

На основании этой, правильной или ложной, информации Гитлер немедленно принял свои решения.

Он приказал Герингу перенять управление Берлином. Сам он направил свой аэроплан в Мюнхен, решив лично арестовать своих главных противников. В той ситуации борьбы на жизнь или смерть, которая теперь создалась, он показал себя страшным человеком. Все время полета он сидел на месте второго пилота, погруженный в мрачные мысли. Аэроплан спустился на аэродроме около Мюнхена в 4 часа утра 30-го июня. Гитлер имел с собой, кроме Геббельса, десяток своих личных телохранителей. Он поехал в Коричневый дом в Мюнхене, вызвал туда начальников местных С.А. и всех их арестовал. В 6 часов только с Геббельсом и своим небольшим эскортом он направился на автомобиле в Висзее.

Летом 1934 года Рем был болен и отправился в Висзее на лечение. Для жизни он выбрал себе небольшую дачу, принадлежавшую лечившему его доктору. Для организации немедленного восстания нельзя было бы выбрать худшей главной квартиры. Домик стоит в конце узкого тупика. Всех проходящих и уходящих было легко заметить. Не было достаточно большой комнаты для будто бы предстоявшего собрания начальников С.А. В доме был только один телефон. Все это плохо вяжется с теорией непосредственного предстоявшего переворота. Если Рем и его сторонники были накануне восстания, они, несомненно, были небрежны.

В семь часов процессия автомобилей Фюрера подъехала к домику Рема. Один и без оружия Гитлер поднялся по лестнице и вошел в спальню Рема. Что произошло между ними, никогда не стало известно. Рем был захвачен совершенно врасплох, он и его личный штаб были арестованы без какого-либо инцидента. Небольшая группа с ее пленниками направилась теперь по дороге в Мюнхен. Случилось так, что они вскоре встретили колонну грузовиков с вооруженными С. А., ехавшими приветствовать Рема по случаю созванной на полдень в Висзее конференции. Гитлер вышел из своего автомобиля, вызвал командующего офицера и с властной уверенностью приказал

ему отвезти его людей домой. Его приказание было тотчас же исполнено. Если бы он прибыл часом позднее или они приехали бы на час раньше, большие события приняли бы иной оборот.

По прибытии в Мюнхен Рем и его свита были помещены в ту же тюрьму, в которой десять лет до этого он и Гитлер были заключены вместе. После полудня начались расстрелы. В камеру Рема был положен револьвер, но так как он не последовал этому приглашению, то через несколько минут дверь камеры раскрылась, и он был изрешечен пулями. До самого вечера расстрелы производились в Мюнхене с небольшими перерывами. Время от времени приходилось сменять расстреливающие команды по восьми человек вследствие психического напряжения у солдат. Но в течение нескольких часов повторяющиеся залпы были слышны примерно каждые десять минут.

Тем временем в Берлине Геринг, получив известие от Гитлера, применил ту же процедуру. Но тут, в столице, убийства распространились за пределы иерархии С.А. Шлейхер и его жена, бросившаяся, чтобы его прикрыть, были застрелены в их доме. Грегор Штрассер был арестован и убит. Личный секретарь и ближайшее окружение Папена тоже были расстреляны; но по какой-то неизвестной причине его самого пощадили. В Лихтерфельдских казармах в Берлине свершилась судьба Карла Эрнста, доставленного туда из Бремена; и здесь, как в Мюнхене, залпы палачей были слышны весь день. По всей Германии в течение этих двадцати четырех часов много людей, не связанных с заговором Рема, исчезли как жертвы мелкой мести, а иногда из-за очень давних счетов. Так, например, Отто Кар, который как глава Баварского правительства, подавил в 1923 году «путч», был найден мертвым в лесу около Мюнхена. Общее число «ликвидированных» по разным подсчетам определялось между пятью и семью тысячами.

К вечеру этого кровавого дня Гитлер на аэроплане вернулся в Берлин. Пора было покончить с бойней, с каждым моментом распространявшейся все шире.

Вечером несколько эсэсовцев, которые в избытке усердия зашли немного слишком далеко, расстреливая заключенных, сами были отправлены на расстрел. Около часу в ночь на 1-ое июля звуки выстрелов прекратились. Днем Фюрер появился на балконе Государственной канцелярии, чтобы принять приветствия берлинской толпы, в которой многие думали, что он сам был среди жертв. Некоторые говорят, что он имел растерянный, другие, — что у него был торжествующий вид. Возможно, что у него было и то и другое. Его стремительность и беспощадность спасли его дело и, без сомнения, его жизнь. В эту «ночь длинных ножей», как ее прозвали, было спасено единство национал-социалистической Германии, чтобы она смогла распространить свое проклятие по всему миру.

Через две недели Фюрер произнес речь в рейхстаге, сидевшим перед ним с чувством преданности или в страхе. В течение двух часов он развил продуманную защиту своих действий. Эта речь обнаружила его знание немецкой психологии и его несомненное умение убеждать. Самым сильным местом было:

«Вследствие необходимости действовать с молниеносной быстротой в решающий час со мной было очень мало людей... Хотя лишь за несколько дней до этого я готов был проявить снисходительность, в тот час для нее уже не было места. Бунты подавляются согласно железным законам, которые вечно остаются теми же самыми. Если кто-нибудь станет меня упрекать и спросит, почему я не обратился для осуждения виновных к нормальному суду, то вот все, что я могу ему ответить: в тот час я был ответственен за судьбу немецкого народа и тем самым стал верховным судьей немецкого народа... Я не хотел обречь молодую империю на судьбу старой империи. Я отдал приказ расстреливать тех, кто были вожаками этой измены».

«И дальше я отдал приказ выжечь до голого мяса язвы, отравляющие источники как нашей внутренней жизни, так и жизни внешнего мира».

Затем последовала путаная, но выразительная метафора:

«Я очень рад, что Конференция по разоружению из жизни перешла в историю. Смешивать разоружение с миром является большой ошибкой. Когда вы имеете мир, у вас

будет и разоружение. Но в течение этих последних лет имело место постоянное ухудшение отношений между различными странами, постоянный рост недоброжелательства, постоянный и при том быстрый рост вооружений, непрерывно происходивший все эти годы, несмотря на бесконечный поток красноречия, благодушных чувств и банкетов, которыми отличалась эта эпоха.

Эти убийства, вполне естественные для действовавших при этом отвратительных сил, показали, что новый повелитель Германии не остановится ни перед чем, и что Германия перестала походить на цивилизованное государство. Мир имел дело с диктатурой, держащейся террором и пахнувшей кровью. Антисемитизм был неистов и бесстыден, система концентрационных лагерей уже полностью функционировала для всех неугодных или политически несогласных элементов. Я был глубоко потрясен происшедшим, и весь процесс вооружения Германии, доказательства которого имелись теперь в подавляющем количестве, представлялся мне окрашенным в беспощадный, зловещий цвет. Он сверкал и пылал.

**
*

Мы должны теперь на короткое время вернуться к Палате Общин. В июне 1934 года постоянный комитет Конференции по разоружению в Женеве прервал свою деятельность на неопределенное время. 13-го июля я сказал следующее:

«Европа будет спокойна, когда ее нации перестанут чувствовать себя в большой опасности, как многие из них чувствуют себя теперь. Тогда гнет и бремя вооружений упадут автоматически, как это должно быть при длительном мире, и тогда будет легко закрепить такое развитие каким-либо всеобщим соглашением. Я действительно надеюсь, что мы достигли конца того периода, когда наше правительство добивалось от Франции — миролюбивой Франции, страны без милитаризма — ослабления ее вооруженных сил. Я рад тому, что Франция не последовала советам, которые ей так щедро давались с разных сторон и которые лидер оппозиции (Лэнсбюри), без сомнения, поддержал бы.

Теперешняя Германия не единственная, которую мы увидим в нашей жизни, но мы должны считаться с тем, что в настоящее время два или три человека, положение которых, может быть, является безнадежным, держат в своей

власти всю эту могущественную страну, этот ученый, умный, послушный и храбрый народ, семьдесят миллионов населения; что там нет такого династического интереса, являющегося сдерживающим началом в политике монархии, так как она думает о далеком будущем и у нее есть много что терять; и что там нет общественного мнения, кроме того, которое фабрикуется новыми и страшными машинами — радио и контролируемой печатью. Политика в Германии не то, что здесь. Там вы не уходите от власти, чтобы перейти в оппозицию. Не оставляете передней скамьи, чтобы сидеть ниже прохода. Там вы можете покинуть свою высокую должность с предупреждением за четверть часа, чтобы доехать до полицейской станции, а затем вас могут очень быстро повести на еще более серьезные испытания.

Я думаю, что в таком положении люди очень легко могут поддаваться соблазну делать и то, чего не стала бы делать даже военная диктатура, потому что военная диктатура при всех ее многочисленных недостатках по крайней мере базируется на очень тщательном изучении реальных фактов. Такого рода диктатура более опасна, чем была бы военная диктатура, потому что вы имеете перед собой людей, которые, чтобы спасти себя от опасности, грозящей им внутри страны, легко могут броситься во внешнюю авантюру самого опасного и катастрофического характера для всего мира».

**
*

Первый соблазн подобной авантюры явился очень скоро.

В начале июля 1934 года наблюдалось большое оживление на горных перевалах, ведущих из Баварии на австрийскую территорию. Позднее в июле же немецкий курьер попался в руки австрийской пограничной полиции. Он имел при себе документы, включая ключи к шифрам, которые указывали на то, что уже готов был целый план восстания. Организатором переворота должен был быть Антон фон Ринтелен, в то время австрийский посланник в Италии. Дольфус и его министры медленно реагировали на предостережения о надвигающемся кризисе и на обнаружившиеся рано утром 25-го июля признаки непосредственно предстоящего восстания. Утром венские нацисты были мобилизованы. Около часу пополудня вооруженные повстанцы проникли в Государственную канцелярию, и Дольфус, пораженный двумя смертельными револь-

верными пулями, был оставлен, медленно истекающий кровью. Другой отряд нацистов захватил радиостанцию и возвестил отставку правительства Дольфуса и переход власти к Ринтелену.

Но другие члены правительства Дольфуса действовали твердо и энергично. Президент Миклос отдал формальный приказ любой ценой восстановить порядок. Министр юстиции Шушниг взял на себя функции главы правительства. Большинство армии и полиции признали его правительство и осадили здание Государственной канцелярии, где умирал Дольфус, окруженный небольшой группой повстанцев. Восстание вспыхнуло также в провинциях, и отряды австрийского легиона, сформированного в Баварии, перешли границу. Тем временем Муссолини узнал о происшедшем. Он телеграфировал главе австрийского «хаймвера» князю Штарембергу, обещая итальянскую поддержку австрийской независимости. Прилетев специально для этого в Венецию, Дуче принял там вдову Дольфуса со всеми знаками соболезнования. Одновременно три итальянских дивизии были направлены к Бреннерскому перевалу. Тогда знавший границы своей силы Гитлер отступил. Германский посланник в Вене Рит и другие германские должностные лица, замешанные в восстании, были отозваны или уволены в отставку. Попытка не удалась. Нужен был более длительный процесс. Папен, только что спасшийся от кровавой бойни, был назначен посланником в Вене с инструкцией действовать более тонкими средствами.

Папен был назначен германским посланником в Вене с определенным заданием организовать низвержение австрийской республики. Он имел двойную задачу: поддержку подпольной австрийской нацистской партии, которая с тех пор получала месячную субсидию в двести тысяч марок, и компрометирование или привлечение на свою сторону руководящих фигур австрийской политической жизни. Вскоре после своего назначения он говорил со своим американским коллегой в Вене с откровенностью, доходившей до неосторожности.

«Самым откровенным и циничным образом, — говорит американский посланник, — Папен стал объяснять мне, что вся юго-восточная Европа до турецкой границы является естественным хинтерландом Германии, и что ему поручена миссия осуществить германский экономический и политический контроль над всей этой областью. Он спокойно и без обиняков сказал, что первым шагом является осуществление контроля над Австрией. Он надеется использовать свою репутацию доброго католика, чтобы приобрести такое же влияние на австрийцев, какое имеет кардинал Инницер.

Германское правительство твердо решило осуществить свой контроль над юго-восточной Европой. Ничто не может его остановить. Политика Соединенных Штатов не «реалистична», как и политика Франции и Англии».

Среди этих трагедий и тревог умер престарелый фельдмаршал Гинденбург, который за последние месяцы почти совершенно одряхлел и все более являлся орудием Рейхсвера. Гитлер стал главой государства, сохранив пост канцлера. Теперь он был суверенным властителем Германии. Его сделка с Рейхсвером была спаяна и закреплена кровавой чисткой. «Коричневые рубашки» были приведены к покорности и снова дали заверения своей преданности Фюреру. Все противники и возможные соперники были выкорчеваны из их рядов. С тех пор они потеряли свое влияние и стали чем-то вроде особой полиции при разных торжествах. Наоборот, увеличенные в численности и усиленные привилегиями и дисциплиной «Черные рубашки» стали, под начальством Гиммлера, преторианской гвардией Фюрера, противовесом к вождям армии и военной касты, а также политическими войсками, подкреплявшими своей значительной военной силой деятельность все расширявшейся тайной полиции или Гестапо. Оставалось только дать этой концентрации силы санкцию манипулированного плебисцита, чтобы сделать диктатуру Гитлера законченной и абсолютной.

События в Австрии сблизили Францию и Италию, а потрясающее впечатление, произведенное убийст-

вом Дольфуса, привело к обмену мнений между генеральными штабами. Угроза австрийской независимости содействовала пересмотру франко-итальянских отношений, которые должны были включать не только вопрос о равновесии сил на Средиземном море и в Северной Африке, но также позиции обеих стран в юго-восточной Европе. Но Муссолини хотел обеспечить не только позицию Италии в Европе против возможной угрозы со стороны Германии, но и будущность ее африканской империи. Против Германии были бы полезны близкие отношения с Францией и Англией, но на Средиземном море и в Африке разногласия с обеими этими державами могли оказаться неизбежными. Дуче раздумывал, не может ли общая потребность Италии, Франции и Англии в безопасности быть для бывших союзников Италии побуждением согласиться с ее империалистической программой в Африке. Во всяком случае это казалось многообещающей линией итальянской политики.

**
*

Во Франции после скандала Ставиского и февральских беспорядков на смену Даладьё пришло правительство «правого центра» во главе с Думергом и с Барту, как министром иностранных дел. После подписания Локарнских договоров Франция все время хотела добиться формального соглашения о предохранительных мероприятиях на востоке. Нежелание Англии принимать обязательства дальше Рейна, отказ Германии заключить связывающие ее соглашения с Польшей и Чехословакией, опасения относительно русских намерений в странах Малой Антанты, подозрения русских в отношении капиталистического Запада, все это мешало осуществлению французской программы. Однако, в сентябре 1934 г. Луи Барту решил продвинуть эту идею. Его первоначальный план был предложить «Восточный пакт», объединяющий Германию, Россию, Польшу, Чехословакию и балтийские страны на основе гарантии Францией европейских границ России и Россией — восточных границ Германии. И

Германия и Польша были против Восточного пакта; но Барту удалось добиться вступления России в Лигу Наций 18-го сентября 1934 г. Это был шаг большого значения. Литвинов, который представлял советское правительство, был знаком со всеми сторонами международной политики. Он с таким успехом приспособился к атмосфере Лиги Наций и стал говорить на ее языке, что скоро стал в ней выдающейся фигурой.

Было естественно, что в своих поисках союзников против Германии, которой было позволено усиливаться, Франция повернулась к России и старалась снова создать равновесие сил, которое существовало до войны. Но в октябре произошла трагедия. В интересах французской политики на Балканах король Югославии был официально приглашен посетить Париж. Он прибыл в Марсель, был встречен Барту и вместе с ним и генералом Жоржем ехал на автомобиле по улицам, запруженным веселой толпой, приветствовавшей его с флагами и цветами. Но из мрачных тайников сербского и хорватского подполья на европейскую сцену снова вышел гнусный заговор и, как в Сараеве в 1914, банда убийц, готовая пожертвовать своей жизнью, оказалась на месте действия. Принятые французской полицией меры не были строгими и продуманными. Человек выскочил из ликующей толпы, поднялся на ступеньку автомобиля и из автомата сделал несколько выстрелов в короля и его спутников. Убийца был немедленно убит саблей конного солдата республиканской гвардии, позади которого он проскользнул. Возникло дикое смятение. Король Александр скончался почти немедленно. Генерал Жорж и Барту вышли из автомобиля, истекая кровью. Генерал был слишком слаб, чтобы двигаться, но скоро получил медицинскую помощь. Министр прошел в толпу. Прошло двадцать минут, прежде чем на него обратили внимание. Он был вынужден подняться по лестнице в кабинет префекта, прежде чем смог получить медицинскую помощь; доктор приложил останавливающий кровь инструмент ниже раны. Барту уже по-

терял много крови, ему было семьдесят два года и он умер через несколько часов. Это был тяжелый удар для французской внешней политики, которая при нем начала становиться последовательной. Его преемником на посту министра иностранных дел стал Пьер Лаваль. Позорная роль, которую позднее играл Лаваль, и его судьба не должны мешать признанию силы его личности и его способностей. У него был ясный и острый ум. Он считал, что Франция должна во что бы то ни стало избежать войны и надеялся достигнуть этого посредством соглашений с итальянским и германским диктаторами, к режимам которых он относился без предубеждения. Он не доверял советской России. Несмотря на дружественные заявления, которые он время от времени делал, он не любил Англии и не считал ее ценным союзником. В то время во Франции Англия вообще не пользовалась хорошей репутацией. Первой целью Лавалья было достичь окончательного соглашения с Италией, и ему казалось, что время для этого уже созрело. Германская опасность была кошмаром французского правительства, и оно готово было на большие уступки, чтобы привлечь на свою сторону Италию. В январе 1935 г. он поехал в Рим и подписал ряд соглашений, имевших целью устранить главные препятствия к сближению обеих стран. Оба правительства признавали вооружение Германии нелегальным. Они договорились о взаимной консультации в случае новых угроз независимости Австрии. В колониальной области Франция обязалась сделать административные уступки, касающиеся положения итальянцев в Тунисе, уступила Италии несколько полос территории у границы Ливии и Сомали, а также предоставила Италии двадцатипроцентное участие в железной дороге между Джибути и Аддис-Абебой. Эти разговоры должны были создать условия для более формальных переговоров между Францией, Италией и Англией с целью образования общего фронта против растущей германской опасности. Но в ближайшие месяцы все было прервано итальянской агрессией против Абиссинии.

**
*

В декабре 1934 г. произошло столкновение между итальянскими и абиссинскими солдатами у водоема Вал-вал на границе Абиссинии и итальянским Сомали. Это должно было впоследствии стать предлогом для Италии предъявить свои притязания на Эфиопское королевство. Так проблема сдерживания Германии в Европе была осложнена и искажена судьбой Абиссинии.

**
*

В этой связи надо упомянуть еще об одном событии. Согласно Версальскому договору, Саарская область, небольшая полоса германской территории с богатыми угольными копами и значительным производством железа, должна была по истечении пятнадцати лет решить посредством плебисцита, хочет или нет ее население вернуться к Германии. Голосование было назначено на январь 1935 г. В результате не могло быть сомнений. Было несомненно, что большинство будет за возвращение к германскому отечеству, и эта уверенность удваивалась тем, что формально управляемая Лигой Наций область фактически находилась под контролем руководства местной нацистской партии. Барту понимал, что в конце концов Саарская область неминуемо вернется к Германии, но был склонен настаивать на известных гарантиях для тех, кто будут голосовать против немедленного воссоединения с Германией. Убийство Барту изменило тон французской политики. 3-го декабря 1934 г. Лаваль заключил непосредственное с Германией соглашение об угольных копах, а через три дня публично заявил перед Советом Лиги Наций, что Франция не будет противиться возвращению Саарской области Германии. Плебисцит состоялся 13-го января 1935 под международным наблюдением, в котором участвовала британская бригада, и эта территория, кроме Данцига, единственное осуществление суверенитета Лиги, дала 90,3% голосов за возвращение к Германии. Это моральное торжество наци, хотя и бывшее результатом нормального и неизбежного развития, увеличило пре-

стиж Гитлера и как бы увенчало его авторитет примером искреннего волеизъявления немецкого народа. Но он отнюдь не был умиротворен, и еще менее поддался влиянию этого доказательства беспристрастия и корректности Лиги Наций. Это, без сомнения, лишь укрепило его убеждение, что Союзники были глупыми декадентами. Со своей стороны он продолжал преследовать свою главную цель — увеличение вооруженных сил Германии.

7.

РАВЕНСТВО ВОЗУШНЫХ СИЛ УТРАЧЕНО

1934 — 35

Германский генеральный штаб не считал возможным, чтобы раньше 1943 года была сформирована и доведена до полного развития германская армия по размерам превышающая французскую, и чтобы эта армия была достаточно снабжена арсеналами и снаряжением. Германский флот, за исключением подводных лодок, не мог быть вновь выстроен таким, как он был ранее, менее чем в 12 или 15 лет, и его восстановление было тяжелым осложнением для других планов. Но благодаря злополучному открытию незрелой цивилизацией двигателя внутреннего сгорания и искусства летать, на сцене появились новые орудия соперничества между народами, способные гораздо скорее изменить соотношение военной мощи государств. Если первоклассное государство, участвующее в постоянном накоплении человеческих знаний и прогрессе наций, посвятит себя такой задаче, ему может оказаться достаточным четырех или пяти лет, чтобы создать мощную, а, может быть, и самую мощную авиацию. Этот срок, без сомнения, может быть сокращен, если имелась какая-либо подготовка и предварительная работа мысли.

Как и в случае с германской армией, воссоздание германской авиации долго и тщательно подготовля-

лось в тайне. Уже в 1923 году Зект решил, что будущая германская авиация должна быть частью германской военной машины. Пока что он удовольствовался созданием внутри «армии без авиации», вполне отчетливого скелета воздушных сил, который нельзя было разглядеть или во всяком случае которого не разглядели извне. Из всех видов вооруженных сил авиацию труднее всего измерить или даже точно описать. В каждый данный момент трудно судить и еще труднее точно определить, в какой мере фабрики и учебные аэродромы гражданской авиации имеют военную ценность. Было много возможностей скрывать, маскировать, обходить договор. Воздух и только воздух давал Гитлеру возможность быстрого перехода к равенству, а затем и к преобладанию по сравнению с Францией и Англией в существенной отрасли вооруженных сил. Но что же делали Франция и Англия?

Осенью 1933 года было уже ясно, что Англия не сможет добиться разоружения ни увещаниями ни еще менее примером. На пацифизм Рабочей и Либеральной партий не повлияло даже такое угрожающее событие, как выход Германии из Лиги Наций. Обе партии продолжали во имя мира требовать разоружения Великобритании, и всякий, кто с ними не соглашался, получал прозвание «подстрекателя к войне» и паникера. Было ясно, что их настроение имело поддержку населения, которое, конечно, не понимало, что происходило. 25-го октября на выборах в Ист Фульхэте волна пацифистских настроений увеличила число социалистических голосов почти на девять тысяч, а консерваторы потеряли больше десяти тысяч. Победивший кандидат Вильмот заявил после выборов, что «британский народ требует... чтобы его правительство указало путь всему миру, немедленно начав политику разоружения». А Лэнсбюри, который был тогда лидером Рабочей партии, говорил, что «как первый шаг к общему разоружению» все нации должны «разоружиться до германского уровня». Эти выборы произвели глубокое впечатление на Болдвина, который напомнил о них три года спустя в одной знаменатель-

ной речи. В ноябре происходили выборы в германский рейхстаг, при которых были допущены только отобранные Гитлером кандидаты, и наци получили 95% всех голосов.

Было бы неправильно при обсуждении политики Британского правительства не упомянуть страстного желания мира, которое одушевляло неинформированное или плохо информированное большинство населения и, казалось, грозило политической смертью той партии или тому политику, которые дерзнули бы взять другой политический курс. Но это не может служить оправданием для политических деятелей, которые не выполнили своего долга. Для партий и политиков много лучше потерять власть, чем подвергать опасности жизнь нации. Более того, в нашей истории не было случая, когда какое-либо правительство, требовавшее от Парламента и народа необходимых для защиты страны мероприятий, получило бы отказ. Те, кто запугиванием сбивали с пути робкое правительство Макдональда-Болдвина, должны по меньшей мере молчать.

В марте 1934 года кредиты для авиации составляли всего двадцать миллионов и предусматривали образование четырех новых эскадрилий или увеличение воздушных сил первой линии с 850 до 890 аэропланов. Дополнительный расход на первый год должен был составить 130.000 фунтов. Я сказал по этому поводу:

«Как это признано, мы в лучшем случае являемся теперь пятой воздушной державой. Мы имеем только половину воздушной силы нашего ближайшего соседа Франции. Германия быстро вооружается, и никто не собирается ее остановить. Это, повидимому, совершенно ясно. Никто не предлагает превентивной войны, чтобы остановить нарушения Германией Версальского договора. Она будет вооружаться; она делает это; она делала и делает это. Я не знаю деталей, но хорошо известно, что этот очень одаренный народ с его наукой, с его фабриками — и с тем, что они называют «воздушным спортом» — может в очень короткое время со стремительной быстротой создать самые мощные воздушные силы для любого назначения, и для нападения и для обороны. Я со страхом думаю о дне, когда

в руках нынешних властителей Германии окажутся средства для угрозы сердцу Британской Империи. Мы окажемся в положении невыносимом для каждого, кто ценит свободу действия и независимость, а также в положении крайней опасности для нашего скученного мирного населения, занятого своим каждодневным трудом. Я боюсь этого дня, но он, может быть, не очень далек. Нас отделяет от него, может быть, год или, может быть, полтора. Он еще не пришел — я по крайней мере так думаю и надеюсь и молюсь об этом: но он не очень далек. Для нас настало время принять необходимые меры, но именно мер и не хватает. Нам необходимы меры, чтобы достигнуть равенства. Ни одна нация, играющая и желающая играть в мире роль, которую мы играем, не имеет права быть в таком положении, когда ее можно шантажировать... Ни один из спорных пунктов между победителями и побежденными не улажен. Дух агрессивного национализма никогда не был так силен в Европе и во всем мире. Далекі дни Локарно, когда мы питали радужные надежды на воссоединение семьи европейских народов».

Я обращался к Болдвину, как к человеку, имевшему власть, чтобы действовать. У него была власть, и на нем лежала ответственность. В своей ответной речи Болдвин заявил:

«Если все наши усилия достичь соглашения окажутся тщетными и не будет достигнуто равенства в тех пунктах, о которых я говорил, тогда любое правительство, и Национальное правительство, это правительство более, чем какое-либо другое, позаботится о том, чтобы в отношении воздушных сил наша страна не уступила ни одной стране, которая в состоянии достичь ее берегов».

Это было самое торжественное и определенное обязательство, и оно было дано тогда, когда почти наверное оно могло быть выполнено посредством энергичного действия, задуманного в широком плане.

**
*

Хотя Германия еще не нарушила открыто статей мирного договора, запрещавшего ей иметь военную авиацию, гражданская авиация и колоссальное развитие полетов на планерах достигли теперь того пункта, когда они могли очень быстро усилить и расширить уже созданную секретную и нелегальную воен-

ную авиацию. Громогласное изобличение Гитлером коммунизма и большевизма не мешало тому, что Германия тайно поставляла России вооружение. С другой стороны, начиная с 1927 г., германские пилоты получали в России военную тренировку. Дело шло не без колебаний, но в 1932 году британский посол в Берлине сообщил о тесном техническом сотрудничестве рейхсвера с Красной армией. Как в Италии фашистский диктатор почти сейчас же после прихода к власти был первым, кто заключил торговый договор с Советской Россией, так и отношения между нацистской Германией и обширным советским государством, видимо, не терпели ущерба от открытой вражды идеологий.

**

Тем не менее, когда 20-го июля 1934 года наше правительство внесло запоздалые и недостаточные предложения об усилении Королевских воздушных сил на сорок одну эскадрилью, то есть около 820 аэропланов, при том лишь в течение пяти лет, Рабочая партия при поддержке Либералов внесла в Палату резолюцию, осуждавшую эти предложения.

Резолюция высказывала сожаления, что:

«Правительство Его Величества вступает на путь политики вооружения, которая не является необходимой вследствие какого-либо нового обязательства и не рассчитана на то, чтобы увеличить безопасность страны, но наверняка явится опасностью для видов на всеобщее разоружение и будет содействовать возрождению опасного и дорого стоящего соперничества в приготовлениях к войне».

Говоря от имени оппозиции в обоснование ее полного отказа принимать какие-либо меры для усиления наших воздушных сил, Эттли сказал: «Мы отрицаем потребность в усилении воздушных вооружений... Мы отрицаем идею, будто более сильная британская авиация будет содействовать сохранению мира, и мы совершенно отвергаем претензию на достижение паритета». Либеральная партия поддержала эту резолюцию, хотя она предпочитала свою собственную, которая гласила, что

«Палата с большим беспокойством наблюдает склонность государств возобновить гонку вооружений, которая всегда оказывалась предзнаменованием войны; она не даст своего согласия на какое-либо усиление наших вооружений, пока не обнаружится неуспех конференции по разоружению и не будет установлено определенное основание для вооружения; и поскольку эти условия в данный момент не существуют по отношению к предложенному дополнительному расходу в 20 миллионов на воздушное вооружение, Палата отказывается его одобрить».

Лидер либералов Герберт Самюэль говорил в своей речи: «Как обстоит дело по отношению к Германии? Ничто из того, что мы до сих пор видели или слышали, не указывает на то, что наши теперешние воздушные силы в настоящее время недостаточны, чтобы противостоять любой опасности с этой стороны».

Если вспомнить, что так говорилось после тщательного обсуждения вопроса ответственными вождями партий, опасность, в какой была наша страна, становится очевидной. Это было переходное время, когда посредством крайних усилий мы могли еще сохранить ту воздушную мощь, на которой покоилась наша свобода действий. Если бы и Великобритания и Франция сохранили каждая численное равенство с Германией, то вместе они имели бы двойное превосходство, и разрушительная авантюра Гитлера, может быть, была бы подавлена в зародыше без потери хотя бы единой жизни. Потом было уже слишком поздно. Мы не можем сомневаться в искренности лидеров Социалистической и Либеральной партий. Они были в полном заблуждении и несут свою долю ответственности перед историей. Тем более поразительно, что позднее Социалистическая партия усиленно претендовала на особую предусмотрительность и обвиняла своих противников в том, что они не сумели обеспечить безопасность страны.

**
**

На этот раз я был в выгодном положении настаивать на вооружении под видом защитника позиции

правительства. Благодаря этому в Консервативной партии меня слушали с необычной симпатией.

«Следовало бы думать, что характер Правительства Его Величества и вся деятельность его главных министров должны были бы побудить оппозицию отнестись к предложению усилить оборону страны с известным доверием и сочувствием. Я не думаю, чтобы когда-либо существовало более миролюбиво настроенное правительство. Во главе его стоит премьер-министр, который во время войны в самой крайней форме и с величайшим мужеством обнаружил свои убеждения и показал, какие жертвы он готов нести во имя того, что он считал делом пацифизма. Имя лорда Президента совета ассоциируется в общественном мнении с повторением молитвы: «Дай нам мир в наше время». Следовало бы ожидать, что, когда такие министры приходят и говорят, что они считают своим долгом просить о небольшом увеличении средств для охраны безопасности страны, то это произведет впечатление на оппозицию и будет понято, как доказательство реальности той опасности, от которой они хотят нас защитить.

Обратите внимание на приносимые правительством извинения. Никто не смог бы сделать такое предложение в менее вызывающих выражениях. С первого момента, как вопрос был поставлен, кротость была характерна для каждого слова, которое они произнесли. Нам говорили, что мы сами можем убедиться, как скромно их предложение. Нас заверили, что его осуществление может быть в любой момент остановлено, если будет успех в Женеве. И нас заверили также, что предлагаемые меры, хотя некоторые, более низменные натуры могут связать их с какой-то мыслью о национальной самозащите, на самом деле связаны только с великим принципом коллективной безопасности.

Но оппозиция самым резким образом отвергла все эти извинения и успокоительные заверения. Ее единственным ответом на эти усилия ее успокоить является вотум недоверия, решение о котором должно быть принято сегодня. Мне кажется, что мы подошли к самому концу того периода, когда имело смысл стараться удовлетворить некоторые пожелания, существующие по данному вопросу. Мы имеем перед собой попытку установить своего рода тиранию определенного мнения, и если ее господство будет увековечено, результат может оказаться глубоко вредным для целостности и безопасности нашей страны. Мы являемся богатой и легкой добычей. Ни одна другая страна не является столь уязвимой, и ни одна не может лучше окупить грабеж, чем наша... С нашей колоссальной столицей, величайшей мишенью во всем мире, своего рода гигантской,

тучной коровой, неизбежно привлекающей хищного зверя, мы находимся в положении, в каком не были никогда раньше и в каком в настоящее время не находится ни одна другая страна. Вспомните следующее: наша слабость касается не только нас самих; наша слабость затрагивает равновесие Европы».

Затем я перешел к доказательству того, что Германия уже приближается к воздушному паритету с Англией:

«Я прежде всего утверждаю, что, нарушив мирный договор, Германия уже создала военную авиацию, которая в настоящее время равна приблизительно двум третям воздушных сил, которые мы имеем для защиты нашей территории. Это первое утверждение, которое я предлагаю вниманию правительства. Вторым является утверждение, что Германия быстро увеличивает свои воздушные силы не только посредством больших сумм, стоящих в ее бюджете, но и посредством публичных подписок — очень часто почти принудительных, — которые с некоторых пор производятся во всей Германии. К концу 1935 германские воздушные силы будут по их численности и подготовленности приблизительно равны воздушным силам, которыми мы к тому времени будем располагать, даже если настоящие предложения правительства будут проведены в жизнь.

В-третьих, я утверждаю, что если Германия будет продолжать это усиление вооружений, а мы будем продолжать выполнять нашу программу, то в какой-то момент в 1936 году Германия будет определено и существенно сильнее в воздухе, чем Великобритания. В-четвертых, — и именно этот пункт вызывает тревогу, — раз Германия окажется впереди, мы, может быть, никогда не будем в состоянии ее догнать. Если эти утверждения не могут быть опровергнуты, то это достаточное основание для тревоги, которая существует во всех группах Палаты, не только вследствие физической силы Германии, но, как я обязан это сказать, также вследствие характера теперешней германской диктатуры. Если в ближайшие годы наше правительство в какой-либо момент вынуждено будет признать, что воздушные силы Германии значительнее наших, то будет сделан вывод, и, я думаю, правильный вывод, что оно не выполнило своего основного долга перед страной».

Я кончил следующими словами:

«Как и большинство в нашей стране, оппозиция очень свободно высказывается о поведении нацистского правительства. Никто не был более суров в своей критике, чем

Рабочая партия или та часть Либеральной партии, которая находится в оппозиции. Их большие газеты, единодушные во имя общего дела, стоят впереди всех по суровости их обличений. Но эта критика вызывает острое недовольство могущественных людей, которые держат Германию в своих руках. Таким образом мы должны разоружить наших друзей, не иметь союзников, оскорблять могущественные государства и совершенно пренебрегать собственной обороной. Это жалкое и очень опасное положение. И действительно, положение, в которое они хотят нас поставить преследуемой ими политической линией и тем голосованием, которого они от нас требуют, таит в себе страшную опасность и, голосуя против них сегодня, мы должны надеяться, что для обеспечения национальной безопасности будет найден лучший путь, чем тот, которым они бы нас повели».

Внесенный Рабочей партией вотум недоверия был, конечно, отклонен значительным большинством, и я не сомневаюсь, что народ, если бы к нему апеллировали с соответствующей подготовкой по данным вопросам, равным образом поддержал бы мероприятия, необходимые для национальной безопасности.

**

Здесь нельзя не рассказать о тех веках, которые мы прошли на долгом пути от безопасности к пасти смерти. Оглядываясь назад, я изумляюсь, как много времени было нам даровано. В 1933 или даже в 1934 гг. Англия могла создать мощную авиацию, которая наложила бы необходимые ограничения на вожделения Гитлера или, может быть, дала бы возможность немецким военным вождям контролировать его буйные действия. Больше чем пять лет должно было еще пройти, прежде чем мы оказались перед лицом высшего испытания. Но если бы мы даже тогда действовали с достаточным благоразумием и здоровой энергией, это испытание, может быть, никогда не наступило бы. Опираясь на свое воздушное превосходство, Англия и Франция могли бы без риска апеллировать к помощи Лиги Наций, и все европейские государства сплотились бы вокруг нас. Лига впервые имела бы орудие для поддержания своего авторитета.

Когда 28 ноября 1934 года открылась зимняя сессия Парламента, я от имени нескольких друзей*) внес к обращению к королю поправку, которая утверждала, что «оборона нашей страны и в особенности наша воздушная оборона уже недостаточна, чтобы обеспечить мир, безопасность и свободу верных подданных Вашего Величества». Палата была переполнена и была очень настроена слушать. Используя все аргументы, подчеркивавшие тяжкую опасность, грозившую нам и всему миру, я перешел к точным фактам:

«Я утверждаю, во-первых, что уже в данный момент Германия имеет военную авиацию — то есть военные эскадрильи с необходимым наземным составом и необходимыми резервами материала и обученного персонала, — которая только ждет приказа, чтобы появиться как совершенно законченная формация, — и что эта нелегальная авиация быстро приближается к равенству с нашей. Во-вторых, что если Германия будет выполнять свою теперешнюю программу без ускорения, а мы будем выполнять нашу программу, как она установлена, без замедления и осуществим сообщенное Парламенту в июле усиление, то в это же время в будущем году германская военная авиация будет фактически по меньшей мере равносильна, а может быть, и сильнее нашей. В-третьих, что при том же предположении — то есть что обе стороны продолжают выполнение своих программ, как они сейчас установлены — к концу 1936 года, то есть еще через год, и два года от данного момента, германская авиация будет сильнее нашей почти на 50 процентов, а в 1937 почти вдвое. Все это, если предположить, как я сказал, что не будет ускорения с германской и замедления с нашей стороны».

Болдвин, говоривший сейчас же после меня, прямо подошел к вопросу и на основании мнения своих советников в министерстве авиации ответил мне прямым опровержением:

«Неверно, что Германия быстро приближается к равенству с нами. Я подчеркнул, что германские цифры относятся ко всей авиации, а не только к воздушному флоту первой линии, и я сообщил вам цифры нашего воздушного флота первой линии и сказал, что они относятся только к первой линии с еще более обширными резервами

*) Поправка была внесена от имени Черчилля, Роберта Хорна, Эмери, капитана Гэста лорда Витертона и Бутби.

в нашем распоряжении, и это даже если мы ограничим сравнение с германским воздушным флотом только тем, чем мы непосредственно располагаем в Европе. Германия энергично занята авиационным производством, но сейчас ее действительная мощь не составляет пятидесяти процентов нашей только в Европе. Что касается положения в это же время в будущем году, если Германия будет выполнять свою программу без ускорения, а мы будем осуществлять возвешенное в июле усиление в принятом в настоящее время темпе, то мы считаем, что не только германская военная авиация не будет по меньшей мере равносильна, а может быть, сильнее нашей, но мы все еще будем иметь только в Европе превосходство приблизительно на пятьдесят процентов. Я не могу говорить о том, что будет больше чем через два года. Мистер Черчилль говорит о том, что может произойти в 1937 году. Те изыскания, которые я был в состоянии произвести, заставляют меня думать, что его цифры значительно преувеличены».

**
*

Это историческое заверение, сделанное фактическим премьер-министром, успокоило большинство беспокоившихся и заставило замолчать многих критиков. Все были рады узнать, что мои конкретные утверждения были опровергнуты с неоспоримой авторитетностью. Я отнюдь не был переубежден. Я считал, что советники Болдвина не сказали ему правды и что, так или иначе, но он не знал фактов.

**
*

Так прошли зимние месяцы, и только весной я снова имел случай поднять тот же вопрос. Я предупредил об этом в ясно и точно сформулированной записке.

«Черчилль Болдвину.

17.3.35 года.

В связи с обсуждением во вторник бюджета воздушных сил я предполагаю возобновить нашу ноябрьскую дискуссию и анализировать, насколько я могу, Ваши цифры, относящиеся к мощи воздушной обороны в различные даты, о которых шла речь, а именно: тогда, теперь, в конце 1935 года, календарного и бюджетного и т. д. Я убежден, что Германия уже теперь так же сильна и, может быть, сильнее нас, и что, если мы будем проводить нашу новую программу, как она установлена, Германия будет на пятьдесят процентов сильнее нас к концу 1935 или в начале

1936 г. Как Вы видите, это противоречит Вашему ноябрьскому заявлению, что к этому времени мы будем иметь превосходство на пятьдесят процентов. Я, конечно, напомню о Вашем заверении в марте 1934 года, что «наша страна не будет больше в более слабом положении, чем любая страна, которая может достичь наших берегов», и я буду доказывать, что на основании тех сведений, которые я мог получить, это обещание не было исполнено, как это скоро будет доказано событиями.

Я считал, что для Вас будет удобнее, если я, как и в прошлый раз, заранее сообщу Вам, какова будет моя позиция, и если тот, кто будет говорить от имени Правительства, будет в состоянии доказать противное, то никто не будет рад этому больше меня».

19-го марта бюджет воздушных сил был представлен Парламенту. Я повторил мои ноябрьские утверждения и оспаривал данные тогда Болдвином заверения. Представитель воздушного ведомства возражал с большой уверенностью. Однако, в конце марта министр иностранных дел и Иден посетили в Германии Гитлера, и во время важного разговора, текст которого известен, они услышали от него лично, что германский воздушный флот уже достиг паритета с великобританским. Этот факт был опубликован Правительством 3-го апреля. В начале мая премьер-министр (Макдональд) напечатал в своем органе «Ньюслеттер» статью, в которой он подчеркивал опасность германского вооружения в выражениях, подобных тем, которыми я так часто пользовался, начиная с 1932 года. Он употребил выразительное слово «засада», которое должно было возникнуть из встревоженной глубины его сердца. Мы, действительно, попали в засаду. Макдональд сам открыл прения. Указав на заявленное Германией намерение строить флот сверх того, что дозволено мирным договором, и подводные лодки в нарушение договора, он перешел к вопросу о воздушных силах:

«Во время прений в прошлом ноябре были сообщены некоторые расчеты, основанные на нашей тогдашней оценке силы германского воздушного флота и Лорд Президент (Болдвин) от имени правительства заверил, что мы ни при каких обстоятельствах не допустим, чтобы мы оказались

в положении более слабой стороны по отношению к воздушным силам, которые Германия может иметь в будущем. В противном случае мы оказались бы в невозможном положении, как это вполне сознают правительство и министерство воздушных сил. Во время посещения Берлина в конце марта министром иностранных дел и Лордом Хранителем печати, германский канцлер заявил, как это было 3-го апреля сообщено Парламенту, что Германия уже достигла в воздухе паритета с Великобританией. Как бы ни переводить эту фразу в конкретные данные о силе воздушного флота, она, без сомнения, указывает на то, что германский воздушный флот был увеличен далеко за пределы тех расчетов, которые мы были в состоянии представить Парламенту в прошлом году. Это — факт серьезного значения, который немедленно был принят к сведению правительством и министерством воздушных сил».

Когда очередь дошла до меня, я сказал:

«Даже теперь мы не принимаем мер, которые соответствовали бы нашим потребностям. Правительство предложило увеличение. Его члены должны будут выдержать бурю. Они станут предметом всякого рода недобросовестных нападок. Их мотивы будут изображаться превратно. На них будут клеветать, их будут называть подстрекателями к войне. Всякого рода атаки будут направлены против них могущественными, многочисленными и чрезвычайно крикливыми элементами в нашей стране. Они подвергнутся этому во всяком случае. Почему же не бороться за то, что обеспечит нашу безопасность? Почему же не настаивать на достаточных расходах на воздушный флот и тогда, как бы сурово ни было осуждение и как бы резки ни были оскорбления, которым им предстоит подвергнуться, будет достигнут по крайней мере тот удовлетворительный результат, что Правительство Его Величества будет вправе чувствовать, что оно исполнило свой долг в отношении ответственности самой основной из всех, которые на нем лежат».

Хотя Палата слушала меня с напряженным вниманием, я испытывал чувство безнадежности. Быть совершенно убежденным и, оказавшись правым в вопросе жизни и смерти своей страны, не быть в состоянии побудить Парламент и страну считаться с этим предостережением или действием признать силу доказательств, это было в высшей степени мучительным испытанием. Я продолжал:

«Я признаюсь, что мне нехватает слов. В 1708 году министр Сэнт Джонс с расчетом проговорился в Палате, что в предыдущее лето битва при Алманце была проиграна вследствие того, что в Испании было только восемь тысяч английских войск вместо двадцати девяти тысяч, предназначенных для этой миссии Парламентом. Когда месяц спустя это разоблачение было подтверждено правительством, то, согласно описаниям, Палата в течение получаса оставалась безмолвной, так как ни один депутат не хотел произнести речь или сделать какие-либо замечания по поводу такого потрясающего заявления. А насколько незначительно было то событие по сравнению с тем, чему мы противопоставим теперь! Тогда это было только неудачей политики. Что бы ни случилось в Испании в ту войну, это не могло бы таить в себе опасность, грозящую стать смертельной.

Сегодня в Палате имеется в значительной мере согласие относительно нашей внешней политики. Мы вынуждены действовать в согласии с Францией, Италией и со всеми другими, большими или малыми, государствами, которые хотят сохранить мир. Я не отказался бы от сотрудничества любого правительства, которое соответствует этому критерию, поскольку оно готово работать, подчиняясь авторитету и санкции Лиги Наций. Такая политика не закрывает дверей для пересмотра мирных договоров, но она дает чувство устойчивости и обеспечивает достаточное согласие всех разумных держав для их самозащиты, прежде чем будет приступлено к такого рода начинанию (т. е. пересмотру договоров). В рамках такого объединения ради коллективной безопасности мы должны создать всяческие средства обороны и комбинировать нашу деятельность и деятельность других мирных государств так, чтобы мы сами имели возможность жить спокойно и могли бы исправить печальные ошибки в расчетах, которые нас теперь обманывают, а жертвами которых мы когда-нибудь можем оказаться, если во время не остережемся».

Я вспоминал в это время несколько строк неизвестного автора о железнодорожной катастрофе. Я знал их из тома рисунков Пунча, которые я часто разглядывал, когда был восьми- или девятилетним школьником в Брайтоне:

«Кто правит грохочущим поездом?

Оси трещат, буфера скрипят,

Он несется всё быстрее, а стрелки уже близко,

И сон сковал слух машиниста.

Тщетно во мгле ночи сверкают сигналы,

Потому что грохочущим поездом правит СМЕРТЬ».

Я все-таки их не повторил.

**
*

Только 22-го мая Болдвин сделал свое знаменитое признание. Я вынужден его процитировать:

«Прежде всего, что касается числа немецких аэропланов, которое я назвал в ноябре, то с того времени я не узнал ничего, что заставило бы меня думать, что я ошибался. Я думаю, что в то время это было правильно. **В чем я ошибался, это в моих расчетах для будущего. Тут я был совершенно неправ. В этом отношении мы находились в полном заблуждении.**

Я повторяю здесь, что, по моему мнению, при том, что мы делаем, у нас нет оснований для паники. Но я скажу, взвешивая свои слова, что при всем том, что я знаю о положении, я ни на минуту не остался бы в правительстве, которое делало бы меньше того, что мы делаем теперь. Я считаю своей обязанностью сказать о том, что и в печати и устно было много критики министерства воздушных сил, как если бы оно было ответственно за, может быть, недостаточную программу, за то, что оно не действовало достаточно быстро, и за многое другое. Я только хочу повторить, что какова бы ни была ответственность — и мы вполне готовы принять критику, — **эта ответственность падает не на какого-либо одного министра: эта ответственность всего правительства, мы все ответственные, и порицать надо всех».**

Я надеялся, что это потрясающее признание будет событием решающего значения, и что по меньшей мере будет образована парламентская комиссия из всех партий, чтобы представить доклад о фактах и о потребностях нашей безопасности. Реакция Палаты Общин была иной. Лейбористы и либералы, которые за девять месяцев до того внесли или поддержали резолюцию, порицавшую даже те скромные шаги, которые предпринимало тогда правительство, были теперь в нерешительности и оставались пассивными. Они готовились к выборной борьбе под лозунгом против «Вооружений партии Тори». Их ораторы были застигнуты врасплох сообщением и признанием Болдвина и даже не пытались согласовать свои речи с этим знаменательным событием. Эттли сказал:

«Как партия, мы не стоим за одностороннее разоружение. Мы за коллективную безопасность, осуществляемую через Лигу Наций. Мы отвергаем применение силы, как орудие политики... Мы за сокращение вооружений и за коллективную безопасность... Мы заявляем, что наша страна должна содействовать коллективной безопасности. Наша политика искать безопасности не посредством вооружений, а посредством разоружения. Наша цель — сокращение вооружений, а затем полное упразднение вооружений отдельных наций и создание международной полиции, находящейся в распоряжении Лиги Наций».

Он не сказал, что же нужно делать, если так далеко идущая политика не может быть осуществлена немедленно, или пока она не может быть осуществлена. Он жаловался на то, что Белая Книга об обороне оправдывала усиление флота ссылкой на Соединенные Штаты, а усиление авиации ссылкой на Россию, Японию и Соединенные Штаты. «Все это старомодные разговоры и совершенно игнорируют коллективную систему». Он признал, что факт германского вооружения приобрел первенствующее значение, но, говорил он, «противовес вооруженным силам одной страны измеряется не нашими силами или силами Франции, а комбинированными силами всех лояльных государств, принадлежащих к Лиге Наций. Надо заставить агрессора понять, что, если он бросит вызов всему миру, то против него будут координированные силы всего мира, а не некоторое количество разрозненных национальных сил». Единственный путь, это сосредоточить все воздушные силы в руках Лиги, которая должна быть единодушной и стать реальностью. Пока же он и его партия голосуют против предложенных мероприятий.

От имени либералов Арчибальд Синклэр просил Правительство созвать

«новую экономическую конференцию и включить Германию не только в политическое сообщество наций, но также в сотрудничество с нами во всех областях культурной деятельности и в работе над поднятием жизненного уровня обоих народов... Пусть Правительство приготовит конкретные и детальные предложения для упразднения военной

и контроля над гражданской авиацией. Если эти предложения встретят сопротивление, пусть ответственность за это будет ясна и возложена на кого следует.

Тем не менее (говорил он) в то время, как Правительство должно энергично преследовать политику разоружения, как свою главную задачу, нельзя допустить, чтобы оставалось положение, когда большое государство, не принадлежащее к Лиге Наций, обладает самой могущественной армией и, может быть, самой могущественной авиацией в Западной Европе, вероятно с более высоким коэффициентом роста, чем какая-либо другая авиация... Либеральная партия будет считать своим долгом поддерживать мероприятия, касающиеся национальной обороны, когда будет предоставлено ясное доказательство их необходимости... Поэтому я не могу согласиться с тем, что увеличение наших вооружений ни в коем случае несовместимо с нашими обязательствами по отношению к коллективной системе мира»...

Он стал затем длинно говорить по вопросу о «прибылях, наживаемых на орудиях смерти», и цитировал недавнюю речь министра образования, лорда Галифакса, который сказал, что английский народ «склонен считать изготовление орудий войны делом слишком высоким и серьезным, чтобы отдавать его в чьи-либо руки, менее ответственные, чем руки самого государства». Арчибальд Синклэр думал, что надо иметь государственные фабрики для того быстрого увеличения воздушных вооружений, которое было рекомендовано.

Существование частных фирм, работающих на оборону, играло для либералов и лейбористов роль пугала и легко могло служить материалом для популярных речей. Было, конечно, нелегко думать, что в то время признанное необходимым усиление авиации могло быть осуществлено работой только государственных фабрик. Неотложно необходимо было немедленно приспособить значительную часть частной промышленности и расширить существующие средства производства. В речах оппозиции не было ничего, что хотя бы в самой слабой степени соответствовало тому чрезвычайному положению, в котором мы, по их же признанию, находились, или и еще много более

серьезным фактам, которые, как мы теперь знаем, скрывались за этим положением.

С другой стороны, прямота Болдвина явным образом подкупила правительственное большинство. Оно сочло, что его признание, что он при всех своих источниках информации допустил величайшую ошибку в жизненной важности вопросе, за которую он несет ответственность, было искуплено той откровенностью, с которой он признал свою ошибку и взял на себя вину. Речь даже вызвала несколько необычную волну энтузиазма министру, который не побоялся сказать, что он был неправ. Многие консервативные члены Палаты, видимо, сердились на меня за то, что я поставил их испытанного лидера в тяжелое положение, из которого его выручили только его прирожденные мужество и честность, выручили его, но, увы! не его страну.

**
*

Мой родственник, лорд Лондондерри, друг детства, прямой потомок знаменитого Кастлэрэ наполеоновских времен, был человеком безукоризненной лояльности и патриотизма. Он управлял министерством воздушных сил с самого образования коалиционного правительства. За это время выше описанные серьезные изменения положения приобрели доминирующее значение, и министерство воздушных сил стало одним из самых важных государственных ведомств. В годы экономии и разоружения лорд Лондондерри и его министерство старались удержать и получить сколько могли от сурового и деспотического министра финансов. Они были крайне обрадованы, когда летом 1934 года совет министров разрешил им программу образования сорок одной дополнительной эскадрильи. Но в британской политике горячие волны быстро следуют за холодными. Когда министр иностранных дел вернулся из Берлина, глубоко потрясенный утверждением Гитлера, что его авиация была равна бри-

танской, весь кабинет был глубоко встревожен. В свете того, что по общему признанию являлось новой ситуацией, Болдвин должен был отвечать за заявления, которые он, возражая мне, сделал в ноябре. Совет министров, не подозревавший, что наши воздушные силы уже были превзойдены, направил, как это обычно бывает, свои испытующие взоры на соответственное министерство и его главу.

Воздушное министерство не поняло, что его ожидает новое наследство. Наложённые казначейством оковы были разбиты. Ему нужно было только требовать больше денег. Вместо этого, оно энергично реагировало против заявления Гитлера о воздушном паритете. От имени своего министерства Лондондерри даже настаивал на том, что, «когда Саймон и Иден были в Берлине, существовала только одна германская оперативная эскадрилья. В конце месяца они (немцы) надеялись образовать от пятнадцати до двадцати эскадрилей из того, что у них имелось в учебных лагерях». Все это только вопрос номенклатуры. Вследствие отсутствия общего мерил и при различиях в определении «авиации первой линии» и «оперативных единиц», конечно, очень трудно классифицировать воздушные силы. Теперь министерство авиации вынудило своего министра старательно защищать свою прежнюю политику и вследствие этого оказаться в полной дисгармонии с новым настроением искренно встревоженных правительства и общественного мнения. Эксперты и должностные лица министерства авиации дали Болдвину цифры и предвидения, которыми он опровергал меня в ноябре. Они хотели, чтобы он выступил в защиту прежних расчетов, но это уже не было практически возможной политикой. Явно уже не могло быть сомнения, что эксперты и должностные лица министерства авиации сами заблуждались и ввели в заблуждение своего министра. Долго скрывающиеся крупные воздушные силы, по меньшей мере равные нашим, наконец вышли в Германии на свет Божий.

Как Лондондерри описывает в своей книге, для него было странным и тягостным переживанием, после того как он в течение нескольких лет настойчиво требовал больше, внезапно быть осужденным за то, что он не требовал достаточно. Но помимо всего этого его политический авторитет не был достаточным, чтобы возглавлять министерство, стоявшее теперь в центре и почти что выше всех государственных дел. Кроме того, всем было ясно, что в такое время министр авиации должен быть членом Палаты Общин. Поэтому, позднее в том же году оставление Макдональдом премьерства было также поводом назначить министром авиации Филиппа Канлифф-Листера, бывшего до того министром колоний, что было частью новой политики энергичного усиления авиации. Лондондерри очень против своей воли стал Лордом Хранителем Печати и лидером Палаты Лордов, но после выборов Болдвин устранил его от обеих этих функций. Большим достижением за время его пребывания в министерстве авиации было конструирование и начало производства навеки прославленных истребителей «Ураганов» и «Спитфайров». Их первые прототипы впервые летали в ноябре 1935 и в марте 1936 гг. Лондондерри не упоминает этого в свою защиту, но он имел полное право это сделать после того, как его порицали за многое, чего он не делал. Новый министр, несомый благоприятным ветром и свежим течением, немедленно отдал приказ приступить к массовому производству этих истребителей, и они были готовы в некотором количестве отнюдь не слишком рано. Канлифф-Листер был гораздо более влиятельной политической фигурой, чем его предшественник, и был в более благоприятном положении, а также имел более увлекательную задачу. В результате он мог гораздо сильнее влиять на нашу авиационную политику и администрацию, и сам активно принялся за работу, чтобы наверстать время, потерянное правительством в годы 1932 — 1934-й. Он сделал, однако, большую ошибку, перейдя в ноябре 1935 года из Палаты Общин в Пала-

ту Лордов и тем сведя на нет один из аргументов в пользу назначения его министром авиации. Немного лет спустя это стоило ему его поста.

**
*

На нас обрушилось огромное бедствие. Гитлер уже достиг равенства с Великобританией. Отныне ему было достаточно пустить полным ходом свои фабрики и специальные школы, чтобы не только сохранить, но и постоянно усиливать свое превосходство в воздухе. Отныне определенным и неотвратимым фактором, определяющим все наши решения, станут те неизвестные, не поддающиеся измерению опасности, которые грозят Лондону от воздушных атак. Более того, мы никогда не смогли наверстать потерянное; или по крайней мере правительство никогда его не наверстало. Ему и министерству авиации надо воздать должное за высокое качество Королевских воздушных сил. Но обязательство сохранять воздушный паритет было нарушено бесповоротно. Правда, непосредственно за этим дальнейшее усиление германской авиации не проходило в том же темпе, как в то время, когда она достигала паритета. Немцы, несомненно, сделали крайнее напряжение, чтобы одним скачком достичь этого преобладания, чтобы использовать его в своей дипломатии. Это дало Гитлеру фундамент для последовательных актов агрессии, которые он замышлял и которые теперь должны были скоро быть совершены. В следующие четыре года британское правительство сделало очень значительные усилия, и нет сомнения, что мы имели превосходство нашей авиации в качестве, но в количестве мы отныне отставали. Начало войны застигло нас едва с половиной того, что имела Германия.

8.

ВЫЗОВ И ОТВЕТ

1935

Годы подпольных махинаций, тайных или замаскированных приготовлений теперь миновали, и Гитлер, наконец, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сделать первый открытый вызов. 9-го марта 1935 года было официально возведено о создании германских воздушных сил, а 16-го было объявлено, что отныне германская армия будет построена на основе обязательной воинской повинности. Вскоре затем были опубликованы законы о проведении в жизнь этих решений, а осуществление началось еще в предвидении законов. Французское правительство, хорошо осведомленное о том, что предстояло, в тот же знаменательный день на два часа раньше объявило о продлении в ответ на это собственной военной службы до двух лет. Германская акция была открытым, формальным нарушением мирных договоров, на которых базировалась Лига Наций. Пока нарушения совершались в форме уклонений от исполнения или посредством называния вещей другими именами, для победоносных держав, одержимых пацифизмом и целиком занятых внутренней политикой, было легко уклоняться от обязанности заявить, что мирный договор был нарушен или аннулирован. Теперь же вопрос был поставлен прямо и с жестокой силой. Почти в тот же день правительство Эфиопии апеллировало к Лиге Наций против угрожающих требований Италии. Когда 24 марта министр иностранных дел Джон Саймон и Лорд Хранитель Печати Иден посетили, по приглашению Гитлера, Берлин, французское правительство считало выбор времени неудачным. Оно само готовилось не к сокращению своей армии, чего год тому назад так настойчиво добивался от него Макдональд, а к продлению обязательной военной службы с одного года на два. При господствовавших настроениях это было трудной задачей. Не только комму-

нисты, но и социалисты голосовали против этого мероприятия. Когда Леон Блюм сказал: «Французские рабочие поднимутся, чтобы сопротивляться против гитлеровского нападения», Торез ответил при аплодисментах подчиненной Советам партии: «Мы не допустим, чтобы рабочий класс был втянут в так называемую войну для защиты демократии против фашизма».

Соединенные Штаты умывали свои руки во всем, что касалось Европы, кроме того, что они всем желали добра, и были убеждены, что они никогда больше не будут вынуждены снова о ней беспокоиться. Но Франция, Англия, а также — определенно — Италия, несмотря на все их разногласия, считали необходимым дать отпор этому явному нарушению Гитлером мирного договора. Конференция прежних союзников была созвана под эгидой Лиги Наций в Стресе, и все эти вопросы были поставлены на обсуждение.

**
*

Антони Иден в течение около десяти лет почти полностью посвятил себя изучению международной политики. Восемнадцати лет, будучи студентом в Итоне, он был призван в армию во время Мировой войны и четыре года с отличием служил в 6-ом стрелковом полку, участвовал во многих из самых кровавых сражений, дослужился до майора-бригадира и получил Военный Крест. Вскоре после избрания в 1925 году в Палату Общин он стал парламентским личным секретарем Остина Чемберлена в министерстве иностранных дел при втором правительстве Болдвина. В коалиционном правительстве Макдональда-Болдвина он был назначен товарищем министра при новом министре иностранных дел Джоне Саймоне. Обязанности товарища министра часто меняются, но его ответственность всегда остается ограниченной. Он должен служить своему министру при проведении политики, как она устанавливается в Совете министров, членом которого он не является и куда он не имеет доступа. Только в крайнем случае, затрагивающем его

совесть и честь, он имеет моральное право довести свое расхождение с данной иностранной политикой вплоть до публичного осуждения или отставки.

За эти годы Иден выработал широкий взгляд на международное положение и интимно ознакомился с жизнью и образом мышления большого министерства, от которого так много зависит. В 1935 году ведение иностранной политики Джоном Саймоном не пользовалось сочувствием ни оппозиции, ни влиятельных кругов консервативной партии. Вследствие этого Иден с его познаниями и исключительным дарованием начал выдвигаться на первый план. Поэтому, когда в июле 1934 года он сделался Лордом Хранителем Печати, он, по желанию Совета министров, сохранил неформальную, но тесную связь с министерством иностранных дел и таким образом был приглашен сопровождать своего бывшего начальника Джона Саймона в несвоевременной, но отнюдь не бесплодной поездке в Берлин. Министр иностранных дел вернулся после свидания с Гитлером в Лондон, привезя с собой упомянутую важную новость, что согласно Гитлеру Германия уже достигла воздушного паритета с Англией. Иден был послан в Москву, где он установил со Сталиным контакт, который несколько лет спустя был с пользой возобновлен. На обратном пути его аэроплан попал в жестокую и продолжительную бурю, и когда после опасного полета аэроплан спустился, Иден был в состоянии почти что полного изнеможения. Доктора заявили, что он не в состоянии ехать с Саймоном на конференцию в Стрезу, и, действительно, он был инвалидом в течение нескольких месяцев. При таких обстоятельствах премьер-министр решил сам сопровождать министра иностранных дел, хотя в то время его собственное здоровье, зрение и умственные способности уже явно слабели. Таким образом Англия была слабо представлена на этой исключительно важной конференции, на которой Фландэн и Лаваль представляли Францию, а Муссолини и Сувич Италию.

Все были согласны с тем, что нельзя мириться с открытым нарушением важнейших договоров, ради заключения которых умерли миллионы людей. Но английские представители с самого начала дали понять, что они не будут обсуждать возможность санкций в случае нарушения договора. Это естественно вынудило конференцию ограничиться словами. Единогласно была принята резолюция, что односторонние нарушения договоров не могут быть терпимы и что Совету Лиги Наций предлагается высказаться по поводу создавшейся ситуации. На второй день конференции Муссолини энергично поддержал такой шаг и говорил в определенных выражениях против нападения одной страны на другую. Заключительная декларация гласила:

«Три державы, целью политики которых является коллективное сохранение мира в рамках Лиги Наций, находятся в полном согласии в готовности противодействовать всеми практически применимыми средствами одностороннему отказу от договоров, каковой может быть опасен для мира Европы, и будут ради этой цели действовать в тесном и дружеском сотрудничестве».

Итальянский диктатор в своей речи выделил слова «м и р Е в р о п ы» и после слова «Европы» сделал полную значения паузу. Представители британского министерства сразу обратили внимание на это ударение на Европе. Они насторожились и хорошо поняли, что хотя Муссолини готов сотрудничать с Францией и Англией, чтобы препятствовать германскому вооружению, он оставляет за собою свободу для любой экспедиции в Африке против Абиссинии, если он позднее на это решится. Следует или нет поставить этот вопрос? Вечером представители министерства иностранных дел обсуждали это между собой. Все так хотели поддержки Муссолини в отношениях с Германией, что было признано нежелательным предостерегать его в данный момент относительно Абиссинии, что, очевидно, было бы ему очень неприятно. Вопрос не был поднят; он был решен умолчанием, и Муссолини считал, и в известной мере имел основание считать, что Союзники были согласны с

его заявлением и дадут ему свободу действия против Абиссинии. Французы по этому пункту промолчали, и конференция разошлась.

Вслед за этим, 15-17 апреля, Совет Лиги Наций обсуждал нарушение Версальского договора введением Германией обязательной воинской повинности. Следующие государства были представлены в Совете: Аргентина, Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Мексика, Польша, Португалия, Советский Союз, Турция, Франция, Чехословакия и Чили. Все голосовали за принцип, что договоры не должны нарушаться действиями одной стороны, и передали вопрос общему собранию Лиги. В то же время глубоко встревоженные соотношением морских сил в Балтийском море, министры иностранных дел трех скандинавских стран, Швеции, Норвегии, Дании и голландский министр собрались для поддержки общего решения. В общем восемнадцать стран формально протестовали. Но как тщетны были все эти голосования без готовности какой-либо державы или группы держав иметь в виду применение с и л ы, даже как последнего средства!

**
*

Лаваль не был склонен к сближению с Россией с той же твердой убежденностью, как Барту. Но теперь у Франции была неотложная нужда. Те, кто заботился о жизни Франции, считали прежде всего необходимым достигнуть национального единения в вопросе о двухлетней военной службе, которая была принята лишь незначительным большинством. Только Советское правительство могло дать разрешение на это значительному количеству преданных ему французов. Кроме того, во Франции было общее желание восстановить прежний союз или что-либо ему подобное. 2-го мая французское правительство подписало франко-советский договор. Это был туманный документ, гарантировавший на пять лет взаимную поддержку в случае агрессии.

Чтобы достичь осязаемых результатов на французской политической арене, Лаваль поехал на три дня в Москву, где его приветствовал Сталин. Там имели место многочасовые разговоры, из которых можно сообщить одну до сих пор неопубликованную деталь. Сталин и Молотов естественно хотели узнать всё, что относилось к возможной силе Франции на Западном фронте: сколько дивизий? какова продолжительность военной службы? После того, как была освещена эта область, Лаваль спросил: «Не можете ли вы сделать что-нибудь, чтобы поддержать в России религию и католиков? Это очень помогло бы мне в отношениях с Папой». «А, — сказал Сталин. — Папа! А сколько у него дивизий?» Мне не передали ответа Лавалья; но он наверное упомянул некоторое количество легионов, не всегда видимых на парадах. Лаваль никогда не собирался связать Францию каким-либо определенным обязательством, которых Советы обычно требуют. Тем не менее, 15 мая он получил от Сталина публичное заявление, одобрявшее проводимую во Франции политику обороны с целью держать ее вооруженные силы на уровне, требуемом ее безопасностью. Получив такую инструкцию, французские коммунисты немедленно перевернули свою позицию и стали шумно поддерживать военную программу и двухлетнюю службу. Как фактор европейской безопасности, франко-советский пакт, не содержащий связывавших ту или другую сторону обязательств на случай германской агрессии, имел лишь ограниченное значение. Действительный союз с Россией не был заключен. Более того, на обратном пути Лаваль остановился в Кракове, чтобы присутствовать на похоронах маршала Пилсудского. Здесь он встретился с Герингом и очень дружески с ним разговаривал. Выраженные им недоверие и антипатия к Советам были сообщены через немецкие каналы в Москву.

Здоровье и способности Макдональда ослабели до того, что сделали для него невозможным оставаться премьер-министром. Он никогда не пользовался популярностью у Консервативной партии, которая на

основании его прежней деятельности и его поведения во время войны, относилась к нему с застарелым предубеждением, которое за последние годы смягчилось состраданием. Никто другой не был больше и с большим основанием ненавидим Рабоче-социалистической партией, в создании которой он в такой мере участвовал и которую он затем обессилил тем, что партия рассматривала как предательский уход в 1931 году. В обширном правительственном большинстве он имел только семь своих партийных сторонников. Политика разоружения, которой он посвятил свои величайшие усилия, оказалась катастрофической неудачей. Общие выборы, в которых он не мог быть полезен, не могли быть надолго отсрочены. При таком положении не было неожиданным, когда 7-го июня было объявлено, что он и Болдвин поменялись местами, и что Болдвин в третий раз стал премьер-министром. Министерство иностранных дел также перешло в другие руки. Самуэль Хор, старания которого в министерстве по делам Индии увенчались принятием закона об организации правительства Индии, был теперь свободен, чтобы заняться делами более непосредственной важности. В течение некоторого времени Джон Саймон подвергался за свою внешнюю политику ожесточенным нападкам со стороны влиятельных консерваторов, тесно связанных с Правительством. Он перешел в министерство внутренних дел, с которым он был хорошо знаком, а Самуэль Хор стал министром иностранных дел.

В то же время Болдвин прибег к новому маневру. Он назначил Идена, престиж которого неуклонно возрастал и здоровье которого было восстановлено, министром по делам Лиги Наций, с положением равным министру иностранных дел, с полным доступом ко всем донесениям и ко всему штату министерства. Целью Болдвина было, без сомнения, расположить к себе сильное течение общественного мнения, связанное с Союзом для поддержки Лиги Наций, показав, какое значение он придает Лиге Наций и нашей деятельности в Женеве. Когда через месяц я имел слу-

чай комментировать то, что я определял как «план иметь двух министров иностранных дел», я обратил внимание на его недостатки:

«Я в самом деле очень рад тому, что премьер-министр сказал вчера, что это лишь временный эксперимент. Я не могу себе представить, чтобы он долго продолжался или был когда-либо возобновлен... Мы нуждаемся в целостном мышлении одного лица, ответственным за внешнюю политику, охватывающим всю область и обращающим каждый фактор и каждый отдельный случай на службу той общей цели, на которой согласился Парламент. Министр иностранных дел, кто бы он ни был, каков бы он ни был, должен главенствовать в своем министерстве, и каждый человек в этом великом ведомстве должен следовать ему и только ему. Я вспоминаю, что во время войны мы обсуждали вопрос об едином командовании и что Ллойд Джордж сказал: «Дело не в том, что один генерал лучше другого, а в том, что один генерал лучше, чем два». Нет оснований против того, чтобы в это трудное время сильный правительственный комитет заседал каждый день вместе с министром иностранных дел, или чтобы премьер-министр встречался с ним или его представителями в любое время; но когда предмет действия так сложен, когда он находится в постоянном изменении, то, как мне кажется, запутанность будет еще больше запутана двойственным подчинением и двойственной ответственностью».

Все это было, без сомнения, подтверждено событиями.

**
*

В то время как люди и дела находились в таком положении, британское правительство сделало нечто в высшей степени неожиданное. Побуждение к этому по меньшей мере отчасти исходило от Адмиралтейства (морского министерства). Для солдат, моряков и авиаторов всегда опасно играть в политику. Они попадают в область, в которой ценности совершенно отличны от тех, которые до тех пор были для них привычными. Конечно, они следовали склонности или указаниям их министра и Совета Министров, которые одни несут ответственность. Но в Адмиралтействе был сильный попутный ветер. В течение некоторого времени между английским и германским морскими ведомствами шли разговоры об относительной силе

обоих флотов. По Версальскому договору Германия не имела права построить более четырех броненосцев по 10.000 тонн сверх шести крейсеров тоже по 10.000 тонн. Недавно британское Адмиралтейство открыло, что недавно построенные «карманные» броненосцы «Шарнгорст» и «Гнейзенау» были гораздо больших размеров, чем было разрешено договором, и совершенно другого типа. На самом деле это были легкие линейные крейсера по 26 тысяч тонн, то есть высшего класса истребители коммерческих судов. Пред лицом такого бессовестного и мошеннического нарушения мирного договора, тщательно подготовленного и начатого по меньшей мере за два года до того (1933 г.), Адмиралтейство, действительно, считало целесообразным заключить англо-германское морское соглашение. Правительство Его Величества заключило его, не посоветовавшись со своим французским союзником и не осведомив Лигу Наций. В то время, когда оно апеллировало к Лиге Наций и искало поддержки ее членов для протеста против нарушения Гитлером военных статей договора, оно посредством отдельного соглашения само аннулировало морские статьи того же договора.

Главным пунктом соглашения было то, что германский флот не должен превышать треть британского. Это сильно соблазнило Адмиралтейство, которое вспоминало те дни до Великой войны, когда мы довольствовались отношением шестнадцати к десяти. Ради такой перспективы, принимая за чистую монету германские заверения, наши представители предоставили Германии право строить подводные лодки, что было прямо запрещено мирным договором. Германия могла теперь строить подводные лодки в числе до 60 процентов британского подводного флота, а, если она решит, что имеются исключительные обстоятельства, то и до ста процентов. Конечно, немцы дали заверение, что их подводные лодки никогда не будут использованы против торговых судов. Зачем тогда они были им нужны? Потому что, если остальная часть соглашения будет соблюдена, то подводные лодки не

смогли бы повлиять на исход морской войны, поскольку это касалось бы военных судов.

Ограничение германского флота до трети британского разрешало Германии программу строительства, которая дала бы всем ее верфям при максимальном напряжении работу по меньшей мере на десять лет. Практически в этом, конечно, не было никакого ограничения или замедления для увеличения германского флота. Немцы могли строить так быстро, как это было физически возможно. Квота, предоставленная английским проектом, была фактически гораздо более щедрой, чем то, как Германия сочла целесообразным ее использовать, отчасти, без сомнения, потому что она считалась с соперничеством военных судов и танков из-за броневых плит. Она получала право построить пять броненосцев, две авиаматки, двадцать один крейсер и шестьдесят четыре миноносца. Фактически же к началу войны были готовы или близки к окончанию: два броненосца, ни одной авиаматки, одиннадцать крейсеров и двадцать пять миноносцев, то есть значительно меньше половины того, на что мы дали свое благодушное согласие. Сосредоточив свои ресурсы на постройке крейсеров и миноносцев за счет броненосцев, Германия могла бы создать себе более выгодную позицию для войны против Англии в 1939 или 1940 гг. Как мы теперь знаем, Гитлер осведомил адмирала Рэдера, что война против Англии не будет вероятной до 1944-45 гг. Поэтому развитие германского флота было планировано с расчетом на долгий период времени. Только подводные лодки строились до достижения всех поставленных на бумаге пределов. Когда они были в состоянии перейти за границу в 60 процентов, они использовали статью, позволявшую им дойти до 100 процентов, и, когда началась война, 75 процентов уже были построены.

При планировании новых броненосцев немцы имели еще то преимущество, что они не были связаны постановлениями ни Вашингтонского морского соглашения, ни Лондонской конференции. Они немедленно заложили своих «Бисмарка» и «Тирпица», и, в то вре-

мя как Англия, Франция и Соединенные Штаты были связаны пределом в 35 тысяч тонн, эти огромные суда были сконструированы с водоизмещением свыше 45 тысяч тонн. Это сделало их, когда они были закончены, несомненно самыми мощными судами во всем мире.

В этот момент для Гитлера было большим дипломатическим преимуществом, что он мог разъединить Союзников, достичь того, чтобы один из них был готов мириться с нарушениями Версальского договора, и покрыть возвращение полной свободы вооружаться санкцией соглашения с Англией. Впечатление, произведенное этим соглашением, было новым ударом для Лиги Наций. Французы имели полное основание жаловаться, что их жизненные интересы были затронуты данным Англией согласием на постройку подводных лодок. Муссолини видел в этом эпизоде свидетельство того, что Англия не была искренна в отношениях со своими союзниками и что, поскольку ее собственные интересы были бы обеспечены, она пойдет как угодно далеко по пути соглашения с Германией, не считаясь с опасностью для дружественных держав, угрожаемых ростом германских наземных сил. То, что представлялось циничным и эгоистическим поведением Англии, поощряло его спешить с его планами против Абиссинии. Скандинавские державы, которые только за две недели до этого мужественно поддержали протест против введения Гитлером обязательной воинской повинности, открыли теперь, что за кулисами Англия согласилась допустить германский флот, который, хотя и составлял лишь треть английского, и в этом объеме стал бы хозяином Балтийского моря.

Британские министры придали большое значение немецкому предложению сотрудничать с нами с целью уничтожить подводные лодки. Принимая во внимание, что оно было обусловлено тем, что все другие страны в то же время с ним согласятся и что было хорошо известно, что не было ни малейшего шанса на их согласие, это было очень безопасное для Гер-

мании предложение. То же относится и к согласию Германии так ограничить пользование подводными лодками, чтобы лишить подводную войну против торговых судов ее бесчеловечного характера. Кто мог поверить, что немцы, обладая большим подводным флотом и видя, как их жены и дети голодают вследствие английской блокады, будут воздерживаться от неограниченного пользования этим оружием? Я назвал такое убеждение «верхом легковерия».

Отнюдь не являясь шагом на пути к разоружению, соглашение, если бы оно проводилось в течение нескольких лет, неминуемо должно было вызвать во всем мире развитие нового строительства военных судов. Французский флот, за исключением его новейших судов, потребовал бы обновления. Это опять вызвало бы реакцию в Италии. Что касается нас самих, то было очевидно, что для того, чтобы сохранить превосходство трех к одному в современных судах, мы должны были бы перестроить наш флот в очень большом масштабе. Возможно, что идея германского флота, равного трети британского, представлялась нашему Адмиралтейству в том виде, что британский флот должен быть втрое сильнее германского. Это, может быть, очистило бы путь для разумного и уже запоздалого обновления нашего флота. Но где были государственные люди?

Соглашение было сообщено Парламенту первым лордом Адмиралтейства Болтоном Эйрс-Монселем 21 июня 1935 года. Я осудил его при первом же случае 11-го июля, а затем 22-го июля:

«Я не верю, что изолированное действие Великобритании будет способствовать делу мира. Немедленная реакция такова, что с каждым днем германский флот приближается к тоннажу, который даст ему абсолютное господство на Балтийском море, и очень скоро один из факторов, предотвращающих европейскую войну, станет постепенно исчезать. Что касается нашего положения на Средиземном море, то я думаю, что мы идем навстречу большим трудностям. Здесь несомненно будет иметь место значительное увеличение нового кораблестроения, когда Франция должна будет модернизировать свой флот, чтобы уравновесить германское кораблестроение, а Италия за ней последует. Мы

будем вынуждены строить под этим углом зрения, иначе наша позиция на Средиземном море будет ослаблена. Но хуже всего будет влияние на нашу позицию на другом конце света, в Китае и на Дальнем Востоке. Что за подарок судьбы для Японии! Посмотрите, каковы последствия. Первый лорд сказал: «Смотрите фактам в лицо». Когда эта программа будет закончена, британский флот будет в большей его части прикреплен к Северному морю. А это значит, что положение на Дальнем Востоке очень серьезно меняется, в ущерб интересам Соединенных Штатов и Великобритании, а также Китая.

Я сожалею, что мы имеем дело с проблемой возрождения морской мощи Германии, не имея на своей стороне концерта европейских держав и не совместно со многими другими государствами, судьба которых им затронута и у которых возникли равные нашим опасения вследствие колоссального развития германских вооружений. Никто не может точно измерить это развитие. Мы видели, что могущественные суда, гораздо более могущественные, чем мы ожидали, могут быть построены без того, чтобы даже Адмиралтейство это знало. Мы видели, что было сделано в авиации. Я убежден, что если бы можно было узнать сумму расходов Германии в текущем финансовом году, то Палата и вся страна были бы изумлены и приведены в ужас гигантскими расходами на военные приготовления, распространенные по всей стране, превратившие всю могущественную германскую нацию и империю в арсенал фактически на границе мобилизации».

**
*

Справедливость требует привести здесь и противоположную аргументацию, как ее представил 11-го июля Самуэль Хор в своей первой речи в качестве министра иностранных дел, отвечая многочисленным английским и европейским критикам:

«Англо-германское морское соглашение ни в коем случае не является эгоистическим. Ни в каком отношении мы не заключили соглашения, которое не было бы, по нашему мнению, явно выгодно другим морским державам. Ни при каких условиях мы не могли бы заключить соглашение, о котором мы не думали бы, что оно будет способствовать общему соглашению, а отнюдь не препятствовать ему. Вопрос о морском разоружении всегда обсуждался отдельно от вопросов о разоружении сухопутном и воздушном. Морская проблема всегда трактовалась отдельно, и, насколько я знаю, морские державы всегда намеревались трактовать ее отдельно.

Однако, помимо юридической стороны, нам представлялось, что в интересах мира — что является главной целью политики британского правительства — имелись подавляющей важности основания для заключения нами этого соглашения. По мнению наших экспертов следовало принять это соглашение, как безопасное для Британской Империи. Здесь мы опять-таки видели шанс, который может не повториться, устранить одну из причин, приведших к ожесточению перед Великой войной — стремительность германского морского вооружения. Кстати сказать, из дискуссии вышло очень важное заявление германского правительства, что отныне они исключают по отношению к нам одну из причин, делавших войну столь ужасной, а именно — неограниченное применение подводных лодок против торговых судов. В-третьих, мы пришли к определенному заключению, что тут была возможность заключить соглашение, которое по военно-морским соображениям представлялось выгодным для других морских держав, включая Францию... При французском флоте на его приблизительно теперешнем уровне по отношению к нашему флоту, соглашение дает Франции постоянное превосходство на 43 процента над германским флотом, в то время как до войны ее флот был слабее, примерно, на 30 процентов... Поэтому я имею смелость думать, что, когда мир более бесстрастно присмотрится к этим результатам, подавляющее большинство сторонников мира и сокращения вооружений признают, что британское правительство пошло по пути не только мудрому, но и единственному, который был для него открыт при данных обстоятельствах».

То, что было сделано, означало, что Германии было предоставлено право в ближайшие пять или шесть лет строить флот до крайних пределов ее возможностей.

**
*

Тем временем в военной области восстановление в Германии воинской повинности означало решающий вызов Версалию. Но меры, которыми германская армия теперь увеличивалась и реорганизовывалась, представляли не только технический интерес. Вся функция армии в национал-социалистическом государстве требовала нового оформления. Целью закона от 21-го мая 1935 года было расширить техническую элиту тайно обученных специалистов в вооруженное выражение всей нации. Имя «рейхсвер» было заменено на-

званием «вэрмахт». Армия должна была быть подчинена верховному руководству Фюрера. Каждый солдат приносил присягу не как прежде конституции, но лично Адольфу Гитлеру. Военное министерство было прямо подчинено приказам Фюрера. Военная служба стала основной гражданской обязанностью и на ответственности армии лежало раз и навсегда воспитать и унифицировать население Империи. Второй параграф закона гласил: «Вэрмахт есть военная сила и школа военного воспитания германского народа».

Это действительно было формальным и узаконенным воплощением в жизни того, что Гитлер писал в «Моей борьбе»:

«Будущее национал-социалистическое государство не должно повторить ошибку прошлого и поручить армии задачу, которую она не имеет и не должна иметь. Германская армия не должна быть школой ради сохранения родовых особенностей, а, напротив, школой для взаимного понимания и приспособления всех немцев. Все, что может оказывать разъединяющее влияние на жизнь нации, должно быть через армию превращено в объединяющее влияние. Армия должна возвысить каждого молодого человека над узким горизонтом его маленького родного места и ввести его в германскую нацию. Он должен научиться уважать не границы его месторождения, а границы его отечества, так как именно его он должен будет защищать».

На этой идеологической основе закон установил также новую территориальную организацию. Армия была теперь организована, как три к о м а н д о в а н и я с главными квартирами в Берлине, Касселе и Дрездене и подразделенные на десять (позднее двенадцать) военных округов. Каждый военный округ представлял собой армейский корпус из трех дивизий. Кроме того была намечена особого рода формация — танковая дивизия, и очень скоро уже имелись три танковых дивизии. Военная служба была урегулирована детальными предписаниями. Главной задачей нового режима была региментация немецкой молодежи. Начав в рядах Гитлеровской молодежи, немецкие подростки, достигнув восемнадцати лет, переходили, на добровольном основании, на два года в

С.А. Закон от 26-го июня 1935 года сделал рабочие батальоны или «рабочую службу» обязательной повинностью каждого мужчины в возрасте двадцати лет. В течение шести месяцев он должен служить своей стране, сооружая дороги, строя бараки или осушая болота, таким образом подготавливая себя к исполнению высшего долга германского гражданина — к военной службе. В рабочих батальонах особое внимание уделяется устранению классовых различий и подчеркиванию социального единства германского народа; в армии ударение ставится на дисциплине и территориальном единстве нации.

Теперь началось осуществление колоссальной задачи обучения солдатской массы и расширения кадров согласно технической концепции Зекта. 15-го октября 1935 года, опять-таки вопреки предписаниям Версальского договора, формальной церемонией с участием Гитлера и начальников разных ветвей вооруженных сил состоялось открытие Академии Генерального Штаба. Это было вершиной пирамиды, фундамент которой составляли уже организованные многочисленные рабочие батальоны. 7-го ноября все родившиеся в 1914 году были призваны, как первый класс, на военную службу: 596 тысяч молодых людей стали обучаться военному ремеслу. Так в один прием — по крайней мере на бумаге — германская армия выросла до состава, примерно, в семьсот тысяч человек.

Вместе с задачей обучений возникли проблемы финансирования вооружения и расширения промышленности, чтобы удовлетворять потребностям национальной обороны. Тайными декретами доктор Шахт был сделан фактическим экономическим диктатором Германии. Пионерская работа Зекта была подвергнута теперь решающему испытанию. Двумя главными трудностями были, во-первых, увеличение офицерского состава и, во-вторых, организация специализированных частей, артиллерийских, саперных и сигнальных. В октябре 1935 года было образовано десять армейских корпусов. Через год за ними последовали еще два и в октябре 1937 года тринадцатый. Полицей-

ские формации также были включены в состав армии.

Было ясно, что после первого призыва класса 1914 г. следующие годы в Германии, как и во Франции, дадут меньшее количество рекрутов вследствие сокращения числа рождений во время Мировой войны. Поэтому в Германии срок активной военной службы был продлен в августе 1936 г. до двух лет. Класс 1915 составлял 464.000, так что с удержанием еще на год класса 1914 г. число немцев, получавших регулярную военную подготовку, достигло 1.511.000, не считая организованных по военному образцу формаций в партии и в рабочих батальонах. Численность французской армии, не считая резервов, достигала в том же году 623.000, из которых только 407.000 было в самой Франции.

Следующие цифры, которые можно было предвидеть на основании статистики населения, говорят сами за себя:

Таблица сравнительной численности германских и французских призывных классов, родившихся от 1914 по 1920 г. и подлежавших призыву от 1934 по 1940 г.

Классы	Германские	Французские
1914	596.000	279.000
1915	464.000	184.000
1916	351.000	165.000
1917	314.000	171.000
1918	326.000	197.000
1919	485.000	218.000
1920	636.000	360.000
	3.172.000	1.574.000

Пока эти цифры не становились год за годом действительностью, они все еще были лишь предостерегающими призраками. Все, что было сделано до 1935 года, было еще далеко до силы французской армии с ее обширными резервами, не говоря уже об ее многочисленных и сильных союзниках. Даже в то время энергичное решение под эгидой Лиги Наций, которое

легко могло быть достигнуто, могло остановить все это развитие. Германия могла быть призвана к ответу в Женеву и приглашена дать полное объяснение и допустить межсоюзные следственные комиссии обследовать состояние вооружений и военных формирований, созданных в нарушение договора; или же, в случае отказа, рейнские предместные плацдармы могли быть снова оккупированы, согласно с договорными гарантиями, без того, чтобы была возможность серьезного сопротивления или большая вероятность кровопролития. Таким путем Вторая мировая война могла бы быть предотвращена или, по крайней мере, отсрочена на неопределенное время. Многие из фактов и их общая тенденция были хорошо известны французскому и британскому генеральным штабам, но лишь в меньшей мере были осознаны правительствами. Французское правительство, подверженное вследствие увлекательной игры партийной политики, постоянным переменам, и британское, страдавшее теми же пороками, благодаря противоположному процессу общего согласия на то, чтобы все было тихо, были равно неспособны на какое-либо крутое или точно определенное действие, как бы то и другое не было оправдано договором и нормальным благоразумием. Французское правительство не согласилось на все те сокращения вооруженных сил, которых от него добивался его союзник; но, как и их английские коллеги, члены французского правительства не обладали нужным форматом, чтобы успешно противодействовать тому, что Зект назвал в свое время «воскрешением германской военной мощи».

9.

ВОЗДУШНЫЕ И МОРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**1935 — 1939**

Теперь следует упомянуть о технических решениях большого значения для нашей безопасности, и представляется целесообразным охватить в этой главе все четыре года, которые оставались до начала войны.

Потеряв равенство в воздухе, мы вынуждены были стать объектом шантажа со стороны Гитлера. Если бы мы во-время приняли меры, чтобы создать авиацию в полтора или два раза сильнее, чем любая, которую Германия могла бы построить в нарушение договора, мы сохранили бы за собой контроль над будущим развитием. Но даже воздушный паритет, который никем не мог бы быть назван агрессивным, дал бы нам в эти критические годы значительную степень оборонительной безопасности и широкое основание для ведения нашей дипломатии или для усиления нашей авиации. Но мы потеряли воздушный паритет. И сделанные попытки восстановить его оказались тщетными. Мы вступили в период, когда оружие, игравшее значительную роль уже в предыдущую войну, как навязчивая идея давило на мысль людей и стало военным фактором первого значения. Министры должны были вообразить самые ужасные сцены разрушения и гибели людей в Лондоне в случае, если мы поссоримся с немецким диктатором. Хотя такого рода соображения были применимы не только к Англии, они влияли на нашу политику, а, следовательно, и на весь мир.

Летом 1934 года профессор Линдемман написал письмо в «Таймс», указывая на возможность научных результатов решающего значения посредством исследований, посвященных воздушной обороне. В августе мы старались привлечь к этому вопросу внимание не только чиновников министерства авиации, которые уже были им заняты, но и их начальников в Прави-

тельстве. В сентябре мы вместе ехали из Канн в Экс-ле-Бэн и имели приятный разговор с Болдвином, который казался глубоко заинтересованным. Мы добивались рассмотрения вопроса решающими лицами. Когда мы вернулись в Лондон, поднялись ведомственные трудности, и дело повисло в воздухе. В начале 1935 года при министерстве авиации был образован состоящий из ученых комитет, чтобы исследовать проблемы будущего. Мы помнили, что, следуя именно взглядам министерства авиации, Болдвин в 1933 году произнес произведшую такое сильное впечатление речь, в которой он сказал, что в действительности защиты нет: «Бомбардировщик всегда прорвется». У нас поэтому не было доверия к какому-либо ведомственному комитету министерства авиации, и мы считали, что вопрос должен быть перенесен в Комитет Имперской Обороны, где главные члены правительства и самые влиятельные политические деятели страны были бы в состоянии наблюдать за его разработкой и заботиться о том, чтобы не было отказа в необходимых средствах. На этой стадии к нам присоединился Остин Чемберлэн, и мы стали периодически обращаться по этому вопросу к министрам.

В феврале мы были приняты Макдональдом и изложили ему наше предложение. В принципе между нами не было никакого разногласия. Премьер-министр отнесся в высшей степени сочувственно к тому, что я сказал о значении вопроса для дела мира. Ничто, я говорил, не может в такой степени уменьшить тяготеющий над миром страх, как устранение идеи о возможности внезапных нападений на гражданское население. В это время премьер-министр, повидимому, был очень встревожен состоянием своего зрения. Он спокойно смотрел из окна на двор и заверил нас, что он набирается твердости, чтобы преодолеть ведомственное сопротивление. Со своей стороны министерству авиации была неприятна идея стоящего вне и выше его органа, вмешивающегося в его дела, и в течение некоторого времени ничего не было сделано. Поэтому 7-го июня я поднял вопрос в Палате:

«Этот пункт (как я сказал) является ограниченным и имеющим в большой мере научный характер. Он касается методов, которые могут быть изобретены, приспособлены или открыты, чтобы дать земле возможность контролировать воздух, чтобы сделать наземную оборону способной приобрести контроль — даже полное господство — над аэропланами, летящими высоко над поверхностью земли... Согласно моему опыту в таких вопросах, если существующая потребность полностью выяснена военными и политическими авторитетами, наука всегда оказывается способной что-нибудь изыскать. Нам говорили, что нет возможности расправляться с подводными лодками, но были найдены методы, давшие нам возможность душить подводные лодки под поверхностью воды — проблема не обязательно более легкая, чем сбрасывание вниз разбойничьих аэропланов. Многое было применено в войне, в технической невозможности чего нас уверяли, но терпение, упорство и, прежде всего, сознание созданной военными условиями необходимости заставляли человеческие мозги работать с большей энергией, и наука отвечала на запросы.

Только в двадцатом столетии была усвоена и стала применяться идея вынуждать нации к сдаче, терроризируя мирное население, избивая женщин и детей. Это касается не какой-либо одной нации. Каждая страна будет чувствовать себя в большей безопасности, если будет известно, что несущие бомбы аэропланы подчинены власти управляемых на земле приспособлений, и это уменьшит подозрения, которые подводят народы все ближе и ближе к катастрофе... Нам приходится опасаться не только нападений на гражданское население в наших больших городах, а в этом отношении мы более уязвимы, чем любая другая страна, но также атак против наших верфей и других технических органов, без которых наш флот, все еще существенный фактор нашей обороны, может быть парализован или даже разрушен. Поэтому не только ради общемировых стараний устранить худшие причины подозрения и войны, но и для того, чтобы здесь, в Великобритании восстановить прежнюю безопасность для нашего острова, этот вопрос должен возбуждать самую интенсивную работу мысли наиболее видных людей в стране и в нашем правительстве, и его разработка должна быть продвинута вперед всеми средствами, которые может применить наука и которые может ей предоставить богатство страны».

На следующий день произошли те перемены в министерстве, о которых было рассказано в предыдущей главе. Болдвин стал премьер-министром. Филипп Канлифф-Листер, ставший позднее лордом Свинтоном,

сменил лорда Лондондерри в министерстве авиации. Месяц спустя я был в курительной комнате Палаты, когда туда вошел Болдвин. Он подсел ко мне и сразу сказал: «Я хочу сделать вам одно предложение. Филипп очень хочет, чтобы вы вошли во вновь образованный Комитет воздушной обороны, и я надеюсь, что вы согласитесь.» Я ответил, что я был критиком наших воздушных приготовлений и должен сохранить свободу действия. Он сказал: «Это вполне понятно. Конечно, вы будете совершенно свободны за исключением пользования секретами, которые вы узнаете в Комитете».

Я поставил условием, чтобы профессор Линдеман, от помощи которого я зависел, был назначен по меньшей мере членом технической подкомиссии. Через несколько дней премьер-министр мне писал:

8 июля 1935 года.

«Я рад, что Вы видели Ханкей, и я считаю Ваше письмо выражением Вашего согласия работать в Комитете. Я рад, и я думаю, что Вы можете, действительно, быть полезным в этом важном исследовании.

Вы, конечно, свободны как воздух (правильное выражение в этом случае!) обсуждать политические вопросы, программы и все остальное, связанное с авиацией. Мое предложение не было задумано, как намордник, а было дружеским жестом по отношению к старому коллеге».

В результате, я в течение четырех лет посещал эти заседания и таким образом получил полное представление об этой чрезвычайно важной стороне нашей обороны. Год за годом я формировал свои идеи о ней в обстоятельных и постоянных беседах с Линдеманом. Я немедленно написал для Комитета меморандум, включавший те мысли и познания, которые я без официальной информации накопил в моих беседах и совместной работе с Линдеманом и вывел из моих собственных военных идей. Этот документ представляет интерес, поскольку он проливает свет на ситуацию в 1935 г. В то время никто еще не думал о пользовании радиолучами для управления бомбардировщиками. Трудность обучения большого количества индивидуальных пилотов была очевидна, и было общепризнанным, что но-

чью большие воздушные флотилии будут следовать за немногими ведущими аэропланами. За четыре года, которым суждено было пройти до того, как жизнь нации была поставлена на карту, были сделаны большие успехи в новой области, и за это время применение направляемых радиолучами бомбардировок вызвало глубокие изменения тактики. Поэтому многое из написанного тогда отпало, но многое я испробовал, когда был у власти — не всегда с успехом.

23 июля 1935 года.

«Нижеследующие спешно набросанные замечания скромно предлагаются вниманию нашего ближайшего заседания, в надежде, что они могут быть полезными для нашего коллективного мышления. Общие тактические представления и то, что технически осуществимо, воздействуют одно на другое. Поэтому, следует сказать ученым, какими возможностями может обладать авиация, и должна быть выработана конструкция аэроплана, приспособленная к определенной схеме ведения войны.

На данной стадии мы можем принять, как правдоподобную гипотезу войны, что Великобритания, Франция и Бельгия являются союзниками, которые будут атакованы Германией.

Когда вспыхнет такая война, доминирующим событием будет мобилизация больших континентальных армий. Она займет по меньшей мере две недели, принимая различные формы и затрудняемая механизированными и моторизованными нападениями. Мысль французского и германского генеральных штабов будет направлена на собирание и развертывание их армий: ни одна сторона не может позволить себе отстать от другой к моменту первого главного удара. Можно надеяться, что в течение двух или трех лет Германия не будет готова к такой войне, в которой армия и флот должны играть большую роль. В данный момент ее флот незначителен; он еще не достиг господства в Балтийском море; и, повидимому, у нее еще нет достаточной тяжелой артиллерии. Чтобы построить флот, произвести тяжелую артиллерию и обучить персонал, требуется время, измеряемое не месяцами, а годами.

Значительная часть немецкого производства снаряжения сосредоточена в Рурской области, которая легко доступна неприятельским бомбардировкам. Германия, конечно, понимает, что она будет отрезана от доставки из-за границы многих необходимых для войны материалов (медь, вольфрам, кобальт, ванадий, нефть, каучук, шерсть и т. д.), и даже снабжение железом будет сокращено, если она не

будет господствовать в Балтийском море, так что она вряд ли еще в состоянии предпринять продолжительную войну. Конечно, она делает большие усилия, чтобы преодолеть эти препятствия, принимая такие меры, как перенесение некоторых фабрик от границы в центр Германии, синтетическое производство таких веществ, как нефть и каучук, и образование обширных запасов. Однако представляется невероятным, чтобы Германия до 1937 года или 1938 года была в состоянии начать с надеждой на успех войну тремя родами оружия, которая может затянуться на годы и в которой она вряд ли будет иметь союзников.

Следует думать, что в такой войне первой задачей англо-французской авиации должно быть разрушение неприятельских средств сообщения, их железных дорог, авто-страд, мостов через Рейн, виадуков и т. д., а также максимальная дезорганизация их сборных пунктов и складов амуниции. Следующим по значению объектом являются наиболее доступные предприятия всех видов военной промышленности. Можно быть уверенным, что, если наши усилия с первого часа будут концентрированы на таких первой важности объектах, то мы вынудим неприятеля применять ту же тактику. Иначе Франция сможет беспрепятственно провести мобилизацию и овладеть инициативой в большом наземном сражении. Следовательно, германская авиация будет лишь неохотно и экономно отвлекаться для террора, направленного против гражданского населения Англии и Франции. Тем не менее, мы должны считаться с тем, что даже в случае войны, ведущейся всеми тремя родами оружия, будут сделаны попытки сжечь Лондон или другие легко доступные большие города, чтобы испытать силу сопротивления правительства и народа, подвергнутых таким ужасающим бедствиям. Во-вторых, лондонский порт и верфи, от которых зависит жизнь флота, также являются военными объектами, могущими иметь величайшее значение.

Однако, существует и такая чудовищная возможность, что власти Германии могут думать, что яростными массовыми воздушными атаками можно в очень немного месяцев или даже недель заставить нацию стать перед ними на колени. Идея тактики психологических ударов очень привлекательна для немецкого образа мышления. Правы они или нет, дела не меняет. Если германское правительство считает, что разрушением с воздуха больших городов и истреблением гражданского населения до того, как союзные армии будут мобилизованы и снабжены материалом, оно может заставить страну просить мира, то это может соблазнить его начать военные действия только ее воздушным оружием. Вряд ли нужно добавлять, что Англия, если она будет отделена от Франции, будет особенно подходя-

щей жертвой для такого нападения. Так как главная форма ее контратаки — кроме воздушных репрессий, — а именно морская блокада дает себя чувствовать лишь после значительного промежутка времени.

Если воздушные бомбардировки наших городов могут быть ограничены в их действии или предотвращены, то исчезнет шанс (который в любом случае может оказаться иллюзорным), что наша мораль может быть сломлена «ужасом», и в конечном счете решение будет достигнуто армией и флотом. Чем выше оценивается наша оборона, тем сильнее будет боязнь начать чисто воздушную войну.

У меня имелось несколько идей для сообщения. Не надо забывать, что в 1935 году у нас имелось еще четыре года времени до того момента как метод радиодетектирования вступил в игру.

Комитет работал в секрете, и никогда не было рассказано о моей работе с правительством, которое я продолжал критиковать и на которое я всё резче нападал по другим вопросам в той же области. В Англии для опытных политиков часто возможно согласовать такого рода функции — так же, как самые острые политические разногласия иногда могут быть совместимы с личной дружбой. Ученые, однако, гораздо более ревнивы. В 1937 году в технической подкомиссии возникло значительное разногласие между ним и профессором Линдеманом. Его коллеги были недовольны тем, что он был в постоянном контакте со мной, и что я отстаивал его идеи в Комитете, тогда как они считали, что Генри Тизард должен один излагать их коллективное мнение. Поэтому Линдемана просили выйти из подкомиссии. Он был совершенно вправе снабжать меня фактами для моей аргументации; более того, это было условием, на котором мы участвовали в работе. Тем не менее, несмотря на его уход, я в интересах государства и с его полного согласия, продолжал оставаться членом Комитета, а в 1938 году, как будет рассказано ниже, я смог добиться его возвращения.

**
*

В тридцатых годах мысль о возможности пользоваться волнами радио, отражаемыми аэропланами и другими металлическими предметами, возникла, по-

видимому, у очень многих в Англии, Америке, Германии и Франции. Мы говорили об этом, как о R.D.F., а позднее, как о радаре. Практической целью было различать приближение вражеских аэропланов не посредством человеческих чувств, не зрением или слухом, а посредством эхо, которое они отдают от радиоволн. На высоте около семидесяти миль существует отражающая полоса (ионосфера), наличием которой препятствует рассеянию радиоволн в пространстве и таким образом делает возможным беспроволочные сообщения на дальнем расстоянии. Техника посылки коротких толчков и наблюдения за ними в течение нескольких лет активно разрабатывалась нашими учеными и в особенности профессором Апплетоном.

В феврале 1935 года правительственный ученый изыскатель, профессор Уотсон-Уатт, в первый раз сообщил технической подкомиссии, что открытие аэропланов посредством радио-эхо лежит в пределах возможного и предложил это испытать. Это произвело большое впечатление на подкомиссию. Предполагалось, что потребуется пять лет, чтобы получить возможность открывать аэропланы на расстоянии пятидесяти миль. Тизард сделал доклад об этом на четвертом заседании Комитета, которое было первым, на котором я присутствовал. Было признано, что предварительные опыты оправдывают дальнейшее выполнение проекта. Ведомственным бюро было поручено составить планы. Была создана особая организация и для экспериментов была установлена сеть станций в районе между Дувром и Орфорднесом. Было также решено выяснить возможность определять посредством радио местонахождение морских судов.

В марте 1936 года было приступлено к сооружению и оборудованию станций вдоль южного берега и предполагалось, что осенью можно будет проводить экспериментальные упражнения. Летом произошла значительная задержка в стройке, и возникла проблема неприятельской обструкции. В июле 1937 года были представлены министерством авиации и одобрены Ко-

митетом по изучению вопросов воздушной обороны планы создания к концу 1939 цепи из двадцати станций от острова Уайта до Тис, с расходом в миллион фунтов. Теперь производились опыты по нахождению неприятельских аэропланов после того, как они проникли внутрь страны. К концу года мы могли обнаруживать их присутствие на расстоянии тридцати пяти миль на высоте десяти тысяч футов. Были достигнуты успехи и в нахождении морских судов. Оказалось возможным с воздуха устанавливать присутствие кораблей на расстоянии девяти миль. Два судна нашего военного флота были уже снабжены аппаратами для разыскивания аэропланов, и производились опыты по определению отдаления аэропланов, управлению огнем противоаэропланных орудий (А.А.) и направлению прожекторов. Работа двигалась вперед. В декабре 1938 года четырнадцать из планированных двадцати станций были в действии с временным оборудованием. Нахождение судов с воздуха было теперь возможно за тридцать миль.

В 1939 году министерство авиации, применяя радио со сравнительно длинными (десяти метров) волнами, построило так называемую береговую цепь, позволившую нам находить приближающиеся над морем аэропланы на расстоянии около шестидесяти миль. Тщательно разработанная телефонная сеть была установлена под руководством маршала авиации Доудинга (из командования истребителями), соединявшая все станции с центральной управляющей станцией в Аксбридже, где было возможно делать отметки на больших картах, чем обеспечивалось управление действиями всех наших аэропланов. Был также сконструирован аппарат, названный I.F.F. (идентификация друга или врага), который давал береговой цепи радарных станций возможность отличать снабженные этим аппаратом свои аэропланы от неприятельских. Было установлено, что эти станции с длинными волнами не открывают аэропланов, приближающихся над морем на незначительной высоте. Чтобы иметь защиту и против этой опасности, была сооружена дополнительная сеть

станций, названных С.Н.Л., которые применяли более короткие волны (полтора метра), но могли действовать только на более короткое расстояние.

Чтобы следить за неприятельской авиацией, уже находящейся над нашей территорией, мы всё еще должны были полагаться на Королевский Корпус наблюдателей, который оперировал только зрением и слухом, но, связанный со всеми телефонными сообщениями, оказался очень ценным и в ранней стадии Битвы за Англию был главной опорой нашей обороны. Было недостаточно открывать неприятельские аэропланы над морем, хотя это и давало нам предостережение по меньшей мере за 15-20 минут. Мы должны были найти средство направлять наши аэропланы против нападающих и перехватывать их над землей. С этой целью было сооружено несколько станций с тем, что называлось G.C.I. (наземное управление перехватыванием). Но к началу войны все это было еще только в зачаточном состоянии.

**
*

Немцы тоже не дремали, и весной 1939 «Граф Цеппелин» облетел восточное побережье Англии. Главный директор сигнализации в германской военной авиации, генерал Мартини снабдил его специальным подслушивающим оборудованием, чтобы открыть наши радарные передачи, если таковые существуют. Попытка не удалась, но если бы его специальное оборудование действовало правильно, «Граф Цеппелин», без сомнения, мог бы вернуться в Германию с сообщением, что радар у нас имеется, так как в это время наши радарные станции не только были в действии, но и открыли его движения и разгадали его намерения. Для немцев не было бы неожиданностью услышать толчки нашего радара, так как они сами создали технически эффективную систему радара, которая в некоторых отношениях превосходила нашу. Но неожиданным для них было бы то, в какой мере мы сумели использовать наши открытия для практического применения и включили все в общую систему воздушной

обороны. В этом отношении мы были впереди всех, и английским достижением было не столько новизна оборудования, сколько эффективность его применения.

Последнее заседание Комитета по изысканиям в области воздушной обороны имело место 11-го июля 1939. В это время между Портсмутом и Скапа Флоу имелись двадцать радарных станций, способных находить аэропланы, летящие на высоте более десяти тысяч футов на расстояниях, колебавшихся в разных случаях от пятидесяти до ста двадцати миль. Удовлетворительные приспособления против неприятельского глушения и упрощенное средство I.F.F. («различение друга от врага») находились уже в производстве. Производились испытательные полеты для перехватывания неприятельских аэропланов. Экспериментальное оборудование для нахождения с воздуха морских судов оказалось слишком громоздким для аэропланов и было передано Адмиралтейству для возможного применения его на судах.

**
**

Добавляю последний штрих. В июне 1939 года Генри Тизард, по желанию министра иностранных дел, отправился со мной на аэроплане сомнительного качества, чтобы показать мне, что было сделано на восточном побережье. Мы летали весь день. Я написал о моих впечатлениях министру авиации. Я привожу здесь это описание, потому что оно дает представление о том, чего мы достигли в области радара накануне его применения.

«Черчилль Кингслей Вуду.

Посещение Мартлехэта и Воудей под руководством Тизарда было для меня глубоко интересно, а также ободряюще. Может быть, будет полезно изложить некоторые пункты, которые обратили на себя мое внимание:

Чрезвычайно важные Р. Д. Ф. (радарные) станции требуют непосредственной защиты. Мы думали сначала сделать с небольшими издержками их фиктивные дубликаты и трипликаты, но теперь я думаю, что в этом случае надо пользо-

ваться дымовыми завесами. Слабым пунктом этой замечательной системы является, конечно, то, что после того, как налет минует побережье, он оставляет радар позади себя, и мы должны полагаться на Наблюдательный корпус. Это словно переход от середины двадцатого столетия к раннему каменному веку. Хотя я слышал о хороших результатах, достигнутых Наблюдательным корпусом, мы должны считать настоятельно необходимым следить за налетом над нашей территорией посредством какого-либо приспособления радара. До того, как радар сможет «оглянуться» назад, внутрь страны, пройдет некоторое время, и картина происходящего в воздухе будет загроможденной и запутанной.

Дальнейшее развитие радара, в особенности в применении к определению расстояния, без сомнения, должно иметь большое значение для флота. Оно даст возможность атаковать неприятеля независимо от возможности его видеть. Судьба немецких линейных крейсеров, когда они в 1914 году атаковали Скарборо и Хартрул, была бы совсем иной, если бы мы были в состоянии видеть сквозь туман! Я не могу понять, почему Адмиралтейство не делает усилий в этом направлении. Тизард указал также на огромное значение для миноносцев и подводных лодок возможности точно направлять мины днем и ночью, независимо от состояния видимости. Я думал бы, что это принадлежит к величайшим достижениям за долгое время, и целиком в нашу пользу.

Метод различения «между другом и врагом» также имеет огромное значение для нашего флота и должен совершенно заменить распознавательные сигналы со связанными с ними опасностями. Я предполагаю, что Адмиралтейство все это знает. В заключение, разрешите поздравить Вас с достигнутым прогрессом. Мы у порога достижения чрезвычайно высокой степени безопасности для нашей страны. К сожалению, мы хотим дойти не только до порога, а времени осталось мало».

В одном из следующих томов я объясню, каким образом теми или другими методами осенью и зимой 1940 была в значительной мере отражена германская атака на Великобританию. Нет сомнения, что работа министра авиации и Комитета по вопросам воздушной обороны, — как при лорде Свинтоне, так и при его преемнике, — имела решающее значение для драгоценного усиления действенности наших истребителей. Когда в 1940 году на меня пала главная ответственность, и спасение нации зависело от победы в воздухе, мне очень помогло то, что я, как не специалист, полу-

чил представление о проблемах воздушной войны благодаря нескольким годам изучения и размышлений, основанных на самой полной официальной технической информации. Хотя я никогда не пытался получить техническое образование, я хорошо был знаком с этой областью. Я знал фигуры и ходы на шахматной доске и мог понять все, что мне рассказывали об игре.

**
*

В течение этих лет я также имел постоянный и тесный контакт с Адмиралтейством. Летом 1936 года Самуэль Хор стал Первым лордом (морским министром), и он разрешил своим сотрудникам свободно обсуждать со мной вопросы, касающиеся Адмиралтейства. Так как я очень интересовался флотом, я полностью использовал эту возможность. С 1914 года я хорошо знал адмирала Чатфильда и в 1936 году начал переписку с ним по морским вопросам. Я также был давним знакомым адмирала Гендерсона, который ведал всеми вопросами проектирования и конструирования. В 1912 году он был одним из наших лучших специалистов артиллерийской стрельбы, а я, тогда Первый лорд Адмиралтейства, часто ходил наблюдать пробную стрельбу с броненосцев до того, как артиллерийское оборудование было принято от подрядчиков, и имел возможность составить очень высокое мнение об его работе. Оба адмирала на вершине их карьеры относились ко мне с величайшим доверием, и, хотя я часто с ними не соглашался и сурово критиковал многое, что делалось или не делалось, наши отношения никогда не были омрачены жалобами или личными упреками.

Вопрос о том, должна ли морская авиация быть подчинена Адмиралтейству или министерству авиации, был предметом горячего спора между обоими ведомствами. Я разделял мнение флота, и моя защита этой точки зрения в Парламенте имела следствием сердечное письмо Первого морского лорда (адмирала Чатфильда), в котором он обсуждал всю проблему морской политики. Томас Инскип приехал ко мне в Чарт-

велл и спросил мое мнение по этому щекотливому вопросу. Я написал для него меморандум, который в конце концов был почти дословно принят Правительством Его Величества.

**
*

Когда, наконец, было решено снова начать строить линейные корабли, я был очень озабочен вопросом об их конструкции. До того времени фактически все суда Королевского флота были построены или спроектированы во время моего управления Адмиралтейством с 1911 по 1915 год. Только «Нельсон» и «Родней» были построены после первой мировой войны. Я описал в своей книге «Мировой кризис» весь процесс постройки заново нашего флота и конструирования быстрых броненосцев класса «Королевы Елизаветы» во время моего пребывания в Адмиралтействе, когда я в такой мере мог пользоваться гением и вдохновляющим влиянием лорда Фишера. К этому я всегда был в состоянии присоединить мои мысли, основанные на мнениях многих других морских экспертов, и я все еще сохранял твердые убеждения.

Как только я узнал, что Совет министров принял программу постройки линейных кораблей, я был убежден, что наши новые суда должны попрежнему быть вооружены 16-дюймовыми орудиями и что это осуществимо при водоизмещении в 35 тысяч тонн — договоренное ограничение, которое мы одни строго соблюдали — посредством трех тройных башен с 16-дюймовыми орудиями. Я несколько раз разговаривал и обменялся несколькими письмами с Самуэлем Хором, и, так как я не был убежден аргументами, которые я слышал, то я поставил вопрос о сравнительном весе залпов с кораблей, снабженных 14-дюймовыми или 16-дюймовыми орудиями. Для моей личной информации мне были даны следующие цифры:

Залп девяти 14-дюймовых орудий	6,38 тонн
Залп девяти 16-дюймовых орудий	9,55 тонн.

Цифра для 16-дюймовых орудий была основана не на орудиях, находившихся на «Нельсоне», а на ги-

потетических орудиях, которыми американцы намеревались вооружить свои новые суда.

Превосходство веса залпа 16-дюймовых орудий произвело на меня глубокое впечатление. Поэтому я написал Самуэлю Хору следующее:

«Черчилль Самуэлю Хору

1 августа 36 года.

С Вашей стороны очень любезно придавать какое-либо значение моему мнению, и к этому сейчас представляется случай. Я не могу ответить на аргумент относительно предполагаемой большой задержки. Еще раз мы одни страдаем вследствие договоров. Я не могу сомневаться в том, что с тремя тройными башнями с 16-дюймовыми орудиями при корпусе в 35 тысяч тонн может быть построено гораздо более мощное судно, чем с любой комбинацией 14-дюймовых орудий. Это судно не только будет лучше, но оно будет оцениваться как лучшее судно и как более внушительное свидетельство морской мощи, всеми, включая тех, кто на нем служит. Вспомните, что немцы получают от их орудий при том же калибре гораздо лучшие результаты, чем мы. Они пускают более тяжелый снаряд дальше и более точно. Ответ в силе удара. Дело не только в огромном увеличении веса залпа, но и взрывчатый заряд 16-дюймового снаряда должен быть гораздо больше, чем у 14-дюймового. Если можно пробить броню, стоит что-нибудь сделать внутри снаряда для усиления взрыва.

Другой вопрос, это число башен. Какое расточение иметь четыре башни, которые, как я полагаю, весят по две тысячи тонн, когда три дадут большую силу удара. При трех башнях централизация брони против орудийного огня и мин может быть сильнее, и деки будут иметь более места для противоздушных батарей. Если Вы попросите наших людей дать Вам описание кораблей с 16-дюймовыми орудиями, я убежден, что они покажут Вам гораздо лучшие пропорции, чем могут быть достигнуты при 14-дюймовых. Конечно, могут быть споры относительно контроля стрельбы, рассеяния выстрелов и т. д., с чем я не знаком. Тем не менее, я склонен думать, что оптимальный эффект стрельбы может быть достигнут чередующимися залпами из пяти и четырех орудий.

Если бы я был на Вашем месте, ничто не побудило бы меня согласиться на 14-дюймовые орудия. Адмиралтейство окажется в несколько глупом положении, если оно свяжет себя двумя судами с 14-дюймовыми орудиями, а несколько месяцев позже Соединенные Штаты и Япония перейдут на 16-дюймовые. Я считал бы вполне возможным выждать, а затем сэкономить 6 месяцев на постройке. Просто ужасно сознательно строить британские броненосцы, стоящие по

7 миллионов фунтов каждый, которые не будут самыми сильными в мире. Как говорил старик Фишер: «Британский флот всегда ездит в первом классе».

Однако, это только гадания. В прошлые годы я проработал все это, иначе я не рискнул бы Вас этим беспокоить. Я снесусь, как Вы предлагаете, с Чатфильдом».

Первый Лорд ни в коей мере не был раздражен моими возражениями, и между нами имела место довольно обширная переписка. Я также имел несколько разговоров с ним и с Первым Морским Лордом (адмиралом Чатфильдом). Перед тем как он в конце мая 1937 оставил Адмиралтейство, Самуэль Хор послал мне два составленных морским штабом меморандума, один о линейных кораблях, другой о крейсерах. Свою позицию в вопросе проектирования линейных кораблей Адмиралтейство обосновывало тем, что после заключения Вашингтонского договора Англия вынуждалась по соображениям экономии к уменьшению водоизмещения и калибра орудий. Когда наконец в 1936 было решено строить новые линейные корабли, было невозможно отвергнуть договорное ограничение их 14-дюймовыми орудиями и 35 тысячами тонн водоизмещения. Проектирование кораблей типа «Георга V» должно было начаться до того, как могло быть выяснено, будут ли другие державы держаться в тех же границах в ближайшем будущем. Башни типа «Георга V» были заказаны уже в мае 1936 года. Если бы Адмиралтейство отложило вопрос о конструкции до апреля 1937, то в 1941 имелись бы готовыми лишь два корабля вместо пяти. Если другие страны выйдут за установленные в Вашингтоне пределы, то проекты для программы 1938, которая должна быть выполнена в 1942, могут предусмотреть суда более крупного размера.

Если однако мы в конце концов должны будем перейти к судам, вполне приспособленным к 16-дюймовым орудиям, не теряя ни прочности постройки, ни других преимуществ класса «Георга V», необходимо будет значительное увеличение водоизмещения. Такие суда не смогут проходить через Панамский канал, мы должны будем расширить наши доки и увеличить расходы на каждый корабль. Адмиралтейство соглашалось

с моим предпочтением корабля с девятью 16-дюймовыми орудиями на трех башнях кораблю с десятью 14-дюймовыми на четырех. Все их проекты предусматривали линейные корабли с тремя «многоорудийными башнями».

Ознакомившись с этим пространным и серьезным документом, я признал, что мы не можем допустить задержку, связанную с вооружением первых пяти кораблей более тяжелыми орудиями. Принятое решение не могло быть изменено. Но я настаивал, чтобы, как мера предосторожности, были заготовлены проекты более крупных орудий и башен и чтобы хотя бы ценой значительных затрат были также изготовлены все машины и приборы, необходимые для приспособления фабрик орудий и т. д. к более крупным калибрам.

В моей дискуссии с Адмиралтейством о конструкции линейных кораблей я не оценил значения того факта, что оно проектировало и готовило к выполнению четырехорудийные башни для 14-дюймовых орудий, что давало в целом двенадцать орудий. Если бы я понял это, я должен был бы пересмотреть свое мнение. Это недоразумение с моей стороны было вызвано выражением «многоорудийные башни». Три четверных башни позволяют избежать многих из недостатков, которые я видел в кораблях с четырьмя башнями, а двенадцать 14-дюймовых орудий, хотя и не равнясь девяти 16-дюймовым, все же давали значительное улучшение в весе выбрасываемого металла.

Тем не менее политика Адмиралтейства имела неблагоприятные последствия. Серьезная задержка имела место в конструировании совершенно новых четверных башен для 14-дюймовых орудий. Едва эта работа была начата, как Адмиралтейство решило заменить выдвинутую вперед третью башню башней для двух орудий. Это, конечно, означало конструировать заново до двух или трех тысяч частей, из которых состояли эти удивительные механизмы, и этим изменением плана постройка «Короля Георга V» и «Принца Уэльского» задержалась по меньшей мере еще на год. Более того, наши новые суда получили теперь только

по десять орудий, и все мои доказательства слабости их залпов по сравнению с судами с 16-дюймовыми орудиями снова приобрели все их значение. Тем временем американцы справились с проблемой помещения трех тройных башен с 16-дюймовыми орудиями в судах в 35 тысяч тонн. Французы и немцы предпочли 15-дюймовые орудия, французы, распределяя восемь орудий в двухчетверных башнях, а немцы в четырех двухорудийных. Но, как и японцы, немцы не намеревались связывать себя договорными ограничениями, и у них водоизмещение превышало 45.000 тонн со всеми связанными с этими преимуществами. Только мы, решив, наконец, после стольких лет построить пять линейных кораблей, от которых, как мы считали, должно было зависеть существование нашего флота и сохранение нашей морской мощи, вернулись от 16-дюймовых орудий к 14-дюймовым, в то время как другие увеличивали их калибры. В результате мы построили серию судов, постройка которых отнимала по пяти лет и которые вполне могли бы иметь более мощную силу огня.

**
*

15-го июня 1938 Первый морской Лорд (адмирал Чатфильд) взял меня с собой в Портланд, чтобы показать мне «асдики». Так была названа система нащупывания подводных лодок под поверхностью воды посредством звуковых волн, которые отдавали эхо от каждой встреченной ими стальной массы. По этому эхо можно было с известной точностью определить местонахождение подводной лодки. Мы уже были близки к этому изобретению, когда кончилась Первая мировая война.

Мы ночевали на флагманском корабле и имели длинный разговор с командующим адмиралом Чарльзом Фордсом. Все утро мы провели в школе борьбы против подводных лодок, и в течение четырех часов я получил полную информацию. Затем мы вышли в море на миноносце, и после полудня и вечером для меня были устроены чрезвычайно интересные упраж-

нения. Несколько подводных лодок были рассеяны в открытом море. Стоя на мостике миноносца, вооруженного асдиком, на расстоянии полумили от другого миноносца и в постоянном контакте с ним, я мог видеть весь процесс, который был драгоценным сокровищем Адмиралтейства, упорно работавшего над его развитием в течение целого поколения. Я часто критиковал политику Адмиралтейства. Нет сомнения, что в этом случае я, как и они, переоценил громадность этого достижения и на время забыл, как обширно море. Тем не менее, без этих двадцати лет опытов с большими затратами и тысячами высоко квалифицированных офицеров и матросов, которые служили и тренировались без всякой рекламы — все никем не упоминаемые — без этого наша проблема борьбы с подводными лодками очень может быть не нашла бы другого ответа кроме поражения.

Я писал адмиралу Чатфильду:

«Я постоянно думаю о всем том, что Вы мне показали, и я уверен, что нация находится в неопределенном долгу перед Адмиралтейством и теми, кто им руководил, за их беззаветные усилия в течение столь долгих лет, освободившие нас, как я в этом убежден, от одной из великих опасностей.

Что меня поразило, были ясность и сила показаний асдика. Я ожидал что-нибудь почти неуловимое, во всяком случае неясное и сомнительное. Я никогда не воображал услышать какое-либо из этих созданий просящим его разрушить. Это дивная система и достижение».

Асдики не победили подводных лодок, но без них подводные лодки не были бы побеждены.

10.

САНКЦИИ ПРОТИВ ИТАЛИИ

1935

Делу мира был нанесен второй тяжелый удар. За потерей Англией воздушного паритета последовал переход Италии на сторону Германии. Комбинация этих двух событий позволила Гитлеру продвигаться вперед по его predetermined смертоносному пути. Мы видели, как полезен был Муссолини для охраны австрийской независимости со всем, что это означало для центральной и юго-восточной Европы. Теперь предстоял его переход в противоположный лагерь. Нацистская Германия переставала быть одинокой. Один из главных союзников первой мировой войны должен был скоро к ней присоединиться. Я был удручен этим скольжением вниз на весах чашки безопасности.

Намерения Муссолини относительно Абиссинии не соответствовали этике двадцатого столетия. Они были свойственны тем мрачным временам, когда белые люди считали себя вправе завоевывать желтых, коричневых, черных или красных людей и поработать их благодаря превосходству своей численности и своего оружия. В наш просвещенный век, когда совершаются преступления и жестокости, от которых дикари прежних времен отшатнулись бы или были бы, по крайней мере, на них неспособны, такое поведение было устаревшим и предосудительным. Более того, Абиссиния была членом Лиги Наций. Курьезным образом в 1923 Италия настаивала на ее принятии, а Англия против этого возражала. По мнению англичан, характер Абиссинского правительства и условия, господствовавшие в этой дикой стране тирании, рабства и войны между племенами, были несовместимы с участием в Лиге. Но итальянцы добились своего, и Абиссиния была членом Лиги со всеми правами и гарантиями, которые это давало. Здесь, действительно, был пробный камень для

органа мирового правительства, на котором покоились надежды всех благомыслящих людей.

Итальянский диктатор руководствовался не только желанием территориальных приобретений. Его власть, его безопасность зависели от престижа. Все итальянцы еще мучились воспоминанием об унижительном поражении, которое Италия потерпела при Адуе 40 лет тому назад, и об издевательствах всего мира, когда итальянская армия была не просто побеждена или взята в плен, а постыдно растерзана. Они видели, как Англия спустя ряд лет отплатила за Хартум и Маджубу. Показать свою зрелость, отомстив за Адую, значило для Италии почти то же, что для Франции возвращение Эльзаса-Лотарингии. Казалось, не было другого средства, каким Муссолини мог бы легче или с меньшим риском и меньшими затратами укрепить собственную власть или, как он считал, поднять авторитет Италии в Европе, чем смыть пятно прошлых лет и присоединив Абиссинию к недавно созданной Итальянской Империи. Все такие мысли были ошибочны и безнравственны, но их следовало здесь изложить, поскольку всегда разумно стараться понять точку зрения другой страны.

Чувствуя, каким неотвратимым шагом приближалась страшная борьба против вновь вооружающейся нацистской Германии, я считал в высшей степени нежелательным, чтобы Италия оказалась отстраненной или даже перешла в противоположный лагерь. Не было сомнения в том, что если в данной обстановке нападение одного члена Лиги Наций на другого не будет осуждено, то это окончательно разрушит Лигу, как фактор для сплочения сил, которая одна только могла бы сдерживать мощь возрождающейся Германии и гитлеровскую угрозу. Утверждение авторитета Лиги дало бы, может быть, больше, чем Италия когда-либо могла дать, отнять или переместить. Если, поэтому, Лига была готова обратить объединенную силу ее членов на то, чтобы обуздать политику Муссолини, то нашим непреложным долгом было принять в этом участие и добросовестно играть свою роль.

Ни при каких обстоятельствах на Англии не лежала обязанность брать на себя руководящую роль. Она была обязана считаться с собственной слабостью вследствие утраты воздушного паритета и еще более с военным положением Франции пред лицом германского вооружения. Одно было ясно и несомненно. Полумеры были бы бесполезны для Лиги и вредны для Англии, если бы она взяла на себя руководство ими. Если мы считали правильным и необходимым ради законности и благополучия Европы ссориться с Италией Муссолини, мы также должны были ее сокрушить. Падение менее значительного диктатора могло собрать и побудить к действию все силы — а они все еще были подавляюще велики, — которые дали бы нам возможность сдержать более крупного диктатора и тем предотвратить вторую германскую войну.

Эти общие соображения являются вступлением к тому, что будет рассказано в этой главе.

**
*

После конференции в Стресе приготовления Муссолини к завоеванию Абиссинии стали очевидны. Также очевидно было, что английское общественное мнение будет враждебно такой итальянской агрессии. Те из нас, кто считали гитлеровскую Германию опасностью не только для мира, но и для нашего существования, боялись перехода первоклассной державы, какой тогда еще считалась Италия, из одного лагеря в другой. Я вспоминаю обед с Робертом Ванситтартом и Даф Купером, тогда еще только товарищем министра, на котором мы ясно предвидели это неблагоприятное изменение соотношения сил в Европе. Мы взвешивали план, чтобы кто-нибудь из нас отправился к Муссолини, чтобы объяснить ему, каковы будут неизбежные последствия в Великобритании. Из этого ничего не вышло; да это и не принесло бы никакой пользы. Муссолини, как и Гитлер, смотрели на Англию, как на испуганную слабую старуху, которая в худшем случае будет грозиться и ни в коем случае неспособна воевать. Лорд Ллойд, который был в дру-

жеских отношениях с Муссолини, заметил, какое впечатление произвела на него резолюция оксфордских студентов в 1933 году, отказывавшихся «сражаться за короля и отечество».

**
*

11-го июля я высказал свои опасения в Парламенте:

«Мы, повидимому, позволили создаться впечатлению, что мы, как своего рода баран с бубенчиком или вожак, готовимся вести за собой общественное мнение Европы против абиссинских намерений Италии. Предлагалось даже, чтобы мы действовали самостоятельно и независимо. Я рад был услышать от министра иностранных дел, что для этого нет никаких оснований. Мы должны исполнить свой долг, но только вместе с другими нациями и в согласии с обязательствами, которые признаются и другими. Мы не настолько сильны, чтобы быть законодателем и голосом всего мира. Мы выполним свою долю, но от нас нельзя требовать, чтобы в таких вещах мы делали больше, чем свою часть...

Как дело обстоит теперь? Нет сомнения, что облако нависло над старой дружбой между Англией и Италией — облако, которое, как мне кажется, очень легко может не пройти мирно, как этого, конечно, все хотели бы. Это — старая дружба, и мы не должны забывать тот мало известный факт, что, когда Италия вступила в Тройственный Союз, она специально оговорила, что ни при каких обстоятельствах союзные обязательства не могут вовлечь ее в вооруженный конфликт с Великобританией».

**
*

В августе министр иностранных дел пригласил к себе отдельно меня и лидеров оппозиции, и факт этих консультаций правительство опубликовало. Самуэль Хор рассказал мне о его растущем беспокойстве в связи с итальянской агрессией в Абиссинии и спросил меня, как далеко я готов идти против нее. Желая, прежде чем ответить, узнать больше о внутреннем положении и личных отношениях в министерстве иностранных дел с его двоевластием, я спросил о мнении Идена. «Я его позову», сказал Хор, и через несколько минут Иден пришел, улыбаясь и в самом лучшем настроении. Мы имели непринужденный разговор.

Я сказал, что, по моему мнению, министр иностранных дел может идти вместе с Лигой Наций настолько далеко, насколько он может повести за собой Францию; но я добавил, что он не должен оказывать на Францию никакого давления в виду ее военного соглашения с Италией и ее опасений Германии; и что при данных обстоятельствах я не думаю, чтобы Франция пошла очень далеко. Я говорил затем об итальянских дивизиях на Бреннерском перевале, о незащищенном южном фронте Франции и о других военных вещах.

**

В первые месяцы 1935 года было организовано голосование о мире для поддержки коллективной безопасности и устава Лиги Наций. Это предприятие получило благословение Союза для поддержки Лиги Наций, но было организовано отдельными группами при широкой поддержке Рабочей и Либеральной партий. Были поставлены следующие вопросы:

Голосование о мире.

1. Должна ли Великобритания оставаться членом Лиги Наций?
2. Стоите ли вы за всеобщее сокращение вооружений по международному соглашению?
3. Стоите ли вы за всеобщее упразднение военной и морской авиации по международному соглашению?
4. Должны ли быть запрещены международным соглашением производство и продажа предметов вооружения в целях частной прибыли?
5. Считаете ли вы, что, если какая-либо страна упорствует в агрессии против другой, то другие страны должны объединиться, чтобы ее остановить
 - а. посредством экономических и не-военных мер,
 - б. если необходимо, военными мерами?

27-го июля было объявлено, что более 11 миллионов ответили на эти вопросы положительно. Министры сначала, повидимому, поняли голосование о мире неправильно. Название затемняло цель. Конечно, оно комбинировало противоречивые предложения сокращения вооружений и сопротивления силой против агрессии. Многие считали его частью пацифистской кампании. Но пункт 5-й формулировал, наобо-

рот, положительную и смелую политику, которая в тот момент могла получить поддержку подавляющего большинства нации. Лорд Сесиль и другие лидеры Союза для поддержки Лиги Наций были, как гласил этот пункт и как скоро показали события, готовы и решились идти на войну за правое дело при условии, что каждое необходимое действие будет предпринято под эгидой Лиги Наций. Их оценка фактов претерпела в ближайшие месяцы существенные изменения. И, действительно, через год я работал в гармонии с ними, проводя политику, которую я определил словами «Оружие и Устав Лиги».

**
*

В течение лета непрерывно происходило движение итальянских военных транспортов через Суэцкий канал, и возле восточной границы Абиссинии были собраны значительные силы и запасы. Внезапно произошло чрезвычайное и для меня, после недавних разговоров в министерстве, совершенно неожиданное событие. 24-го августа Совет министров постановил и заявил, что Англия выполнит свои обязательства по договорам и по уставу Лиги Наций. Это немедленно вызвало кризис на Средиземном море, и так как со мной недавно советовались, я счел нужным просить министра иностранных дел успокоить меня относительно положения на море

«Черчилль Самуэлю Хору

25-го августа 1935 года.

Я убежден, что Вы будете остерегаться капитальной ошибки и не позволите дипломатии быть впереди морской подготовленности. Мы заботились об этом в 1914 году.

Где наш флот? В хорошем ли он состоянии? Достаточно ли силен? Способен ли на быструю и полную концентрацию? Не забудьте, что Вы оказываете крайнее давление на диктатора, который может оказаться в отчаянном положении. Вполне возможно, что он будет мерить Ваше зерно своей мерой. Он в ближайшие две недели в любой момент может приписать Вам намерения, идущие гораздо дальше того, что в настоящее время думает Совет министров. Пока Вы говорите разумными, тонко нюансированными формулами, он может действовать силой. Гораздо лучше не подвергать его искушению.

Я узнаю из газет, что средиземный флот оставляет Мальту и идет в Левант. Для флота, без сомнения, благо-разумно уйти из Мальты, где, насколько мне известно, совершенно нет противовоздушной обороны. Средиземный флот, базированный на Александрии и т. д., на бумаге — а это все, о чем мы можем судить, — много слабее итальянского. Сегодня я затратил некоторое время на то, чтобы посмотреть, каково было после войны у обеих стран строительство крейсеров и флотилий. Мне кажется, что у нас, по сравнению с Италией, нет и половины современных крейсеров и миноносцев, а подводных лодок еще меньше. Поэтому мне представляется, что нужно **сейчас же** очень тщательно выяснить у Адмиралтейства, каково положение нашего флота в Леванте. Он достаточно велик, чтобы стать для нас тяжелой потерей. Достаточно ли он силен, чтобы защищать себя? Он находится более чем на три тысячи миль от баз подкрепления его силами нашего атлантического и находящегося в наших водах флотов. Многие могут случиться, прежде чем произойдет их соединение. Я не сомневаюсь, не смею сомневаться в том, что Адмиралтейство тщательно изучило все диспозиции. Я надеюсь, что Вы достигнете того, чтобы получить от него точные ответы по всем этим пунктам.

Некоторое время тому назад я слышал о плане в случае войны с Италией эвакуировать Средиземное море и удерживать только Гибралтарский пролив и Красное море. Отвод средиземного флота к Леванту выглядит как часть такой политики. Если это так, то я надеюсь, что это было продумано до конца. Если мы оставим Средиземное море в случае войны или как бы войны с Италией, ничто не сможет помешать Муссолини сделать большими силами высадку в Египте и овладеть Суэцким каналом. Ничто, кроме Франции. Уверено ли Адмиралтейство в позиции Франции в таком случае? Джордж Ллойд, который сейчас у меня, думает, что в виду опасности положения я должен послать Вам это письмо. Мы не просим от Вас детального ответа, но хотели бы Вашего заверения, что Вы удовлетворены диспозициями Адмиралтейства».

Министр иностранных дел ответил 27-го августа:

«Вы можете быть уверены, что все упомянутые Вами пункты усиленно обсуждались и обсуждаются. Я вполне отдаю себе отчет в такого рода опасностях, о которых Вы говорили, и сделаю все возможное, чтобы они не были упущены из виду. Пожалуйста, не стесняйтесь посылать ко мне предложения или предостережения, какие Вы считаете необходимыми. Вы так же хорошо, как кто-либо другой, знаете опасности теперешней ситуации, и так же хорошо,

как кто-либо другой — по крайней мере, вне правительства — знаете теперешнее состояние нашей имперской обороны».

**

Иден, министр по делам Лиги Наций и почти равный на этом посту министру иностранных дел, уже в течение нескольких недель находился в Женеве, где он мобилизовал Общее Собрание для политики «санкций» против Италии, если та нападет на Абиссинию. Своеобразная должность, которую он занимал, по природе своей заставила его сконцентрироваться на абиссинском вопросе с интенсивностью, перевешивавшей другие соображения. «Санкции» означали лишение Италии всякой финансовой помощи и материального снабжения и предоставление такой помощи Абиссинии. Это, действительно, было сильным сдерживающим фактором для такой страны, как Италия, которая зависела от беспрепятственного ввоза для получения столь многих необходимых для ведения войны материалов. Энтузиазм и искусство Идена и принципы, которые он провозгласил, покорили Общее собрание. 11-го сентября министр иностранных дел Самуэль Хор, приехав в Женеву, сам обратился к Общему собранию:

«Я начну с подтверждения поддержки Лиги правительством, которое я представляю, и заинтересованности английского народа в коллективной безопасности... Идеи, воплощенные в уставе Лиги и, в особенности, стремление установить господство права в международных отношениях, стали частью нашего национального сознания. Английский народ показал свою привязанность к самим принципам Лиги, а не к какому-либо специальному случаю их применения. Думать иначе значит и недооценивать нашу убежденность и заподозривать нашу искренность. В согласии со своими точными и ясно высказанными принципами Лига стоит, и моя страна стоит вместе с ней, за коллективное соблюдение устава во всей его полноте, и, в частности, за настойчивое коллективное сопротивление всякому акту спровоцированной агрессии».

Несмотря на мои опасения Германии и хотя я далеко не одобрял того, как велась наша политика, я помню, как я был возбужден этой речью, когда я читал ее под солнцем Ривьеры. Она вызвала подъем

у всех и нашла всюду отклик в Соединенных Штатах. Она объединила в Англии все те силы, которые стояли за бесстрашное сочетание справедливости и силы. Это, по крайней мере, была политика. Если бы только оратор понял, какие огромные силы он держал в тот момент в своих руках, он, действительно, мог бы на некоторое время вести за собой весь мир.

Значение этих заявлений покоилось на том факте, что, как многое в прошлом, что имело огромное значение для человеческого прогресса и свободы, они имели за собой британский флот. В первый и в последний раз Лига Наций имела, казалось, в своем распоряжении исполнительное оружие. Налицо была международная полиция, опираясь на последнее слово которой, можно было применить все виды дипломатического и экономического давления и убеждения. Когда на следующий день, 12-го сентября, линейные крейсера «Худ» и «Реноун» в сопровождении второй эскадры крейсеров и флотилии контрминоносцев прибыли в Гибралтар, все ожидали, что Англия подкрепит свои слова действием. И политика и действия немедленно получили в стране поддержку подавляющего большинства. Естественно считалось несомненным, что ни сделанное заявление, ни движение судов не могли бы иметь место иначе как на основании тщательных компетентных расчетов Адмиралтейства относительно флота или флотов, необходимых в Средиземном море для того, чтобы осуществить задуманную политику.

В конце сентября я должен был говорить в пользовавшемся известным влиянием консервативном Карлтон-клубе. Я пытался обратиться к Муссолини с предостережением, которое, как я думаю, он читал:

«Собрать на пустынном берегу в двух тысячах миль от родины состоящую из цвета мужского населения Италии армию, против желания всего мира и без господства над морем, а затем в таком положении предпринять, может быть, целый ряд кампаний против народа и в местности, которые в течение четырех тысяч лет ни один завоеватель не считал стоящим труда покорить, это значит выдать судьбе заложников, как этого еще не было во всей истории».

Остин Чемберлэн написал мне письмо, выражая свое согласие с моей речью. Я ответил:

1-го октября 1935 года

«Я рад, что Вы одобряете позицию, занятую мной в абиссинском вопросе. Но я очень расстроен происходящим. Разгромить Италию будет страшным делом и будет нам дорого стоить. Как это дико, что после того, как все эти годы мы упрашивали Францию договориться с Италией, мы теперь заставляем ее выбирать между Италией и нами! Я не думаю, чтобы нам следовало брать на себя руководство в такой резкой форме. Если мы чувствовали себя столь сильно затронутыми, мы должны были предостеречь Муссолини два месяца раньше. Разумной политикой было бы еще ранним летом постепенно усилить наш флот в Средиземном море и таким путем показать Муссолини, как серьезно положение. Что он теперь может делать? Я ожидаю очень заметное повышение температуры, когда начнутся военные действия в Абиссинии».

**
*

В октябре Муссолини, не остановленный запоздалым передвижением британских морских сил, направил итальянские войска на вторжение в Абиссинию. 10-го октября голосами пятидесяти суверенных государств против одного, Общее Собрание Лиги постановило принять против Италии коллективные меры и поручило комиссии из восемнадцати членов добиваться мирного решения конфликта. В ответ на это Муссолини сделал выразительное заявление, отмеченное глубокой пронизательностью. Вместо того, чтобы заявить, что «Италия ответит на санкции войной», он сказал: «Италия ответит дисциплиной, воздержанием и жертвами». Однако, в то же время он дал понять, что он не потерпит таких санкций, которые помешали бы завоеванию Абиссинии. Если его предприятие будет подвергнуто опасности, он пойдет на войну, кто бы ни стоял на его пути. «Пятьдесят государств! — сказал он. — Пятьдесят государств под руководством одного!» Таково было положение в недели перед роспуском Парламента и новыми выборами, для которых теперь наступил предусмотренный конституцией срок.

**
*

Кровопролитие в Абиссинии, ненависть к фашизму, призыв Лиги Наций к применению санкций вызвали кризис внутри британской Рабочей партии. Трэд-юнионисты, выдающейся фигурой среди которых был Эрнест Бевин, отнюдь не были пацифистами по темпераменту. Среди энергичных рабочих проявилось очень сильное желание бороться против итальянского диктатора, осуществить санкции решительного характера и, если понадобится, прибегнуть к силе британского флота. На возбужденных собраниях произносились резкие и грубые слова. Один раз Бевин жаловался, что «он устал от собрания к собранию расправляться с совестью Джорджа Лэнсбюри». Многие члены парламентской группы Рабочей партии разделяли настроение трэд-юнионистов. В более широкой среде все лидеры Союза для поддержки Лиги Наций чувствовали себя связанными с делом Лиги. Наступил случай, явно предусмотренный пятым пунктом их «Голосования о мире». Были затронуты принципы, повинуюсь которым они, человеколюбцы, готовы были умереть, а стало быть и убивать. 8-го октября Лэнсбюри сложил с себя лидерство парламентской группы Рабочей партии, и его заменил майор Эттли, с отличием служивший в последней войне.

**
*

Но это национальное пробуждение не отвечало взглядам и намерениям Болдвина. Лишь несколько месяцев после выборов я начал понимать, на каких принципах покоилась политика «санкций». Премьер-министр заявил, что санкции означают войну; во-вторых, он решил, что войны не должно быть, и, в-третьих, принял решение в пользу санкций. Согласовать эти три условия было, очевидно, невозможно. Под руководством Англии и под давлением Лавалея комиссия Лиги Наций, которой было поручено определить форму санкций, воздержалась от всего, что могло бы привести к войне. Было запрещено ввозить в Италию большое количество товаров, из которых некоторые

являлись военными материалами, и была составлена внушительная таблица. Но нефть, без которой нельзя было бы продолжать абиссинскую кампанию, попрежнему ввозилась свободно, так как считалось, что остановить ее поставку означало бы войну. В этом отношении позиция Соединенных Штатов, не принадлежавших к Лиге Наций, но являющихся главным поставщиком нефти, была, хотя благожелательной, но неясной. Кроме того, чтобы остановить ввоз нефти в Италию, надо было бы запретить ее ввоз и в Германию. Ввоз в Италию алюминия был строго запрещен, но алюминий был почти что единственным металлом, которого Италия производила больше, чем ей было нужно. Во имя дела справедливости был принят неумолимый запрет ввоза в Италию железного лома и руды. Но так как итальянская металлургическая индустрия ими мало пользуется, а ввоз чугуна и готовой стали не был запрещен, то никакого вреда для Италии от этого не было. В результате, так торжественно возвещаемые мероприятия были не реальными санкциями, способными парализовать агрессора, а лишь полуискренними санкциями, с которыми агрессор мог мириться, потому что фактически они, хотя и создавали затруднения, но зато возбуждали военное воодушевление итальянцев. Таким образом, Лига Наций, чтобы спасти Абиссинию, действовала по принципу, что нельзя делать ничего, что мешало бы вторжению в Абиссинию итальянских армий. Во время выборов эти факты еще не были известны английскому народу. Избиратели искренно поддержали политику санкций и верили, что это был верный путь ликвидировать итальянское нападение на Абиссинию.

Еще менее Правительство Его Величества думало о вмешательстве флота. Всякого рода сказки рассказывались об итальянских самоубийственных эскадрильях пикирующих аэропланов, которые будут падать на деки наших судов и взрывать их на мелкие куски. Стоявший в Александрии британский флот получил теперь подкрепление. Он мог одним движением отбросить итальянские транспорты от Суэцкого

канала и таким образом быть вынужденным дать сражение итальянскому флоту. Нам говорили, что он не в состоянии справиться с таким противником. Я сразу поднял этот вопрос, но получил успокоительные заверения. Наши линейные корабли, правда, были уже стары, и теперь оказалось, что у них не было воздушного прикрытия и было очень мало противовоздушного снаряжения. Стало, однако, известным, что командующий адмирал был раздражен тем, что ему приписали мнение, что он не имел достаточно сил для морского сражения. Казалось бы, прежде чем принять первые решения противостоять итальянской агрессии, правительство должно было бы тщательно взвесить свои средства и возможности и на что-нибудь решиться.

На основании того, что мы знаем теперь, нельзя сомневаться, что смелое решение перерезало бы итальянские сообщения, и что мы имели бы успех в любом морском сражении, которое было бы этим вызвано. Я никогда не был сторонником изолированного действия Великобритании, но зайдя так далеко, было плачевно бить отбой. Более того, Муссолини никогда не осмелился бы пойти на конфликт с энергичным британским правительством. Против него был почти весь мир, и он должен был поставить судьбу своего режима на карту войны одной Италии против Англии. В этой войне столкновение флотов в Средиземном море было бы первым и решающим испытанием. Как могла Италия вести такую войну? За исключением небольшого превосходства в современных легких крейсерах ее флот составлял лишь четверть британского. Многочисленная итальянская армия, которую хвастливо считали на миллионы, не могла бы ничего предпринять. Ее воздушные силы и по количеству и по качеству были много ниже даже нашего скромного состава. Итальянские войска в Абиссинии изголодались бы по снабжению и амуниции. Германия еще не могла оказать существенной помощи. Если когда-либо представлялся случай с минимальным риском нанести решающий удар в защиту благородного дела, то имен-

но здесь и в это время. Единственным оправданием того, что нервы британского правительства не были на высоте положения, было его искреннее миролюбие. В действительности же это содействовало тому, что дело дошло до бесконечно более страшной войны. Муссолини удался его блеф, а очень важный зритель сделал из этого далеко ведущие выводы. Гитлер давно уже решил на войну за расширение Германии. Теперь он составил о вырождении Великобритании мнение, которое ему пришлось изменить лишь слишком поздно для мира и для него самого. В Японии также имелись размышлявшие зрители.

**
*

Два противоположных процесса создания национального единения вокруг жгучих вопросов дня и столкновения интересов разных партий развивались параллельно. Это было очень выгодно для Болдвина и его сторонников. В избирательном манифесте правительства было сказано: «Лига Наций, как была до сих пор, так и впредь останется краеугольным камнем британской внешней политики. Предотвращение войны и мир во всем мире всегда должны оставаться самым жизненным интересом, и Лига является созданным для этой цели орудием, от которого мы ждем ее осуществления. Поэтому мы должны продолжать делать все, что в наших силах, чтобы поддерживать устав Лиги, сохранять и усиливать ее действительное значение. В настоящем злополучном конфликте между Италией и Абиссинией с нашей стороны не будет колебаний в той политике, которую мы преследовали до сих пор».

С другой стороны, в Рабочей партии были большие расхождения. Большинство было пацифистским, но активная кампания Бевина нашла много сторонников в массах. Поэтому официальные лидеры старались угодить всем, одновременно выдвигая противоположные требования. С одной стороны, они требовали решительных действий против итальянского диктатора,

а с другой — протестовали против усиления вооружений. Так, например, 22-го октября Эттли говорил в Палате: «Мы хотим санкций эффективных и эффективно применяемых. Мы поддерживаем экономические санкции. Мы поддерживаем систему Лиги». Но затем в той же речи: «Нас не убедили в том, что путь к безопасности это — накопление оружия. Мы не думаем, что в наше время существует то, что называется национальной обороной. Мы думаем, что вы должны идти к разоружению, а не к нагромождению вооружений». Обычно ни одной стороне не приходится гордиться предвыборным временем. Сам премьер-министр, без сомнения, знал, чем усиливалась поддержка внешней политики правительства. Но он твердо решил ни в коем случае не быть втянутым в войну. Смотри на то, что происходило, со стороны, я думал, что он хотел получить как можно больше поддержки, чтобы использовать ее для умеренного усиления вооружений.

**
*

Конференция Консервативной партии состоялась в Бурнемуте в тот самый день, когда Муссолини напал на Абиссинию, и его бомбы падали на Адую. В виду этого, и в не меньшей мере в виду предстоявших выборов, мы сомкнули наши ряды, как члены партии.

Я поддержал единогласно принятую резолюцию:

1. Исправить серьезные недочеты в обороне и в частности, во-первых, организовать промышленность так, чтобы в случае необходимости она могла быть быстро переведена на работу на оборону.
2. Снова постараться установить паритет с самым сильным воздушным флотом, находящимся в пределах досягаемости от нашего побережья.
3. Обновить британский флот и усилить его настолько, чтобы обеспечить пропитание страны и целостность Британской Империи.

До этого момента я не хотел министерского поста, достаточно на нем пробыв и будучи в оппозиции к индийской политике правительства. Но это препят-

ствие отпало, когда был проведен в жизнь закон об Индии, на что понадобилось несколько лет. Все растущая опасность со стороны Германии побуждала меня желать получить прямое влияние на нашу военную машину. Я теперь очень остро чувствовал, что надвигалось. Франция в состоянии растерянности и робкая, миролюбивая Англия должны были готовиться к вызову со стороны европейских диктаторов. Я сочувствовал переменам в настроениях Рабочей партии. Это создавало возможность подлинного правительства национального единения. Предполагалось, что будет свободен пост главы Адмиралтейства, и я очень хотел его получить в случае победы консерваторов. Я, конечно, знал, что это желание не разделялось некоторыми из главных коллег Болдвина. Я представлял определенную политику, и все знали, что я буду ее отстаивать, буду ли я вне или внутри правительства. Они, несомненно, были бы очень рады, если бы могли обойтись без меня. Отчасти это зависело от исхода выборов.

**
*

В избирательной кампании премьер-министр в сильных выражениях говорил о необходимости вооружений, и его главная речь была посвящена неудовлетворительному состоянию флота. Однако, после того как он завоевал всех, кого только можно, программой санкций и вооружений, он почувствовал сильное желание утешить профессионально миролюбивые элементы и успокоить страх в их груди, который мог быть вызван его речью о нуждах флота. 1-го октября, за две недели до дня выборов, он произнес речь в Обществе мира. В ней он сказал: «Я даю вам слово, что больших вооружений не будет». Это было странное обещание, если иметь, в виду то, что правительство знало об усиленных приготовлениях Германии. Таким образом были завоеваны голоса и тех, кто хотел, чтобы страна готовилась защищать себя против грядущей опасности, и тех, кто верил, что мир можно обеспечить восхвалением его преимуществ.

**
*

В своей избирательной кампании в Эппинге я требовал вооружений и строгой и искренней политики санкций. В общем я поддерживал правительство и, хотя некоторые консерваторы были обижены моей почти непрерывной критикой мероприятий правительства, я был переизбран значительным большинством. Когда было провозглашено мое избрание, я счел нужным закрепить свою позицию. «Ввиду тех речей, которые я держал, я заключаю из вашего голосования, что вы хотите, чтобы, как член Парламента, я руководствовался своим свободным суждением и, следуя высокой традиции Палаты, свободно и бесстрашно пользовался плодами своего знания и опыта». Результат выборов был триумфом для Болдвина. Избиратели дали ему большинство, на двести сорок семь голосов превышавшее голоса всех других партий вместе, и после пятилетнего пребывания в правительстве он получил личную власть, равную которой не имел ни один премьер-министр после окончания Великой войны. Все, кто были против него или в вопросе об Индии или вследствие пренебрежения нуждами обороны, были парализованы этим новым вотумом доверия, который он получил благодаря своей искусной и удачной тактике во внутренней политике и широко распространенным уважением к нему, как личности. Таким образом самое катастрофическое правление в нашей истории получило от нации одобрение всех его ошибок и недостатков. Но оставался еще неоплаченный счет, и новой Палате Общин понадобилось почти десять лет, чтобы по нему уплатить.

**
*

Много говорилось о том, что я войду в правительство в качестве Первого лорда Адмиралтейства (морского министра). Но когда были объявлены цифры победы, Болдвин поторопился возвестить через свое бюро, что он не намеревается включить меня в состав правительства. Этим он уплатил часть своего долга пацифистской делегации, посетившей его за не-

сколько дней до выборов. В печати было много насмешек по поводу моего исключения. Сейчас каждому ясно, как мне повезло. Надо мной веяли невидимые крылья.

Я имел приятное утешение. Захватив с собой свой ящик с красками, я, не дожидаясь открытия Парламента, удалился в места с более приятным климатом.

**
*

За триумфом Болдвина последовало неприятное событие, ради которого стоит пожертвовать хронологическим порядком. Отправившись через Париж в Швейцарию, чтобы провести в катаньи на коньках вполне заслуженный им отдых, министр иностранных дел Самуэль Хор имел в Париже разговор с Лавалем. Результатом был заключенный 9-го декабря пакт Хора-Лавала. Стоит заглянуть немного в подоплеку этого знаменитого инцидента.

Представление об Англии, ведущей за собой Лигу Наций против фашистского нападения на Абиссинию, увлекло нацию в один из больших поворотов ее настроения. Но когда выборы миновали и министры получили большинство, которое могло обеспечить им на пять лет руководство государством, надо было считаться и со многими неудобными последствиями. В корне их всех лежали болдвинские «Не должно быть войны» и «Не должно быть обширных вооружений». Выиграв выборы на платформе мирного лидерства в борьбе против агрессии, этот замечательный управляющий делами партии был глубоко убежден, что мы должны сохранять мир любой ценой.

Более того, теперь из министерства иностранных дел пришел очень сильный импульс. Роберт Ванситтарт никогда ни на одну минуту не спускал глаз с гитлеровской опасности. В этом отношении он и я были одного мнения. Теперь британская политика заставила Муссолини перейти на другую сторону. Германия не была больше изолирована. Четыре западные державы были разделены теперь: две против двух вместо

трех против одной. Явное ухудшение нашего положения усилило беспокойство во Франции. Французское правительство уже в январе заключило франко-итальянское соглашение. За ним последовала военная конвенция с Италией. Было рассчитано, что эта конвенция позволит перенести восемнадцать французских дивизий с итальянской границы на фронт против Германии. Нет сомнения, что во время своих переговоров с Муссолини Лаваль более чем намекнул на то, что Франция не будет обеспокоена ничем, что могло бы случиться в Абиссинии. Французы имели серьезные основания для несогласия с британскими министрами. Во-первых, в течение нескольких лет мы пытались заставить французов сократить армию, на которую только и могли они полагаться. Во-вторых, англичане очень выиграли на своем руководстве Лигой Наций против Муссолини. На этом они даже победили на выборах, а в демократиях выборы имеют большое значение. В-третьих, мы подписали морское соглашение, считавшееся очень выгодным для нас самих, так как, если оставить в стороне подводную войну, оно давало нам спокойствие на морях.

Ну, а как с французским фронтом? Откуда взять для него людей против все растущей военной мощи Германии? Все, что англичане могли обещать, да еще со многими оговорками для первых шести месяцев, была посылка двух дивизий. Действительно, им не следовало бы слишком много разговаривать. Теперь же британское правительство, в благородном порыве воинственных, моральных и интернационалистских чувств — «пятьдесят наций под руководством одной» — вызывало смертельную тяжбу с Италией. Франции было о чем беспокоиться, и только очень глупые люди, каких чрезвычайно много в каждой стране, могли это игнорировать. Если бы Англия применила свою морскую силу, закрыла Суэцкий канал и разбила итальянский флот в решающем сражении, она имела бы право задавать тон Европе. Но она, напротив, заявила определенно, что она не пойдет на войну из-за Абиссинии, что бы ни случилось. Честный мистер

Болдвин; триумфальная избирательная победа; прочное большинство для Тори еще на пять лет; всякая форма справедливого негодования, но без войны, без войны! Поэтому французы имели очень определенное ощущение, что они не должны быть втянуты в постоянное отчуждение от Италии вследствие тех сильных чувств против Муссолини, которые внезапно появились в Англии. Французы чувствовали это в особенности, когда они вспоминали, что Англия уклонилась от итальянского вызова на Средиземном море, и что она могла послать сначала только две дивизии, если Германия нападет на Францию. Можно без труда понять точку зрения Лавалья в это время.

В декабре на сцене появились новые аргументы. Шли слухи, что под тяжелым давлением санкций и под угрозой со стороны «пятидесяти наций под руководством одной», Муссолини приветствовал бы компромиссное решение вопроса об Абиссинии. Ядовитые газы, хотя и действительные против абиссинцев, наверное не подымут репутацию Италии в мире. Абиссинцы терпели поражение. Говорилось о том, что они не были готовы на большие уступки и отказ от обширной территории. Нельзя ли заключить мир, дав Италии то, чего она так агрессивно добивалась, и оставив Абиссинии четыре пятых ее империи? Ванситтарт бывший в Париже, когда министр иностранных дел там остановился, оказался таким образом участником переговоров. Было бы неправильно осуждать его за то, что он постоянно думал о германской опасности и хотел, чтобы Англия и Франция были сильнее всего организованы против главной опасности и имели бы в тылу Италию, как друга, а не как врага.

Но английский народ время от времени отдается волнам настроений крестового похода. Более, чем какой-либо другой народ на свете, англичане в некоторых редких случаях готовы сражаться за какое-нибудь дело или идею именно потому, что они в глубине души убеждены, что конфликт не принесет им никакой материальной выгоды. Своим сопротивле-

нием против Муссолини в Женеве Болдвин и его министры создали в Англии большой подъем. Они зашли так далеко, что их единственным оправданием перед историей было бы идти до конца. Если они не были готовы действием подкрепить свои слова и жесты, лучше было бы, пожалуй, по примеру Соединенных Штатов, остаться в стороне, дать вещам созреть и смотреть, что произойдет. Такой план можно было защищать. Но это не был план, который они приняли. Они апеллировали к миллионам, и эти безоружные и до тех пор незаинтересованные миллионы ответили громким, заглушающим все другие крики возгласом: «Да, мы пойдем в поход против зла и пойдем сейчас же. Дайте нам оружие».

Новая Палата Общин отличалась темпераментом. Это было то, что нужно, в виду того, что ей предстояло в ближайшие десять лет. Поэтому для ее членов, еще не остывших от выборного возбуждения, было страшным потрясением, когда они узнали о том, что Самуэль Хор и Лаваль согласились на компромисс относительно Абиссинии. Этот кризис едва не стоил Болдвину его политического существования. Он потряс до основания Парламент и всю страну. Чуть ли не в одну ночь Болдвин с высоты восхваляемого вождя нации пал до глубины, на которой его осмеивали и презирали. Его положение в Парламенте в эти дни было жалким. Он никогда не понимал, почему люди должны волноваться из-за надоедливых иностранных дел. У них же имеется консервативное большинство и нет войны. Чего же еще они могут желать? Но испытанный пилот упал и узнал всю силу бури.

9-го декабря кабинет одобрил план Хора-Лавалья разделить Абиссинию между Италией и ее императором. 13-го полный текст предложений Хора-Лавалья был представлен Лиге Наций. 18-го кабинет отверг предложения Хора-Лавалья, что вызвало отставку Самуэля Хора. 19-го во время прений в Палате Болдвин сказал:

«Я чувствовал, что эти предложения шли слишком далеко. Я совсем не был удивлен, что такого рода чувство нашло себе выражение. Я не ожидал того более глубокого чувства, которое обнаружилось во многих частях страны и было основано на том, что я назвал бы соображениями совести и чести. В тот момент, когда я увидел это, я узнал, что случилось нечто, затронувшее самые глубокие чувства наших соотечественников, что поразивший их звук вызывал отклик из самых глубин... Я снова пересмотрел всё, что я сделал, и почувствовал... что в нашей стране не может быть поддержки для этих предложений даже в качестве основы для переговоров. Совершенно очевидно, что предложения мертвы, абсолютно и бесповоротно. Правительство во всяком случае не намерено пытаться их воскресить. Если бы буря поднялась, когда я был убежден в своей правоте, я бы предоставил ей обрушиться на меня, и я либо выжил бы, либо был бы сломлен. Если же после проверки себя самого я почувствовал, что в этой буре было нечто, показавшее мне, что я сделал что-то неразумное или неправильное, я бы склонился перед этой бурей».

Палата приняла это извинение. Кризис миновал. По своем возвращении из Женевы Иден был приглашен к премьер-министру, чтобы обсудить положение в связи с отставкой Самуэля Хора. Иден сразу высказал мнение, что министерство иностранных дел должно быть поручено Остину Чемберлену, и добавил, что, если это желательно, он готов служить при нем в любой должности. Болдвин ответил, что он уже обдумал это и сообщил Остину Чемберлену, что не чувствует себя в состоянии предложить ему министерство. Основанием могло быть состояние здоровья Чемберлена. 22-го декабря Иден стал министром иностранных дел.

**
**

Эту возбужденную неделю моя жена и я провели в Барселоне. Несколько моих лучших друзей советовали мне не возвращаться. Они говорили, что я только поврежу себе, если вмешаюсь в этот бурный конфликт. Наш комфортабельный отель в Барселоне был местом встреч испанских левых. В превосходном ресторане, где мы завтракали и обедали, всегда было

несколько групп возбужденных, одетых в черное молодых людей, с горящими глазами, толковавших об испанских политических делах, в которых так скоро должен был погибнуть миллион испанцев. Оглядываясь назад, я думаю, что я должен был вернуться домой. Я мог бы внести элемент решимости в оппозиционные группировки, которые могли бы покончить с режимом Болдвина. Может быть, в этот момент удалось бы образовать правительство Остина Чемберлэна. С другой стороны мои друзья кричали: «Лучше оставаться в стороне. Ваше возвращение только будет понято как личный вызов правительству». Я не был польщен советом, который, без сомнения, лестным для меня и не был; но я поддался впечатлению, что ничего хорошего сделать не могу, и оставался в Барселоне, малюя полотна в солнечные дни. Затем ко мне присоединился Фредерик Линдеман, и мы на уютном пароходе проехали вдоль восточного побережья Испании и высадились в Танжере. Здесь я встретил лорда Ротермера с приятной компанией. Он сказал мне, что Ллойд-Джордж живет в Марракеше, где стоит чудесная погода. Мы все отправились туда. Я задержался, занимаясь живописью в очаровательном Марокко, и не вернулся домой до внезапной смерти короля Георга V, последовавшей 20-го января.

**

Крушение абиссинского сопротивления и аннексия Италией всей страны имели нездоровое влияние на германское общественное мнение. Даже те элементы, которые не одобряли политики и действий Муссолини, восхищались быстротой, энергией и беспощадностью, с которыми, как казалось, была проведена кампания. По общему мнению, Великобритания была основательно ослаблена. Она заслужила неумирающую ненависть Италии; она раз навсегда разрушила созданный в Стресе фронт; и утрата ею мирового престижа была в приятном контрасте с растущей силой и репутацией новой Германии. «Я

поражен, — писал один из наших представителей в Баварии, — ноткой пренебрежения, с которой говорят об Англии во многих кругах... Следует опасаться, что в переговорах о соглашении в Западной Европе и о более общем соглашении по европейским и внеевропейским вопросам Германия проявит себя неуступчивой».

Статья в «Мюнхенер Цайтунг» от 16-го мая 1935 года заключала место, ярко освещавшее положение:

«Англичане любят жизнь по нашим немецким понятиям спокойную. Это не значит, что они не способны на длительные усилия, но они их избегают, поскольку они могут это делать без ущерба для их личной и национальной безопасности. Они также располагают возможностями и богатством, которые позволили им, в отличие от нас, в течение примерно столетия более или менее автоматически увеличивать их капитал. После войны, в которой англичане после некоторых колебаний, без сомнения, проявили изумительную энергию, британские властители мира думали, что теперь, наконец, они заслужили немного отдыха. Они разоружили себя во всех отношениях — в гражданской жизни даже больше, чем на суше и на море. Они отказались от морского равенства с двумя державами и согласились на равенство с одной Америкой... А как обстоит дело с армией? Как с воздушным флотом? Для наземной и воздушной обороны Англии прежде всего нужны люди — не только деньги, но и жизни ее граждан. В действительности из одиннадцати тысяч человек, которых требует новая воздушная программа, семи тысяч нехватает. Опять-таки значительная нехватка существует в небольшой регулярной армии, а состав территориальной армии (нечто вроде воскресной школы для солдат-любителей) настолько ниже предписанного числа, что ее никак нельзя считать действительной боевой силой. Сам Болдвин недавно заявил, что он не намерен заменить существующую систему набора воинской повинностью.

Политика, которая старается достигать успехов откладыванием решений, вряд ли может рассчитывать устоять против вихря, который сотрясает теперь Европу да и весь мир. Только немногие — не по партийным, а по национальным мотивам — яростно нападают на бесхребетность и двусмысленную политику правительства, считая его ответственным за те опасности, в которые Англия была вовлечена, этого не замечая. Массы, повидимому, согласны с правительством в том, что выигрыш времени улучшит положение, и что соотношение сил снова может быть выправлено посред-

ством небольших поправок и тщательно продуманных маневров.

Сегодня вся Абиссиния стала бесповоротно итальянской, полностью и окончательно. Ввиду этого ни Женева ни Лондон не могут сомневаться в том, что вытеснить итальянцев из Абиссинии можно лишь применением чрезвычайной силы. Но прибегнуть к силе нет ни энергии, ни мужества».

Всё это было только слишком верно. Правительство Его Величества неосторожно взяло на себя роль вождя большого всемирного дела. Оно, говоря очень смелым языком, повело за собой пятьдесят наций. Пред лицом грубой действительности Болдвин дал отбой. В течение долгого времени его политика более стремилась дать удовлетворение могущественным элементам общественного мнения в собственной стране, чем соответствовать реальностям европейской ситуации. Оттолкнув Италию, его политика перевернула все соотношения сил в Европе, не добившись ничего для Абиссинии. Она привела Лигу Наций к крайней неудаче, ей чрезвычайно повредившей, если не смертельной для ее жизни, как учреждения.

11.

ГИТЛЕР АТАКУЕТ

1936

Когда я вернулся в конце января 1936 года, я почувствовал в Англии новую атмосферу. Завоевание Абиссинии Муссолини и жестокие методы, которыми оно было достигнуто, потрясение, вызванное переговорами Хора-Лавалья, поражение Лиги Наций, очевидное крушение системы «коллективной безопасности» — всё это изменило настроение не только Рабочей и Либеральной партий, но и той обширной, питавшей благие намерения, но до тех пор бесплодной части страны, которая была представлена одиннадцатью миллионами голосов, только семь месяцев до этого поданных за «Голосование за мир». Все

эти силы были теперь готовы думать о войне против фашистской или нацистской тирании. Отнюдь не исключаемое правовым мышлением применение силы постепенно приобретало решающее значение в умах большой массы миролюбивых людей и даже многих из тех, кто до сих пор гордился тем, что их называли пацифистами. Но согласно принципам, которым они были преданы, сила могла быть применена только по инициативе и под руководством Лиги Наций. Хотя обе партии оппозиции продолжали возражать против всех мероприятий по усилению вооружений, но, если бы правительство Его Величества поднялось до высоты положения, оно могло бы повести за собой народ на дело эффективной подготовки безопасности, сплотив его чувством крайней необходимости. Правительство держалось своей политики умеренности, полумер и сохранения спокойствия. Меня поражало, что оно не старалось использовать ту растущую гармонию, которая существовала в нации. Этим оно колоссально усилило бы себя и получило бы возможность усилить страну. У Болдвина не было склонности к этому. Он быстро старел. Он опирался на значительное большинство, которое ему дали выборы, и Консервативная партия оставалась спокойной в его руках.

**

Раз гитлеровской Германии было позволено вооружаться без активного вмешательства против этого Союзников и бывших на их стороне держав, вторая мировая война была почти несомненной. Чем дольше откладывалась решающая проба сил, тем хуже становились наши шансы сначала остановить Гитлера без серьезной борьбы, а на второй стадии — выйти победителями из страшного испытания. Летом 1935 года Германия в нарушение мирного договора восстановила воинскую повинность. Великобритания допустила это и особым соглашением позволила Германии восстановить себе флот с подводными лодка-

ми, если они того пожелают, наравне с английскими. Нацистская Германия тайно и незаконно создала военную авиацию, которая, по ее открытому заявлению, весной 1935 года была равна английской. После длительной скрытой подготовки, она была теперь во втором годе усиленного производства амуниции. Великобритания и вся Европа, а также казавшаяся тогда далекой Америка оказались перед лицом организованной мощи и воли к войне семидесяти миллионов самой энергичной европейской расы, стремившихся восстановить свое национальное величие, — и в случае их колебаний, подгоняемых беспощадным общественным и партийным режимом.

Теперь Гитлер мог действовать. Последовательные шаги, которые он предпринимал, не встречали действенного сопротивления со стороны двух либеральных демократий в Европе и, за исключением их дальновидного президента, лишь мало-помалу пробуждали внимание в Соединенных Штатах. Битва за мир, которая могла еще быть вопросом в течение 1935 года, теперь была почти проиграна. Муссолини торжествовал в Абиссинии и успешно бросил вызов Лиге Наций и в особенности Великобритании. Теперь он с ожесточением отвернулся от нас и сблизился с Гитлером. Возникла «Ось Берлин-Рим». Так, как обернулось дело теперь, было мало надежды предупредить войну или отсрочить ее посредством пробы сил, равносильной войне. Почти всё, что оставалось делать Франции и Англии, нужно было ждать момента вызова и делать всё, что они могли.

Может быть, было еще время установить коллективную безопасность, основанную на готовности всех заинтересованных членов Лиги силой оружия проводить в жизнь ее решения. Демократии и зависящие от них государства все еще были фактически и потенциально значительно сильнее диктатур, но их положение по отношению к их противникам было меньше чем на половину так сильно, как двенадцать месяцев раньше. Добродетельные побуждения, па-

рализованные инертностью и робостью, не могут тягаться с пороком, вооруженным и решительным. Искренняя любовь мира не извинение за то, что сотни миллионов простых людей были вовлечены в тотальную войну. Аплодисменты слабых, полных добрых намерений парламентов скоро перестают находить отзвук, и их голосования скоро перестают идти в счет. Гибель подступает.

**
*

В течение 1935-го года Германия отвергала попытки западных держав открыть переговоры о восточном Локарно. Новая Империя в этот момент объявила себя оплотом против большевизма и заявила, что для нее не может быть речи о сотрудничестве с Советами. 18-го декабря Гитлер сказал польскому послу в Берлине, что он «решительно против какого-либо сотрудничества Запада с Россией». Так настроенный, он старался мешать и противодействовать французским попыткам достичь прямого соглашения с Москвой. Франко-советский договор был подписан в мае, но не был ратифицирован ни одной из сторон. Главной задачей германской дипломатии стало помешать его ратификации. Лаваль получил предостережение из Берлина, что в случае ратификации не может быть надежды на какое-либо франко-германское сближение. С этого момента его нежелание настаивать стало очевидным, но на ход событий не повлияло.

В январе 1936-го года новый французский министр иностранных дел Фландэн прибыл в Лондон на похороны короля Георга. Вечером в день приезда он обедал на Доунинг-стрит с Болдвином и Иденом. Разговор зашел о будущем поведении Франции и Англии в случае, если Германия нарушит Локарнский договор. Такой шаг Гитлера представлялся вероятным, так как французское правительство намеревалось теперь провести ратификацию франко-советского договора. Фландэн обещал получить официаль-

ное мнение французского Кабинета и Генерального штаба. Согласно его рассказу, Фландэн в феврале информировал в Женеве Идена, что в случае нарушения Германией договора Франция предоставит свои вооруженные силы в распоряжение Лиги, и просил британского министра о поддержке в этом случае в соответствии с условиями Локарнского договора.

28-го февраля французская Палата Депутатов ратифицировала франко-советский договор, а на следующий день французский посол в Берлине получил поручение запросить германское правительство, на каких основаниях могли бы быть начаты переговоры об общем франко-германском соглашении. В ответ на это Гитлер попросил несколько дней на размышления. 7-го марта в 10 часов утра фон Нейрат, германский министр иностранных дел, пригласил на Вильгельмштрассе британского, французского, бельгийского и итальянского послов, чтобы предложить им договор на двадцать пять лет, демилитаризацию по обе стороны Рейнской границы, договорное ограничение воздушных сил и переговоры о договорах о ненападении с восточными и западными соседями.

**
*

«Демилитаризованная» зона в Рейнской области была установлена статьями 42, 43 и 44 Версальского договора. Согласно этим статьям, Германия не должна была иметь или сооружать укрепления на левом берегу Рейна и в пределах 50 километров от правого берега. В этой зоне Германия не должна была держать какие-либо военные силы, устраивать в какое-либо время военные маневры и иметь какие-либо органы для военной мобилизации. Сверх этого имелся Локарнский договор, добровольно принятый обеими сторонами. Этим договором подписавшие его державы гарантировали сохранение границ между Германией и Бельгией и Германией и Францией. Статья 2 Локарнского договора обещала, что Германия, Франция и Бельгия никогда не будут вторгаться или

атаковать через эти границы. Однако, в случае, если будут нарушены статьи 42 или 43 Версальского договора, это нарушение явится «непровоцированным актом агрессии», и появление военных сил в демилитаризованной зоне должно вызвать немедленную акцию затронутых этим держав, подписавших договор. Такое нарушение должно быть немедленно сообщено Лиге Наций, и Лига, установив факт нарушения, должна тогда указать подписавшим державам, что они обязаны оказать военную помощь той державе, в отношении которой совершено нарушение договора.

**

В полдень 7-го марта, через два часа после предложения 25-летнего договора, Гитлер возвестил Рейхстагу, что он намерен вновь занять Рейнскую область, и в то время как он еще говорил, германские колонны, численностью около тридцати пяти тысяч человек, ринулись через границу и заняли все главные германские города. Они всюду были встречены с радостью, умеряемой боязнью реакции Союзников. Одновременно, чтобы сбить с толку общественное мнение в Англии и Америке, Гитлер заявил, что оккупация была чисто символической. Германский посол в Лондоне вручил Идену те же предложения, которые Нейрат сделал утром в Берлине послам локарнских держав. Это было по обе стороны океана утешением для всех тех, кто хотели быть одураченными. Иден дал послу суровый ответ. Теперь мы, конечно, знаем, что Гитлер пользовался этими примирительными предложениями лишь как частью своего маневра и как прикрытием для совершенного им насильственного акта, успех которого был необходим для его престижа и потому также для следующего шага по его программе.

Это было не только нарушение обязательств, вынужденных силой оружия в войне, и Локарнского договора, добровольно подписанного в мирное время, но также использованием дружественного акта эвакуации Союзниками Рейнской области за несколько

лет до срока. Эта новость была мировой сенсацией. Французское правительство Сарро, в котором Фландэн был министром иностранных дел, громко выразило свой гнев и апеллировало ко всем своим союзникам и к Лиге Наций. В это время Франция имела лояльную поддержку «Малой антанты», то есть Чехословакии, Югославии и Румынии. Балтийские государства и Польша также были связаны с французской системой. Но, самое главное, Франция имела право рассчитывать на Великобританию ввиду гарантии, которую мы дали для защиты французской границы от германской агрессии, и того давления, которое мы оказали на Францию, чтобы она раньше срока эвакуировала Рейнскую область. Если когда-либо, то именно теперь имело место нарушение не только мирного, но и Локарнского договора, и имелось обязательство, связывающее все заинтересованные державы.

**
*

Для Франции это было ужасающим ударом. Сарро и Фландэн были склонны немедленно ответить всеобщей мобилизацией. Если бы они были на высоте положения, они бы это сделали. И это заставило бы всех других равняться по ним. Для Франции это был вопрос жизненной важности. Но они оказались неспособными действовать без согласия Англии. Это — объяснение, но не оправдание. Вопрос имел для Франции жизненное значение, и любое французское правительство, достойное этого имени, должно было само принять решение и положиться на договорные обязательства. В эти неустойчивые годы французские министры в их постоянно меняющихся правительствах не раз были рады найти в английском пацифизме оправдание для собственного бездействия. Как бы то ни было, с английской стороны они не получили ни малейшего поощрения к сопротивлению против германской агрессии. Если они колебались действовать, их британские союзники не колебались их разубеждать. Всё воскресенье велись возбужденные телефонные разговоры между Лондоном и Па-

рижем. Правительство Его Величества убеждало Францию ждать, чтобы обе страны могли действовать совместно и после всестороннего обсуждения. Бархатный ковер для отступления!

Неофициальные отклики из Лондона были расхолаживающими. Ллойд-Джордж поспешил заявить: «По моему мнению, величайшим преступлением Гитлера не было нарушение договора, так как тут была провокация». Он добавил, что «он надеется, что мы сохраним хладнокровие». Надо думать, что провокацией было то, что Союзники не разоружились еще больше, чем они это сделали. Лорд Сноуден сосредоточил свое внимание на предложенном договоре о ненападении и сказал, что предыдущие мирные предложения Гитлера игнорировались, но что народы не позволят пренебречь этим предложением. Может быть, такие заявления выражали сбитое в тот момент с толку английское общественное мнение, но они не послужат к чести их авторов. Британский Кабинет, ища линии наименьшего сопротивления, считал самым легким выходом давить на Францию, чтобы она еще раз обратилась к Лиге Наций.

**
*

Во Франции были также большие разногласия. В основном, политики были за то, чтобы мобилизовать армию, а генералы, как и их немецкие коллеги, призывали к спокойствию, терпению и выжиданию. Мы знаем теперь о разногласиях, которые возникли тогда между Гитлером и военным командованием. Если бы Франция мобилизовала свою армию, с ее почти ста дивизиями, и свой воздушный флот (все еще ошибочно считавшийся самым сильным в Европе), нет сомнения, что его собственный генеральный штаб принудил бы Гитлера отступить, и его претензиям было бы создано препятствие, которое, очень вероятно, могло бы оказаться роковым для его власти. Следует вспомнить, что в то время Франция одна была достаточно сильна, чтобы вытеснить немцев из Рейнской области, даже без той помощи, которую нача-

тая ею операция и апелляция к Локарнскому договору, без сомнения, вынудили бы от Великобритании. На деле Франция осталась совершенно инертной и парализованной, тем безвозвратно потеряв последний шанс без серьезной войны сдержать вождения Гитлера. Взамен этого Англия убеждала французское правительство сложить свое бремя на Лигу Наций, уже ослабленную и обескураженную провалом санкций и заключением в предыдущем году англо-германского морского соглашения.

В понедельник 9-го марта Иден отправился в Париж в сопровождении лорда Галифакса и Ральфа Виграма. Первоначально было намерение созвать сессию Лиги в Париже, но затем Виграм был послан, чтобы от имени Идена пригласить Фландэна приехать в Лондон, чтобы Лига собралась в Англии, где он получит более энергичную поддержку с английской стороны. Для преданного чиновника это была неприятная миссия. Немедленно по своем возвращении 11-го марта в Лондон Виграм пришел ко мне и рассказал, что произошло. Сам Фландэн приехал в тот же день поздно вечером, и около половины девятого утра в четверг он пришел ко мне на квартиру. Он сказал мне, что предполагает требовать от британского правительства одновременной мобилизации сухопутных, морских и воздушных сил обеих стран, и что он получил заверения о поддержке от Малой антанты и других государств. Он прочитал внушительное количество полученных ответов. Не было сомнения, что превосходство сил все еще было у Союзников прошлой войны. Чтобы победить, им оставалось только действовать. Хотя мы не знали, что произошло между Гитлером и его генералами, было очевидно, что на нашей стороне было подавляющее преобладание. В моем положении частного лица я мало что мог сделать, но я пожелал моему гостю полного успеха в его стараниях и обещал всякую поддержку, какую я смог бы оказать. На вечер я пригласил к обеду моих главных единомышленников, чтобы выслушать призыв Фландэна.

В это время Невилль Чемберлэн, будучи министром финансов, был самым влиятельным членом правительства. Его талантливый биограф, Кейт Фейлинг, приводит следующую выдержку из его дневника: «12-го марта разговаривал с Фландэном, настаивая, что общественное мнение не поддержит нас в каком-либо рода санкциях. По его мнению, если будет сохранен крепкий фронт, Германия уступит без войны. Мы не можем принять это, как надежную оценку реакции сумасшедшего диктатора». Когда Фландэн настаивал по меньшей мере на экономическом бойкоте, Чемберлэн ответил предложением образовать международную силу на время переговоров, соглашался на договор о взаимной поддержке и заявил, что если уступкой какой-либо колонии мы можем обеспечить длительный мир, то он подумает об этом.

Тем временем большинство английской печати во главе с «Таймс» и «Дэйли Геральд» выразило убеждение в искренности гитлеровского предложения договора о ненападении. В речи, произнесенной в Кембридже, Остин Чемберлэн выразил противоположное мнение. Виграм считал, что в его обязанность входило свести Фландэна со всеми, кого он мог пригласить из Сити, печати, правительства, а также с лордом Лотианом. Ко всем, кого он встречал в доме Виграма, Фландэн обращался в следующих выражениях: «Глаза всего мира и в особенности малых наций обращены теперь к Англии. Если Англия будет теперь действовать, она может вести за собой Европу. Вы будете иметь политику, весь мир последует за вами, и таким путем вы предупредите войну. Это ваш последний шанс. Если вы не остановите Германии сейчас, — всё кончено. Франция не может больше гарантировать безопасность Чехословакии, потому что это станет географически невозможным. Если вы не убережете Локарнского договора, вам останется только ждать вооружения Германии, против которого Франция ничего не может сделать. Если вы силой не остановите Германии теперь, война неизбежна, даже если вы на время заключите дружбу с Германией.

Что касается меня, то я не верю в возможность дружбы между Францией и Германией: отношения между ними всегда будут напряженными. Тем не менее, если вы оставите Локарно, я изменю свою политику, потому что ничего другого нельзя сделать». Это были прекрасные слова, но действия говорили бы громче.

Вкладом лорда Лотиана было: «В конце концов они вошли только в свой собственный сад, расположенный за домом». Это было типичное английское мнение.

**

Когда я узнал, как плохо шли дела, я посоветовал Фландэну до его отъезда попросить свидания с Болдвином. Оно состоялось на Доунинг-стрит. Премьер-министр принял Фландэна с величайшей любезностью. Болдвин объяснил, что хотя он мало знает об иностранных делах, он способен зато правильно судить о настроениях английского народа. Англичане хотят мира. Фландэн ответил, что единственный способ обеспечить мир, это — остановить гитлеровскую агрессию, пока это еще возможно. Франция не хочет втягивать Великобританию в войну; она не просит практической помощи, и она сама готова предпринять то, что будет простой полицейской операцией, так как, по французской информации, германские войска в Рейнской области имеют приказ уйти оттуда, если встретят сопротивление силой. Фландэн утверждает, что он сказал, что Франция просит своего союзника только дать ей свободу действовать. Это, конечно, не верно. Как могла Англия удержать Францию от действий, на которые та по Локарнскому договору имела законное право? Британский премьер повторил, что его страна не хочет брать на себя риск войны. Он спросил, что французское правительство решило делать. На это он не получил ясного ответа. Тогда, по словам Фландэна, Болдвин сказал: «Вы, может быть, правы, но если есть х о т я б ы о д и н ш а н с и з с т а, что ваша полицейская операция вы-

зовет войну, я не имею права обязать к чему-либо Англию». И после паузы он прибавил: «Англия не в состоянии воевать». Подтверждения этому нет. Фландэн вернулся во Францию, убежденный, во-первых, в том, что его собственная лишенная единства страна может объединиться лишь пред лицом твердой решимости в Англии, и, во-вторых, что, поскольку этого нет, от нее нельзя ждать сильного импульса. Он слишком скоро пришел к мрачному заключению, что для Франции единственная надежда была в соглашении со все более агрессивной Германией.

В виду того, что я знал о поведении Фландэна в те страшные дни, в более поздние годы я, несмотря на все его последующие прегрешения, счел себя обязанным насколько мог прийти ему на помощь. В зиму 1943-44 гг. я употребил все свое влияние, чтобы защитить его, когда он был арестован в Алжире де-голлевской администрацией. Для этого я просил и получил помощь президента Рузвельта. Когда после войны Фландэн был привлечен к суду, мой сын, который много знал о нем во время африканской кампании, был вызван свидетелем, и я рад тому, что его заступничество, а также письмо, которое я написал для Фландэна для использования в его защиту, не осталось без влияния на получение оправдательного приговора, который вынес ему французский суд. Слабость — не измена, хотя она и может быть не менее губительной. Ничто, однако, не может освободить французское правительство от главной ответственности. Клемансо или Пуанкарэ не оставили бы Болдвину выбора.

**

Примирение Франции и Англии с нарушением Версальского и Локарнского договоров, каковым был захват Гитлером Рейнской области, было для Виграма смертельным ударом. «После того, как французская делегация уехала, — писала мне его жена, — Ральф пришел домой, сел в углу комнаты, где он никогда раньше не сидел, и сказал мне: «Война теперь не из-

б е ж н а, и это будет самая ужасная война, которая когда-либо была. Я не думаю, что я ее увижу, но вы увидите. Ждите теперь бомб, падающих на этот домик».*) Я была испугана его словами, а он продолжал: «Вся моя работа за эти долгие годы была бесполезна. Я — банкрот. Мне не удалось заставить людей понять, что стоит на карте. Я, вероятно, недостаточно силен. Я не мог заставить их понять. Винстон всегда, всегда понимал, он силен и пойдет до конца».

Мой друг, видимо, никогда не оправился от этого удара. Он принял его слишком близко к сердцу. В конце концов, всегда можно продолжать делать то, что считаешь правильным, и идти на все больший риск, пока не выбит из строя. Глубокое понимание Виграмом положения чрезмерно действовало на его тонко чувствующую натуру. Его безвременная смерть в декабре 1936 года была непоправимой потерей для министерства иностранных дел и сыграла свою роль в печальном ухудшении наших судеб.

**
*

Когда после успешного занятия Рейнской области Гитлер встретил своих генералов, он мог указать на неосновательность их опасений и доказать им, насколько его суждение или «интуиция» превосходили суждение простых военных. Генералы склонились перед ним. Как добрые немцы, они были рады видеть, что их страна так быстро завоевывает себе почву в Европе, и что ее противники лишены единства и так робки. Без сомнения, престиж и авторитет Гитлера в высших кругах германской власти были этим эпизодом достаточно укреплены, чтобы его ободрить и сделать способным идти вперед к еще большим испытаниям. Обращаясь к миру, Гитлер заявил: «Все территориальные притязания Германии теперь удовлетворены».

*) Он, действительно, был разрушен.

Во Франции царил разброд мыслей, в котором доминировали боязнь войны и чувство облегчения, что она была избегнута. Простых англичан их простая печать учила утешать себя рассуждением, что «в сущности немцы только вернулись в собственную область. Что бы вы чувствовали, если бы вас десять или пятнадцать лет не пускали, скажем, в Йоркшир?» Никто не обратил внимания на то, что пункты выгрузки, из которых германская армия могла вторгнуться во Францию, приблизились на сотню миль. Никого не беспокоил тот факт, что странам Малой антанты и Европе вообще было дано доказательство, что Франция не будет сражаться, и что Англия удержит ее, если бы Франция была готова сражаться. Этот эпизод утвердил власть Гитлера над Германией и парализовал недостойным и бросающим тень на их патриотизм образом генералов, которые до того пытались его сдерживать.

**
*

Как оказалось, в это возбужденное время в высоких сферах обсуждалась моя личная судьба. Находясь под постоянным давлением, премьер-министр решил, наконец, создать новое министерство — не Оборона, а «Координации обороны». Биограф Невилля Чемберлена рассказал об этом некоторые подробности. Остин Чемберлен, пользовавшийся большим влиянием на правительство, думал и говорил, что исключать меня было «огромной ошибкой». Самуэль Хор вернулся из места своего отдыха и в виду покорности, с которой он принял свою отставку после приказа, вызванного его соглашением с Лавалем, мог претендовать на новое назначение. Премьер-министр считал, что лучше всего было бы, чтобы Невилль Чемберлен взял новое министерство, а Остин вернулся в министерство финансов. Невилль отклонил это предложение, будучи уверен, что он в ближайшем будущем станет преемником Болдвина. «Партия, — пишет его биограф Фейлинг, — не захотела бы немедленного воз-

вращения Хора. Если новое министерство будет поручено Черчиллю, это вызовет тревогу у тех либеральных и промежуточных элементов, которые сочли его устранение гарантией против милитаризма*), это будет вопреки советам тех, кто уполномочены выражать волю партии, а, если Болдвин исчезнет, не сделает ли это спорным вопрос о преемнике». Как говорят, «эти тонкости и осложнения взвешивались» в течение целого месяца. Я, конечно, знал о том, что происходило. В прениях 9-го марта я тщательно старался не отойти от моей позиции суровой, но дружеской критики политики правительства, и тогда говорили, что я произнес удачную речь. Я не считал достаточным ни образование нового министерства, ни его полномочия. Но я с радостью взял бы этот пост, будучи убежден, что знания и опыт возьмут свое. Повидимому (согласно Фейлингу), занятие немцами Рейнской области сыграло решающую роль против моего назначения. Было, конечно, очевидно, что оно не понравилось бы Гитлеру. 9-го марта Болдвин остановил свой выбор на Томасе Инскипе, который имел преимущество быть мало известным и ничего не знать о военных делах. Выбор премьер-министра вызвал изумление в прессе и в публике. Для меня это определенное и, как казалось тогда, окончательное устранение от всякого участия в подготовке обороны было тяжелым ударом.

Я должен был очень следить за тем, чтобы не терять своей выдержки в многочисленных дискуссиях и прениях, в которых я часто играл видную роль. Я должен был владеть своими чувствами и казаться невозмутимым, нейтральным, беспристрастным. В этих усилиях хорошим и простым правилом было постоянно возвращаться к вопросу о безопасности страны. Чтобы сделать устойчивым и занять свой ум, я составил в общих чертах план истории того, что произошло от Версальского мира до момента, до которого мы

*) В то время это не соответствовало истине. Подписавшие «Голосование за мир» были заодно со мной в вопросе о вооруженной коллективной безопасности.

дошли. Я даже начал вступительную главу и часть того, что я тогда написал, вошло, не нуждаясь в изменениях, в настоящую книгу. Я, однако, не пошел далеко в выполнении этого плана вследствие отвлечения событиями, а также вследствие текущей литературной работы, которой я зарабатывал мою приятную жизнь в Чартвелле. Кроме того, в конце 1936 года я погрузился в мою «Историю народов, говорящих по-английски», которую я фактически закончил до начала войны и которая когда-нибудь будет опубликована. Писать большую и основательную книгу всё равно, что иметь около себя друга и товарища, к которому всегда можно обратиться за утешением и развлечением, и общество которого становится все более привлекательным, по мере того как в голове проясняется новое и все расширяющееся поле интересов.

Болдвин, конечно, имел серьезные основания использовать последние проблески своей власти против того, кто так сурово и так часто разоблачал его ошибки. Более того, будучи изощренным управляющим партийными делами, думающим в категориях большинства и меньшинства и ищущим спокойной жизни между выборами, он не хотел моей беспокоящей помощи. Он, без сомнения, считал, что нанес мне политически смертельный удар, и я думал, что он может оказаться правым. Как мало можем мы предусмотреть последствия разумного или неразумного действия, добродетели или коварства! Без этой неограниченной и постоянной неизвестности драма человеческой жизни была бы разрушена. Болдвин знал так же мало, как и я сам, какую великую услугу он мне оказал, помешав мне оказаться впутанным во все министерские компромиссы и ошибки последующих лет и вступить в войну, неся, если бы я оставался министром, прямую ответственность за состояние национальной обороны, которое оказалось ужасающе неудовлетворительным. Это было не в первый раз — да и не в последний, — что я получил благоденствие, в свое время столь тщательно замаскированное.

**
*

Я всё еще надеялся, что призыв, с которым Франция обратилась к Лиге Наций, будет иметь последствием международное давление на Германию, чтобы провести в жизнь решения Лиги.

«Франция (писал я 13-го марта 1936 года) принесла свою жалобу в суд и требует от него справедливости. Если суд найдет, что жалоба основательна, но он не в состоянии ее удовлетворить, то устав Лиги Наций окажется обманом, а коллективная безопасность фикцией. Если обиженной стороне не могут быть предоставлены никакие средства законного удовлетворения, то рухнет бесславно вся доктрина международного права и сотрудничества, на которой основаны надежды на будущее. Она немедленно будет заменена системой союзов и группировок наций, лишенных всех гарантий, кроме их собственного оружия. С другой стороны, если Лига будет в состоянии заставить подчиниться ее решению одну из самых могущественных на свете держав, признанную агрессором, то авторитет Лиги поднимется на такой величественный пьедестал, что с этого момента она будет признана высшей инстанцией, которая сможет выяснить и регулировать все тяжбы народов. Таким образом мы можем в данном случае одним скачком достигнуть осуществления наших самых заветных мечтаний. Но риск! Никто не должен его игнорировать. Можно ли его недооценивать? Имеется простой метод: собрать подавляющую, моральную и физическую, силу для поддержки международного права. Если противостоящие силы приблизительно уравновешены, война может разразиться в несколько недель, и никто не может рассчитать, как она может развиваться, кто будет втянут в ее водоворот, или, если она возникнет, то как. Но если силы в распоряжении Лиги Наций в четыре или пять раз больше тех, которыми может пока что располагать агрессор, то шансы мирного и дружеского решения очень хороши. Поэтому каждая страна, большая или малая, должна играть свою роль в согласии с уставом Лиги.

На какую силу может рассчитывать в этот решающий момент Лига Наций? Есть ли у нас шерифы и полицейские, чтобы поддерживать ее приговор, или она осталась покинутой, бессильной, пустой пародией среди лицемерных банальностей нерешительных или циничных святош? Как это ни странно для судьбы мира, еще никогда не было момента или случая, когда Лига Наций могла бы располагать такой подавляющей силой. Мировая полицейская сила налицо. На любой стороне от Женевы стоят великие нации, вооруженные и подготовленные, интересы и обязанности которых

требуют от них поддержать и в крайнем случае силой заставить соблюдать законность. Это может никогда больше не повториться. Наступил роковой момент выбора между Новым и Старым Веком».

Этот язык был приятен либеральным и лейбористским кругам, вместе с которыми работали и несколько моих друзей-консерваторов. Он объединял консерваторов, тревожившихся за национальную безопасность, с трэд-юнионистами, либералами и огромным количеством преданных делу мира людей, которые год тому назад подписали «Голосование за мир». Нет сомнения, что, если бы правительство захотело действовать твердо и энергично через посредство Лиги Наций, оно могло бы повести за собой единую Англию на окончательную попытку предотвратить войну.

**

Нарушение договора о Рейнской области не обсуждалось в Палате до 26-го марта. Этот промежуток был частью заполнен сессией Совета Лиги Наций в Лондоне. В результате Германии было предложено передать Трибуналу в Гааге свой протест против франко-советского договора, по поводу которого Гитлер жаловался, и не усиливать своих войск в Рейнской области, пока идут дальнейшие переговоры. На случай, если бы Германия отказалась это исполнить, британское и итальянское правительства обязались предпринять шаги, требующиеся их обязательствами по Локарнскому договору. Обещанию Италии нельзя было придавать много значения. Муссолини был уже тесно связан с Гитлером. Германия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы отклонить какие-либо условия, ограничивающие ее силы в Рейнской области. Поэтому Иден настаивал, чтобы между Великобританией, Францией и Бельгией состоялись совещания генеральных штабов, чтобы обсудить и заранее подготовить совместную акцию, которая в некотором будущем может оказаться необходимой на основании Локарнского договора. Молодой министр иностранных дел про-

изнес смелую речь и увлек за собой Палату. Остин Чемберлэн и я поддержали его в своих пространных речах. Совет министров оставался пассивным, и Иде-ну было нелегко даже добиться согласия на разговоры между штабами. Такие разговоры обычно не носят характера дипломатических конференций и происходят секретно или даже неофициально. На этот раз они были единственным результатом трех недель переговоров и торжественных заявлений, а также единственным ответом Союзников на нарушение Гитлером договора и на прочное овладение им Рейнской области.

В своей речи я сказал:

«Мы не можем испытывать особое удовольствие, оглядываясь на нашу внешнюю политику за последние пять лет. Это, без сомнения, были катастрофические годы. Избави меня Бог от того, чтобы возложить на правительство моей страны ответственность за бедствия, обрушившиеся на мир за это время... Но мы, несомненно, видели самую угрожающую и тревожную перемену в перспективах для человечества, какая когда-либо имела место за такой короткий период. Пять лет тому назад все чувствовали себя в безопасности; пять лет тому назад все надеялись на мир, на время, когда человечество будет наслаждаться сокровищами, которые наука может предоставить всем классам общества, если царят мир и справедливость. Говорить о войне пять лет назад было бы сочтено не только нелепостью и преступлением, но почти что признаком сумасшествия... Нарушение договора о Рейнской области серьезно вследствие опасности, которой оно подвергает Голландию, Бельгию и Францию. Я со страхом слушал то, что министр иностранных дел говорил об отказе Германии воздержаться даже на время переговоров от постройки укреплений. Когда там будет линия укреплений — а я думаю, что она будет очень скоро, — это окажет влияние на всю европейскую ситуацию. Это будет барьер вдоль главной входной двери Германии, который даст ей свободу выскакивать из других дверей на восток или на юг.

Значение укрепления Рейнской области только мало-помалу было понято в Англии и в Соединенных Штатах. 6-го апреля, когда правительство потребовало вотума доверия его внешней политике, я вернулся к этому вопросу:

«Гитлер разорвал договоры и поставил свои гарнизоны в Рейнской области. Его войска там находятся и останутся там. Это значит, что престиж нацистского режима возрос в самой Германии и в соседних странах. Теперь Германия укрепляет Рейнскую зону или готовится ее укреплять. На это, без сомнения, понадобится время. Нам говорят, что сначала будут воздвигнуты только полевые укрепления, но кто знает, до какого совершенства немцы могут довести полевые укрепления — вроде Линии Гинденбурга — со всей массой бетона и находящимися там подземными помещениями, тот понимает, что различие между полевыми и постоянными укреплениями только в степени, и что полевые укрепления будут неуклонно подниматься от первого среза почвы до их окончательной и совершенной формы.

Я не сомневаюсь, что весь обращенный к Франции германский фронт будет укреплен так сильно и так быстро, как только возможно. Через три, четыре или шесть месяцев мы, несомненно, увидим барьер огромной мощи. Каковы будут дипломатические и стратегические последствия?.. Создание линии фортов против французской границы даст Германии возможность сэкономить войска на этой линии и направить главные силы кругом через Бельгию и Голландию. Теперь посмотрите на восток. Там последствия укрепления Рейнской области могут быть более непосредственными. Для нас это менее прямая, но более близкая опасность. В момент, когда укрепления будут закончены и в той мере, насколько они будут закончены, вся картина изменится в Средней Европе: Балтийские государства, Польша и Чехословакия, к которым надо прибавить Югославию, Румынию, Австрию и некоторые другие страны, будут самым решительным образом затронуты в тот момент, когда будет закончено создание этих обширных укреплений».

Каждое слово этого предостережения скоро оправдалось одно за другим.

**
*

После оккупации Рейнской области и создания линии укреплений против Франции следующим шагом, очевидно, должно быть присоединение Австрии к Германии. В истории, которая началась убийством канцлера Дольфуса в июне 1934 года, скоро должна была начаться другая, логически вытекающая из первой глава. Как мы теперь знаем, германский министр иностранных дел Нейрат 18-го мая 1936 с поразительной

откровенностью сказал американскому послу в Москве Буллиту, что германское правительство не предпримет никаких активных шагов во внешней политике, пока Рейнская область не будет «переварена». Он объяснил, что, пока не будут сооружены оборонительные укрепления на границах Франции и Бельгии, германское правительство будет делать все возможное, чтобы предотвратить, а не вызвать нацистское восстание в Австрии, и будет вести спокойную политику по отношению к Чехословакии. «Как только, — сказал он, — наши укрепления будут сооружены, и страны Центральной Европы осознают, что Франция не может проникнуть на германскую территорию, все эти страны пересмотрят их внешнюю политику, и произойдет перегруппировка». Кроме того, Нейрат сообщил Буллиту, что в Австрии молодежь все больше и больше тяготеет к наци, и что господство нацистской партии в Австрии неизбежно и является только вопросом времени. Но решающим фактором является окончание германских фортификаций на французской границе, так как иначе распря Германии с Италией может побудить Францию напасть на Германию.

21-го мая 1936 года Гитлер заявил в Рейхстаге, «что Германия и не намерена и не хочет вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или совершить воссоединение с ней». 11-го июля он подписал договор с австрийским правительством, обещая не оказывать влияния на внутренние дела Австрии и, в частности, не оказывать активной поддержки австрийскому национал-социалистическому движению. Через пять дней после этого национал-социалистической партии в Австрии были посланы инструкции расширить и усилить ее активность. В то же время германский Генеральный штаб начал по приказу Гитлера составлять военные планы оккупации Австрии, когда час для этого пробьет.

12.

ЗЛОВЕЩИЙ ПЕРЕРЫВ — ИСПАНИЯ**1936-1937 гг.**

Здесь следует изложить те принципы британской политики по отношению к Европе, которым я следовал в течение многих лет и продолжаю следовать до сих пор. Я не могу выразить их лучше, чем словами, с которыми я обратился к комиссии по иностранным делам консервативных членов Палаты, которые пригласили меня говорить у них частным образом в конце марта 1936 года:

«В течение четырех столетий внешняя политика Англии состояла в том, чтобы быть против самой сильной, самой агрессивной, самой господствующей державы на континенте, и в особенности не допускать, чтобы Нидерланды попали в руки такой державы. В свете истории эти четыре столетия последовательно проведенной политики среди стольких перемен имен и фактов, обстоятельств и условий, должны быть оценены как одно из наиболее замечательных явлений, какое только можно обнаружить в летописях любой расы, нации, государства или народа. Более того, Англия всегда шла более трудным путем. Лицом к лицу с Филиппом II Испанским, против Людовика XIV при Вильгельме III и Марльборо, против Наполеона, против Вильгельма II Германского, в каждом случае было очень легко и должно было быть очень соблазнительно примкнуть к более сильному и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудное, шли вместе с менее сильными державами, организовывали их объединения, и таким путем побеждали и расстраивали планы континентального военного тирана, кто бы он ни был, какую бы нацию он ни возглавлял. Так мы охранили вольность Европы, покровительствуя росту ее полного жизни и разнообразия общества, и сами после четырех ужасающих столкновений выходили со все растущей славой, расширяющейся Империей и с Нидерландами, надежно защищенными в их независимости. В этом существо замечательной бессознательной традиции британской внешней политики. Сегодня все наши мысли опираются на эту традицию. Я не знаю ничего, что побуждало бы переменить мнение о справедливости, мудрости, доблести и благоразумии, с которыми действо-

вали наши предки. Я не знаю, что произошло в человеческой натуре, что в какой-либо мере ослабляло бы ценность их заключений. Я не знаю никаких военных, политических, экономических или научных фактов, которые бы заставили меня думать, что мы не должны или не можем идти тем же путем. Я позволил себе представить вам это общее положение, потому что я думаю, что раз оно будет принято, то все остальное окажется много проще. Заметьте, что английская политика не считается с тем, какова национальность державы, стремящейся к господству над Европой. Вопрос не в том, Испания ли это, или Французская монархия, или Французская империя, или Германская империя или режим Гитлера. Дело не в правителях или нациях, а только в том, кто является самым сильным или имеющим шанс стать господствующим тираном. Поэтому мы не должны бояться, что нас обвинят в том, что мы профранцузы или антинемцы. Если бы обстоятельства были обратными, мы были бы пронемцами и антифранцузами. Мы следуем общим законам нашей политики, а не просто удобству, диктуемому случайными обстоятельствами, симпатиями или антипатиями, или какими-либо другими чувствами.

Поэтому возникает вопрос, какая держава является сейчас самой сильной в Европе, и какая стремится к господству опасным и угнетающим других образом. Сегодня, в этом году, и вероятно также, для части 1937-го, французская армия является самой сильной в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что Франция хочет, чтобы ее оставили в покое, и для нее дело идет о самосохранении. Все знают, что французы миролюбивы и скованы страхом. Они одновременно храбры, решительны, миролюбивы и подавлены опасениями. Это — либеральная нация с парламентскими учреждениями.

С другой стороны, Германия никого не боится. Она вооружается так, как этого еще не было в ее истории. Ею правит кучка восторжествовавших головорезов. Деньги уходят, недовольство растет под этими деспотическими правителями. Очень скоро они должны будут выбирать между экономическим и финансовым банкротством или внутренним переворотом, с одной стороны, а с другой, войной, которая не может иметь другой цели и, в случае успеха, другого результата, как германизацию Европы под нацистским господством. Поэтому я думаю, что все прежние условия снова имеются налицо, и наше национальное спасение зависит от того, чтобы мы еще раз объединили все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если это будет необходимо, разрушить германское господство. Потому что,

поверьте мне, если бы какие-либо из других держав, Испания, Людовик XIV, Наполеон, Кайзер Вильгельм II, стали бы с нашей помощью абсолютными господами Европы, они смогли бы ограбить нас, свести нас к ничтожеству и нищете на следующий день после своей победы. Мы должны рассматривать существование и прочность Британской Империи и величие нашего острова, как высшую из наших обязанностей, и не дать сбить себя с толку иллюзиями об идеальном мире, что означало бы только, что другие и худшие ведущие силы заняли бы наше место, и им принадлежала бы в будущем руководящая роль.

На данной стадии широко охватывающая концепция и жизнеспособная организация Лиги Наций являются факторами первостепенной важности. Практически Лига Наций выражает британскую концепцию и находится в совершенной гармонии со всеми нашими методами и действиями. Более того, она находится в гармонии с теми широкими идеями о праве и несправедливости, и о мире, основанными на сдерживании главного агрессора, которыми мы всегда руководствовались. Мы хотим царства права и свободы между государствами и внутри государств, и ради этого, и именно только ради этого прежние зодчие нашей славы, величия и цивилизации сражались — и побеждали. Английскому народу очень дорога мечта о господстве международного права и улаживании всех споров посредством терпеливых дискуссий, но всегда в согласии с тем, что законно и справедливо. Мы не должны недооценивать силы, с какой эти идеалы действуют в современной британской демократии. Отдельные лица не знают, как ветрами в течение столетий эти семена были посеяны в сердцах трудящихся масс. Но они там и они так же сильны, как любовь к свободе. Мы не должны ими пренебрегать, потому что в них сущность духа нашего острова. Поэтому мы убеждены, что поддержка и усиление Лиги Наций окажется лучшим средством как для защиты нашей безопасности, так и для поддержки великих мировых задач, с которыми наши интересы очень часто оказывались в естественной гармонии.

Мои три основные положения: во-первых, мы должны противодействовать державе, стремящейся к господству и потенциальному агрессору. Во-вторых, Германия при гитлеровском режиме с ее колоссальными, столь быстро растущими вооружениями, безусловно подходит под это определение. В-третьих, Лига Наций должна самым действенным образом объединить много стран и здесь в стране наш собственный народ, чтобы подчинить своей воле страну, готовящуюся к агрессии. Я позволяю себе почтительно предло-

жить эти положения на ваше рассмотрение. Из них вытекает все остальное.

Всегда легче открыть и провозгласить общие принципы, чем их применять. Прежде всего мы должны учитывать наше активное сотрудничество с Францией. Это не значит, что мы должны без необходимости создавать враждебное настроение против Германии. Наша обязанность и в наших интересах следить за тем, чтобы не давать повышаться температуре в этих странах. Поскольку это касается Франции, мы не встретим никаких затруднений. Как и мы, французы имеют парламентскую демократию с огромным сопротивлением против войны и, как у нас, с большими недочетами в подготовке обороны. Поэтому мы должны придавать нашему оборонительному сотрудничеству с Францией фундаментальное значение. Теперь, когда положение стало таким обостренным и опасным, все остальное надо видеть в соответствующей этому перспективе. Те, кто имеют определенные доктрины и глубоко коренящиеся в них убеждения, смогут гораздо лучше разбираться в переменах и неожиданностях текущего развития, чем те, кто видят только то, что близко, и повинуются своим естественным импульсам, вызываемым тем, что они читают изо дня в день. Прежде всего надо решить, куда мы хотим идти. Я лично стою за вооруженную Лигу Наций и, как многие из вас могли догадаться, против возможного агрессора, с Англией и Францией, как ядром сопротивления. Не будем пренебрегать ничем, что мы в силах сделать, чтобы образовать большую международную систему. Если это окажется выше наших сил или рухнет вследствие слабости или злой воли других, то обеспечим по меньшей мере, чтобы обе оставшиеся в Европе великие свободные державы, Англия и Франция, смогли выдержать грозящую разразиться бурю с твердой и обоснованной надеждой благополучно вернуться в гавань.»

Если добавить к Англии и Франции еще Соединенные Штаты, если изменить имя возможного агрессора, если назвать вместо Лиги Наций Объединенные Нации, а вместо Английского канала Атлантический океан и говорить не об Европе, а обо всем мире, то тот же ход мыслей может найти применение и сегодня.

**
*

Ровно два года прошли между занятием Рейнской области Гитлером в марте 1936 года и захватом им Ав-

стрии в марте 1938 года. Промежуток был длиннее, чем я ожидал. Все произошло в том порядке, какой я предвидел и предсказал, но расстояние между отдельными этапами было большее. В этот период Германия не теряла времени зря. Укрепление Рейнской области — «Западный вал» — подвигалось быстро, и обширная сеть постоянных и полупостоянных фортификаций росла непрерывно. Германская армия, построенная теперь на систематической основе обязательной службы и усиленная пламенными добровольцами, с месяца на месяц становилась сильнее как по численности, так и по зрелости и качеству ее формаций. Германская авиация сохранила и усиливала достигнутое ею превосходство над Великобританией. Фабрики оружия работали полным ходом. День и ночь в Германии крутились колеса и падали молоты, превращая всю ее промышленность в арсенал и спаивая все ее население в одну дисциплинированную военную машину. Осенью 1936-го года Гитлер в Германии установил пятилетний план, чтобы сделать германскую экономику более самодовлеющей в случае войны. За границей он получил тот «сильный союз», который, как он писал в «Моей борьбе», был необходим для германской внешней политики. Он договорился с Муссолини, и была образована «Ось Рим-Берлин».

До середины 1936 года агрессивная политика Гитлера и нарушение им договоров опирались не на силу Германии, а на разброд и робость во Франции и Англии и на политику самоизоляции Соединенных Штатов. Каждый из его предыдущих шагов был азартной игрой, и он знал, что не может выдержать серьезного сопротивления. Захват Рейнской области, а затем ее укрепление были самой крупной из всех его азартных игр. Она блестяще удалась. Его противники были слишком нерешительны, чтобы сорвать его блеф. Когда он в 1938 году двинулся дальше, его блеф уже не был блефом. Агрессия опиралась на силу и, может быть, на превосходство сил. Когда правительства

Франции и Англии осознали эту ужасающую перемену, было уже слишком поздно.

**
*

Я продолжал самым тщательным образом следить за нашими военными приготовлениями. У меня были дружеские отношения с министром Координации обороны Томасом Инскипом, и я частным образом помогал ему, насколько мог. По его просьбе я написал и послал ему датированный 6-м июня 1936 г. меморандум о столь необходимом министерстве снабжения. Однако до весны 1939 года, т. е. в течение почти трех лет, ничего существенного не было сделано для создания этого министерства, и не было сделано попытки создать в нашем производстве амуниции приспособления на критический случай.

**
*

В конце июля 1936 года все растущее разложение парламентского режима в Испании и движения в пользу коммунистической или, с другой стороны, анархической революции привели к тому, что вспыхнул давно уже готовившийся военный бунт. Установленные самим Лениным коммунистические доктрины и наставления предписывают, чтобы коммунисты поддерживали все левые движения и содействовали образованию слабых конституционных, радикальных или социалистических правительств. Затем они должны подкопаться под эти правительства и, выхватив из их падающих рук абсолютную власть, основать марксистское государство. В Испании имело место совершенно точное воспроизведение режима Керенского в России. Но сила Испании не была расшатана внешней войной. Армия еще сохраняла известную степень сплоченности. Параллельно с коммунистическим заговором был организован тайный военный контрзаговор. Ни одна сторона не могла с достаточным правом претендовать на ее легальность, и испанцам всех классов пришлось руководствоваться вопросом существования Испании.

Многие из элементарных гарантий цивилизованного общества уже были ликвидированы коммунистической инфильтрацией разлагающегося парламентского режима. Убийства начались с обеих сторон, и коммунистическая зараза зашла так далеко, что коммунисты могли хватать политических противников на улицах или в их постелях и убивать их. Большое количество таких убийств уже имело место в Мадриде и его окрестностях. Высшей точкой было убийство сеньора Сотеро, консервативного лидера, в известной мере соответствовавшего тому типу, который представлял в английской политике до войны 1914 года Эдуард Карсон. Это преступление было для генералов сигналом к действию. За месяц до этого генерал Санхурхо послал военному министру письмо, в котором заявил, что, если Испанское правительство не в состоянии охранять в каждодневной жизни нормальные гарантии законности, то армия будет вынуждена вмешаться. В своем прошлом Испания видела много «пронунсиаменто» военных вождей. Когда, после того как генерал Санхурхо погиб в воздушной катастрофе, генерал Франко поднял знамя восстания, он был поддержан армией, включая солдат. Церковь, за заслуживающим внимания исключением доминиканцев, и почти все правые и центристские элементы примкнули к нему, и он сразу стал хозяином нескольких значительных провинций. Испанские матросы убили своих офицеров и примкнули к стороне, которая оказалась коммунистической. При распаде цивилизованного правительства коммунистическая секта овладела властью и действовала по своей шпаргалке. Началась ожесточенная гражданская война. Овладевшие властью коммунисты совершали с холодным расчетом массовые убийства политических противников и зажиточных людей. Силы, находившиеся под командой Франко, оплачивали им сторицей. Все испанцы шли на смерть с замечательным самообладанием, и с обеих сторон было много убитых. Кадеты с крайним упорством защищали свою школу в Альказаре около Толе-

до, и войска Франко, пробивая себе путь с юга и оставляя следы своей мести в каждой коммунистической деревне, скоро их выручили. Этот эпизод заслуживает внимания историков.

В этом конфликте я был нейтрален. Конечно, я не сочувствовал коммунистам. Как я мог? Ведь если бы я был испанцем, они убили бы и меня и мою семью и моих друзей? Тем не менее я убежден, что при всех своих заботах британское правительство поступило правильно, держась в стороне от испанских дел. Франция предложила план невмешательства, по которому обеим сторонам было бы предоставлено сражаться без какой-либо помощи со стороны. Английское, германское, итальянское и русское правительства приняли этот план. В результате, испанское правительство, находившееся теперь в руках самых крайних революционеров, оказалось лишенным права покупать заказанное им оружие даже в золотой валюте, которая имелась у него. Целесообразнее было бы идти нормальным путем и признать за обеими сторонами права воюющих сторон, как это было сделано во время американской гражданской войны 1861-1865 гг. Вместо этого, политика невмешательства была принята и о ней формально договорились все большие державы. Соглашение строго соблюдалось Великобританией, однако Италия и Германия с одной, и Россия, с другой стороны, постоянно нарушали свои обязательства и вмешивались в борьбу одной стороны против другой. Германия в частности пользовалась своей авиацией для таких экспериментальных ужасов, как бомбардировка маленького незащищенного городка Герники.

Правительство Леона Блюма, сменившее в мае министерство Фландэна, находилось под давлением поддерживавших его в Палате коммунистов, которые требовали помощи испанскому правительству поставкой военных материалов. Министр авиации Пьер Кот, мало заботившийся о силе находившейся в упадке французской авиации, тайно поставлял республиканской армии аэропланы и снаряжение. Обеспокоенный

этим, я 31-го июля 1936 написал письмо французскому послу Корбэну.

«Одной из самых больших трудностей, с которой я должен считаться, стараясь остаться на прежней позиции, являются немецкие разговоры о том, что все антикоммунистические государства должны быть заодно. Я убежден, что, если Франция будет посылать аэропланы и т.п. правительству в Мадриде, а Германия и Италия будут давить с другой стороны, то доминирующие у нас силы будут довольны Германией и Италией и отдалятся от Франции. Я надеюсь, что Вы не сердитесь на меня за то, что я это пишу. Я делаю это, конечно, целиком на мою личную ответственность. Мне не нравится слышать разговоры о том, что Англия, Германия и Италия должны образовать фронт против европейского коммунизма. Это слишком легко, чтобы быть на благо.

Я убежден, что в настоящее время единственно правильной и безопасной политикой является абсолютно строгий нейтралитет с самыми энергичными протестами против каждого его нарушения. Может наступить день, когда, если положение достигнет мертвой точки, Лига Наций сможет вмешаться, чтобы покончить с ужасами, но даже это очень сомнительно».

**
*

Следует отметить еще одно событие. 26-го ноября 1936 года все послы представленных в Берлине держав были приглашены в министерство иностранных дел, где фон Нейрат сообщил им детали договора против Коминтерна («Антикоминтерн Пакт»), заключаемого с японским правительством. Целью этого договора было предпринимать совместные действия против международной деятельности Коминтерна как в пределах договаривающихся государств, так и вне их.

**
*

В течение всего 1936-го года тревога нации и в Парламенте непрерывно возрастала и была в особенности сконцентрирована на нашей воздушной обороне. 12-го ноября во время прений по обращению к Королю я сурово упрекал Болдвина за то, что он не сдержал своего обещания, что «любое правительство и Национальное Правительство, это правительство бо-

лее, чем какое-либо другое, позаботятся о том, чтобы в отношении воздушных сил наша страна не уступала ни одной стране, которая в состоянии достичь ее берегов». Я сказал: «Правительство просто не может занять какую-либо позицию или добиться этого от премьер-министра. Так оно оказалось в парадоксальном положении, решив только ничего не решать, с решимостью быть нерешительным, упорствуя в пассивности, будучи твердым в неустойчивости, всемогущим, чтобы иметь возможность быть бессильным. И так мы продолжаем готовиться месяцы и годы — драгоценные, может быть, роковые для величия Великобритании, — чтобы саранче было что есть».

Болдвин ответил мне необычайной речью, в которой он сказал:

«Я хочу говорить перед Парламентом с абсолютной откровенностью... Разногласия между Черчиллем и мной существуют все время с 1933-го года. В 1931-32 гг., хотя оппозиция этого не признает, у нас был финансовый кризис. Но были другие причины. Я напому Палате, что не один раз, при различных обстоятельствах и в различных местах, я в своих речах, говоря о демократическом принципе и по мере своих сил его защищая, утверждал, что демократии всегда на два года отстают от диктатора. Я убежден, что это верно. Это было и остается верным в данном случае. Я излагаю перед Палатой мои взгляды с крайней откровенностью. Вы помните то время, когда в Женеве заседала Конференция по разоружению. Вы можете вспомнить, что в то время в нашей стране было распространено пацифистское настроение, вероятно, самое сильное со времени войны. Вы можете вспомнить выборы в Фулхаме осенью 1933 года, когда принадлежавшее правительству место было потеряно семью тысячами голосов только по вопросу о пацифизме... Мое положение, как лидера большой партии, отнюдь не было приятным. Я спрашивал себя самого, какой имелся шанс — когда настроение, нашедшее свое выражение в Фулхаме, было всеобщим в стране — какой был шанс, что в течение ближайших двух или трех лет настроение настолько изменится, что страна даст Правительству полномочия для вооружения? Предположим, что я обратился бы к стране и сказал, что Германия вооружается и что мы должны вооружаться, думает ли кто-нибудь, что в

тот момент наша миролюбивая демократия откликнулась бы на этот призыв? Я не могу себе представить ничего, что сделало бы для меня потерю выборов более несомненной.»

Это, действительно, была поразительная откровенность. Она доводила голую правду о ее мотивах до непристойности. Факт, что премьер-министр признал, что он не выполнял своей обязанности в отношении безопасности нации потому, что он боялся потерять на выборах, был беспримерен в нашей парламентской истории. Конечно, Болдвином руководило не низменное желание сохранить свое положение. В действительности в 1936 году он серьезно хотел уйти на покой. Его политика была продиктована опасением, что если социалисты придут к власти, то будет сделано еще меньше, чем намеревалось сделать его правительство. Все их заявления и голосования против оборонных мероприятий известны. Тем не менее защита Болдвина была неполной, и он не отдал должного духу британского народа. Успех, который в прошлом году имело наивное признание неправильного учета воздушного паритета, на этот раз не повторился. Палата была потрясена. Впечатление было настолько тягостным, что оно вполне могло бы быть пагубным для Болдвина, здоровье которого в то время ухудшалось, если бы не произошло нечто неожиданное.

**
*

В это время происходило широкое сплочение мужчин и женщин из всех партий, которые видели будущие опасности и занимали решительную позицию в вопросе о практических мероприятиях, необходимых, чтобы обеспечить нашу безопасность и свободу, которым угрожали и тоталитарные стремления и самодовлетворенность нашего правительства. Нашей программой было самое быстрое вооружение в большом масштабе вместе с полным признанием и применением авторитета Лиги Наций. Я назвал эту политику: «Оружие и Ковенант» (устав Лиги Наций). К выступлению Болдвина в Палате Общин все мы отнеслись с

пренебрежением. Высшим пунктом этой кампании должен был быть митинг в Альберт Холле. Здесь мы собрали на 3-е декабря много руководящих представителей из всех партий — ярых тори правого крыла, серьезно убежденных в существовании национальной опасности, лидеров, поддерживавшего Лигу Наций движения «Голосование за мир», представителей многих больших трэд-юнионов, включая в качестве председателя митинга моего старого противника во время всеобщей забастовки — Вальтера Ситрина, либералов и их лидера Арчибальда Синклера. У нас было чувство, что мы накануне не только того, чтобы заставить считаться с нашими взглядами, но и чтобы сделать их преобладающими. В этот момент страстное желание Короля жениться на женщине, которую он любил, отодвинуло все остальное на задний план. Кризис отречения был налицо.

Прежде чем я ответил на принятую резолюцию благодарности, раздался возглас: «Боже храни Короля», вызвавший продолжительные аплодисменты. Поэтому под непосредственным впечатлением этого я изложил свою позицию:

«Есть еще один серьезный вопрос, который сегодня поглощает наши мысли. Через несколько минут мы будем петь: «Боже, храни Короля». Я буду петь этот гимн с самым горячим воодушевлением, с каким я пел его когда-либо в моей жизни! Я надеюсь и молюсь, чтобы не было поспешно принято непоправимое решение, но чтобы времени и общественному мнению было дано сыграть их роль, и чтобы любимое и единственное по своему значению лицо не было необдуманно разлучено с народом, который оно так любит. Я надеюсь, что Парламенту будет дана возможность выполнить свою функцию в этом высокой важности конституционном вопросе. Я полагаюсь на то, что Король примет к руководству мнение, которое теперь впервые было выражено британским народом и Британской Империей, и что в свою очередь британский народ не обнаружит недостатка в великодушном уважении к тому, кто занимает трон».

Здесь нет необходимости описывать последовавшую за этим короткую, но ожесточенную дискуссию.

Я знал Короля Эдуарда VIII, когда он был еще ребенком, и в качестве министра внутренних дел читал в 1910 году перед пышным собранием в Карнарвонском замке воззвание, провозгласившее его Принцом Уэльским. Я считал своим долгом поставить мою личную преданность ему выше всего. Хотя летом я был вполне осведомлен о том, что подготавливалось, я не вмешивался и ни разу с Королем не снесся. Скоро однако, в своем отчаянии он попросил у премьер-министра позволения посоветоваться со мной. Болдвин дал формальное согласие, и когда это было мне сообщено, я отправился к Королю в форт Бельведер. Я оставался в контакте с ним вплоть до его отречения и делал крайние усилия, чтобы убедить и Короля и общественное мнение в необходимости терпения и отсрочки решения. Я никогда в этом не раскаивался, да я и не мог поступать иначе.

Премьер-министр показал себя проникательным судьей настроений нации. Он, без сомнения, уловил и выразил ее глубокое желание. Искусное и тонкое урегулирование в две недели вопроса об отречении подняло его со дна бездны на новую вершину. Были моменты, когда я оказывался стоящим совершенно одиноко против гневной Палаты Общин. Во время действия я не слишком смущаюсь враждебными мне настроениями; но более чем в одном случае мне было почти физически невозможно заставить слушать себя. Все силы, которые я собрал на платформе «Оружие и Ковенант», движущей силой которой я считал себя, или отвернулись от меня или рассеялись, и я был так раздавлен в общественном мнении, что почти всеобщим было мнение, что моя политическая жизнь, наконец, пришла к концу. Как странно, что та самая Палата, которая тогда отнеслась ко мне так враждебно, должна была стать той, которая следовала моему руководству и в долгие бедственные годы войны поддерживала меня до тех пор, пока не была одержана победа над всеми нашими врагами! Каким это служит доказательством того, что самым мудрым и надежным

путем является следовать изо дня в день тому, что повелевает собственная совесть!

От отречения одного Короля мы перешли к коронованию другого, и до конца мая 1937 года все мысли были заняты церемониями и торжествами, связанными с торжественным актом выражения преданности и освящения лояльности страны и всей Британской Империи по отношению к новому суверену. Иностранные дела и состояние нашей обороны не могли претендовать на внимание публики. Наш остров словно находился на десять тысяч миль от Европы. Мне разрешено сообщить, что 18-го мая 1937 года, на следующий день после коронации, я получил от нового Короля собственноручно написанное им письмо:

«Дорогой мистер Черчилль,

Я пишу, чтобы поблагодарить Вас за очень, очень хорошее письмо ко мне. Я знаю, что Вы были и остаетесь преданы моему дорогому брату, и я тронут больше, чем могу выразить словами, Вашей симпатией и Вашим пониманием тех очень трудных проблем, которые возникли с тех пор, как он в декабре нас оставил. Я вполне сознаю великую ответственность и заботы, которые я, как Король, взял на себя, и я чувствую большую поддержку, получив добрые пожелания от Вас, как одного из наших крупных государственных деятелей и человека, который с такой преданностью служит нашей стране. Я могу только надеяться и полагаться на то, что бодрое настроение и надежды, существующие сейчас в нашей стране и в Империи, послужат хорошим примером для других наций».

Этот великодушный жест по отношению ко мне, чье влияние упало тогда до нуля, всегда будет для меня дорогим воспоминанием.

28-го мая 1937 года, после того как Король Георг VI был коронован, Болдвин подал в отставку. Его долгая служба государству была надлежаще вознаграждена графским титулом и Орденом Подвязки. Он сложил с себя обширные полномочия, которые он приобрел и тщательно сохранял, но которые он мало использовал. Он ушел в сиянии общественной благодар-

ности и уважения. О том, кто будет его преемником, сомнений не было. Невилль Чемберлэн, как министр финансов, не только в течение последних пяти лет делал главную правительственную работу, но был самым способным и энергичным министром, с большими способностями и историческим именем. За год до этого я охарактеризовал его в Бирмингеме шекспировскими словами, как «вьючную лошадь в наших больших делах», и он принял эту характеристику как комплимент. Я не ожидал, что он захочет работать со мной, и в такое время это было бы неразумно с его стороны. Его взгляды на главные задачи дня слишком расходились с моими. Но я приветствовал приход к власти живого, компетентного, исполнительного человека. Еще будучи министром финансов, он связал себя предложением ассигновки для национальной обороны малого масштаба, которое было плохо принято Консервативной партией и, конечно, встретило критику оппозиции. Мне удалось в первые дни его премьерства произнести по этому вопросу речь, которая помогла ему, не теряя своего достоинства, отступить с позиции, которая стала незащитимой. Наши отношения, как публичные так и в частной жизни, продолжали оставаться прохладными, спокойными и вежливыми.

Чемберлэн сделал немного перемен в составе правительства. У него были разногласия с Даф Купером относительно управления военным ведомством, и он удивил последнего, предложив ему занять ключевой пост главы Адмиралтейства. Премьер-министр, очевидно, еще не знал, какими глазами его новый Первый Лорд, начавший свою карьеру в министерстве иностранных дел, смотрел на европейскую сцену. В свою очередь я был изумлен тем, что Самуэль Хор, только что обеспечивший большое расширение морской программы, захотел оставить Адмиралтейство, чтобы стать министром внутренних дел. Он считал, повидимому, что реформа тюрем в широко гуманитарном направлении будет главной проблемой ближайшего будущего; а так как его семья была в родстве со знаменитой Ели-

заветой Фрай, то он лично принимал это дело близко к сердцу.

**
*

Здесь можно дать сравнительную оценку обоих премьеров, Болдвина и Чемберлена, которых я знал так давно и при которых мне пришлось или предстояло служить. Болдвин был личностью более рассудительной, более понимающей, но без способности к выполнению деталей. Он был в значительной мере чужд военным и иностранным делам. Он мало знал Европу и не любил того, что о ней знал. Он обладал глубоким знанием британской политики и в общих чертах воплощал некоторые сильные и многие слабые стороны нашей островной расы. Он, как лидер Консервативной партии, боролся в пяти избирательных кампаниях и выиграл три из них. У него был особый дар выжидать событий и быть невозмутимым по отношению к враждебной критике. Он особенно искусно заставлял события работать на него и умел схватить созревшее положение, когда оно наступало. Мне казалось, что он воскрещал впечатления, которые источники сообщают нам о Роберте Валполе — конечно, без коррупции восемнадцатого века — и он был почти столько же времени хозяином британской политики.

С другой стороны, Невилль Чемберлен был подвижен, деловит, упрям и в очень высокой степени самоуверен. В отличие от Болдвина он считал себя способным понять все в Европе и даже во всем мире. Вместо смутной, но все же глубоко коренящейся интуиции, перед нами была теперь узкая, резко очерченная эффективность в пределах той политики, в которую он верил. В качестве министра финансов и премьер-министра, он осуществлял очень строгий и придирчивый контроль над военными расходами. Во весь этот период он был деспотическим противником всех чрезвычайных мероприятий. Он составил себе определенное суждение о всех политических фигурах того времени, дома и за границей, и считал себя способным иметь

дело со всеми. Его всепоглощающей надеждой было войти в историю Великим миротворцем, и ради этого он был готов постоянно упорствовать вопреки фактам и подвергать большому риску и себя и свою страну. К несчастью, он попал в течение, силу которого он не мог измерить, и встретил ураганы, от которых он не уклонился, но справиться с которыми был не в силах. В эти последние годы перед войной мне легче было бы работать с Болдвином, каким я его знал, чем с Чемберленом. Но ни тот, ни другой не имели ни малейшего желания работать со мной иначе как в качестве последнего прибежища.

**
*

Однажды в 1937 году я встретился с фон Риббентропом, тогда германским послом в Англии. В одной из своих двухнедельных статей я отметил, что он был неправильно понят в какой-то речи, которую он произнес. Я, конечно, несколько раз встречал его в обществе. Теперь он просил меня, не могу ли я прийти поговорить с ним. Он принял меня в большой комнате в верхнем этаже германского посольства. Наш разговор продолжался более двух часов. Риббентроп был чрезвычайно вежлив, и мы обозрели с ним всю европейскую сцену, со стороны как вооружений, так политики. Сутью сделанных им мне заявлений было то, что Германия хочет дружбы с Англией (на континенте нас все еще часто называют «Англией»). Он сказал, что мог бы стать министром иностранных дел, но просил Гитлера послать его в Лондон, чтобы сделать все возможное для достижения англо-германского соглашения или даже союза. Германия готова стоять на страже Британской Империи во всем ее величии и объеме. Они могут просить нас вернуть германские колонии, но это, очевидно, не основной пункт. Требуется, чтобы Британия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Она должна иметь свой «Лебенсraum», т.е. жизненное пространство для ее растущего населения. Поэтому должны быть поглощен-

ны Польша и Данцигский коридор. Белоруссия и Украина совершенно необходимы для будущего существования Германии с более чем семидесятью миллионами населения. Меньше этого не будет достаточно. Всё, что требуется от Британского сообщества наций и Империи, это не вмешиваться. На стене висела большая карта, и он несколько раз подводил меня к ней, чтобы иллюстрировать свои планы.

Выслушав всё это, я сейчас же сказал, что убежден, что Британское правительство не согласится предоставить Германии свободу действий в Восточной Европе. Правда, мы в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидим коммунизм не меньше, чем Гитлер, но он может быть уверен в том, что даже если интересы Франции будут ограждены, Великобритания никогда не будет до такой степени безучастной к судьбе континента, чтобы позволить Германии подчинить своему господству Центральную и Восточную Европу. Мы стояли перед картой, когда я это говорил. Риббентроп резко от нее отвернулся и сказал: «В таком случае война неизбежна. Выхода нет. Фюрер принял решение. Ничто его не остановит, и ничто нас не остановит». Затем мы вернулись к нашим креслам. Я был только простым членом Парламента, но с известным значением. Я считал правильным сказать германскому послу — и я хорошо помню мои слова: «Когда Вы говорите о войне, которая, без сомнения, будет всеобщей войной, Вы не должны недооценивать Англии. Это — своеобразная страна, и лишь немногие иностранцы способны понять ее психологию. Не судите по поведению теперешнего Правительства. Если перед народом возникнет великая задача, то это же Правительство и Британская нация могут совершить всякого рода неожиданные поступки и деяния». И я повторил: «Не недооценивайте Англии. Она очень умна. Если вы ввергнете нас в еще одну Великую войну, она, как и в прошлый раз, поднимет против вас весь мир». После этого посол раздраженно поднялся и сказал: «О, может быть, Англия очень умна, но на этот раз она не

поднимет всего мира против Германии». Мы перевели разговор на более спокойные темы, и ничего больше не произошло. Этот инцидент остался, однако, в моей памяти и, как я тогда сообщил о нем министерству иностранных дел, так теперь считаю нужным его опубликовать.

Когда он был перед грозящим ему смертью судом победителей, Риббентроп передал этот разговор в искаженном виде и требовал, чтобы я был вызван свидетелем. То, что я изложил здесь, есть то, что я сказал бы, если бы был вызван.

13.

ГЕРМАНИЯ ВООРУЖАЕТСЯ

1936-1938

Найти доминирующий пункт среди многих привлекательных или неприятных альтернатив дает преимущество как в войне, так и во внешней политике и в других случаях. Американская военная мысль создала выражение: «всеобъемлющая стратегическая цель». Наши военные смеялись, когда впервые его услышали, но позднее его разумность стала очевидной и была признана. Это, очевидно, должно быть правилом, и все другие большие дела должны быть поставлены в правильное к нему соотношение. Несоблюдение этого простого принципа приводит к путанице и бесплодным действиям, и почти всегда к ухудшению положения в будущем.

Лично мне не было трудно следовать этому правилу еще до того, как о нем услышал. Моими мыслями целиком владело впечатление, что ужасающая Германия, которую я видел и чувствовал в действии в годы от 1914-го по 1918-ый, снова становится обладательницей ее военной мощи, а Союзники, выжившие с

таким трудом, смотрят на это в бездействии и растерянности. Поэтому я не переставал всеми средствами и при всяком случае пользоваться влиянием, которое я имел в Палате Общин и на отдельных министров, чтобы толкать вперед наши военные приготовления и подбирать союзников и сотрудников для того, что вскоре опять должно было стать общим делом.

Однажды один из моих друзей, занимавший высокое конфиденциальное положение на государственной службе, приехал в Чартвелл, чтобы плавать со мной в моем бассейне, когда солнце ярко светило и вода была достаточно теплой. Мы говорили только о будущей войне, в неизбежности которой он не был вполне убежден. Когда я его провожал, он вдруг порывисто повернулся ко мне и сказал: «Немцы тратят на свое вооружение миллиард фунтов в год». Я думал, что Парламент и страна имеют право знать факты. Поэтому я принялся изучать германские финансы. В Германии попрежнему каждый год составлялись и публиковались бюджеты; но из-за обилия цифр было очень трудно распознать, что происходило. Однако, в апреле 1936 года я частным образом установил две линии исследования. Одну из них составили два немецкие эмигранта, люди больших способностей и непоколебимых убеждений. Они понимали все детали картины, которую давал германский бюджет, знали действительную ценность марки и так далее. В то же время я просил моего друга Генри Стракоша, не может ли он установить, что действительно происходило. Стракош был главой фирмы «Юнион Корпорэйшэн» с большими средствами и высококвалифицированным и преданным персоналом. Лучшие головы этой находившейся в Сити компании были на несколько недель направлены на изучение этой проблемы. Вскоре они сообщили с точными и обильными деталями, что военные расходы Германии, несомненно, составляют около миллиарда фунтов в год. В то же время независимо от них и пользуясь совершенно иными рядами документов, немецкие эмигранты пришли к тому же заключе-

нию. Тысяча миллионов фунтов стерлингов в год по их ценности в 1936 году! Таким образом я имел два отдельных изложения фактов, чтобы основать на них публичные свои утверждения. Накануне прений я подошел в кулуарах к Невиллю Чемберлену, тогда все еще министру финансов, и сказал: «Завтра я спрошу вас, правда ли, что немцы тратят миллиард фунтов в год на военные приготовления, и буду просить подтвердить это или отвергнуть». Чемберлен ответил: «Я не могу этого отрицать, и если вы на это укажете, то я отвечу утвердительно». Я должен процитировать свои слова:

«Пользуясь цифрами из германских официальных источников, мы находим, что капитальные затраты с конца марта 1933 года по конец июня 1935-го были следующими: в 1933 году около пяти миллиардов марок, в 1934-м около восьми миллиардов и в 1935-м около одиннадцати — всего двадцать четыре миллиарда марок или, круглым счетом, два миллиарда фунтов. Обратите внимание на эти цифры: три, восемь и одиннадцать за три года. Они точно отражают тот характер прогрессии, какой имела бы нормально развивающаяся военная промышленность».

Я задал министру точно сформулированный вопрос:

«Знает ли он, что расходы Германии на цели, прямо или косвенно относящиеся к военным приготовлениям, включая стратегические дороги, вполне могли достигнуть восьмисот миллионов фунтов в календарном 1935 году; и продолжается ли тот же уровень расходов в текущем календарном году?».

Чемберлен:

«Правительство не располагает официальными данными, но по той информации, которую оно имеет, я не вижу оснований думать, что цифры, названные для каждого года в вопросе моего уважаемого друга, должны быть преувеличенными, хотя, как он сам согласится, тут есть элемент гадания».

Я заменил цифру в миллиард фунтов восемьюстами, чтобы замаскировать мою секретную информацию, а также, чтобы быть застрахованным от ошибки.

**
*

Я старался разными путями ясно поставить вопрос об относительном состоянии британских и германских вооружений. Я просил обсуждения в закрытом заседании Палаты. В этом было отказано. «Это вызовет ненужную тревогу». Я получил мало поддержки. Закрытые заседания непопулярны у печати. Тогда 20-го июня 1936 года я запросил премьер-министра, примет ли он депутацию из членов Тайного Совета и некоторых других, которая представит ему факты, поскольку они им известны. Лорд Салисбэри просил, чтобы пришла также подобная же депутация от Палаты Лордов. На это было дано согласие. Хотя я лично обращался к Эттли и Арчибальду Синклэру, рабочая и либеральная партии отказались дать своих представителей. 28-го июля мы были приняты Болдвином, Лордом Галифаксом и Томасом Инскипом в кабинете премьер-министра в Палате Общин. Со мной пришли следующие видные лица, консерваторы и беспартийные. Нас представлял Остин Чемберлэн.

Депутация

Члены Палаты Общин

Сэр Остин Чемберлэн
 Черчилль
 Сэр Роберт Хорн
 Эмери
 Сэр Джон Гилмур
 Капитан Гест
 Адмирал Сэр Роджер Кейс
 Граф Винтертон
 Сэр Генри Крэфт
 Сэр Эдуард Григг
 Виконт Волмер
 Подп. Мур-Брабазон
 Сэр Юу О'Нейль

Члены Палаты Лордов

Маркиз Салисбэри
 Виконт Фиц Алан
 Виконт Тренчард
 Лорд Ллойд
 Лорд Милн

Это было большое событие. Я не могу вспомнить ничего подобного из всего, что я видел в британской

общественной жизни. Группа выдающихся людей, без всякой мысли о личной выгоде, но жизнь которых была сконцентрирована на делах государства, представляла такой вес в Консервативном общественном мнении, который нельзя было просто игнорировать. Если бы с нами пришли лидеры рабочей и либеральной оппозиции, то это могло бы сделать политическое положение достаточно напряженным, чтобы вынудить благотворные действия. Разговоры заняли три или четыре часа два дня подряд. Я всегда говорил, что Болдвин умел хорошо слушать. Он, видимо, слушал с величайшим интересом и вниманием. При нем было несколько членов штаба Комитета Имперской Обороны. В первый день я изложил дело в речи, продолжавшейся час с четвертью. Я окончил ее следующим образом:

«Во-первых, мы перед лицом величайшей опасности и наиболее критического положения в нашей истории. Во-вторых, мы не можем надеяться решить нашу проблему иначе как в союзе с Французской Республикой. Союз британского флота и французской армии, вместе с их комбинированными воздушными силами, оперирующими непосредственно за французской и бельгийской границами, вместе со всем тем, за что стоят Британия и Франция, представляют собой сдерживающую силу, в которой может оказаться спасение. Во всяком случае это — лучшая надежда. Переходя к деталям, мы должны оставить в стороне всё, что мешает нам увеличивать собственную силу. Мы не можем обеспечить себя против всех возможных опасностей. Мы должны сконцентрироваться на самом важном и рисковать поражением в других областях... Переходя к еще более конкретным предложениям, мы должны дать развитию нашей авиации приоритет перед всеми другими соображениями. Мы должны во что бы то ни стало привлечь цвет нашей молодежи к управлению аэропланами. Все равно, какие приманки придется предлагать, мы должны брать из каждого источника, любыми средствами. Мы должны ускорить и упростить наше производство аэропланов и двинуть его в самом большом масштабе, не колеблясь, заключать контракты в Соединенных Штатах и других странах на самые большие, какие только возможны, количества авиационного материала и всякого рода снаряжения. Мы в такой опасности, в какой никогда не были до сих пор — даже тогда, когда (в 1917) подводная война достигла высшей точки. Меня терзает эта мысль: м е с я ц ы п р о х о д я т б ы с т р о. Если

мы будем слишком долго откладывать исправление нашей обороны, завершение этого процесса может быть нам запрещено силой, превосходящей нашу».

**
*

Мы были очень разочарованы тем, что министр финансов не мог присутствовать. Было очевидно, что здоровье Болдвина ухудшалось, и было хорошо известно, что он скоро будет добиваться освобождения от своего бремени. В том, кто будет его преемником, не могло быть сомнения. К сожалению, Невилль Чемберлэн находился во вполне заслуженном им отпуску, и не мог воспользоваться случаем прямого сопоставления с фактами, представленными членами Консервативной партии, включая его родного брата и многих наиболее ценимых им личных друзей.

Министры отнеслись к нашему внушительному выступлению с самым серьезным вниманием. Но только 23-го ноября, после окончания сессии Палаты, мы были приглашены Болдвином выслушать более полное и продуманное заявление относительно положения в целом. Томас Инскип дал нам откровенный и толковый отчет, в котором он не скрыл от нас серьезности того тяжелого положения, в котором мы оказались. В основном его изложение сводилось к тому, что наши расчеты и, в частности, мои утверждения давали слишком мрачную перспективу будущего; что были сделаны большие усилия (как это, действительно, было), чтобы наверстать потерянное; но что не было оснований, которые оправдали бы принятие Правительством чрезвычайных мероприятий, которые по своему характеру неизбежно внесли бы расстройство во всю экономическую жизнь страны, вызвали бы широко распространенную тревогу и сделали бы широко известными имеющиеся недочеты; но в этих границах делалось всё возможное. В ответ на это Остин Чемберлэн подвел итог и сформулировал наше общее впечатление: наши опасения не были рассеяны и мы отнюдь не были удовлетворены. На этом мы расстались.

Я не могу утверждать, что в то время, в конце 1936 года, положение могло еще быть вполне исправлено. Но во всяком случае гораздо больше могло и должно было быть достигнуто энергичным последним усилием. И, без сомнения, самый факт и наглядность такого усилия оказали бы неизмеримое действие на Германию, если не на Гитлера. Но решающим фактом оставалось то, что немцы были впереди нас в воздухе и во всей области военного производства, даже если учесть наши менее значительные военные потребности и то, что мы имели право рассчитывать на Францию с ее армией и авиацией. опередить Гитлера или вернуть равенство на воздухе было уже не в нашей власти. Ничто не могло помешать германской армии и германской авиации стать самыми сильными в Европе. Чрезвычайным и тягостным напряжением мы могли улучшить наше положение. Мы не могли его излечить.

Эти мрачные заключения, которые Правительством серьезно не оспаривались, без сомнения оказывали влияние на нашу внешнюю политику, и это надо полностью принять во внимание, если мы хотим составить суждение о решениях, которые Невилль Чемберлен, когда он стал премьер-министром, принимал до и во время Мюнхенского кризиса. В то время я был только простым членом Парламента и не нес официальной ответственности. Я дошел до предела своих сил, чтобы побудить Правительство к сильнейшим и чрезвычайным приготовлениям, рискуя даже алармировать весь мир. В этих усилиях я, без сомнения, рисовал картину еще мрачнее, чем она была. Можно думать, что, подчеркивая отягчавшую наше положение отсталость на два года, я находился в противоречии с моим желанием сразиться с Гитлером в октябре 1938 года. Я остаюсь, однако, убежден в том, что было правильно всеми средствами подстегивать Правительство, и что, принимая во внимание все обстоятельства, которые скоро будут описаны, было бы лучше вступить в борьбу с Гитлером в октябре 1938 года, чем когда мы в конце концов вынуждены были это

сделать в сентябре 1939 года. Но об этом подробнее потом.

Вскоре Болдвин, как мы видели, уступил свое место Невиллю Чемберлену, и мы должны теперь перейти к 1938 году. Лорд Свинтон был очень энергичным и умелым министром авиации, и в течение долгого времени имел большое влияние в Совете Министров, обеспечивая необходимые вспомогательные средства и ассигновки.

Беспокойство о нашей воздушной обороне продолжало расти и достигло высшей точки в мае. Многие большие и ценные расширения и улучшения, которые Лорд Свинтон осуществил, не могли быстро дать себя почувствовать, и во всяком случае вся политика Правительства была лишена размаха и срочности. Я продолжал настаивать на обследовании состояния нашей воздушной программы и находил все больше поддержки. Свинтон сделал ошибку, приняв звание пэра, и вследствие этого не мог защищать себя и свое министерство в Палате Общин. Человек, выбранный говорить в Палате от имени министерства, был в крайней степени не способен сдерживать волну тревоги и недовольства. Как-то после в высшей степени неблагоприятных прений стало очевидным, что министр авиации должен быть членом Палаты Общин.

Однажды (12-го мая) в Комитете по проблемам воздушной обороны все мы — ученые, политики, чиновники — были поглощены техническими процессами, когда министру авиации была вручена записка, приглашавшая его на Даунинг-стрит. Он просил нас продолжать дискуссию и сейчас же ушел. Он никогда не вернулся. Он был уволен Чемберленом.

В горячих прениях, имевших место 25-го мая, я старался провести разграничение между усилиями и способностями павшего министра и общей критикой Правительства:

«То, что произошло, подорвало доверие к заявлениям Правительства. Палату систематически вводили в заблуждение относительно нашего положения в воздухе. Сам премьер-министр был введен в заблуждение. Видимо, он находился в заблуждении до последнего момента. Вспомните заявление, которое он сделал в марте, говоря о наших вооружениях: «Зрелище этой огромной, почти ужасающей силы, которую создает Великобритания, оказывает отрезвляющее, стабилизирующее действие на весь мир». Я часто предостерегал Палату, что воздушные программы отстают. Но я никогда не атаковал лорда Свинтона. Я никогда не думал, что его следовало порицать — во всяком случае он был не единственным, кого следовало порицать. Критикам Правительства часто приходится открывать оставшиеся до того незамеченными достоинства у министра, который был вынужден уйти. Но, может быть, я лучше процитирую, что я сказал три месяца назад: «Было бы несправедливо возлагать вину за наши недочеты на какого-либо одного министра или на лорда Свинтона. Он, несомненно, обнаруживает чрезвычайно умелые и искренние старания сделать всё, что в его силах, чтобы увеличить наши воздушные силы, и достигнутые им результаты были бы блестящими, если бы они не омрачались вопросом о времени, и если бы их не оставляли в тени факты, имеющие место в других областях».

* *
*

«Тяжкая ответственность за невыполнение данных нам обещаний лежит на тех, кто управляли и руководили нашей страной за последние пять лет, то есть с того времени, когда обнаружилось и стало известным действительно значительное вооружение Германии. Я менее всего хотел бы присоединиться к травле лорда Свинтона. Я был очень рад услышать ту дань, которую отдал ему премьер-министр. Он, без сомнения, заслуживает нашу симпатию. Он пользовался доверием и дружбой премьер-министра, имел поддержку огромного парламентского большинства; но он снят со своего поста в худший, как я думаю, момент в истории усиления нашей авиации. Возможно, что через несколько месяцев будет иметь место приток новых аэропланов. Но ему пришлось отвечать за свою деятельность в особенно неблагоприятный для него момент. Я как-то читал письмо великого Герцога Мальборо, в котором он писал: «Устранить генерала среди сражения, это — моральный удар».

Я перешел затем к другим проблемам нашей об-
роны:

«Идет третий год открыто признанного вооружения. Почему же, если все идет хорошо, имеется так много недочетов? Почему, например, национальная гвардия упражняется с флагами вместо пулеметов? Почему наша маленькая территориальная армия находится в зачаточном состоянии? Соответствует ли все это установленному плану? Почему, если принять во внимание, как невелики наши силы, оказывается невозможным снабжать территориальную армию одновременно с регулярной? Это было бы легким делом для нашей промышленности, которая во всех областях, кроме вооружения, является более гибкой и производительной, чем германская.

**
*

Однажды военного министра спросили о противовоздушной артиллерии. Он ответил, что старые трехдюймовые орудия Великой войны модернизируются, а новые — имеется несколько новых типов — поступают скорее, чем намечено по плану. Но что это за план? Если ваш план предписывает поставку полдюжины, десятка, дюжины, двадцати или еще сколько-нибудь орудий в месяц, то, конечно, это легко выполнить по расписанию и быть даже впереди расписания. Но насколько соответствует это расписание нашим потребностям? Год тому назад я обратил внимание Палаты на опубликованные данные о развитии противовоздушной артиллерии в Германии — тридцать полков по двенадцати батарей только подвижной артиллерии, насчитывающих вместе взятые между двенадцатью и тринадцатью сотен орудий, и вдобавок три или четыре тысячи в неподвижных позициях. Это всё современные орудия, не орудия 1915-го года, а построенные, начиная с 1935 года. Не даст ли это Палате представление об огромном масштабе таких приготовлений? Нам не нужно, подобно континентальным странам, иметь гигантскую армию, но в вопросе о противовоздушной обороне мы находимся в равных условиях. Мы так же уязвимы, а, может быть, более уязвимы. У нас правительство, думающее о противовоздушной артиллерии в сотнях, а у Германии имеются уже тысячи.

**
*

Мы думаем в настоящее время о производстве для трех родов вооруженных сил. На самом же деле снабжение оружием всех этих видов сводится к общей проблеме обеспечения и распределения рабочей силы, сырья, фабрик, машин и технических приспособлений. Эта проблема может быть решена исчерпывающе, гармонично и экономно только при наличии центрального доминирующего контроля. В настоящее время имеются неумение, перекреци-

вание и, без сомнения, расточение. Почему превосходная британская авиационная промышленность требует девяноста тысяч человек, чтобы производить только половину или треть того, что производят в Германии примерно сто тысяч человек? Разве это не поражающий факт? Немыслимо, чтобы мы в настоящее время не были способны производить большее число аэропланов. При наличии простого рабочего стола, пустого места, денег и рабочей силы мы должны были бы иметь поток аэропланов через восемнадцать месяцев. Но теперь уже тридцать четвертый месяц с тех пор, как лорд Болдвин решил, что воздушные силы должны быть утроены».

**
*

Новый министр авиации Кингслей Вуд просил меня остаться в Комитете по вопросам воздушной обороны. Небо становилось все темнее, и я остро чувствовал, как мне нужно освещение Линдеманом технических вопросов и вообще его совет и помощь. Поэтому я написал ему, что не останусь в Комитете, если он не будет вместе со мной. После некоторой закулисной борьбы, Линдеман был введен в главный Комитет, и мы возобновили нашу совместную работу.

**
*

Вплоть до перемирия в июне 1940 года я всегда, во время мира или войны, в качестве частного лица или главы правительства, имел доверительные отношения с часто меняющимися премьер-министрами Французской Республики и со многими из ее руководящих министров. Я чрезвычайно хотел узнать правду о германских вооружениях для проверки посредством их расчетов моих собственных. Поэтому я написал Даладье, с которым был лично знаком:

3-го мая 1938 года

«Ваши предшественники, Блюм и Фландэн, оба были так любезны, что сообщали мне французские оценки силы германской авиации в отдельные периоды за последние годы. Я буду Вам обязан, если Вы сообщите мне, каков Ваш взгляд теперь. У меня есть несколько частных источников информации, которые в прошлом оказались точными, но я хотел бы проверить их данными из независимого от них источника.

Я очень рад, что Ваше посещение здесь было так успешно, и я надеюсь, что также будут осуществлены все те соглашения штабов, в необходимости которых я убеждал наших министров».

В ответ Даладье прислал мне датированный 11-го мая 1938 года документ в семнадцать страниц, «тщательно продуманный штабом французской авиации». Я показал этот важный документ моим друзьям в наших соответственных бюро. Тщательно изучив его, они сообщили мне, что «во всем существенном он согласуется с независимыми от него заключениями, которые штаб британской авиации сделал на основании собственной информации». Французская оценка размеров германского воздушного флота была несколько выше британской. В начале июня я был в состоянии написать Даладье, основываясь на значительном количестве авторитетных отзывов.

6-го июня 1938 года

«Я очень обязан Вам за неоценимую информацию, которую я получил через французского военного атташе. Вы можете быть уверены, что я буду пользоваться ею только с величайшей осторожностью и в наших общих интересах.

Общая оценка германской авиации в настоящее время согласуется с частным мнением, которое я был в состоянии составить. Я склонен, однако, думать, что германская авиационная промышленность выпускает большее количество аэропланов, чем нами принято, и что данная цифра соответствует фактическим поступлениям в германский воздушный флот аэропланов всех военных типов, но не включает экспорта и поставок генералу Франко. Вероятно, германская авиация будет состоять из трехсот эскадрилей к 1-му апреля 1939 года и из четырехсот к 1-му апреля 1940 года».

Я также очень хотел проверить мои собственные оценки германской армии, а также те, которые я смог получить на основании английских источников. Поэтому я добавил следующее:

«Я позволяю себе приложить краткую записку о той информации, которую я мог получить из различных источников относительно настоящей и ожидаемой силы германской армии. Мне было бы очень полезно узнать, согласует-

ся ли это в общем с вашими оценками. Будет совершенно достаточно, если в каждом случае, когда Вы думаете, что я ошибаюсь, Вы поставите цифры, которые Вам известны».

Записка

«В данный момент, 1-го июня, германская армия состоит из тридцати шести регулярных и четырех танковых дивизий, все в полном боевом составе. Не-танковые дивизии в настоящее время могут быть удвоены и скоро смогут быть утроены. Артиллерия сверх имеющейся для семидесяти дивизий определенно недостаточна. Офицерский корпус всех этих сил малочисленен. Тем не менее к 1-му октября 1938 года мы должны ожидать не менее пятидесяти шести регулярных плюс четырех танковых, всего шестидесяти дивизионных формаций, полностью снаряженных и вооруженных. За ними будет находиться резервуар обученных людей, равный по своей численности примерно еще тридцати шести дивизиям, для которых заготовлены остовы формаций и может найтись снаряжение, мелкое оружие и очень низкая квота артиллерии, если для части активной армии также будут приняты более низкие нормы. Этот расчет не принимает во внимание человеческого запаса Австрии, который, по максимальному подсчету может образовать двенадцать дивизий без оружия, но могущих быть снабженными из общих ресурсов германской военной промышленности. Кроме этого, имеются люди и формации такого рода, как части для охраны границ, дивизии ландвера и т. д. все сравнительно небооруженные».

18-го июня 1938 года Даладье ответил:

«Мне особенно приятно узнать, что информация, заключавшаяся в письме от 16-го мая, согласуется с Вашей.

Я совершенно согласен с Вами относительно фактов, касающихся германской армии, содержащихся в записке, приложенной к Вашему письму от 6-го июня. Следует, однако, подчеркнуть, что из тридцати шести регулярных дивизий, которыми Германия фактически располагает, четыре совершенно моторизованы и две будут скоро моторизованы».

Согласно информации, полученной после войны из германских источников, справка о германской армии летом 1938 года была удивительно точной, если принять во внимание, что она была составлена частным лицом. Это показывает, что в моей постоянной кампании за вооружение Англии я ни в коем случае не был плохо информирован.

**
*

Французская авиация упоминалась в нескольких местах нашего изложения. Одно время она была вдвое сильнее нашей, а Германия, как предполагалось, военной авиации совсем не имела. До 1933 года французская авиация занимала видное место среди авиаций Европы. Но в тот самый год, когда Гитлер пришел к власти, во Франции стал проявляться недостаток интереса к авиации. Расходы вызывали недовольство; было допущено уменьшение производительной способности фабрик; современные типы не развивались. Французская сорокачасовая рабочая неделя не могла соперничать с производительностью Германии, работавшей в условиях военного времени. Всё это происходило приблизительно в то же время, когда Британия, как это было подробно описано, потеряла воздушный паритет. Фактически Западные союзники, которые имели право создать такую авиацию, какую они считали необходимой для их безопасности, пренебрегали этим важнейшим оружием, тогда как Германия, которой было по договору запрещено его касаться, сделала его острием своей дипломатии и конечной атаки.

В 1936 году и позже французское правительство «Народного фронта» провело много существенных мероприятий, чтобы подготовить к войне армию и флот. Для воздушного флота таких усилий сделано не было. Только летом 1938 года, когда Ги ла Шамбр стал министром авиации, были сделаны энергичные шаги, чтобы оживить французские воздушные силы. Но тогда оставалось только восемнадцать месяцев. Ничто, что Франция могла бы сделать, не могло помешать германской армии созреть с каждым годом и таким путем обогнать французскую армию. Но поразительно то, что была допущена такая деградация французской авиации. Не мне распределять ответственность и порицание между министрами дружественных и союзных стран. Но когда во Франции ищут «виновников», то

думается, что это — поле, которое стоило бы тщательно обследовать.

**

Дух британцев и недавно избранного ими Парламента постепенно поднимался по мере того, как у них медленно и вспышками прояснялось сознание германской, а затем германо-итальянской опасности. Они были согласны и даже сами хотели всякого рода шагов, которые два или три года раньше могли бы уберечь их от этой тревоги. Но в то время как улучшалось их настроение, увеличивались силы противников и трудность задач. Многие говорят, что ничто, кроме войны, не могло остановить Гитлера, после того как мы примирились с захватом Рейнской области. Таков, может быть, действительно будет приговор будущих поколений. Но многое можно было сделать для того, чтобы мы были лучше подготовлены, и тем уменьшить наш риск. И кто в состоянии сказать, что не могло случиться?

14.

ИДЕН В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЕГО ОТСТАВКА

В британском Кабинете (Совете министров) Иностранный секретарь (министр иностранных дел) занимает особое положение. Он пользуется в своей высокой и ответственной должности подчеркнутым уважением, но он обычно ведет свои дела под постоянным испытующим наблюдением, если не всего Кабинета, то по меньшей мере его главных членов. Он обязан держать их осведомленными. В силу обычая и заведенного порядка, он рассылает своим коллегам все свои должностные телеграммы, доклады наших посольств, отчеты о своих разговорах с иностранными послами и другими видными лицами. Так было по крайней мере

во время моего пребывания в правительстве. Это наблюдение осуществляется главным образом премьер-министром, который лично или через посредство своего Кабинета должен и имеет власть контролировать основное направление внешней политики. Секретов не должно быть по меньшей мере от него. Ни один министр иностранных дел не может выполнять свою задачу без постоянной поддержки главы правительства. Чтобы работа шла гладко, между ними должно быть не только согласие по основным принципам, но и гармония их взглядов на вещи и даже в известной мере темперамента. Это тем более важно, если премьер-министр уделяет внешней политике особое внимание.

Иден был министром при Болдвине, который, помимо своего главного, хорошо известного желания мира и спокойной жизни, не принимал активного участия во внешней политике. Напротив, Чемберлен стремился иметь доминирующее влияние во многих министерствах. Он имел в области внешней политики определенные взгляды и с самого начала настаивал на своем неоспоримом праве говорить о них с иностранными послами. Поэтому переход к нему премьерства означал щекотливую, но заметную перемену в положении министра иностранных дел.

К этому присоединилось глубокое, хотя сначала скрытое, различие в психологии и взглядах. Премьер-министр хотел быть в хороших отношениях с обоими европейскими диктаторами и считал лучшим методом избегать всего, что могло бы их оскорбить. С другой стороны, Иден создал себе репутацию в Женеве, мобилизуя нации против диктатора, и, если бы он был предоставлен самому себе, то, вероятно, довел бы санкции до порога войны, а, может быть, и дальше. Он был убежденным сторонником Антанты с Францией и только что настаивал на «разговорах штабов». Он хотел установить более близкие отношения с Советской Россией. Он понимал гитлеровскую опасность и ее боялся. Он был встревожен слабостью наших воору-

жений и ее влиянием на внешнюю политику. Можно почти сказать, что между ним и мной не было большого расхождения, исключая, конечно, то различие, что он находился у дел. Мне поэтому казалось вероятным, что между этими двумя руководящими фигурами в правительстве возникнут разногласия, как только мировое положение станет более обостренным.

К тому же в лорде Галифаксе премьер-министр имел коллегу, который разделял его внешнеполитические взгляды с сочувствием и убежденностью. Мои многолетние и близкие отношения с Эдуардом Галифаксом начались в 1924 году, когда в дни Ллойд-Джорджа он стал моим помощником в министерстве доминионов и колоний. Политические разногласия — даже такие серьезные и длительные, как возникшие между нами по поводу его политики в качестве вице-короля Индии, — никогда не расстраивали наших личных отношений. Я думал, что я его хорошо знал, и был убежден, что между нами была бездна. Я чувствовал также, что такая же или подобная бездна образовалась между ним и Антони Иденом. Вообще, со стороны Чемберлена было бы разумнее при образовании своего правительства сделать лорда Галифакса министром иностранных дел. Идену было бы гораздо лучше быть в военном министерстве или в Адмиралтействе, а премьер-министр имел бы родственную душу и своего человека в министерстве иностранных дел. Ничего доброго не предвещавшее положение неуклонно развивалось в течение года, пока Иден и Чемберлен работали вместе.

**
*

До этого времени и в течение многих тревожных лет Роберт Ванситтарт был главой администрации в министерстве иностранных дел. Его случайная связь с договором Хора-Лавалья неблагоприятно повлияла на его положение как в отношениях с новым министром Иденом, так и в широких политических кругах. Премьер-министр, который все больше и больше опи-

рался на своего главного советника Горация Вильсона и часто советовался с ним по вопросам вне его специальности и компетентности, считал Ванситтарта враждебным к Германии. И это было верно, потому что никто яснее его не сознавал и не предвидел роста германской опасности и не был готов подчинить все другие соображения задаче ей противостоять. Министр считал, что ему будет легче работать с Александром Кадоганом, чиновником министерства и также человеком самого высокого характера и способностей. Поэтому в конце 1937 года Ванситтарт был оповещен о предстоящем увольнении, а 1-го января 1938 года он был назначен на специальный пост «главного дипломатического советника при Правительстве Его Величества». Это было преподнесено, как повышение, и действительно могло таковым казаться. На самом же деле он утратил всякую ответственность за управление министерством. Он сохранил свой старый традиционный кабинет, но он видел телеграммы заграничной службы лишь после того, как они доставлялись министру с замечаниями ведомства. Ванситтарт, отказавшийся от поста посла в Париже, оставался некоторое время в этом обособленном положении.

**
*

Между летом 1937-го и концом того же года между премьер-министром и его министром иностранных дел росли разногласия, как относительно метода, так и о самой цели. Последовательность событий, которая привела к отставке Идена в феврале 1938 года, шла своим логическим путем.

Первоначально пункты расхождения возникли относительно наших отношений с Германией и Италией. Чемберлэн был намерен усилить свое ухаживание за обоими диктаторами. В июле 1937 года он пригласил к себе итальянского посла графа Гранди. Разговор имел место с ведомо, но в отсутствии Идена. Чемберлэн говорил о своем желании улучшить англо-итальян-

ские отношения. Граф Гранди подал мысль, что подготовкой к этому могло бы быть личное обращение премьер-министра к Муссолини. Чемберлэн сел и еще во время свидания написал такое письмо. Оно было отправлено, минуя министра иностранных дел, который находился в нескольких шагах в своем министерстве. Письмо не имело видимых результатов, и наши отношения неуклонно ухудшались вследствие усиливающегося вмешательства Италии в дела Испании.

Чемберлэн был проникнут чувством, что ему выпала особая и личная миссия прийти к дружескому соглашению с итальянским и германским диктаторами. И он считал себя способным осуществить эту дружбу. Как вступление к урегулированию всех спорных вопросов, он хотел дать Муссолини признание завоевания Италией Абиссинии. Гитлеру он собирался предложить колониальные уступки. В то же время он не сочувствовал значительному усилению британских вооружений и не признавал необходимости тесного сотрудничества с Францией, как политического, так и в виде сотрудничества штабов. Иден со своей стороны был убежден, что всякое соглашение с Италией должно быть частью общего Средиземноморского соглашения, включающего Испанию и достигнутого в тесном согласии с Францией. При переговорах о таком соглашении признание нами положения Италии в Абиссинии явно было бы существенным объектом для торга. Отказаться от него во вступительной стадии и показать себя страстно желающими переговоров, было, по мнению министра иностранных дел, не умно.

В течение осени 1937 года эти разногласия обострились. Чемберлэн считал, что министерство иностранных дел мешает ему начать разговоры с Германией и Италией, а Иден думал, что его шеф проявляет чрезмерную поспешность в своем стремлении разговаривать с диктаторами, в особенности в виду того, как слабы были британские вооружения. Тут, действительно, было глубокое практическое и психологическое расхождение.

**
*

Несмотря на мои разногласия с правительством, я чувствовал большую симпатию к его министру иностранных дел. Я считал его самым решительным и мужественным человеком в правительстве, и, хотя на своих прежних постах в министерстве иностранных дел он вынужден был приспособляться ко многому, что я атаковал и продолжал осуждать, я был убежден, что чувства его были правильны и что он понимал суть положения. Со своей стороны он проявил себя, приглашая меня на приемы в министерстве, и мы находились в непринужденной переписке. В этом, конечно, не было ничего некорректного и Иден держался прочно установленной традиции, в силу которой министр иностранных дел следовал обычаю быть в контакте с выдающимися политическими фигурами по всем международным вопросам.

7-го августа 1937 года я писал ему:

«Эта испанская история не дает мне покоя. Я считаю самым важным убедить Блюма оставаться вместе с нами строго нейтральным, даже если Германия и Италия будут продолжать поддерживать повстанцев, а Россия посылать деньги правительству. Если Французское правительство займет позицию против повстанцев, то это будет подарком для Германии и для прогерманских элементов. В случае, если у Вас найдется немного времени, посмотрите мою статью в «Ивнинг Стандард» от понедельника».

В этой статье я писал:

«Самые худшие раздоры возникают тогда, когда обе стороны одинаково и правы и неправы. Здесь, с одной стороны, страсти нищенски бедного и отсталого пролетариата требуют ниспровержения церкви, государства и собственности и установления коммунистического режима, а с другой стороны, патриотические, религиозные и буржуазные силы под руководством армии стремятся восстановить порядок посредством военной диктатуры. Жестокости и беспощадные казни, вызванные ожесточением обеих сторон, выявление крайней ненависти, столкновения вер и интересов — и, как вследствие всего этого — более чем вероятно, что за победой последует беспощадное уничтожение активных элементов побежденной стороны и длительный период железного режима».

Осенью 1937 года Иден и я пришли, хотя и разными путями, к одинаковой точке зрения на активное вмешательство Оси в испанской гражданской войне. Я всегда поддерживал его в Палате, когда он стоял за энергичные действия, даже хотя это было в очень узких границах. Я хорошо знал, какие трудности он имел с некоторыми из своих старших коллег и главой правительства, и что он действовал бы смелее, если бы не был связан. Мы часто виделись в конце августа в Каннах, и однажды я пригласил его и Ллойд-Джорджа на завтрак в ресторане на полпути между Каннами и Ниццей. Наш разговор охватил все области — борьбу в Испании, упорную недобросовестность Муссолини и его интервенцию в Испании и, конечно, как злобный фон всего, неуклонно растущую мощь Германии. Я думаю, что мы все трое были в общем согласны. Иден, конечно, был очень настороже по вопросу о своих отношениях со своим шефом и коллегами, и этот щекотливый пункт не был упомянут. Его поведение не могло быть более корректным. Тем не менее я был убежден, что он не был счастлив на своем высоком посту.

**
*

Скоро в Средиземном море возник кризис, в котором Иден действовал твердо и искусно и который был разрешен так, что это укрепило авторитет нашей политики. Несколько коммерческих судов были потоплены так называемыми испанскими подводными лодками. На самом деле не было сомнения в том, что они были не испанскими, а итальянскими. Это было чистое пиратство и побудило к действию всех, кто это понимал. На 10-е сентября в Нионе была назначена конференция Средиземноморских держав. Министр иностранных дел отправился на нее в сопровождении Ванситгарта и адмирала лорда Чатфильда.

«Черчилль Идену

9-го сентября 1937 года

В Вашем последнем письме Вы писали, что были бы очень рады до отъезда в Женеву видеть Ллойд-Джорджа и

меня. Мы встретились сегодня, и я позволяю себе сообщить Вам наши взгляды.

Наступило время принудить Италию к выполнению ее международных обязанностей. Пиратство подводных лодок в Средиземном море и потопление судов многих стран без малейшей заботы о жизни экипажей должно быть прекращено. С этой целью все средиземноморские державы должны согласиться держать свои подводные лодки в стороне от определенных оставленных для коммерческого судоходства путей. На этих путях флоты Франции и Британии должны разыскивать подводные лодки, и каждая, открытая посредством детектора, должна быть преследуема и потоплена, как пиратская. Италии надо в самой вежливой форме предложить в этом участвовать. Если же она не согласится, ей нужно сказать: «Вот что мы будем делать».

В то же время, так как очень важно иметь дружественное содействие Италии, то Франция должна заявить, что, если это содействие не будет получено, она откроет границу в Пиренеях для ввоза всякого рода оружия. Таким образом, с одной стороны Италия будет стоять перед фактом, что водные пути в Средиземном море будут очищены от пиратских подводных лодок, что бы ни случилось, а в то же время она ничего не выиграет от отказа участвовать, так как тогда французская граница будет открыта. Мы считаем этот пункт существенным. Эта комбинация давления на Италию, чтобы она присоединилась к другим державам, и факта, что она многим рискует и ничего не выигрывает, оставаясь в стороне, почти наверное окажет свое действие — при условии, что Муссолини будет знать, что Франция и Англия не шутят.

Мы не верим, что Германия готова для большой войны в этом году, и, если можно надеяться установить в будущем хорошие отношения с Италией, то надо поставить вопросы ребром теперь. Опасность, от которой мы страдаем, состоит в том, что Муссолини думает, что можно всего достичь блефом и грубостью, и что в конце концов мы будем только ныть и отступим. В интересах европейского мира надо теперь показать твердый фронт, и, если Вы считаете себя в состоянии действовать в этом направлении, мы хотим заверить Вас в нашей поддержке такой политики в Палате Общин и в стране, как бы дело ни обернулось.

Говоря лично за себя, я считаю, что данный момент так же важен для Вас, как тот, когда после занятия Рейнской области Вы настаивали на разговорах штабов. Смелый путь есть путь спасения.

Мы просим Вас использовать это письмо как угодно, частным образом или публично, если Вы сочтете это в интересах Британии и в интересах мира».

Я прочел это письмо Ллойд-Джорджу, который заявил о своем полном согласии.

Конференция в Нионе была короткой и успешной. Было договорено, что будут введены британские и французские патрули против подводных лодок с инструкциями, не оставлявшими сомнений в судьбе любой подводной лодки, которая им попадет. Италия на это согласилась, и нападения сразу прекратились.

«Иден Черчиллю

14-го сентября 1937

Вы уже, конечно, знаете, что линия, которую мы взяли в Нионе, по меньшей мере отчасти совпадала с тем, что Вы рекомендовали в Вашем письме. Я надеюсь, что Вы согласитесь, что результаты конференции были удовлетворительными. Такими они отсюда представляются. Действительно важным фактом является то, что мы показали, что кооперация между Британией и Францией может быть эффективной, и что обе западные демократии все еще могут играть решающую роль в европейских делах. Программа, на которой в конце концов состоялось соглашение, была выработана нами совместно с французами. Я должен сказать, что их сотрудничество не могло быть более искренним, и мы были удивлены, как далеко они были готовы идти в морском сотрудничестве. Справедливость требует признать, что, включая их воздушную помощь, мы будем работать на равных основаниях.

Я согласен, что то, что мы сделали здесь, касается лишь одной стороны испанской проблемы. Но оно увеличило наш авторитет у других наций в то время, когда мы очень в этом нуждались. Поведение малых средиземноморских стран было не менее удовлетворительным. Они хорошо играли свою роль под почти что чересчур дружественным руководством Турции. Чатфильд пользовался у всех большим успехом и, по моему впечатлению, Нионская конференция своей краткостью и успешностью кое-что сделала для того, чтобы мы снова появились на карте. Надеюсь, что таково и Ваше впечатление».

Это по меньшей мере ободрило французов и нас вместе взяться за нашу огромную задачу.

«Черчилль Идену

20 сентября 1937 года.

Было очень любезно с Вашей стороны при Вашей занятости написать мне. Я искренно поздравляю Вас с очень значительным достижением. Редко подвергается случай, когда строгие и эффективные меры могут быть применены для воздействия на злоумышленника без риска войны. Я не

сомневаюсь, что Палата Общин будет очень довольна результатами. Я был очень рад узнать, что Невилль поддерживает Вас, а не держит Вас за фалды, как это изображает популярная печать. Я надеюсь, что достигнутое Вами преимущество будет сохраняться в целости. Муссолини понимает только превосходство силы, с каким он теперь встретился в Средиземном море. С того момента, как в нашем распоряжении находятся французские базы, изменилось всё морское положение. Италия не может противиться эффективной англо-французской комбинации. Я надеюсь поэтому, что Муссолини будет предоставлено самому выбираться из дипломатической ямы, в которую он попал благодаря своим ошибкам. Сплочение против него ради неоспоримой цели, как это произошло в Средиземном море, есть то, чего он прежде всего должен был бы стараться избежать. Но он своей деятельностью привел к этому. Я надеюсь, что англо-французское морское сотрудничество будет продолжаться неопределенно долго и что оба флота и обе авиации будут продолжать представлять друг другу свои вспомогательные средства. Это будет необходимо, чтобы предотвратить возникновение осложнений вследствие Балеарских островов. В будущем нам придется реагировать на постоянное укрепление Италией Средиземного моря против нас, так как это — капитальная опасность для Британской Империи. Чем более постоянным будет настоящее соглашение, тем менее опасным станет это положение в будущем.

Барух телеграфирует, что он пишет о результатах своей встречи с президентом Рузвельтом (после наших разговоров в Лондоне). У меня мало сомнений в том, что речь президента против диктатур была в значительной мере внушена нашим разговором, и я надеюсь, что вопросы тарифа и денежного обращения также были предметом рассмотрения».

«Иден Черчиллю 25-го сентября 1937 года.

Большое спасибо за Ваше письмо от 20-го сентября и за великодушные слова о Нионе, которые я очень ценю. Я думаю, что Ваша формулировка положения в Нионе, что «редко подвергается случай, когда строгие и эффективные меры могут быть применены для воздействия на злоумышленника без риска войны», выразительно описывают положение. Муссолини был достаточно неразумен, чтобы переступить границы, и должен за это платить. Нет сомнения, что зрелище восьмидесяти англо-французских миноносцев, патрулирующих Средиземное море при поддержке внушительных воздушных сил, произвело глубокое впечатление на общественное мнение Европы. По полученным мною отчетам, сама Германия не замедлила принять это

к сведению. И для меня и для Дельбоса было большим удовлетворением, что мы могли таким путем укрепить позицию наших стран осенью того года, в котором нам неизбежно приходилось в такой степени быть в положении обороняющихся. Впереди еще много трудностей, и мы, конечно, все еще не так сильны в военном отношении, как я хотел бы, но Нион дал нам возможность улучшить свое положение и выиграть время.

Я от всей души соглашаюсь с Вами относительно важности англо-французского сотрудничества, которое мы теперь осуществили в Средиземном море. Все поведение Франции, конечно, коренным образом отличалось от того, каким оно было, когда у власти был Лаваль. Французский морской штаб не мог проявить большей готовности помочь, и они действительно сделали большое усилие, чтобы внести посильную долю в общую концентрацию сил. Я убежден, что это произвело впечатление на наше Адмиралтейство. Кроме того, те обоюдные выгоды, о которых Вы говорите в связи с использованием базами каждой стороны, тоже очень ценны. И участие Италии, какую бы конечную форму оно ни приняло, не сможет изменить реальностей ситуации».

Хотя Нионская конференция была эпизодом, она является доказательством того, как сильно может быть комбинированное влияние Англии и Франции на настроение и политику диктаторов, если оно выражается с убежденностью и готовностью прибегнуть к силе. Нельзя утверждать, что на той стадии оно еще могло предотвратить войну. Но вполне возможно, что оно отсрочило бы ее. Факт тот, что в то время как «умиротворение» во всех его формах только поощряет агрессию и укрепляет власть диктаторов над их народами, каждый признак определенного контрнаступления западных демократий немедленно ослабляет напряженность положения. Это правило было в силе в течение всего 1937 года. После этого сцена и условия были уже иными.

**
**

В начале октября я был приглашен в Министерство иностранных дел на обед в честь югославского премьера Стоядиновича. После обеда, когда все встали из-за стола и я разговаривал с Иденом, к нам по-

дошел лорд Галифакс и весело сказал, что Геринг пригласил его в Германию на спортивный визит, и что есть надежда, что он будет иметь возможность встретиться с Гитлером. Он сказал, что он говорил об этом с премьер-министром, который считает, что это очень хорошо, и что после этого он принял приглашение. У меня было впечатление, что Иден был удивлен и недоволен; но все обошлось благополучно. Галифакс затем посетил Германию, как «Повелитель гончих собак». Нацистская печать приветствовала его как лорда Галалифакса, так как «Галали» служит на континенте охотничьим кличем для гончих, и после нескольких спортивных развлечений он, действительно, был приглашен в Берхтесгаден, где имел непринужденный и не слишком официальный разговор с Гитлером. Этот разговор прошел не очень гладко... Трудно представить себе двух людей, менее способных понять друг друга. Йоркширский аристократ, хранитель авторитета Высокой Церкви и горячий поборник мирной жизни, выросший в благодушной атмосфере старой английской жизни, бывший хорошим офицером во время войны, встретил демонического гения, поднявшегося из глубин нищеты, уязвленного поражением, пожираемого ненавистью и жаждой мести и судорожно стремящегося сделать германскую расу повелительницей Европы а, может быть, и всего мира. Из этого ничего не вышло, кроме болтовни и недоумения.

**

Упомяну здесь, что Риббентроп дважды передавал мне приглашение посетить Гитлера. Много раньше, как товарищ министра колоний и майор Оксфордширской конной милиции, я был гостем императора Вильгельма на германских маневрах в 1907 и 1909 гг. Но теперь дело обстояло иначе. Налицо была смертельная вражда, и я занимал в ней свою позицию. Я охотно встретил бы Гитлера, имея за собой авторитет Англии. Но как частное лицо, я поставил бы в невыгодное положение и себя самого и

мою страну. Если бы я согласился с моим хозяином-диктатором, я ввел бы его в заблуждение. Если бы я не согласился, он был бы оскорблен, и меня обвинили бы в том, что я порчу англо-германские отношения. Поэтому я отклонил или, вернее, оставил без ответа оба приглашения. Все англичане, которые в эти годы посетили Фюрера, попали в неудобное положение или себя скомпрометировали. Никто не был в таком полном заблуждении как Ллойд-Джордж, восторженный рассказ которого при чтении его теперь производит курьезное впечатление. Нет сомнения, что Гитлер обладал способностью очаровывать людей, и ощущение силы и авторитета могут действовать на гостя слишком сильно. Если нет равенства условий, лучше держаться в стороне.

**
*

Во время тех ноябрьских дней Иден становился все больше обеспокоен медлительностью нашего вооружения. 11-го ноября он разговаривал с премьер-министром и пытался передать ему свои опасения. Невилль Чемберлен скоро отказался его слушать и посоветовал ему «идти домой и принять аспирин». Когда Галифакс вернулся из Берлина, он сообщил, что Гитлер сказал, что вопрос о колониях является единственным спорным пунктом между Англией и Германией. Он считал, что немцы не торопятся, и что не было непосредственной возможности мирного соглашения. Его заключения были отрицательны, и он был в пассивном настроении.

В феврале 1938 года министр иностранных дел чувствовал себя почти изолированным в Кабинете. Премьер-министр имел сильную поддержку против него и его взглядов. Вся группа наиболее ответственных министров считала политику его министерства опасной и даже провокационной. С другой стороны, несколько более молодых министров были очень склонны признать его точку зрения. Позднее некоторые из них жаловались на то, что он не сговорился с ними. Но он не намеревался создавать группировку

против своего шефа. Начальники штабов не могли ему помочь. Фактически они занимали осторожную позицию и мирились с опасностями положения. Они были очень несклонны идти на слишком тесное сотрудничество с Францией, чтобы не взять на себя обязательств, не имея сил их исполнить. Они очень мрачно оценивали военную силу России после чистки. Они считали необходимым так решать наши проблемы, как если бы мы имели трех врагов — Германию, Италию и Японию, которые могут напасть на нас все вместе, и мало кого, кто мог бы нам помочь. Мы можем просить воздушные базы во Франции, но в первое время мы не были бы способны послать туда армию. Но даже такое скромное предложение встретило в Кабинете сильное сопротивление.

**
*

Но действительный разрыв произошел по новому и особому вопросу. Вечером 11-го января Сомнер Вельс, американский товарищ министра иностранных дел, посетил британского посла в Вашингтоне. Он привез с собой конфиденциальное обращение президента Рузвельта к Чемберлену. Президент был глубоко обеспокоен ухудшением международного положения и предложил взять на себя инициативу пригласить в Вашингтон представителей некоторых держав, чтобы обсудить причины существующих расхождений. Однако, прежде чем сделать это, он хотел узнать мнение Британского правительства об его плане и оговаривал, что ни одно другое правительство не должно быть информировано ни о содержании, ни о самом существовании этого предложения. Он просил, чтобы ему был дан ответ не позднее 17-го января и подчеркнул, что только, если его предложение встретит «полную и горячую поддержку Правительства Его Величества», только тогда он обратится к правительствам Франции, Германии и Италии.

Препровождая в Лондон это секретное послание, британский посол Рональд Линдсей указал, что, по его мнению, план Президента является искренней по-

пыткой смягчить международное напряжение, и что, если Правительство Его Величества откажет в своей поддержке, то это сведет на нет весь прогресс, который был достигнут в англо-американском сотрудничестве за предыдущие два года. Он самым решительным образом настаивал на принятии предложения Британским Правительством. Министерство иностранных дел получило телеграмму из Вашингтона 12-го и послало копию премьер-министру, находившемуся в тот вечер за городом. На следующее утро он вернулся в Лондон, и по его инструкциям был послан ответ на обращение Президента. Иден был в это время в краткосрочном отпуску на юге Франции. Ответ Чемберлена сводился к тому, что он ценит доверие президента, в такой форме запросившего его о предлагаемом плане смягчить существующее в Европе напряжение, но он хотел бы объяснить, в каком положении находятся его собственные старания достичь соглашения с Германией и Италией, в особенности с последней: «Правительство Его Величества со своей стороны было бы готово — если возможно, по решению Лиги Наций — признать *de jure* занятие Италией Абиссинии, если оно будет убеждено, что Италия со своей стороны готова представить свидетельства ее желания содействовать восстановлению взаимного доверия и дружеских отношений». Премьер-министр, продолжало послание, упомянул эти факты, чтобы Президент имел возможность взвесить, не пойдет ли его предложение вразрез с британскими стараниями. Не лучше ли поэтому отсрочить осуществление американского плана?

Ответ вызвал у Президента некоторое разочарование. Он сказал, что 17-го января ответит Чемберлену письмом. Вечером 15-го Иден вернулся в Англию. Он был срочно вызван не главой правительства, который рад был действовать без него, а преданными ему чиновниками министерства. Бдительный Александр Кадоган ждал его на набережной в Дувре. Иден, долго и усиленно работавший над улучшением англо-американских отношений, был глубоко взволно-

ван. Он немедленно послал телеграмму Рональду Линдсею, пытаясь ослабить действие данного Чемберленом расхолаживающего ответа. Письмо президента прибыло в Лондон утром 18-го. В нем он соглашался отложить свое предложение в виду намерения Британского правительства вести прямые переговоры, но прибавил, что он очень серьезно обеспокоен замечанием, что Правительство Его Величества может признать позицию Италии в Абиссинии. Он думает, что это оказало бы самое неблагоприятное влияние на японскую политику на Дальнем Востоке и на американское общественное мнение. Вручая это письмо британскому послу, Кордел Холл выразился еще решительнее. Он сказал, что такое признание «вызовет чувство отвращения, оживит и усилит опасения, что мы вытаскиваем каштаны из огня; оно будет изображено, как бесчестный торг, совершенный Европой за счет интересов на Дальнем Востоке, которые близко касаются Америки».

Письмо президента обсуждалось на нескольких заседаниях комиссии Кабинета по иностранным делам. Идену удалось добиться значительных изменений прежней позиции. Большинство министров думало, что он был удовлетворен. Он не дал им понять, что это было не так. В результате этого обсуждения два послания были отправлены в Вашингтон вечером 21-го. Основным содержанием этих ответов было, что премьер-министр горячо приветствовал инициативу президента, но не хотел нести ответственность за ее неуспех, если американские предложения будут плохо приняты. Чемберлен хотел подчеркнуть, что он не принимает безоговорочно предлагаемую президентом процедуру, которая определенно вызвала бы раздражение диктаторов и Японии. Правительство Его Величества не думало также, что Президент вполне понял нашу позицию в вопросе о признании *de jure*. Второе послание было объяснением нашего отношения к этому вопросу. Мы намеревались дать такое признание только, как часть общего соглашения с Италией.

Британский посол передал свой разговор с Сомнер Вельсом, когда он вручил ему эти послания президенту. Он сообщил, что Вельс сказал ему, что «Президент рассматривает признание как неприятную пилюлю, которую нам обоим придется проглотить, и он хотел бы, чтобы мы проглотили ее вместе».

Так случилось, что Чемберлэн отверг предложение президента Рузвельта использовать влияние Америки, чтобы свести вместе руководящие европейские державы для обсуждения шансов общего соглашения, что, без сомнения, хотя бы в форме пробы, включило бы и мощную силу Соединенных Штатов. Это решающим образом определило различие взглядов между премьером-министром и его министром иностранных дел. Это несогласие еще короткое время таилось внутри Кабинета: но расхождение было фундаментальным. Не лишены интереса замечания об этом эпизоде биографа Чемберлэна, профессора Фейлинга: «В то время как Чемберлэн боялся, что диктаторы не примут предложения или даже воспользуются единением демократий как предлогом для разрыва, по возвращении Идена выяснилось, что он предпочел бы рисковать таким бедствием, чем потерять расположение Америки. Это было первое предвещие отставки. Но был выработан компромисс...» Бедная Англия! Ведя со дня на день свою свободную, беззаботную жизнь, среди нескончаемой благодушной парламентской болтовни, она, не понимая этого, спускалась все ниже по пути к тому, чего она хотела избежать. Все время успокаиваемая передовицами наиболее влиятельных газет (за немногими почетными исключениями), она вела себя так, как будто весь мир был также прост, беззаботен и полон добрых намерений, как она сама.

**
*

Было очевидно, что отклонение Чемберлэном инициативы президента не могло быть формальным основанием для отставки министра иностранных дел.

Сознательно вовлекая Соединенные Штаты в действие на омрачившейся европейской сцене, Рузвельт многим рисковал в своей внутренней политике. Все силы изоляционизма восстали бы, если бы просочилась хотя какая-либо часть этого обмена мнений. С другой стороны, ничто не могло бы с большей вероятностью отсрочить или даже предупредить войну, чем появление Соединенных Штатов среди европейской ненависти и опасений. Для Англии это был почти вопрос жизни или смерти. Задним числом никто не может измерить, какое влияние это оказало бы в Австрии, а потом в Мюнхене. Мы должны видеть в отказе от этой возможности — а это был отказ — потерю последнего хрупкого шанса иначе, чем войной, спасти мир от тирании. Тот факт, что Чемберлен с ограниченностью его взглядов и неопытностью в европейских делах обладал такой самоуверенностью, чтобы отмахнуться от протянутой через океан руки, даже сейчас заставляет содрогаться от изумления. Изумителен тот недостаток чувства перспективы и даже самосохранения, который был обнаружен этим эпизодом в честном, солидном, исполненном добрых намерений человеке, которому была вручена судьба нашей страны и всего, что от нее зависит. Сегодня даже невозможно восстановить то умонастроение, которое делало возможным подобные действия.

**
*

В дальнейшем я еще расскажу, как были встречены накануне Мюнхена русские предложения сотрудничества. История могла бы принять совсем другой оборот, если бы английский народ имел возможность узнать и понять, что, после того, как мы пренебрегали собственной обороной и старались ослабить оборону Франции, мы затем отстранились, от одной за другой, от двух могущественных наций, крайние усилия которых были необходимы, чтобы сохранить наши и их собственные жизни. Но всё казалось так про-

сто, живя со дня на день. Теперь, десять лет спустя, пусть эти уроки прошлого руководят нами.

**
*

Иден должен был меньше верить в будущее, когда 25-го января он отправился в Париж для совещания с Французским правительством. Все было теперь сосредоточено на попытке сговора с Италией, которой мы придали такое значение в наших ответах Рузвельту. Французские министры настаивали на включении испанской проблемы в какое-либо общее соглашение с Италией; Идена не нужно было в этом особенно убеждать. 10-го февраля Чемберлэн и Иден встретились с графом Гранди, который заявил, что Италия в принципе готова начать разговоры.

15-го февраля пришло известие, что австрийский канцлер Шушниг подчинился германскому требованию включить в состав правительства, как министра внутренних дел и главу полиции, главного нацистского агента Зайс-Инкварта. Это важное событие не предупредило личного кризиса между Чемберлэном и Иденом. 18-го февраля они снова встретились с графом Гранди. Это было последнее дело, в котором они оба участвовали. Посол не согласился обсуждать ни позицию Италии по отношению к Австрии, ни британский план отзыва из Испании добровольцев или так называемых добровольцев — в данном случае пять дивизий регулярной итальянской армии. Гранди просил, однако, чтобы в Риме были начаты общие разговоры. Премьер-министр этого хотел, министр иностранных дел был решительно против этого.

Последовали продолжительные переговоры и заседания Кабинета. Единственный авторитетный рассказ о них находится в биографии Чемберлэна. Проф. Фейлинг говорит, что премьер-министр «дал понять Кабинету, что альтернативой отставки Идена может быть его собственная отставка». Он цитирует из какого-то дневника или частного письма, к которому он имел доступ, следующее заявление Чемберлэна: «Я считаю необходимым сказать со всей ясностью, что

я не соглашусь ни на какое другое решение». «Кабинет, — по словам Фейлинга, — был единодушен, хотя и с некоторыми оговорками». Мы не знаем, как и когда во время продолжительных дискуссий были сделаны такие заявления. Но в конце Иден подал краткое заявление об отставке в виду решения вести переговоры с Италией в данном месте и при данных обстоятельствах. Все его коллеги были изумлены. Фейлинг пишет, что они были «сильно потрясены». Они не понимали, что разногласия между Чемберленом и Иденом дошли до пункта разрыва. Если дело дошло до отставки Идена, то это, очевидно, означало, что возник новый вопрос, охватывающий более широкие и общие проблемы. Но все они сосредоточились только на разных сторонах вопроса, о котором шел спор. Оставшаяся часть долгого дня ушла на попытки переубедить Идена. На Чемберлена произвела впечатление подавленность Кабинета. «Видя, как удручены были мои коллеги, я предложил отложить заседание до следующего дня. Но Иден не видел смысла продолжать поиски формул и в ночь на 20-е февраля его отставка стала окончательной». «В высокой степени к его чести», заметил премьер-министр. Лорд Галифакс был немедленно назначен на место Идена министром иностранных дел.

То, что в Кабинете были серьезные разногласия, стало, конечно, известно, но их причина оставалась неясной. Я кое-что слышал, но осторожно воздержался от какого-либо контакта с Иденом. Я надеялся, что он не подаст в отставку, не подготовив заранее защиты своей позиции и не дав своим многочисленным друзьям в Парламенте возможности поставить затронутые вопросы. Но в то время Правительство было так могущественно и замкнуто в себе, что вся борьба прошла в кругу министров и главным образом между двумя людьми.

**
*

Поздно вечером, 20-го февраля, когда я сидел в своем старом кабинете в Чартвелле, (как я часто сижу

и теперь), мне было передано по телефону известие, что Иден подал в отставку. Должен признаться, что у меня упало сердце и мной овладела волна мрачного отчаяния. За долгую жизнь у меня было много колебаний вверх и вниз. В течение всей, тогда уже близкой, войны и в самые мрачные ее моменты у меня никогда не было бессоницы. Во время кризиса 1940-го года, когда на мне лежала такая большая ответственность, и во многие другие очень тревожные, удручающие моменты в течение следующих лет я всегда был в состоянии лечь в постель и заснуть после того, как была сделана дневная порция работы — разумеется, если не было какого-нибудь срочного вызова. Я спал здоровым сном и просыпался освежившимся с одним желанием справиться с тем, что приносили утренние известия. Но в ту ночь 20-го февраля 1938 года, и только в одном этом случае, сон оставил меня. От полуночи до утра я лежал в своей постели, снедаемый чувствами горечи и страха. Передо мной неотступно стояла фигура молодого человека, одиноко противостоявшего длинным, вялым и медленно тянувшимся волнам пассивности, капитуляции, неверных расчетов и бессильных побуждений. Я многое делал бы иначе, чем Иден, но в тот момент он воплощал для меня полную жизни надежду британской нации, великой старой британской расы, которая так много сделала для человечества и должна была дать ему еще больше в будущем. Теперь он ушел. Я следил за тем, как через окна медленно проникал дневной свет и мысленно видел перед собой призрак Смерти.

15.

ЗАХВАТ АВСТРИИ**Февраль 1938 года**

В нашей современности побежденные в войне государства обычно сохраняли свою структуру, индивидуальность и тайны своих архивов. В последнем случае, когда война была доведена до самого крайнего конца, мы получили в свои руки внутреннюю историю нашего врага. По ней мы с известной точностью можем проверять нашу информацию и наши достижения. Мы видели, что в июне 1936 года Гитлер приказал генеральному штабу приготовить военные планы для занятия Австрии, когда пробьет час для этого. Эта операция получила название «Случай Отто». Через год, 24-го июня 1937 года, он уточнил эти планы специальной директивой. 5-го ноября он посвятил в свои намерения начальников вооруженных сил. Германия должна иметь больше «жизненного пространства». Найти его лучше всего в восточной Европе — Польше, Белоруссии, Украине. Достижение этого вызовет большую войну и заодно истребление народов, живущих на этой территории. Германия должна будет рассчитаться с ее «исполненными ненависти врагами», для которых «германский колосс в центре Европы невыносим». Чтобы использовать преимущество, которое она приобрела в производстве оружия, а также патриотическую страсть, вызванную и представляемую нацистской партией, Германия должна начать войну при первой благоприятной возможности и расправиться с обоими своими явными противниками, прежде чем они будут готовы сражаться.

Нейрат, Фритч и даже Бломберг, находясь под влиянием взглядов министерства иностранных дел, генерального штаба и офицерского корпуса, были встревожены этой политикой. Они считали, что риск слишком велик. Они признавали, что, благодаря смелости Фюрера, Германия впереди союзников во всех

видах вооружения. Армия становилась более зрелой от месяца к месяцу, внутренний упадок Франции и отсутствие воли в Англии были благоприятными факторами, которые вполне могут действовать и дальше. Какую роль играют один или два года, если все идет так хорошо? Нужно иметь время, чтобы до конца отделать военную машину, а время от времени произносимые Фюрером примирительные речи будут побуждать эти праздные и вырождающиеся демократии продолжать их пустую болтовню. Но Гитлер этому не верил. Его гений подсказывал ему, что победа не может быть достигнута учетом достоверности. Надо идти на риск. Должен быть сделан прыжок. Он был возбужден своими успехами: во-первых, вооружением, во-вторых, введением воинской повинности, в-третьих, занятием Рейнской области, в-четвертых, союзом с Италией Муссолини. Ждать, пока все будет готово, значило бы, вероятно, ждать, пока будет слишком поздно. Историкам и другим людям, которые не должны жить и действовать изо дня в день, легко говорить, что он сможет иметь в своих руках судьбы всего мира, если, прежде чем ударить, будет еще два или три года увеличивать свою силу. Но это неубедительно. В жизни людей и в жизни государства нет достоверностей. Гитлер решил спешить и вести войну, пока он находится в расцвете сил.

4-го февраля 1938 года он уволил Фритча и сам взял на себя верховное командование вооруженными силами. Бломберг, вследствие своего не соответствовавшего его положению брака потерявший авторитет у офицерского корпуса, также был удален. Поскольку возможно для одного человека, как бы он ни был одарен и могущественен, какие бы страшные кары он ни мог налагать, проводить свою волю в столь обширной области, Фюрер осуществлял прямое управление не только государственной политикой, но и военной машиной. В это время его власть была подобна власти Наполеона после Аустерлица и Иены, правда, без ореола больших сражений, выигранных под его личным руководством, сидя на коне, но с по-

литическими и дипломатическими триумфами, достигнутыми, как это знали его окружение и сторонники, исключительно благодаря ему, его суждению и дерзанию.

**
*

Помимо своего твердого намерения, так ясно выраженного в «Моей борьбе», включить в германскую империю все тевтонские племена, Гитлер имел и другие основания хотеть поглотить австрийскую республику. Это открыло бы Германии одновременно дверь в Чехословакию и более просторные ворота в Юго-восточную Европу. После убийства в июле 1934 года австрийскими нацистами канцлера Дольфуса, процесс разрушения независимого австрийского правительства при помощи денег, интриг и насилия никогда не прекращался. Нацистское движение в Австрии росло с каждым успехом, который Гитлер пожинал где бы то ни было, внутри Германии или вовне — против Союзников. Необходимо было продвигаться шаг за шагом. Официально Папен был инструктирован поддерживать самые сердечные отношения с австрийским правительством и обеспечивать официальное признание Нацистской партии легальной организацией. В то время позиция Муссолини принуждала к осторожности. После убийства Дольфуса итальянский диктатор прилетел в Венецию, чтобы принять и утешать его вдову, а значительные итальянские силы были сконцентрированы на южной границе Австрии. Но теперь, на заре 1938-го года, в европейских группировках и ценностях произошли перемены решающего значения. «Линия Зигфрида» поставила Францию перед растущим барьером стали и бетона, казалось, требовавшим огромных жертв французскими жизнями, чтобы его пронзить. Дверь с Запада была закрыта. Муссолини толкнули в германскую систему санкции настолько не действительные, что они его лишь раздражили, но не ослабили. Он мог бы с полным правом размышлять над знаменитым замечанием Макиавели: «Люди мстят за малые, но не за большие оби-

ды». Самое главное, Западные демократии по всей видимости давали одно доказательство за другим тому, что они будут мириться с насилием, пока сами не подвергнутся прямому нападению. Папен искусно работал внутри австрийской политической структуры. Многие видные австрийцы поддались его давлению и интригам. Царившая неуверенность парализовала столь важный для Вены туризм. На заднем плане террористическая деятельность и производимые бомбами разрушения расшатывали хрупкое существование Австрийской республики. Идея была, что теперь настало время получить контроль над австрийской политикой, добившись введения в Венский кабинет лидеров недавно легализованной австрийской нацистской партии. 12-го февраля 1938 года, через восемь дней после того, как он принял верховное командование, Гитлер вызвал в Берхтесгаден австрийского канцлера Шушнига. Тот повиновался и приехал в сопровождении своего министра иностранных дел Гвидо Шмидта. Мы имеем теперь отчет Шушнига, в котором воспроизведен нижеследующий диалог. Гитлер упомянул оборонительные мероприятия на австрийской границе. Их было не больше, чем было нужно, чтобы сделать необходимой для их преодоления военную операцию и тем поставить вопрос о мире или войне.

Гитлер: Мне достаточно дать приказ, и все смехотворные вороны пугала на границе сейчас же исчезнут. Или Вы всерьез думаете, что можете остановить меня хоть на полчаса? Кто знает — может быть, я внезапно появлюсь в Вене — как весенняя буря. Тогда Вы, действительно, кое-что узнаете. Я бы хотел уберечь от этого австрийцев: это будет стоить многих жертв. **За войсками последуют Эс-А и легионы!** Никто, даже я сам, не сможет помешать мести. Хотите Вы превратить Австрию во вторую Испанию? Я хотел бы всего этого по возможности избежать.

Шушниг: Я получу необходимую информацию и остановлю сооружение каких бы то ни было укреплений на нашей границе с Германией. Конечно, я сознаю, что Вы можете войти в Австрию, но, господин Канцлер, хотите Вы этого или нет, это приведет к кровопролитию. Мы не одни на свете. Это, вероятно, будет означать войну.

Гитлер: Это очень легко сказать сейчас, когда мы сидим в удобных креслах, но за всем этим лежит масса страдания и крови. Хотите Вы взять на себя ответственность за это, господин Шушниг? Не верьте, что кто-нибудь на свете помешает мне осуществить мои решения! Италия? У меня всё улажено с Муссолини: с Италией я в самых близких отношениях. Англия? Англия и пальцем не двинет для Австрии... И Франция? Ну, когда два года тому назад я вошел в Рейнскую область с кучкой батальонов — тогда я многим рисковал. Если бы Франция тогда двинулась, я был бы вынужден отступить... Но теперь для Франции слишком поздно!

Этот первый разговор имел место в 11 часов утра. После официального завтрака австрийцы были приглашены в небольшую комнату, где Риббентроп и Папен вручили им письменный ультиматум. Условия не подлежали обсуждению. Они включали назначение австрийского нациста Зайс-Инкварта министром безопасности, всеобщую амнистию для всех находившихся в заключении австрийских нацистов и официальное включение австрийской нацистской партии в организованный правительством Отечественный фронт.

Позднее Гитлер опять принял австрийского канцлера. «Я повторяю, что это самый последний шанс. Я ожидаю выполнения соглашения в течение трех дней». Запись в дневнике генерала Иодля гласит: «Шушниг и Гвидо Шмидт были снова подвергнуты самому сильному политическому и военному давлению. В 11 ч. вечера Шушниг подписывает протокол». Когда Папен и Шушниг вместе ехали назад в санях, которые везли их по покрытой снегом дороге к Зальцбургу, Папен заметил: «Да, таким может быть Фюрер; теперь Вы узнали это по собственному опыту. Но когда Вы приедете опять, Вы проведете время гораздо приятнее. Фюрер может быть действительно очарователен».

26-го февраля Гитлер говорил в Рейхстаге:

«Я счастлив, что могу сказать Вам, господа, что за самые последние дни было достигнуто дальнейшее соглашение со страной, которая по многим причинам нам особенно близка. Германия и Германская Австрия тесно связаны одна с другой не только потому, что в них живет один и тот

же народ, но и потому, что они имеют долгую общую историю и общую культуру. Трудности, возникшие при проведении в жизнь соглашения от 11-го июля 1936 года, побудили нас сделать попытку устранить недоразумения и препятствия к окончательному примирению. Ясно, что, если бы это не было сделано, то в один прекрасный день — намеренно или нет — могло бы возникнуть нестерпимое положение, которое могло бы привести к очень серьезной катастрофе. Я рад, что могу сообщить вам, что эти соображения совпадают со взглядами австрийского канцлера, которого я пригласил меня посетить. Руководящей идеей и целью было устранить натянутость в наших взаимных отношениях тем, что осуществляемое законодательство даст гражданам с национал-социалистическими взглядами те же законные права, которыми пользуются все другие граждане Германской Австрии. В связи с этим, чтобы на деле содействовать умиротворению, должна быть дарована общая амнистия и во всех возможных областях — в политической, экономической и в личных отношениях — должно быть создано еще более тесное сотрудничество обоих государств — все это в дополнение и в рамках соглашения от 11-го июля. В этой связи я перед лицом немецкого народа выражаю мою искреннюю благодарность австрийскому канцлеру за его глубокое понимание и горячую готовность, с которыми он принял мое приглашение и работал вместе со мной, так что мы смогли найти возможность наилучшим образом служить интересам обеих стран. Так как в конце концов это в интересе всего немецкого народа, чьими сынами мы все являемся, где бы мы ни родились».

Вряд ли можно найти более совершенный образчик обмана и лицемерия, предназначенных для Англии и Америки. Я цитировал это место только как в своем роде единственное в этом отношении. Поразительно то, что оно могло быть встречено с иным чувством, кроме негодования, нормальными мужчинами и женщинами любой свободной страны.

На минуту мы должны вернуться к серьезному событию, которое было описано в предыдущей главе. На следующий день, 21-го февраля, в Палате Общин имели место импонирующие прения об отставке Идена и его товарища министра, лорда Крэнборна — человека, в душе которого «глубоко текли тихие воды» — кто работал с ним лояльно и с убеждением. Иден, конечно, не мог прямо говорить об инициативе

президента Рузвельта и отрицательной реакции на нее. Разногласия по вопросу об Италии оставались на втором плане. Иден сказал:

«Я говорил о разногласиях, непосредственно приведших к тому, что я расстался с моими коллегами, и я не был бы откровенен, изображая это как изолированный случай. Этим он не был. **В течение немногих последних недель разногласие было фундаментальным по внешнеполитическому вопросу величайшей важности, который несколько не касался Италии».**

Он закончил словами:

«Я не думаю, что мы можем осуществить прогресс в умиротворении Европы, если дадим распространиться за границей убеждению, что мы уступаем постоянному давлению... Внутренне я убежден, что эта твердость существует. Я думаю, что не давать ей выражения, не соответствует нашим обязанностям ни перед нашей страной, ни перед всем миром».

Эттли отметил критический пункт. Отставка Идена была провозглашена в Италии «еще одной большой победой Дуче». «По всему миру разносится: вы видите, как могуч наш лидер: британский министр иностранных дел подал в отставку».

Я говорил лишь на второй день, когда я воздал должное обоим ушедшим министрам. Я также поддержал обвинение, выдвинутое Эттли:

«Последняя неделя была удачной для диктаторов — одной из лучших, какие они имели. Германский диктатор наложил свою тяжелую руку на маленькую, но историческую страну, а итальянский диктатор довел до победоносного конца свою тяжбу против Идена. Конфликт между ними продолжался долго. Не может быть сомнения, что выиграл синьор Муссолини. Все величие, мощь и обширность Британской Империи оказались недостаточными, чтобы обеспечить успех дела, которое было поручено ушедшему министру иностранных дел общей волей Парламента и страны... Таков конец этой части истории, а именно уход от власти англичанина, которому Британская нация и Британский Парламент доверили определенную задачу; и полный триумф итальянского диктатора в тот момент, когда он по внутренним соображениям отчаянно нуждался в успехе. По всему миру, в каждой стране, под любым небом

и при любом политическом режиме, где бы то ни было, друзья Англии в унынии, а враги ее ликуют.

Отставка министра иностранных дел может оказаться поворотным пунктом в истории. Большие раздоры возникают, как было удачно сказано, по малым поводам, но редко вследствие малых причин. Ушедший министр был приверженцем старой политики, которую мы в течение долгого времени забывали. Премьер-министр и его коллеги вступили на путь другой и новой политики. Старая политика состояла в усилиях установить в Европе господство права и построить вокруг Лиги Наций систему эффективных средств сдерживать агрессора. Состоит ли новая политика в том, чтобы договориться с тоталитарными державами в надежде, что мир будет сохранен посредством больших, далеко идущих жертв не только чувствами и гордостью, но и материальными факторами?

Лорд Галифакс как-то сказал, что Европа находится в замешательстве. Это относится к той части Европы, которая управляется парламентарными правительствами. Я не вижу никакого замешательства у великих диктаторов. Они знают, чего они хотят, и никто не может отрицать, что до сих пор при каждом своем шаге они получают то, чего хотят... В годы с 1932 по 1935 безопасности всего мира были нанесены тяжелые и в значительной мере непоправимые удары... Следующим случаем, когда нам были представлены книги Сибиллы, было занятие Рейнской области в начале 1936 года. Теперь мы знаем, что опирающаяся на Лигу Наций твердая политика Франции и Англии привела бы к немедленной эвакуации Рейнской области без малейшего кровопролития, и что это могло бы сделать более благоразумные элементы германской армии способными восстановить их нормальное положение и не дало бы политическому главе Германии то преобладание, которое позволило ему двигаться дальше. Теперь для нас пришло время, когда сделан третий ход, но когда это не дает нам такой же благоприятной возможности. Австрия поработана, и мы не знаем, не подвергнется ли подобной же атаке и Чехословакия».

**
*

Континентальная драма продолжала развиваться своим чередом. Муссолини передал Шушнигу устное послание, сообщив, что он считает поведение Австрии в Берхтесгадене правильным и умелым. Он заверил его и в неизменности позиции Италии в австрийском вопросе и в личной дружбе. 24-го февраля Шушниг сам говорил в австрийском парламенте, при-

ветствуя соглашение с Германией, но подчеркнув с известной резкостью, что Австрия никогда не пойдет дальше точно формулированных условий соглашения. 3-го марта он через своего военного атташе в Риме передал Муссолини конфиденциальное послание, в котором извещал, что он намеревается укрепить политическое положение в Австрии посредством плебисцита. Через двадцать четыре часа он получил от военного атташе отчет об его разговоре с Муссолини. Дуче говорил в оптимистических выражениях. Положение будет улучшаться. Предстоящее смягчение трений между Римом и Лондоном вызовет облегчение существующего напряжения. По поводу плебисцита Муссолини сделал предостережение: “E un errore” (это — ошибка). Если результат будет удовлетворителен, будут говорить, что плебисцит не был подлинным. Если результат окажется плохим, положение правительства станет невозможным. А если он будет неопределенным, плебисцит не будет иметь никакой цены». Но решение Шушнига было твердым. 9-го марта он официально возвестил, что в следующее воскресенье, 13-го марта, во всей Австрии состоится плебисцит.

Сначала ничего не произошло. Зайс-Инкварт как будто принял эту идею без недовольства. Но в 5.30 часов утра 11-го марта Шушнига вызвали к телефону из главного полицейского управления в Вене. Ему было сообщено: «Германская граница в Зальцбурге была закрыта час тому назад. Германские таможенные чиновники отозваны. Железнодорожное сообщение прервано». Следующее полученное австрийским канцлером сообщение было от его генерального консула в Мюнхене: там был мобилизован армейский корпус, предполагаемое назначение — Австрия!

Позднее в то же утро пришел Зайс-Инкварт и сообщил, что Геринг только что сказал ему по телефону, что плебисцит должен быть отменен в течение одного часа. Если до истечения этого срока не будет ответа, Геринг будет считать, что Зайс-Инкварту не

дали телефонировать, и будет действовать соответственно этому. После того, как ответственные чиновники информировали его, что ни полиция, ни армия не являются вполне надежными, Шушниг сообщил Зайсу-Инкварту, что плебисцит будет отложен. Через четверть часа тот вернулся с записанным на бумаге ответом Геринга:

«Ситуация может быть спасена только если Шушниг подаст в отставку и в течение двух часов Зайс-Инкварт будет назначен канцлером. Если в этот срок ничто не будет сделано, германские войска войдут в Австрию».

Шушниг отправился к президенту Микласу, чтобы вручить ему свою отставку. Когда он был в кабинете президента, он получил расшифрованное сообщение от итальянского правительства, что оно не может дать никакого совета. Старый президент упорствовал: «Так в решительный час меня оставили одного». Он твердо отказался назначить нацистского канцлера. Он решил принудить немцев совершить постыдное насилие. Но на этот случай они были хорошо подготовлены. Опять-таки в дневнике Иодля под 10-м марта находится яркое описание германской реакции:

«Неожиданно и не посоветовавшись со своими министрами, Шушниг назначил на воскресенье 13-го марта плебисцит, который должен дать сильное большинство правительственной партии **при отсутствии плана или подготовки**. Фюрер решил этого не допустить. В эту же ночь с 9-го по 10-ое он вызвал Геринга. Генерал фон Райхенау вызван из Олимпийского комитета в Каире, приказано явиться генералу фон Шуберту, а также посланнику Глайзе-Хорстенау, который находится у окружного лидера (гаулайтера Буркеля) во Пфальце. В 1.45 генерал Кайтель делает сообщение о положении. Он приезжает в Имперскую Канцелярию в 10 часов. Я следую за ним в 10.15, чтобы передать ему старый проект: «Подготовка случая Отто». В 13 часов генерал Кайтель информирует начальника оперативного штаба и адмирала Канариса. Риббентроп задерживается в Лондоне. Нейрат перенимает министерство иностранных дел. Фюрер хочет послать ультиматум австрийскому правительству. Муссолини отправлено личное письмо, излагающее основания, побуждающие Фюрера действовать».

На следующий день, 11-го марта, Гитлер дал армии распоряжение о военной оккупации Австрии. Началась «Операция Отто», так долго разрабатывавшаяся, так тщательно подготовленная. Весь этот лихорадочный день президент Миклас проявлял твердость по отношению к Зайс-Инкварту и нацистским лидерам. На процессе в Нюрнберге была предъявлена запись телефонного разговора между Гитлером и его особым представителем при Дуче принцом Филиппом Гессенским. Этот разговор интересен:

Принц: Я только что вернулся из дворца Венеция (Palazzo Venezia). Дуче отнесся ко всему очень дружелюбно. Он посылает Вам свой привет. Он был информирован из Австрии, Шушниц сообщил ему новости. Тогда он сказал ему, что итальянское вмешательство совершенно невозможно, оно было бы блефом, таких вещей нельзя делать. Так ему (Шушниц) было сказано, что все было неудачно устроено и уже не может быть изменено. Муссолини сказал, что Австрия потеряла для него свое значение.

Гитлер: Сообщите, пожалуйста, Муссолини, что я никогда ему этого не забуду.

Принц: Хорошо.

Гитлер: Никогда, никогда, никогда, что бы ни случилось. Я попрежнему готов заключить с ним совсем иное соглашение.

Принц: Да, я ему и это сказал.

Гитлер: Как только австрийские дела будут приведены в порядок, я буду готов идти с ним куда угодно; все равно.

Принц: Да, мой Фюрер.

Гитлер: Слушайте, я заключу любое соглашение — я больше не боюсь ужасного положения, которое в военном отношении создалось бы, если бы мы были вовлечены в конфликт. Вы можете передать ему, что я так ему благодарен; никогда, никогда я этого не забуду.

Принц: Да, мой Фюрер.

Гитлер: Я никогда не забуду, что бы ни случилось. Если он когда-либо будет нуждаться в любой помощи или будет в какой-либо опасности, он может быть уверен, что я буду с ним, что бы ни случилось, даже если бы весь мир был против него.

Принц: Да, мой Фюрер.

Без сомнения, Гитлер сдержал свое слово, когда в 1943 году он спас Муссолини от итальянского Временного Правительства.

Триумфальный въезд в Вену был мечтой австрийского капрала. Вечером в субботу 12-го марта нацистская партия в столице готовила факельное шествие, чтобы приветствовать героя-завоевателя. Но никто не явился. Поэтому они только пронесли по улицам на плечах трех растерявшихся баварцев из службы снабжения, приехавших готовить квартиры для вторгшейся армии. Причина неудачи постепенно просочилась. Германская машина, спотыкаясь, протащилась через границу и остановилась около Линца. Несмотря на превосходную погоду и другие благоприятные условия, большинство танков поломались. Обнаружились дефекты в моторизованной артиллерии. Дорога от Линца до Вены была загромождена до полного затора. Специальный фаворит Гитлера, командир 4-го армейского корпуса генерал фон Райхенау считался ответственным за этот провал, обнаруживший неготовность германской армии в этой стадии ее восстановления.

Сам Гитлер, проезжая на автомобиле через Линц, увидел затор движения и пришел в ярость. Легкие танки были высвобождены из хаоса и кое-как добрались до Вены рано утром в воскресенье. Тяжелые машины и моторизованная тяжелая артиллерия были поставлены на железнодорожные платформы и только так прибыли к началу церемонии. Портреты Гитлера, провозимые по улицам Вены перед частью восторженной, частью объятающей ужасом толпы, были хорошо знакомы. Но у этого момента мистической славы был беспокойный задний план. Гитлер был в судорогах от гнева вследствие очевидных недостатков его военной машины. Гитлер ругал своих генералов, но те защищались. Они напомнили ему о том, что он не хотел слушать Фритча и его предостережения, что Германия еще не в состоянии брать на себя риск более серьезного конфликта. Видимость была соблюдена. Официальные торжества и парады состоялись. В во-

скресенье, после того как большое количество германских войск и австрийских нацистов овладели Веной, Гитлер провозгласил упразднение австрийской республики и присоединение ее территории к Германской Империи.

**

В это время фон Риббентроп готовился оставить Лондон, чтобы стать министром иностранных дел. Чемберлэн дал на Доунинг-стрит № 10 прощальный завтрак в его честь. Моя жена и я были приглашены премьер-министром и приняли приглашение. Присутствовало, может быть, шестнадцать человек. Моя жена сидела рядом с Александром Кадоганом около одного конца стола. Прошла, примерно, половина завтрака, когда курьер из министерства принес ему конверт. Он распечатал его и погрузился в чтение. Затем он поднялся, прошел вокруг стола к месту, где сидел премьер-министр, и вручил ему послание. Хотя поведение Кадогана не обнаруживало, что что-то произошло, я не мог не заметить явного беспокойства премьер-министра. Затем Кадоган вернулся с бумагой и сел на свое место. Позднее я узнал содержание послания. Оно извещало, что Гитлер вторгся в Австрию, и что механизированные германские войска быстро продвигались к Вене. Завтрак продолжался без малейшего перерыва, но очень скоро миссис Чемберлэн, получившая от мужа какой-то сигнал, поднялась со словами: «Пойдемте все пить кофе в гостиную». Мы направились туда, и мне, а может быть, и некоторым другим, было очевидно, что Чемберлэн и его жена хотят закончить церемонию. Обществом овладела какая-то общая нервность, и каждый стоял наготове, чтобы проститься с почетными гостями.

Однако, Риббентроп и его жена, видимо, не чувствовали этой атмосферы. Напротив, они задержались еще на полчаса, занимая хозяина и хозяйку многословным разговором. На одну минуту я был около госпожи Риббентроп и сказал ей при прощании: «Я

надеюсь, что Англия и Германия сохранят свою дружбу». «Позаботьтесь о том, чтобы ее не испортить», — был ее милостивый ответ. Я убежден, что они оба прекрасно знали, что произошло, но считали хорошим маневром удерживать премьер-министра в стороне от его работы и от телефона. Наконец, Чемберлэн сказал послу: «Извините меня, но теперь я должен заняться срочным делом», и, больше не задерживаясь, оставил комнату. Риббентропы замешкались, тогда как большинство из нас извинились и ушли. Я полагаю, что в конце концов они удалились. Это было в последний раз, что я видел Риббентропа до того, как он был повешен.

**
*

Для меня было тяжелым ударом насилие над Австрией и порабощение прекрасной Вены с ее славой, культурой и ее вкладом в историю Европы. На следующий день, 14-го марта, я сказалл в Палате Общин:

«Серьезность события 12-го марта нельзя преувеличить. Европа находится перед лицом программы агрессии, тонко рассчитанной с выбором удобного времени и развертываемой этап за этапом. Не только для нас, но и для других стран, остается лишь один выбор: или покориться, как Австрия, или, пока есть еще время, принять энергичные меры, чтобы предотвратить опасность, а, если ее уже нельзя предотвратить, то справиться с ней... Если мы будем продолжать выжидать событий, сколько еще мы потеряем из тех ресурсов, которые сейчас имеются для обеспечения нашей безопасности и сохранения мира? Сколько друзей мы еще потеряем? Сколько возможных союзников должны будут один за другим спуститься в ужасную пропасть? Сколько раз будет еще удаваться блеф, пока накопленные за его прикрытием силы не станут реальностью? Что будет с нами, например, через два года, когда германская армия наверняка будет много больше французской и когда все небольшие государства покинут Женеву, чтобы преклониться перед все растущей мощью нацистской системы и сговориться с ней на возможно более благоприятных для себя условиях».

И дальше:

«Вена является центром сообщений всех стран, которые составляли старую Австро-Венгерскую монархию и

стран юговосточной Европы. Длинный отрезок Дуная теперь в немецких руках. Обладание Веной дает нацистской Германии военный контроль над всеми сообщениями юго-восточной Европы — шоссейными, речными, железнодорожными. Как это отразится на структуре Европы? Как отразится на том, что мы называем равновесием сил, как оно теперь существует, — на том, что называется «Малой Антантой»? Я должен сказать несколько слов об этой группе государств, которая называется Малой Антантой. Каждую в отдельности из трех стран Малой Антанты можно называть державой второго ранга, но они сильны и полны энергии, так что вместе взятые являются великой державой. Они были до сих пор и еще остаются объединенными самым тесным военным соглашением. Вместе они представляют целостность великой державы и военную машину великой державы. Румыния дает нефть, Югославия минералы и сырье. У обеих большие армии, обе получают амунизию главным образом от Чехословакии. Имя Чехословакии звучит странно для английских ушей. Конечно, это только небольшое демократическое государство; конечно, она имеет армию только в два или три раза больше нашей; конечно, ее производство оружия только втрое больше итальянского. Но это все же мужественный народ, у них есть свои права, есть свои договорные права, у них есть линия крепостей, и у них есть ярко выраженная воля жить, воля жить свободно.

В данный момент Чехословакия изолирована как экономически, так и в военном отношении. Гарантированный мирным договором выход для ее торговли через Гамбург может быть закрыт в любой момент. Теперь ее сообщения на юг и далее на юго-восток также могут быть прерваны в любой момент. Ее торговля может быть обложена пошлинами разрушительного, абсолютно удушающего характера. Эта страна была самой большой индустриальной областью старой Австро-Венгерской Империи. Теперь она отрезана или может быть сразу отрезана, если только переговоры, которые должны теперь последовать, не приведут к соглашению, обеспечивающему сообщения Чехословакии. Она может быть сразу отрезана от находящихся в Югославии источников сырья и от естественного рынка, который она там себе обеспечила. Экономическая жизнь этого небольшого государства может быть в очень большой мере сдавлена в результате совершенного ночью в последнюю пятницу акта насилия. Клин был вдвинут в сердце того, что называется Малой Антантой, — той группы государств, которая имеет такое же право спокойно жить в Европе, как каждый из нас имеет право спокойно жить в своем доме».

**
*

На этот раз русские забили тревогу и 18-го марта предложили конференцию для обсуждения положения. Они хотели обсуждать хотя бы в общих чертах практическое применение франко-советского договора, как часть акции Лиги, в случае серьезной угрозы миру со стороны Германии. В Париже и Лондоне это было принято довольно холодно. Французское правительство было отвлечено другими заботами. На авиационных заводах происходили серьезные забастовки. Армия Франко все глубже проникала в коммунистическую Испанию. Чемберлэн был и скептически настроен и удручен. Он был глубоко несогласен с моим взглядом на надвигающиеся опасности и на средство борьбы с ними. Я настаивал на франко-британско-русском союзе, как на единственной надежде остановить натиск нацистской Германии.

Фейлинг передает, что премьер-министр выразил свое настроение в письме к своей сестре от 20-го марта:

«План «Великого Союза», как его называет Винстон, приходил мне в голову задолго до того, как он о нем упомянул... Я говорил об этом с Галифаксом и передал на рассмотрение начальников штабов и экспертов министерства иностранных дел. Это очень соблазнительная идея; в пользу нее можно сказать почти всё, что угодно, пока дело не доходит до вопроса об ее практическом осуществлении. С этого момента ее привлекательность исчезает. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что ни Франция, ни мы ничего не можем сделать, чтобы спасти Чехословакию от занятия ее немцами, если они того захотят... Поэтому я оставил мысль дать гарантии Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами по отношению к этой стране».

Это было, по крайней мере, решение. Оно было принято на основании ошибочных аргументов. В современных войнах больших государств или союзов отдельные области защищаются не только местными усилиями. Затрагивается все соотношение сил на обширном фронте войны. Это еще более правильно для политики до того, как война началась и когда она может

еще быть предотвращена. «Начальникам штабов и экспертам министерства» не нужно было много размышлять, чтобы сказать премьер-министру, что нельзя развернуть британский флот и французскую армию на горном богемском фронте, чтобы они стояли между Чехословакской республикой и вторгающейся армией Гитлера. Это, действительно, было видно на карте. Но уверенность, что переход богемской границы вызвал бы всеобщую европейскую войну, могла бы еще в то время заставить Гитлера отменить или отсрочить ближайшее нападение. Как ошибочно было частное, но серьезное рассуждение Чемберлена, становится ясным, если мы подумаем о гарантии, которую он через год дал Польше, после того, как стратегическая ценность Чехословакии исчезла, а сила и престиж Гитлера почти удвоились!

**

24-го марта премьер-министр изложил в Палате Общин свое отношение к русской инициативе:

«Правительство Его Величества считает, что косвенным, но тем не менее неизбежным следствием того шага, который предлагает Советское правительство, было бы усиление тенденции к образованию обособленных групп наций, что, по мнению Правительства Его Величества, должно неблагоприятно повлиять на перспективы европейского мира».

Тем не менее премьер-министр не мог обойти тот грубый факт, что на лицо имелось «глубокое потрясение международного доверия» и что, рано или поздно, правительству придется принять решение об обязательствах Великобритании в Европе. Каковы будут наши обязательства в Центральной Европе? Если вспыхнет война, вряд ли в ней будут участвовать только те, кто принял на себя формальные обязательства. Было бы невозможно сказать, где будут ее границы и какие правительства будут в нее вовлечены. Далее следует заметить, что аргумент относительно вреда «обособленных групп наций» теряет свою силу, если альтернативой является быть одна за другой сметен-

ными агрессорами. Кроме того, он игнорирует все вопросы справедливости и несправедливости в международных отношениях. Как никак, но существовала Лига Наций и ее хартия.

Курс премьер-министра был теперь определен: одновременное дипломатическое давление на Берлин и Прагу, примирительная позиция по отношению к Италии и строго ограниченное определение наших обязательств по отношению к Франции. Чтобы успешно осуществлять две первых задачи, было существенно быть осторожным и точным при решении третьей.

**
*

Читатель приглашается теперь двинуться на запад к Изумрудному Острову. «Путь далек до Типперэри», но от посещения его иногда нельзя уклониться. В промежутке между захватом Гитлером Австрии и развертыванием его плана по отношению к Чехословакии мы должны обратиться к постигшему нас несчастьем совсем другого рода.

С начала 1938 года происходили переговоры между Британским и Южно-ирландским правительством де Валера, и 25-го апреля было подписано соглашение, одним из пунктов которого был отказ Великобритании от права занимать для нужд флота два южно-ирландских порта, Квинстоун и Берхавен, а также базу в Лаф Свилла. Два южных порта были чрезвычайно важны для охраны флотом нашего снабжения продовольствием. Когда в 1922 году я, как министр колоний и доминионов, занимался деталями заключенного тогдашним Кабинетом соглашения с Ирландией, я пригласил в свое министерство адмирала Битти, чтобы объяснить Михаилу Коллинсу значение этих портов для всей системы доставки в Англию продовольствия. Коллинс немедленно это признал. «Конечно, — сказал он, — вы должны иметь эти порты, они необходимы для вашего существования». Так дело было улажено, и всё шло гладко в прошедшие с того времени шестнадцать лет. Легко понять, почему Квинстоун и

Берхавен необходимы для нашей безопасности. Они были топливными базами, откуда флотилии наших истребителей отправлялись на запад в Атлантический океан, чтобы охотиться за подводными лодками и защищать прибывающие конвои судов, когда они достигают пролива между Ирландией и Англией. Лаф Свилла было подобным же образом необходимо, чтобы защищать подступы к Клайду и Мерсей. Оставление их означало, что наши флотилии были бы вынуждены оперировать на севере от Ламанша, а на юге от Пемброк Дока или Фальмута, что уменьшало радиус их действия и защиту, которую они могут оказать, более чем на четыреста миль туда и обратно.

Мне представлялось невероятным, чтобы начальники штабов могли согласиться на отказ от такой важной гарантии безопасности, и я думал до последней минуты, что мы по крайней мере обеспечили себе право занять эти ирландские порты в случае войны. Однако де Валера заявил, что эта уступка была сделана без всяких условий. Позднее меня заверили, что де Валера был сам удивлен готовностью, с которой Британское правительство удовлетворило его требование. Он включил его в свои предложения, как предмет торга, от которого можно было отказаться, если бы были удовлетворительно урегулированы другие пункты.

В своей последней книге («Это снова может случиться») адмирал Чатфильд посвятил особую главу объяснению линии, взятой им и другими начальниками штабов. Те, кто интересуются вопросом, должны, конечно, ее прочитать. Лично я попрежнему убежден, что безвозмездный отказ от нашего права пользоваться во время войны ирландскими портами был большим уроном для национального существования и безопасности Англии. Вряд ли можно представить себе более беспомощные действия — да еще в такое время. Правда, в конце концов мы выжили и без портов. Правда также, что если бы мы не смогли обойтись без них, мы скорее заняли бы их силой, чем погибнуть от голода. Но это не оправдание. Многим судам и че-

ловеческим жизням пришлось погибнуть вследствие этого образчика близорукого соглашательства.

Вся Консервативная партия, за исключением кучки депутатов от Улстера, поддержала премьер-министра, и, конечно, такой шаг был лакомым блюдом для Рабочей и Либеральной оппозиции. Поэтому я был почти совершенно одинок, когда 31-го мая поднялся, чтобы выразить свой протест. Меня слушали с терпеливо скептическим видом. Было даже нечто вроде удивленной симпатии к тому, что человек моего положения пытался защищать такую безнадежную позицию. Я никогда не видел Палату Общин, находящуюся в более полном заблуждении. Это было всего за пятнадцать месяцев до объявления войны. Депутатам пришлось подумать о том же вопросе совсем иначе, когда наше существование зависело от соотношения сил в борьбе за Атлантический океан.

Так как моя речь была полностью напечатана в моем "Into Battle", я не цитирую ее здесь, кроме одного пункта. Вопрос о нейтралитете Южной Ирландии до того не был затронут:

«Какая есть у вас гарантия, — спрашивал я, — что Южная Ирландия или, как они ее теперь называют, Ирландская Республика не объявит нейтралитета, если мы окажемся в войне с какой-нибудь могущественной нацией? Первым шагом такого врага, несомненно, будет предложить Южной Ирландии полную неприкосновенность во всех отношениях, если она останется нейтральной... Вы не можете исключить эту возможность нейтралитета, которая может стать объектом нашего непосредственного опыта. Нам могут не предоставить портов, тем создав чрезвычайно серьезное препятствие для обеспечения нашего населения от лишений и даже вымирания. Кто захочет засунуть свою голову в такую петлю? Есть ли на свете другая такая страна, которая даже стала бы думать о таком шаге? Раз мы уйдем, Дублинскому правительству будет легко закрыть для нас порты. Там имеются орудия, там будут мины. Но, что еще более важно, там будет законное право. Вы имели права, вы от них отказались; вместо них вы рассчитываете на то, что благорасположение будет достаточно сильно, чтобы ради вас переносить тяжелые испытания. Допустим, что этого не будет. Бесплезно говорить: «Тогда мы снова возьмем порты». У нас не будет на это пра-

ва. Нарушение нейтралитета Ирландии, если он будет объявлен в случае войны, может поставить вас на суд мирового общественного мнения и извратить то дело, во имя которого вы можете быть вовлечены в войну... Ради пустых теней и дешевого спокойствия вы отдаете реальные и важные средства безопасности и сохранения жизни».

Комментарий «Таймса» был чрезвычайно характерен:

«Соглашение об обороне... освобождает Правительство Объединенного Королевства от тех статей Англо-Ирландского договора 1921-го года, в силу которых оно взяло на себя обременительную и щекотливую задачу защищать в случае войны укрепленные гавани Корка, Берхавена и Лаф Свиллы».

Дальнейших облегчений можно было достигнуть, отдав Гибралтар Испании и Мальту Италии. Ни то ни другое не затрагивало более непосредственно существования нашего народа.

На этом я оставляю этот печальный и изумительный эпизод.

16.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В течение нескольких лет казалось, что вопрос о том, было ли поведение Англии и Франции в Мюнхенском эпизоде мудрым или безрассудным, станет предметом продолжительного исторического спора. Однако, данные, обнаруженные в немецких источниках и, в частности, на нюрнбергских процессах, сделали это мало вероятным. Главными спорными пунктами были: во-первых, привело ли бы энергичное действие Англии и Франции к отступлению Гитлера или к его свержению военным заговором; во-вторых, стало ли относительно положение Западных держав, по сравнению с Германией, лучше или хуже за год, который прошел от Мюнхена до начала войны. Много томов были на-

писаны и еще будут написаны о кризисе, который закончился в Мюнхене принесением в жертву Чехословакии. Здесь мы намерены привести только основные факты и установить главную перспективу событий. Эти события с неизбежностью вытекали из решимости Гитлера собрать всех немцев в единой «Более Великой Империи» и распространить ее на восток, и из его убеждения, что люди, стоявшие во главе Франции и Англии, не будут сражаться вследствие их миролюбия и того, что они пренебрегли вооружением своих стран. Против Чехословакии была применена обычная техника. Недовольство судетских немцев, которое не было выдуманным, было преувеличено и использовано. Открытые обвинения против Чехословакии были выдвинуты Гитлером в его речи в Рейхстаге 20-го февраля 1938 года. «Свыше десяти миллионов немцев, — сказал он, — живут в двух, пограничных с нами государствах». Обязанность Германии защищать своих единоплеменников и обеспечить им «всестороннюю свободу, личную, политическую и идеологическую».

Это публичное провозглашение намерения германского правительства интересоваться положением немецких жителей Австрии и Чехословакии было тесно связано с секретными планами германского политического наступления в Европе. Открыто признанные цели нацистского правительства были: включение в Империю всех живших за ее пределами немецких меньшинств и посредством этого расширение на восток ее жизненного пространства. Менее рекламированная цель германской политики была военной по своему характеру — ликвидация Чехословакии как потенциальной воздушной базы для России и как англо-французского военного придатка в случае войны. Уже в июне 1937 года германский генеральный штаб занялся по распоряжению Гитлера составлением планов для захвата и разрушения чехословацкого государства. Один из проектов гласил:

«Целью и объектом внезапной атаки германской армии должно быть с самого начала и на все время войны

устранение со стороны Чехословакии угрозы тылу операций на Западе и лишение советских воздушных сил самой главной части их операционной базы в Чехословакии».

Примирение западных демократий с порабощением Австрии дало Гитлеру смелость еще энергичнее выполнять свои намерения против Чехословакии. Военный контроль Австрии должен был быть необходимым предварительным условием для нападения на богемский бастион. Когда вторжение в Австрию было в полном ходу, Гитлер сказал ехавшему с ним в автомобиле генералу фон Гальдеру: «Это будет очень неприятно для чехов». Гальдер сейчас же понял значение этого замечания. Оно пролило ему свет на будущее. Оно раскрыло ему намерения и в то же время, как он думал, военное невежество Гитлера. Как он объяснял, «для германской армии было практически невозможно атаковать Чехословакию с юга. Единственная железнодорожная линия через Линц лежит совершенно открыто, и о неожиданности не могло бы быть и речи». Но основная политикостратегическая концепция Гитлера была правильна. «Западный вал» рос и, хотя он далеко еще не был закончен, вызывал во французской армии страшные воспоминания о Сомме и Пасшенделе. Гитлер был убежден, что ни Франция ни Англия не будут воевать.

В тот день, когда германские войска вступили в Австрию, французский посол в Берлине доносил, что Геринг дал торжественное заверение чехословацкому посланнику, что у Германии «нет дурных намерений по отношению к Чехословакии». 14-го марта французский премьер Леон Блюм торжественно заявил, что Франция безоговорочно выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии. Эти дипломатические заверения не могли скрыть мрачной реальности. Вся стратегическая картина на континенте изменилась. Германия могла теперь сконцентрировать свои войска против западной границы Чехословакии, пограничные округа которой были немецкими по составу своего населения, с агрессивной и активной немецкой Нацио-

нальной партией, готовой, в случае конфликта, действовать как пятая колонна.

В конце марта я поехал в Париж и вел там информационные разговоры с французскими лидерами. Правительство отнеслось сочувственно к этой поездке с целью оживить мои французские связи. Я остановился в нашем посольстве и повидал многих руководящих личностей — премьера Леона Блюма, Фландэна, генерала Гамелэна, Поля Рейно, Пьера Кота, Эррио, Луи Марэна и других. Блюму я как-то сказал: «Германская полевая гаубица считается превосходящей ваше, даже обновленное 75-миллиметровое орудие и по дальности стрельбы и, без сомнения, по ударной силе». Он ответил: «Это у вас должен я осведомляться о состоянии французской артиллерии?» Я сказал: «Нет, но спросите в вашем Политехническом училище. Там они совсем не убеждены недавно данным им изложением относительной силы модернизированного «семидесяти пяти». Он сразу стал дружески сердечным. Рейно сказал мне: «Мы хорошо понимаем, что Англия никогда не будет иметь воинской повинности. Почему же вы не добиваетесь механизированной армии? Если у вас будет шесть танковых дивизий, вы будете значительной континентальной силой» или что-то в таком духе. Оказалось, что полковник де Голль написал вызвавшую много критики книгу о наступательной мощи современных танков.

Посол и я имели продолжительный завтрак с одним Фландэном. Это был совсем другой человек, чем тот, которого я знал в 1936 году. Тогда — с сознанием ответственности и возбужденный, теперь — не у власти, холодный, тяжеловесный и совершенно убежденный в том, что единственная надежда Франции в соглашении с Германией. Мы спорили два часа. Гамелэн, также посетивший меня, был справедливо убежден в силе французской армии в данный момент, но был не слишком уверен, когда я его спросил об артиллерии, о которой он был точно осведомлен. Он всегда старался сделать всё возможное в пределах

французской политической системы. Но внимание французского правительства отвлекалось от опасностей европейской арены непрерывным водоворотом внутренней политики и в тот момент предстоявшим падением правительства Блюма. Тем более существенно было установить без всякой недоговоренности наши общие и взаимные обязательства на случай всеобщего кризиса. 10-го апреля правительство было преобразовано с Даладье в качестве премьера и с Бонне, как министром иностранных дел. Этим двум людям было суждено нести ответственность за французскую политику в предстоявшие критические месяцы.

В надежде заставить Германию отказаться от дальнейшей агрессии Британское правительство, согласно решению Чемберлена, искало урегулирования отношений с Италией в Средиземном море. Это усилило бы позицию Франции и позволило бы Франции и Англии сосредоточить свое внимание на событиях в Центральной Европе. Муссолини, до известной степени умилостивленный падением Идена и чувствуя себя в выгодном для переговоров положении, не отверг британского раскаяния. 16-го апреля 1938 года было подписано Англо-итальянское соглашение, которое фактически давало Италии свободу рук в Абиссинии и Испании в обмен за невесомую ценность итальянских благих намерений в Центральной Европе. Министерство иностранных дел отнеслось к этой сделке скептически. Биограф Чемберлена передает, что он писал в одном личном и частном письме: «Вы должны были бы видеть бумагу, переданную мне от М. И. Д.; она могла бы заморозить и полярного медведя».

Я разделял недовольство министерства этим шагом:

«Черчилль Идену

18 апреля 1938 года.

Итальянский пакт является, без сомнения, полным триумфом для Муссолини. Он получил наше сердечное согласие на укрепление им Средиземного моря против нас, на завоевание им Абиссинии и на его вмешательство в Испании. Тот факт, что мы не будем укреплять Кипр без «пред-

варительной» консультации, в высшей степени вреден. Все остальное на мой взгляд просто труха...

Тем не менее, необходимо очень остерегаться, чтобы оппозиция этому соглашению не была слишком резкой. Это сделанное дело. Оно изображается как шаг к миру. Оно, несомненно, делает менее вероятным, что искры со Средиземного моря зажгут европейский пожар. Франция вынуждена будет последовать этому примеру ради самозащиты, чтобы не оказаться обособленной от Англии. Наконец, возможно, что собственные интересы побудят Муссолини удерживать Германию от интервенции в Дунайском бассейне.

Прежде чем составить окончательное мнение, я хотел бы знать Ваши взгляды и намерения. Я думаю, что Англо-итальянский пакт только первый шаг и следующим будет попытка склеить нечто еще более благовидное с Германией. Это убаюкает британское общественное мнение, предоставив германской вооруженной силе расти, а германским планам на востоке Европы развешиваться дальше.

На той неделе Чемберлен по секрету сказал исполнительному комитету Национального объединения (консервативных организаций), что он «не оставил надежды заключить подобное соглашение с Германией». Они отнеслись к этому скорее холодно.

Тем временем развитие нашей авиации все больше разочаровывает»...

«Иден Черчиллю

28 апреля 1938 года.

Относительно Итальянского пакта я согласен с тем, что Вы пишете. Муссолини не дает нам ничего, кроме повторных обещаний, уже раньше им данных и нарушенных, кроме отзыва из Ливии войск, которые первоначально были посланы туда в виду их некоторых неприятных качеств. Теперь стало ясно, что, как я того ожидал, Муссолини продолжал свою интервенцию в Испании, после того, как начались переговоры в Риме. Нужно в самом деле быть оптимистом, чтобы верить, что Муссолини перестанет теперь усиливать эту интервенцию, раз она требуется, чтобы обеспечить победу Франко.

Как дипломатический инструмент, пакт заключает в себе механизм, которому, вероятно, будет очень трудно функционировать. Он не войдет в силу до тех пор, пока итальянские войска не оставят Испании. Однако почти несомненно, что пройдет много месяцев до того, пока это произойдет. А так как важно не присутствие итальянской пехоты, а то, что утверждают итальянские и германские эксперты, то будет трудно установить с достоверностью факт ухода войск. Но, может быть, кое-кого это не очень беспокоит.

Что касается положения Италии в Абиссинии, то по тому, что я слышу, оно далеко не улучшается, а становится все хуже. Я боюсь, что момент, который мы выбрали для признания, не будет благоприятным для нашего авторитета среди многих миллионов цветных подданных Короля.

Тем не менее, я также согласен с необходимостью быть осторожным, занимая ту или иную позицию по отношению к соглашению. В конце концов, это все еще не соглашение, и с моей стороны было бы ошибкой сказать что-либо, что было бы сочтено затрудняющим его осуществление... Как ни как, это именно то, что я обещал в своей речи после отставки, а затем в Лимингтоне.

Самой тревожной чертой международного положения, как я его вижу, является то, что временное ослабление напряженности может быть сделано предлогом для ослабления усилий нации, которые и без того не соответствуют серьезности времени».

Гитлер зорко следил за происходящим. Для него также было важно, какова будет окончательная позиция Италии в европейском кризисе. В конце апреля на совещании с начальниками штабов он обсуждал, как ускорить решение. Муссолини хотел свободы рук в Абиссинии. Несмотря на согласие Британского правительства, он в крайнем случае мог нуждаться в поддержке Германии в этой аванюре. Если так, он должен принять германскую акцию против Чехословакии. Дело должно быть доведено до решения, и при урегулировании чехословацкого вопроса Италия должна участвовать на стороне Германии. В Берлине, конечно, изучали заявления английских и французских государственных деятелей. Там с удовлетворением приняли к сведению намерение Западных держав убедить чехов быть рассудительными в интересах европейского мира. Руководимая Генлейном судетская нацистская партия формулировала теперь требования автономии для граничащих с Германией округов. Ее программа была возвещена 24-го апреля в речи Генлейна в Карлсбаде. Вскоре после этого английский и французский посланники посетили чешского министра иностранных дел, чтобы «выразить надежду, что Чешское правительство дойдет до границ возможного, чтобы уладить вопрос».

В мае немцы, живущие в Чехословакии, получили приказ усилить свою агитацию. 12-го мая Генлейн приехал в Лондон, чтобы ознакомить Британское правительство с несправедливостями, причиняемыми его сторонникам. Он выразил желание встретиться со мною, и я устроил на следующий день встречу, на которой также присутствовал Арчибальд Синклер, а профессор Линдеман был переводчиком.

Предлагаемое Генлейном решение, как он его изложил, можно резюмировать следующим образом:

«В Праге должен существовать центральный парламент, контролирующей внешнюю политику, оборону, финансы и пути сообщения. Все партии должны иметь право высказывать там свои мнения, и правительство должно следовать решениям большинства. Пограничные крепости могут быть заняты чешскими войсками, которые, во всяком случае, будут иметь туда беспрепятственный доступ. Судетские немецкие округа и, может быть, другие округа с национальными меньшинствами, должны иметь местную автономию. Это значит, что они должны иметь свои городские и окружные советы, а также выборное собрание, которое может в определенно очерченных пределах обсуждать вопросы общепластного значения. Он готов передать фактически вопросы, как, например, определение границ, внепартийному трибуналу, может быть, даже назначенному Лигой Наций. Все партии должны иметь право организовываться и выставлять своих кандидатов на выборах; в автономных округах должны функционировать внепартийные суды. В округах немецкого языка такие чиновники, как почтовые, железнодорожные и полицейские, должны говорить по-немецки. Справедливая доля всех собираемых налогов должна быть возвращаема в эти округа на расходы по их управлению».

Чешский посланник в Лондоне Масарик, который был затем осведомлен об этом разговоре, выразил свое сочувствие такого рода решению. Совместимое с самостоятельным существованием Чешской Республики мирное решение действительно существовавших трений с ее национальными меньшинствами отнюдь не было невозможным — если бы с германской стороны были добрая воля и честные намерения. Но на этот счет у меня не было иллюзий.

17-го мая начались переговоры о судетском вопросе между Генлейном, посетившим на обратном пути Гитлера, и Чешским правительством. В Чехословакии предстояли муниципальные выборы, а Германское правительство начало рассчитанную войну нервов, как подготовку к ним. Упорно циркулировали слухи о передвижениях германских войск к чешской границе. 20-го мая Невиллю Гендерсону было поручено сделать в Берлине запрос по этому поводу. Немецкие опровержения не успокоили чехов, которые в ночь на 21-ое мая объявили частичную мобилизацию своей армии.

**
*

Здесь нужно остановиться на намерениях Германии. С некоторого времени Гитлер был убежден, что ни Франция ни Англия не будут воевать из-за Чехословакии. 28-го мая он созвал своих главных помощников и дал инструкцию для подготовки нападения на Чехословакию. Позднее он сам заявил об этом публично в своей речи в Рейхстаге 30-го января 1939 года:

«Ввиду этой нестерпимой провокации... я решил разрешить Судето-германский вопрос раз навсегда и на этот раз радикально. 28-го мая я приказал, во-первых, чтобы были сделаны приготовления к военной операции против этого государства ко 2-му октября, и, во-вторых, огромное и ускоренное расширение нашего оборонительного фронта на Западе».

Его военные сотрудники, однако, не все разделяли его несокрушимую уверенность. Ввиду все еще огромного превосходства сил Союзников во всем, кроме авиации, германских генералов нельзя было убедить в том, что Франция и Англия склонятся перед вызовом Фюрера. Чтобы сломить чешскую армию и прорвать или обойти богемскую линию укреплений, понадобилось бы фактически целых 35 дивизий. Начальники штабов информировали Гитлера, что чешскую армию надо считать сильной и вполне современной по ее вооружению и снаряжению. Западный Вал или Линия Зигфрида, хотя уже существующая как ряд полевых ук-

реплений, все еще далеко не закончена. Таким образом, в момент нападения на чехов только пять активных и восемь резервных дивизий будут иметься для защиты всей западной границы Германии против французской армии, которая может мобилизовать сто дивизий. Генералов пугал такой риск, когда через несколько лет Германия снова должна была стать госпожой положения. Хотя политическое суждение Гитлера оказалось правильным в случаях введения воинской повинности, занятия Рейнской области и захвата Австрии, германское командование не верило, что блеф удастся Гитлеру и в четвертый раз. Что великие победоносные нации, обладая очевидным военным превосходством, снова сойдут с пути долга и чести, который был для них также путем здравого смысла и благоразумия, — это казалось выходящим за пределы разумно возможного. Помимо этого была еще Россия с ее славянской близостью к Чехословакии и чье отношение к Германии в то время было угрожающим.

Отношения Советской России с Чехословакией, как государством и лично с президентом Бенешом, были тесной и прочной дружбой. Корни ее были в известной расовой близости, а также и сравнительно недавних событиях, требующих краткого пояснения. Когда президент Бенеш посетил меня в Маррокеше в январе 1944 года, он рассказал мне следующую историю. В 1935 году он получил от Гитлера предложение гарантировать при всех обстоятельствах неприкосновенность Чехословакии в обмен на гарантию, что она останется нейтральной в случае франко-германской войны. Когда Бенеш указал на договор, обязывающий его в таком случае действовать вместе с Францией, германский посол ответил, что нет необходимости отказываться от договора. Будет достаточно нарушить его, когда наступит время, не объявив мобилизации или не выступив активно. Маленькая республика не могла позволить себе выразить негодование по поводу такого предложения. Ее опасения Германии были уже очень серьезными, в особенности потому, что в любое

время мог возникнуть и быть раздутым германский вопрос о судетских немцах, вызвав крайние затруднения и грозя стране гибелью. Поэтому вопрос был обойден без комментария или какого-либо обязательства, и в течение более чем года ничего не случилось. Осенью 1936 года президенту Бенешу было передано сообщение из высокого германского источника, что, если он хочет воспользоваться предложением Фюрера, то лучше торопиться, потому что в России скоро произойдут события, которые лишат значения ту помощь, которую он может оказать Германии.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, он узнал, что через советское посольство в Праге проходит корреспонденция между важными лицами в России и Германским правительством. Это было частью так называемого заговора военных и «старых большевиков» с целью свергнуть Сталина и установить новый режим, основанный на прогерманской политике. Президент Бенеш, не теряя времени, сообщил Сталину всё, что смог узнать.*) За этим последовала беспощадная, но, может быть, не излишняя военная и политическая чистка и ряд процессов в январе 1937 года, в которых Вышинский в качестве общественного обвинителя так мастерски играл свою роль.

Хотя чрезвычайно неправдоподобно, чтобы «старая гвардия» коммунистов действовала сообща с военными вождями или наоборот, они несомненно были полны зависти к Сталину, который их устранил. Поэтому могло быть удобным в то же время избавиться и от них, следуя принятым в тоталитарном государстве правилам поведения. Зиновьев, Бухарин, Радек и другие бывшие руководящие деятели революции, маршал Тухачевский, представлявший Советский Союз на похоронах Короля Георга V, и многие другие

*) Имеются однако некоторые данные, что полученная Бенешом информация была предварительно подсунута чешской полиции агентами ГПУ, хотевшего, чтобы она дошла до Сталина из дружественного иностранного источника. Это не уменьшает услуги Бенеша Сталину и поэтому несущественно.

из высшего командного состава армии, были расстреляны. Всего было «ликвидировано» не менее пяти тысяч офицеров и должностных лиц рангом выше капитана. Русская армия была очищена от ее прогерманских элементов дорогой ценой ослабления ее военной эффективности. Предубеждение советского правительства было подчеркнуто направлено против Германии. Сталин сознавал, чем он был лично обязан президенту Бенешу, и советское правительство было одушевлено желанием помочь ему и его угрожаемой стране против нацистской опасности. Гитлер, без сомнения, в совершенстве понимал положение. Но я не знаю, понимали ли его также британское и французское правительства. Для Чемберлена, как и для британского и французского генеральных штабов, чистка 1937 года представлялась главным образом, как раздираение русской армии на клочки, и давала картину Советского Союза, растерзанного яростной ненавистью и местью. Это, вероятно, преувеличенное представление, потому что основанная на терроре правительственная система вполне может оказаться укрепившейся благодаря беспощадному и успешному утверждению своей власти. Для цели нашего рассказа важен факт тесного сближения России и Чехословакии, и Сталина и Бенеша.

Но внешнему миру не были известны ни внутренние осложнения в Германии, ни нити, связывавшие Бенеша и Сталина. Не были они оценены и британскими и французскими министрами. Линия Зигфрида, хоть и незаконченная, казалась грозным препятствием. Сила и боеспособность германской армии, как нового явления, не могли быть точно взвешены и несомненно преувеличивались. Существовала также не поддававшаяся измерению опасность воздушных атак на незащищенные города. А главное была ненависть к войне в сердцах демократий.

Тем не менее, 12-го июня Даладьё возобновил ручательство, данное 14-го марта его предшественником, и заявил, что обязательства Франции по отно-

шению к Чехословакии «священны и не могут быть обойдены». Это знаменательное утверждение отмечает всю болтовню о том, что заключенный тринадцать лет до того Локарнский договор умолчанием оставил все на Востоке в неопределенном положении, пока не будет заключено Восточное Локарно. Не подлежит сомнению, что договор 1924 года между Францией и Чехословакией имел полную силу не только юридическую, но и фактическую. И это было в 1938 году при всех обстоятельствах подтверждено сменявшимися главами Французского правительства.

Но по этому поводу Гитлер был твердо убежден, что правильно только его суждение, и 18-го июня он дал окончательную директиву для нападения на Чехословакию, стараясь успокоить ею своих испуганных генералов.

«Гитлер Кайтелю:

Я приму решение открыть действия против Чехословакии лишь в том случае, если, как в случаях демилитаризованной зоны и вступления в Австрию, я буду твердо убежден, что Франция не вступит, и что вследствие этого Англия не вмешается».

С целью запутать дело Гитлер в начале июля послал в Лондон своего личного адъютанта капитана Видемана. Этот посланец был 18-го июля принят лордом Галифаксом будто бы без ведома германского посольства. Видеман дал понять, что Фюрер задет нашим недостаточным откликом на его прежнюю инициативу. Может быть, Британское правительство захочет принять в Лондоне Геринга для более обстоятельных разговоров. При известных обстоятельствах немцы могут согласиться отложить на год их акцию против чехов. Через несколько дней Чемберлэн говорил об этой возможности с германским послом. Чтобы подготовить почву в Праге, Чемберлэн уже предложил чехам посылку в Чехословакию следователя для содействия дружественному компромиссу. Королевское посещение Парижа 20-го июля дало Галифаксу возможность обсудить это предложение с француз-

ским правительством, и в коротком обмене мнений оба правительства согласились сделать эту попытку посредничества.

26 июля 1938 года Чемберлэн возвестил в Парламенте поездку лорда Рэнсимана в Прагу с целью искать там решения посредством соглашения между Чешским правительством и Генлейном. На следующий день чехи опубликовали, как базу для переговоров, проект статута для национальных меньшинств. В тот же день лорд Галифакс заявил в Парламенте: «Я не верю, чтобы ответственные лица в правительстве какой-либо страны хотели сейчас войны». 3-го августа лорд Рэнсиман прибыл в Прагу, и между разными заинтересованными сторонами имели место бесконечные и запутанные дискуссии. Через две недели эти переговоры оборвались, и с этого момента события стали развиваться быстро.

27-го августа Риббентроп, теперь министр иностранных дел, сообщил о посещении его итальянским послом в Берлине, который «получил еще одну письменную инструкцию от Муссолини с просьбой, чтобы Германия заблаговременно сообщила вероятную дату выступления против Чехословакии». Муссолини просил о таком извещении, чтобы «быть в состоянии принять необходимые меры на французской границе».

**

В августе тревога неуклонно нарастала. 27-го я сказал своим избирателям:

«В этом древнем лесу Гейдон Буа, самое имя которого возвращает нас к норманским временам, здесь — в сердце мирной законопослушной Англии нам трудно представить себе яростные страсти, которые назрели в Европе. В этом тревожном месяце вы, конечно, читаете газетные отчеты, одну неделю хорошие, другую плохие, одну неделю лучше, другую хуже. Но я должен сказать вам, что всё положение вещей в Европе и во всем мире неуклонно движется к критическому пункту, который не может быть отсрочен на долгое время,

Война, без сомнения, не неизбежна. Но опасность для мира не будет устранена, пока не будут рассеяны обширные германские армии, призванные из их домов в боевые ряды. Держать на военном положении полтора миллиона солдат очень серьезная мера для страны, которой никто не угрожает, которой некого бояться... Мне думается, и я должен это вам прямо сказать, что такие большие силы не были бы поставлены на военную ногу без намерения довести решения в течение очень ограниченного промежутка времени.

Мы все вполне согласны с шагом, который сделало наше Правительство, послав лорда Рэнсимана в Прагу. Мы надеемся — мы молимся об этом, — что его примирительная миссия увенчается успехом, а дело, без сомнения, выглядит так, что Чешское правительство делает всё возможное, чтобы привести свой дом в порядок и удовлетворить каждое требование, которое не имеет целью разрушение этой страны как государства. Но соглашению могут помешать более пламенные и далеко идущие вождедения. Тогда Европе и цивилизованному миру придется выступить против требований нацистской Германии или очутиться пред лицом какого-либо внезапного акта насилия со стороны германской нацистской партии, влекущего за собой вторжение в небольшую страну и ее порабощение. Это было бы не просто нападением на Чехословакию, но преступлением против цивилизации и свободы всего мира.

Что бы ни случилось, но иностранные государства должны знать — и Правительство право, давая им это понять, — что не следует считать Великобританию и Британскую Империю неспособными сыграть свою роль и выполнить свой долг, как она это делала в других знаменательных случаях, еще не забытых историей».

В эти дни у меня был некоторый контакт с министрами. На моих отношениях с лордом Галифаксом, конечно, отразились серьезные разногласия между мной и Правительством Его Величества по вопросам обороны и внешней политики. В основном Иден и я были одного мнения. Я не мог чувствовать то же по отношению к его преемнику. Тем не менее при случае мы встречались с ним как друзья и бывшие многолетние коллеги, а время от времени я ему писал. Иногда он приглашал меня зайти к нему.

«Черчилль лорду Галифаксу

31.VIII.38 года.

Если Бенеш выполняет обещания, и лорд Рэнсиман считает, что это справедливое предложение, и оно тем не ме-

нее будет отвергнуто, то я думаю, что для того, чтобы усилить сдерживающие моменты против насильственной акции Гитлера, можно сделать на этой неделе две вещи, ни одна из которых не обяжет Вас дать гарантию, которой Вы опасаетесь. Во-первых, не будет ли возможно сговориться между Англией, Францией и Россией об общей ноте, выражающей: а) их желание мира и дружественных отношений; б) их глубокое беспокойство по поводу военных приготовлений Германии; в) общую их заинтересованность в мирном разрешении чехословацкого конфликта; и г) что вторжение Германии в Чехословакию поставит перед всеми тремя державами вопросы капитальной важности? Текст этой ноты должен быть формально показан Рузвельту послами трех держав, и мы должны приложить все усилия, чтобы побудить его сделать на ее основании всё возможное. Мне представляется не исключенным, что он тогда обратится к Гитлеру, подчеркивая серьезность положения и заявляя, что, по его мнению, вторжение в Чехословакию неизбежно повлечет за собой мировую войну, и что он серьезно советует достичь мирного улажения конфликта.

Я думаю, что эта процедура даст миролюбивым элементам в немецких официальных кругах наилучший шанс занять твердую позицию, и что Гитлер, может быть, найдет для себя выход в разговорах с Рузвельтом. Ничего этого нельзя однако предсказать; можно только надеяться. **Что важно, это — совместная нота.**

Вторым шагом, который мог бы спасти положение, были бы передвижения флота и перевод в состояние полной готовности запасных флотилий и эскадрилий крейсеров. Я не предлагаю призыва флотских резервов или мобилизации, но, насколько я знаю, имеются пять или шесть флотилий, которые можно поднять до уровня Первого Флота, а также около двухсот траллеров, которыми можно пользоваться для борьбы против подводных лодок. Принятие этих и других мер вызовет большое возбуждение в морских портах, результат которого может быть только благодетелен, как средство устрашения, а также как своевременная предосторожность на случай, если произойдет худшее.

Я надеюсь, что Вам не будут неприятны эти советы человека, который раньше уже переживал подобное время. Ясно, что чрезвычайно важно действовать быстро».

**

2-го сентября после полудня я получил сообщение от советского посла, что он хотел бы приехать в Чартвелл и немедленно видеть меня по спешному делу.

С некоторого времени у меня были с Майским дружеские личные отношения. Кроме того, он часто встречал моего сына Рандольфа. Я немедленно принял у себя посла, и после немногих предварительных замечаний он рассказал мне с точными деталями передаваемую ниже историю. Прежде чем он успел окончить свой рассказ, мне стало ясно, что он делает заявление мне, частному лицу, потому что Советское правительство предпочитает этот путь передаче прямо министерству иностранных дел предложения, которое могло бы быть отклонено. Очевидным намерением было, чтобы я сообщил рассказанное Правительству Его Величества. Это не было прямо сказано послом, но вытекало из того, что он не просил, чтобы сказанное держалось в секрете. Так как вопрос казался мне делом первостепенной важности, я старался не вызвать предубежденности при его рассмотрении Галифаксом и Чемберленом выражением какого-либо собственного мнения или языком, который мог бы вызвать спор между нами.

«Черчилль лорду Галифаксу 3.IX,38 года.

Я получил частным образом из абсолютно достоверного источника следующую информацию, которую считаю своим долгом Вам сообщить, хотя меня об этом не просили.

Вчера 2-го сентября французский поверенный в делах в Москве (посол находится в отпуску) посетил Литвинова и спросил от имени Французского правительства, какую помощь Россия смогла бы оказать Чехословакии против немецкого нападения, в особенности в виду трудностей, которые могут быть созданы нейтралитетом Польши и Румынии. В ответ на это Литвинов спросил, что сделает сама Франция, указав на то, что Франция имеет прямые обязательства, тогда как обязательства России зависят от действий Франции. Французский поверенный в делах на этот вопрос не ответил. Тем не менее Литвинов заявил, во-первых, что Советский Союз твердо намерен выполнить свои обязательства. Он признает трудности, создаваемые позицией Польши и Румынии, но думает, что в случае Румынии они могли бы быть преодолены.

За несколько последних месяцев политика Румынского правительства по отношению к России была определенно дружественной, и их отношения значительно улучшились. Литвинов думает, что лучший путь преодолеть нежелание

Румынии был бы через Лигу Наций. Если, например, Лига решит, что Чехословакия является жертвой агрессии, а Германия агрессором, то это, вероятно, определит поведение Румынии по вопросу о разрешении русским войскам и воздушным силам двигаться через ее территорию.

Французский поверенный в делах заметил, что Совет Лиги может оказаться не единодушным, и получил ответ, что Литвинов думает, что решения большинства было бы достаточно, и что Румыния, вероятно, присоединится к большинству при голосовании в Совете. Поэтому Литвинов рекомендовал, чтобы Совет Лиги был призван действовать согласно 11-й статье на том основании, что имеется опасность войны, и что входящие в Лигу державы должны совещаться совместно. Он думает, что чем раньше это будет сделано, тем лучше, так как времени осталось, может быть, очень мало. Он сказал затем французскому поверенному в делах, что между Россией, Францией и Чехословакией должны немедленно иметь место совещания штабов о средствах и мероприятиях для оказания помощи. Советский Союз готов сейчас же принять участие в таких совещаниях.

Далее он сослался на свое интервью от 17-го марта, копию которого Вы, без сомнения, имеете в министерстве, и в котором он высказался о совещании между миролюбивыми державами о лучшем методе сохранения мира с целью, может быть, совместного заявления, включая три заинтересованные великие державы: Францию, Россию и Великобританию. Он думает, что Соединенные Штаты дали бы моральную поддержку такой декларации. Все эти заявления были сделаны от имени Советского правительства о том, что оно считает лучшим путем для предотвращения войны. Я указал, что сегодняшние новости как будто указывают на более мирное настроение у Гитлера и что я не думаю, чтобы Британское правительство имело в виду дальнейшие шаги, пока и если не будет нового разрыва переговоров между Бенешом и Генлейном, и если вина за него ни в коей мере не сможет быть приписана Чешскому правительству. Мы не захотим раздражать Гитлера, если он действительно склоняется к мирному решению.

Всё это, конечно, могло дойти до Вас другими путями, но я считал заявления Литвинова настолько важными, что не хотел полагаться на случай».

Я послал отчет лорду Галифаксу, как только я его продиктовал, и он 5-го сентября ответил в осторожной форме, что он не думает, чтобы предлагаемая акция на основании 11-й статьи могла быть полезной в данный момент, но что он будет иметь ее в виду. «Пока что я думаю, что мы, как Вы дали понять, долж-

ны рассматривать положение в свете отчета, с которым Генлейн вернулся из Берхтесгадена». Он прибавил, что положение остается очень тревожным.

**
*

В своей передовице от 7-го сентября газета «Таймс» писала:

«Если Судеты требуют теперь больше того, что Чешское правительство готово было им дать в своих последних предложениях, то из этого можно вывести только то, что немцы идут дальше только устранения правовых ограничений для тех, кто чувствует себя неудовлетворенными в Чехословацкой республике. В таком случае Чехословацкому правительству стоит, вероятно, подумать, должно ли оно совершенно исключить встретивший сочувствие в некоторых кругах проект сделать Чехословакию более однородным государством, отказавшись от той пограничной части чужеродного населения, которая живет рядом с нацией, с которой она объединена своей расой».

Это, конечно, означало бы выдачу всей богемской линии укреплений. Хотя Британское правительство сейчас же заявило, что статья «Таймса» не выражает его взглядов, общественное мнение, в особенности во Франции, отнюдь не было успокоено. В тот же день 7-го сентября французский посол пришел к лорду Галифаксу, чтобы от имени своего правительства просить об ясном определении британской позиции в случае германского нападения на Чехословакию. Боннэ, в то время французский министр иностранных дел, утверждает, что 10-го сентября 1938 года он поставил нашему послу в Париже сэру Эрику Фиппсу следующий вопрос: «Завтра Гитлер может атаковать Чехословакию. Если он это сделает, Франция сейчас же объявит мобилизацию. Она обратится к Вам с вопросом: «Мы выступаем, выступаете ли вы вместе с нами?». Каков будет ответ Великобритании?»

Следующий, одобренный Кабинетом, ответ был 12-го послан Лордом Галифаксом через Эрика Фиппса:

«Я, конечно, признаю значение, которое имел бы для Французского правительства ясный ответ на этот вопрос. Но, как Вы сами на то указали Боннэ, самый вопрос, хотя

и ясный по форме, не может быть изолирован от обстоятельств, при которых он может быть поставлен, и которые в настоящее время неизбежно являются совершенно гипотетическими.

Кроме того, в таком вопросе Правительство Его Величества не может считаться только со своей собственной позицией, поскольку каждым решением, которое оно примет, или каждой акцией, которую оно начнет, оно фактически свяжет Доминионы. Совершенно несомненно, что их правительства не захотят, чтобы их позиция каким-либо образом была наперед предрешена до наступления действительных обстоятельств, о которых они захотят иметь свое суждение.

Поэтому, поскольку я на этой стадии в состоянии дать какой-либо ответ на вопрос Боннэ, он будет таков, что, в то время как Правительство Его Величества никогда не допустит, чтобы безопасность Франции была поставлена под угрозу, оно не может сделать точного заявления о характере своей будущей акции или о времени, когда она будет предпринята, при обстоятельствах, которые сейчас нельзя предвидеть».

На основании утверждения, что «Правительство Его Величества никогда не допустит, чтобы безопасность Франции была поставлена под угрозу», французы запросили, какой помощи они могут ожидать, если это случится. Согласно Боннэ, ответ из Лондона гласил: две не моторизованные дивизии и полтораста аэропланов в течение первых шести месяцев войны. Если Бонне искал оправдания, чтобы предоставить чехов их судьбе, следует признать, что его старания увенчались некоторым успехом.

Также 12-го сентября на съезде партии в Нюрнберге Гитлер произвел яростную атаку на чехов, которые на следующий день ответили объявлением военного положения в некоторых округах республики. 14-го переговоры с Генлейном были окончательно прерваны, а 15-го лидер Судетов бежал в Германию.

Кризис достиг теперь своей высшей точки.

17.

МЮНХЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Чемберлэн теперь целиком определял британскую внешнюю политику, и сэр Гораций Вильсон был его главным доверенным лицом и агентом. Лорд Галифакс, несмотря на растущие под влиянием атмосферы в его министерстве сомнения, следовал руководству главы правительства. Совет министров был в глубоком смущении, но повиновался. Парламентские партийные организаторы искусно руководили Консервативным большинством в Палате Общин. Один и только один человек направлял всю нашу политику. Его не удерживали ни ответственность, которую он на себя брал, ни чрезмерная затрата своих сил.

В ночь на 14-ое сентября Даладьё снесся с Чемберлэном. Французское правительство было того мнения, что совместное личное обращение к Гитлеру глав обоих правительств могло бы иметь значение. Но Чемберлэн действовал совместно с самим собой. По собственной инициативе он телеграфировал Гитлеру, предлагал приехать, чтобы встретиться с ним. Он осведомил об этом Кабинет на следующий день, а после полудня получил от Гитлера ответ, приглашавший его в Берхтесгаден. Утром 15-го британский премьер-министр вылетел на мюнхенский аэродром. Момент был выбран не во всех отношениях удачно. Когда эта новость достигла Праги, чешские лидеры не могли поверить, что это была правда. Они были поражены тем, что британский премьер-министр делает прямой визит Гитлеру в тот самый момент, когда они впервые были хозяевами внутреннего положения в Судетской области. Они считали, что это ослабит их позицию по отношению к Германии. Вызывающая речь Гитлера 12-го сентября и последовавший за ней под немецким влиянием бунт сторонников Генлейна, не получили поддержки на местах. Генлейн бежал в Германию, и Судетская немецкая партия, лишенная руководства, явно была настроена против активного выступления.

В своем так называемом «четвертом плане» Чешское правительство предложило судетским немцам административную систему областного самоуправления, которая не только шла дальше требований, поставленных Генлейном в апреле в Карлсбаде, но вполне отвечала взглядам, высказанным Чемберленом в его речи от 24-го марта, и заявлениям Джона Саймона в его речи от 27-го августа. Но даже лорд Рэнсиман понимал, что Германия меньше всего хотела удовлетворительного сговора между судетскими лидерами и Чешским правительством. Поездка Чемберлена дала немцам повод увеличить их требования, и по инструкциям из Берлина крайние элементы Судетской партии теперь открыто требовали объединения с Германской Империей.

**
*

Аэроплан премьер-министра прибыл на мюнхенский аэродром 16-го после полудня; до Берхтесгадена он ехал поездом. Тем временем, все немецкие радиостанции передавали прокламацию Генлейна, требовавшую присоединения Судетской области к Германской империи. Это была первая новость, которую Чемберлен узнал, когда он спустился. Нет сомнения, это было намеренно сделано так, чтобы он узнал ее до своей встречи с Гитлером. До этого вопрос об а н н е к с и и никогда не подымался ни Германским правительством ни Генлейном; и всего за несколько дней до этого наше министерство иностранных дел заявило, что это не является политикой, принятой Британским правительством.

Фейлинг уже опубликовал существующие отчеты о разговорах между Чемберленом и Гитлером. Следующий пункт из рассказа Чемберлена является особенно показательным: «Несмотря на жестокость и беспощадность, которые, мне казалось, я видел на его лице, я получил впечатление, что передо мной был человек, на которого можно положиться, если он дал слово». На самом деле Гитлер, как мы видели, за последние месяцы решил и подготовил вторжение в Чехо-

словакию, которое ждало лишь последнего сигнала. Когда в субботу 17-го премьер-министр вернулся в Лондон, он созвал Кабинет. Лорд Рэнсиман уже вернулся, и внимание к его докладу было обеспечено. Всё это время его здоровье было в плохом состоянии, и огромное напряжение, которое потребовала от него его миссия, свело его к самому скромному формату. Он рекомендовал теперь «политику немедленного и решительного действия», а именно «передачу Германии преимущественно немецких округов». Это, по крайней мере, имело достоинство простоты. И премьер-министр и лорд Рэнсиман оба были убеждены, что только передача Судетских округов Германии удержит Гитлера от вторжения в Чехословакию. Во время его встречи с Гитлером на Чемберлэна произвело очень сильное впечатление, что «тот был в боевом настроении». Его Кабинет считал, что у французов боевого духа не было. Поэтому не могло быть и речи о сопротивлении требованиям, предъявляемым Гитлером Чешскому государству. Некоторые министры находили утешение в таких фразах, как «право на самоопределение», «право национального меньшинства на справедливое к нему отношение», и даже проявлялось настроение «встать на защиту маленького человека против чешского насильника».

Теперь было необходимо установить задним числом контакт с Французским правительством. 18-го сентября Даладье и Боннэ прибыли в Лондон. Чемберлэн уже был готов в принципе принять требования Гитлера, как они были изложены ему в Берхтесгадене. Оставалось только формулировать предложения, чтобы представить их Чешскому правительству через британского и французского представителей в Праге. Французские министры привезли с собой ряд формулированных предложений, которые были без сомнения более искусно составлены. Они были против плебисцита, потому что, как они объясняли, могли бы возникнуть требования новых плебисцитов в Словакии и Карпатской Руси. Они были за прямую передачу Судетской области Германии. Но они прибавили,

что Британское правительство вместе с Францией и Россией, которую они не спрашивали, должны гарантировать новые границы искалеченной Чехословакии.

У многих из нас даже вне министерских кругов содалось впечатление, что Боннэ представлял собой квинтэссенцию дефетизма, и что все его ловкие словесные формулировки имели целью «мир любой ценой». В своей написанной после войны книге он пытается свалить все бремя на Чемберлэна и Галифакса. Не может быть, однако, сомнения относительно его намерений. Он во что бы то ни стало хотел избежать необходимости выполнить торжественное, точное и так недавно возобновленное обязательство Франции вступить в войну в защиту Чехословакии. Британское и французское правительства напоминали тогда две, вместе разваливающиеся, перезрелые дыни, в то время когда нужен был закал стали. В одном все они были согласны: не нужно консультации с чехами, которые должны быть поставлены перед решениями их охранителей. С брошенными в лесу младенцами поступили не хуже.

**
*

Представляя свое решение или ультиматум чехам, Англия и Франция сказали: «Французское и Британское правительства признают, как велика жертва, которую они требуют от Чехословакии. Они считали своим долгом совместно и открыто установить условия, необходимые для обеспечения безопасности... (Британский) премьер-министр возобновит разговоры с Гитлером не позже среды, а, если возможно, то раньше. Мы поэтому чувствуем себя вынужденными просить вашего ответа в возможно кратчайший срок». Таким образом 19-го сентября после полудня Чешскому правительству были вручены предложения, включавшие немедленную передачу Германии всех областей Чехословакии, где немецкое население составляло более пятидесяти процентов.

В конце концов Великобритания не имела договорного обязательства защищать Чехословакию и не

давала какого-либо неформального обязательства. Но Франция была определенно связана договором объявить войну Германии, если та нападет на Чехословакию. В течение двадцати лет Бенеш был верным союзником и почти что вассалом Франции, всегда поддерживая французскую политику и французские интересы в Лиге Наций и в других случаях. Если когда-либо были основания для выполнения обязательства, то тут и теперь... Еще свежи и живы в памяти были заверения Блюма и Даладье. Когда Французское правительство оказалось неспособным сдержать слово Франции, это было предвестием катастрофы. Я всегда считал, что Бенеш, уступив, сделал ошибку. Он должен был защищать свою линию укреплений. Как только начались бы бои, Франция, как я думал тогда, двинулась бы на помощь в порыве национальной страсти, и Англия почти немедленно присоединилась бы к Франции. В самый острый момент кризиса (20-го сентября) я приехал на два дня в Париж, чтобы видеть моих друзей во Французском правительстве, Рейно и Мандела. Они оба были в мучительном состоянии и были готовы подать в отставку. Я был против этого, так как это не изменило бы хода событий, а только еще более ослабило бы Французское правительство потерей двух его наиболее способных и решительных членов. Я даже позволил себе говорить с ними в этом духе. После этого тягостного визита я вернулся в Лондон.

**

В два часа ночи на 21-ое сентября британский и французский посланники в Праге явились к Президенту Бенешу, чтобы, в сущности, сообщить ему, что не было надежды на арбитраж на основе Германо-чехословацкого договора 1925-го года, и чтобы настаивать на принятии им англо-французских предложений «прежде чем создастся положение, за которое Франция и Англия не могут нести ответственности». Французское правительство, по крайней мере, настолько стыдилось такого заявления, что предписало своему посланнику сделать его только устно. Под этим давле-

нием Чешское правительство 21-го сентября подчинилось англо-французским предложениям. В этот момент в Праге был генерал французской армии по имени Фоше. Он с 1919 года принадлежал к французской военной миссии в Чехословакии, а с 1926 года был ее главой. Теперь он просил свое правительство освободить его от его обязанностей и предоставил себя в распоряжение чехословацкой армии. Он также принял чешское подданство.

С французской стороны приводилось следующее оправдание, которое нельзя с легкостью отвергнуть: если бы Чехословакия не покорилась и в результате началась война, то Франция выполнила бы свои обязательства; но если чехи под каким бы то ни было давлением решили уступить, то честь Франции была сохранена. Мы должны предоставить это суду истории.

**

В тот же день 26-го сентября я передал лондонской печати заявление по поводу кризиса:

«Раздел Чехословакии под давлением Англии и Франции равносителен полной капитуляции Западных Держав перед нацистской угрозой насилеи. Такой акт бессилия не дает мира или безопасности ни Англии ни Франции. Напротив, он создает для обеих наций ситуацию все большей слабости и все более опасную. Один факт нейтрализации Чехословакии означает освобождение двадцати пяти германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту; он откроет, кроме того, торжествующим нацистам дорогу к Черному морю. Под угрозой находится не одна только Чехословакия, но свобода и демократия всех народов. Представление, что можно обеспечить собственную безопасность, отдав на съедение волкам небольшое государство, есть гибельный самообман. Военный потенциал Германии возрастет в короткое время, прежде чем Франция и Великобритания смогут закончить необходимые для их обороны мероприятия».

**

На общем собрании Лиги Наций 21-го сентября Литвинов сделал официальное предостережение:

«В настоящее время Чехословакия подвергнута вмешательству в ее внутренние дела со стороны одного соседнего государства и публичным угрозам нападения на нее. Один из самых старых, самых культурных, самых трудолюбивых европейских народов, который после столетнего угнетения завоевал себе независимость, может сегодня или завтра решить взяться за оружие для защиты этой независимости.

Такое событие, как исчезновение Австрии, прошло незамеченным Лигой Наций. Сознывая значение этого события для судьбы всей Европы и в особенности Чехословакии, Советское правительство немедленно после захвата Австрии обратилось к другим европейским Великим державам с предложением немедленного совместного обсуждения возможных последствий этого события, чтобы коллективно принять предохранительные меры. Это предложение, которое, если бы оно было осуществлено, могло избавить нас от тревоги, которую весь мир теперь чувствует за судьбу Чехословакии, к сожалению, не было оценено по достоинству.

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву Французское правительство в первый раз запросило о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я от имени моего правительства дал следующий совершенно ясный и недвусмысленный ответ: «Мы намерены выполнить наши договорные обязательства, и вместе с Францией оказать Чехословакии помощь доступными нам средствами. Наше военное министерство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных министерств, чтобы обсудить меры, соответствующему данному моменту...». Только два дня тому назад Чехословацкое правительство обратилось к моему правительству с формальным запросом, готов ли Советский Союз согласно Совето-чешскому договору оказать Чехословакии немедленную и эффективную помощь, если Франция, верная своим обязательствам, окажет подобную же поддержку, на что мое правительство дало ясный утвердительный ответ».

Это, действительно, поразительно, что такое публичное и безоговорочное заявление одной из величайших из заинтересованных держав не сыграло роли ни в переговорах Чемберлена, ни в поведении Франции в связи с кризисом. Как я слышал, указывалось на то, что для России было географически невозможно послать войска в Чехословакию, и что в случае войны русская помощь ограничилась бы скромной воздушной поддержкой. Необходимо было, ко-

нечно, согласие Румынии и в меньшей степени Венгрии для прохода русских войск через их территорию. Как мне дал понять Майский, оно могло бы быть получено от Румынии посредством давления и гарантий Великого Союза, действующего под эгидой Лиги Наций. Две железные дороги ведут из России в Чехословакию через Карпаты, одна северная от Черновцов через Буковину, другая южная через Венгрию из Дебрецена. Только эти две дороги, которые проходят на значительном расстоянии от Бухареста и Будапешта, вполне могли бы обслужить русскую армию в тридцать дивизий. Как противовес в пользу мира, эти возможности были бы существенным сдерживающим моментом для Гитлера, а в случае войны привели бы к разворачиванию гораздо более крупных событий. Большое значение придавалось также советскому лицемерию и недобросовестности, и в результате советское предложение было игнорировано. Россия не была положена на чашку весов против Гитлера и третиновалась с невниманием — чтобы не сказать пренебрежением, — что оставило свой след в настроении Сталина. Позднее мы за это дорого заплатили.

**

Произнося 21-го сентября речь в Тревизо, Муссолини сказал — не без известной силы: «Если Чехословакия находится сейчас в том, что можно назвать «щекотливом положении», то это потому, что она была — можно уже сказать «была», и я сейчас же скажу вам, почему, не просто Чехословакией, но «Чехо-германо-полоно-мадьяро-рутено-румыно-словакией», и я хочу подчеркнуть, что теперь, когда эта проблема поставлена, она должна найти полное решение».

Униженное англо-французскими предложениями, Чешское правительство подало в отставку, и было образовано внепартийное правительство во главе с генералом Сыровым, который во время Первой мировой войны командовал в Сибири чешскими легионами. 22-го сентября президент Бенеш обратился по ра-

дио к чешскому народу с полным достоинства призывом к спокойствию. Когда Бенеш готовил свою радиопередачу, Чемберлэн летел на второе свидание с Гитлером, на этот раз в рейнском городке Годесберге. Британский премьер-министр вез с собой, как базис для окончательного разговора с Гитлером, детальный текст принятых Чешским правительством англо-французских предложений. Они встретились в том отеле в Годесберге, который четыре года раньше Гитлер спешно оставил для проведения чистки Рема. Чемберлэн сразу понял, что он имел перед собой то, что он сам назвал «совершенно неожиданной ситуацией». По своем возвращении он так описал эту сцену в Палате Общин:

«Мне было сказано в Берхтесгадене, что если принцип самоопределения будет признан, то Гитлер будет обсуждать со мной возможности и средства его осуществить. Позднее он сказал мне, что он никогда ни на один момент не предполагал, что я смогу вернуться и сказать ему, что принцип признан. Я не хочу, чтобы Палата подумала, что он меня намеренно обманывал — я ни на минуту не думаю этого, — но со своей стороны, я ожидал, что, когда я вернусь в Годесберг, мне предстоит только спокойно обсуждать привезенные мною предложения. И для меня было глубоким потрясением, когда в самом начале разговора мне было сказано, что эти предложения неприемлемы и должны быть заменены другими такого рода, как я никогда не предполагал.

Я чувствовал, что мне нужно некоторое время, чтобы обдумать, что я должен делать. Поэтому я ушел с дурными предчувствиями относительно успеха моей миссии. Однако перед этим я получил от Гитлера подтверждение его заявления, что он не двинет своих войск до окончания переговоров. Я со своей стороны взял на себя апеллировать к Чешскому правительству, чтобы оно избегло каких-либо действий, которые могли бы вызвать инциденты».

Разговоры были прерваны до следующего дня. Всё утро 23-го сентября Чемберлэн бродил по балкону своего отеля. После завтрака он написал письмо Гитлеру, сообщая, что он готов передать новые немецкие предложения Чешскому правительству, но указывал на большие трудности. Полученный после полудня ответ Гитлера обнаружил мало признаков уступчивости, и Чемберлэн просил, чтобы при окон-

чательной встрече вечером ему дали формальный меморандум с картами. В это время чехи проводили мобилизацию, и Британское и Французское правительства сообщили официально своим представителям в Праге, что они больше не могут взять на себя ответственность советовать не делать этого. В 10.30 вечера Чемберлэн опять встретился с Гитлером. Описание этой встречи лучше всего передать его собственными словами:

«При моем последнем свидании с Канцлером, которое началось в тот вечер в половине одиннадцатого и продолжалось до раннего утра, мне был вручен меморандум и карта. На этом свидании присутствовали германский министр иностранных дел, а также сэр Невилль Гендерсон и сэр Гораций Вильсон. В первый раз я нашел в меморандуме определенный срок. Со своей стороны я в этом случае говорил очень откровенно. Со всей энергией в моем распоряжении я остановился на риске, который означает настаивание на таких условиях, и на ужасных последствиях войны, если результатом будет война. Я заявил, что язык и характер документов, которые я охарактеризовал как ультиматум скорее чем меморандум, вызовут глубокое потрясение в нейтральных странах, и я с горечью упрекал Канцлера за то, что он никак не реагировал на усилия, которые я делал, чтобы сохранить мир. Я должен добавить, что Гитлер с большой серьезностью повторил то, что он уже сказал в Берхтесгадене, а именно, что это было его последней территориальной целью в Европе, и что он не хочет включать в Империю население другой расы, кроме германской. Кроме того, он сказал снова очень серьезно, что он хочет дружбы с Англией, и, если удастся, мирно решить судетский вопрос, **он будет рад возобновить переговоры**. Правда, сказал он, «имеется еще трудный вопрос — колонии, но это не основание для войны».

24-го сентября после полудня Чемберлэн вернулся в Лондон, и на следующий день состоялись три заседания Кабинета. И в Лондоне и в Париже настроение заметно становилось более твердым. Было решено отклонить годесбергские условия, и это было сообщено Германскому правительству. Французское правительство было согласно, и частичная мобилизация была проведена быстро и более внушительно, чем этого ожидали. Вечером 25-го сентября французские министры снова приехали в Лондон и подтвердили,

хотя неохотно, свои обязательства по отношению к чехам. На следующий день после полудня Гораций Вильсон был послан в Берлин с личным письмом к Гитлеру, за три часа до того, как тот должен был говорить во Дворце Спорта. Единственный ответ, который Вильсон получил от Гитлера, был, что он не отступит от срока, поставленного в годесбергском ультиматуме, а именно воскресения 1-го октября. В этот день он вторгнется в спорные территории, если не получит согласия чехов до 2 часов пополудни в среду 28-го.

В этот вечер Гитлер говорил в Берлине. Он упомянул об Англии и Франции в примирительных выражениях, но грубо и яростно атаковал Бенеша и чехов. Он категорически заявил, что чехи должны очистить Судетскую область не позднее 28-го, но, раз это будет улажено, он больше не интересуется тем, что происходит в Чехословакии: «Э т о м о е п о с л е д н е е т е р р и т о р и а л ь н о е п р и т я з а н и е в Е в р о п е».

**
*

Как и при других подобных обстоятельствах, по мере обострения кризиса мой контакт с Правительством Его Величества становился более частым и интимным. 10-го сентября я имел длинный разговор с премьер-министром на Доунинг-стрит. 26-го сентября он или пригласил меня или охотно согласился меня видеть. Я был принят им и лордом Галифаксом в помещении Совета министров в половине четвертого пополудни этого критического дня. Я отстаивал политику, которую я изложил в письме лорду Галифаксу от 31-го августа, а именно, заявление об единстве настроения и целей Англии, Франции и России против гитлеровской агрессии. Мы долго и в деталях обсуждали коммюнике и, казалось, были в полном согласии. Галифакс и я были заодно, и я определенно думал, что премьер-министр был вполне согласен. При этом присутствовал высокий чиновник министерства иностранных дел, который составил проект текста.

Когда мы расстались, я чувствовал удовлетворение и облегчение.

Около восьми часов Липер, тогда начальник отдела печати министерства, теперь сэр Реджинальд Липер, представил министру иностранных дел коммюнике, главное место которого гласило:

«Если, несмотря на усилия, сделанные Британским премьер-министром, произойдет германское нападение на Чехословакию, немедленным последствием должно быть, что Франция будет обязана прийти ей на помощь, а Великобритания и Россия будут вместе с Францией».

Это было одобрено лордом Галифаксом и немедленно опубликовано.

Когда несколько раньше я вернулся к себе домой, я застал там собравшимися около пятнадцати человек. Это были все консерваторы: лорд Сесиль, лорд Ллойд, сэр Эдуард Григг, сэр Роберт Горн, Бутби, Бракен и Лоу. Настроение было возбужденное. Все сводилось к одному: «мы должны привлечь Россию». На меня произвела сильное впечатление и даже была для меня неожиданной эта сила настроения среди Тори, которая показывала, до какой степени они отбросили все соображения о классовых, партийных или идеологических настроениях, и какой остроты достигли их чувства. Я рассказал им, что произошло на Доунинг-стрит и описал характер коммюнике. Все они были в высокой степени удовлетворены.

Французская правая печать отнеслась к этому коммюнике с подозрением и пренебрежением. Газета «Матэн» назвала его «искусной ложью». Боннэ, который теперь очень старался показать, как далеко он зашел в своих действиях, сказал нескольким депутатам, что у него нет подтверждения, и оставил у них впечатление, что он добивался не британской гарантии. Ему, без сомнения, было нетрудно внушить эту мысль.

В этот вечер я ужинал с Даф Купером в Адмиралтействе. Он сказал мне, что добивается от премьер-министра немедленной мобилизации флота. Я вспомнил мои собственные переживания четверть века тому назад, когда возникли такие же обстоятельства.

**

*

Казалось, что наступил момент столкновения, и что противостоящие силы заняли свои позиции. За самой сильной в Европе линией укреплений чехи имели полтора миллиона вооруженных людей, снаряженных высоко организованной и могущественной индустриальной машиной. Французская армия была частично мобилизована, и французские министры, хотя и неохотно, готовы были выполнить свои обязательства по отношению к Чехословакии. 27-го сентября, перед самой полночью Адмиралтейство разослало предупредительную телеграмму, назначавшую на следующий день мобилизацию флота. Эта информация почти сейчас же (в 11.38 ночи) была дана английской печати. 28-го сентября в 11.20 утра Адмиралтейство дало британскому флоту формальный приказ мобилизоваться.

**

*

Мы должны теперь посмотреть, что происходило позади того наглого фронта, который Гитлер показывал Британскому и Французскому правительствам. Начальник генерального штаба армии генерал Бек был глубоко обеспокоен замыслами Гитлера. Он совершенно не одобрял их и был готов им противиться. После захвата в марте Австрии он послал Гитлеру меморандум, в котором он доказывал на основании детальных фактов, что продолжение политики завоеваний должно привести к мировой катастрофе и к гибели возродившейся Германской Империи. Гитлер не ответил. Затем была пауза. Бек отказывался нести ответственность за тот риск войны, на который решился Фюрер. В июле имело место личное объяснение. Когда стало очевидным, что предстоит нападение на Чехословакию, Бек потребовал гарантий против дальнейших военных авантюр. Здесь произошел взрыв. Гитлер ответил, что армия является орудием государства, что он глава государства, и что армия и другие вооруженные силы должны беспрекословно подчиняться его воле. В ответ на это Бек подал в отставку. Его прошение об освобождении от зани-

маемого им поста осталось без ответа. Но решение генерала было непоколебимо. Он перестал приходить в военное министерство. Поэтому Гитлер был вынужден его уволить и назначил его преемником Гальдера. Беку осталась только трагическая, но почетная судьба.

Все это оставалось секретом, известным лишь небольшому кругу. Но затем началась напряженная, непрекращающаяся борьба между Фюрером и его помощниками-специалистами. Бек пользовался всеобщим доверием и уважением в штабе армии, где существовало единство не только профессиональных взглядов, но и единство в недовольстве штатской и партийной диктатурой. Сентябрьский кризис создавал, казалось, все те обстоятельства, которых боялись немецкие генералы. От тридцати до сорока чешских дивизий были развернуты против восточной границы Германии, и вес французской армии, в отношении почти восьми к одному, начинал тяжело давить на Западный вал. Враждебная Россия могла оперировать с чешских аэродромов, и советские армии могли двинуться через Польшу и Румынию. Наконец, в последней фазе кризиса было сообщено, что британский флот мобилизуется. По мере того как все это развивалось, страсти поднялись до лихорадочной температуры.

Имеется прежде всего рассказ Гальдера об определенном заговоре с целью арестовать Гитлера и его главных сотрудников. Доказательством этого служит не только детальное свидетельство Гальдера. Планы несомненно делались, но нельзя точно сказать, насколько они были подкреплены решимостью действовать. Генералы несколько раз замыслили восстания и столько же раз, по той или иной причине, отступали в последний момент. После того как они стали пленниками Союзников, тем, кто имел к этому касательство, было выгодно распространяться об их усилиях сохранить мир. Нельзя однако сомневаться ни в существовании заговора в данный момент, ни в серьезных мерах, принятых для его осуществления.

«В начале сентября, — говорит Гальдер, — мы предпринимали необходимые шаги, чтобы спасти Германию от этого сумасшедшего. В это время мысль о войне наполняла ужасом значительное большинство немецкого народа. Мы не намеревались убить нацистских лидеров, но только арестовать их, образовать военное правительство и заявить в обращении к народу, что мы сделали этот шаг только потому, что были убеждены, что они ведут страну к верной катастрофе».

В заговоре участвовали: генералы Гальдер, Бек, Штюльпнагель, Вицлебен (командующий берлинским гарнизоном), Томас (заведующий вооружениями), Брокдорф (командующий потсдамским гарнизоном) и граф фон Гельдорф, стоявший во главе берлинской полиции. Главнокомандующий генерал фон Браухич был осведомлен и одобрил.

Как часть движений войск против Чехословакии и по заведенному военному порядку, было легко держать одну танковую дивизию так близко от Берлина, чтобы она могла достичь его в одну ночь. Есть бесспорные свидетельства, что во время мюнхенского кризиса третья танковая дивизия под командой генерала Гепнера была расположена на юге от Берлина. Тайная миссия генерала Гепнера была по данному сигналу занять Берлин, Имперскую канцелярию и главные нацистские министерства и учреждения. С этой целью дивизия была причислена к командованию генерала Вицлебена. Согласно рассказу Гальдера, начальник берлинской полиции Гельдорф сделал тщательные приготовления, чтобы арестовать Гитлера, Геринга, Геббельса и Гимmlера. «Возможности промаха не было. Всё, что требовалось для совершенно успешного переворота, было только присутствие Гитлера в Берлине». Он прибыл туда из Берхтесгадена утром 14-го сентября. Гальдер узнал об этом в полдень и немедленно отправился к Вицлебену, чтобы закончить приготовления. Было решено действовать в восемь часов того же вечера. В четыре часа, согласно Гальдеру, в бюро Вицлебена было получено сообщение, что Чемберлэн вылетает на свидание с Гитлером в Берхтесгадене. Сейчас же состоялось совещание, на котором Гальдер сказал Вицлебену, что «если

Гитлеру удался его блеф, то, как начальник штаба, он не имеет права его разоблачать». В результате было решено отложить выступление и ждать событий.

Такова история этого внутреннего кризиса в Берлине, которую должны проверить историки, как ее рассказал генерал дон Гальдер, в то время начальник штаба. После того она была подтверждена другими генералами Мюллером и Гильдебрандтом — и была признана достоверной различными экспертами, которые ею занимались. Если она будет окончательно признана исторической истиной, это будет еще один пример очень небольших случайностей, от которых зависят судьбы человечества.

Нельзя сомневаться в других менее насильственных, но серьезных попытках генерального штаба удержать Гитлера. 26-го сентября депутация в составе генерала фон Ханнекена, Риттера фон Леба и полковника Боденшаца явилась в Имперскую канцелярию и желала быть принятой Гитлером. Ее отправили обратно. На следующий день в полдень главные генералы собрались в военном министерстве и составили меморандум, который они оставили в Имперской канцелярии. Этот документ был опубликован во Франции в ноябре 1938 года. Он состоял из восемнадцати страниц, разделенных на пять глав и три приложения. Первая глава подчеркивает разногласия между политическим и военным руководством Третьей империи и заявляет, что низкая мораль немецкого населения делает его неспособным выдержать европейскую войну. Она указывает, что в случае, если вспыхнет война, чрезвычайные полномочия должны быть даны военным властям. 2-ая глава указывает на плохое состояние Рейхсвера и упоминает, что военные власти считали себя обязанными «закрывать глаза на многочисленные серьезные случаи отсутствия дисциплины». 3-ья глава перечисляет различные слабые пункты германских вооружений и останавливается на недостатках так поспешно сооруженной Линии Зигфрида и на отсутствие укреплений в районах Аахена и Саарбрюкена. В ней высказано опасение вторжения в Бель-

гию французских войск, сосредоточенных около Живе. Наконец, подчеркнуто недостаточное количество офицеров. Не менее сорока восьми тысяч офицеров и ста тысяч унтер-офицеров были необходимы, чтобы довести армию до состава военного времени, и в случае общей мобилизации не менее восемнадцати дивизий оказались бы без обученных низших командиров.

Документ излагает основания, почему было бы неизбежно поражение во всякой, кроме чисто местной, войне, и утверждает, что меньше одной пятой офицеров Рейхсвера верят в возможность германской победы. Оценка военной силы Чехословакии в приложении говорит, что чехословацкая армия, даже сражаясь без союзников, может продержаться три месяца, и что Германия должна будет иметь покрытие на польской и французской границах, а также на побережье Балтийского и Северного морей, и держать армию по меньшей мере в четверть миллиона в Австрии для защиты против народных восстаний и возможного чехословацкого наступления. В заключение генеральный штаб считал, что было в высокой степени невероятно, чтобы военные действия остались локализованными в течение трех месяцев.

Предостережения солдат были, наконец, подтверждены главнокомандующим флота адмиралом Рэдером. Гитлер принял Рэдера в 10 часов вечера 27-го сентября. Рэдер обратился к нему со страстной речью, которая через несколько часов была усилена известием о мобилизации британского флота. Теперь Гитлер заколебался. В два часа ночи немецкое радио передало опровержение слухов, что Германия намеревается объявить на 29-ое мобилизацию, а в 11.45 утра английской печати было передано заявление, снова опровергающее сообщение о предстоящей германской мобилизации. Это должен был быть момент самого жестокого напряжения для этого одного человека и его изумительной силы воли. Он явно сам привел себя на порог всеобщей войны. Мог ли он его перешагнуть, имея в виду неблагоприятное общест-

венное мнение и торжественные предостережения вождей армии, флота и воздушных сил? С другой стороны, мог ли он позволить себе отступить после того, как он так долго жил своим престижем?

**
*

В то время, как Фюрер боролся со своими генералами, Чемберлэн готовился сам обратиться по радио к английской нации. Вечером 27-го сентября он сказал следующее:

«Как ужасно, фантастично, невероятно, что мы здесь должны рыть окопы и пробовать противогазовые маски вследствие раздора в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем!.. Я без колебаний поеду в Германию даже в третий раз, если буду думать, что от этого может быть какая-либо польза... Я сам до глубины моей души мирный человек. Вооруженный конфликт между народами для меня кошмар. Но если бы я был убежден, что какое-либо государство намеревается посредством угрозы своей силой господствовать над миром, я считал бы, что ему должно быть оказано сопротивление. Под таким господством для людей, которые верят в свободу, жизнь не будет достойна того, чтобы жить. Но война — страшная вещь, и, прежде чем пойти на нее, мы должны быть совершенно убеждены в том, что спор идет о действительно великих вопросах».

После этой взвешенной радиопередачи он получил от Гитлера ответ на письмо, переданное через Вильсона. Гитлер предлагал присоединиться к гарантии новых границ Чехословакии и дать новые заверения относительно способа проведения плебисцита. Времени терять было нельзя. Срок германского ультиматума, содержавшегося в годесбергском меморандуме, истекал в два часа дня, на следующий день, в среду 28-го сентября. Поэтому Чемберлэн составил личное обращение к Гитлеру:

«Прочитав Ваше письмо, я убежден, что Вы можете без войны без замедления получить все существенное. Я готов немедленно приехать в Берлин, чтобы обсудить мероприятия для передачи (Судетской области) с Вами и представителями Чешского правительства, и, если Вы хотите, с представителями Франции и Италии. Я убежден, что мы в одну неделю сможем достигнуть соглашения».

Одновременно он послал телеграмму Муссолини, информируя его об этом последнем обращении к Гитлеру:

«Я надеюсь, что Вы сообщите германскому Канцлеру о Вашей готовности и будете убеждать его согласиться на мое предложение, которое избавит наши народы от войны».

Одной из примечательных особенностей этого кризиса было то, что, видимо, не было тесной и доверительной консультации между Лондоном и Парижем. Было в общем совпадение взглядов, но мало или совсем не было личного контакта. В то время, как Чемберлэн составлял эти послания, не советуясь ни с Французским правительством, ни со своими коллегами в Кабинете, французские министры принимали независимо от него свои собственные меры в параллельном направлении. Мы видели, как значительны были силы, которые во французской печати высказывались против сопротивления Германии, и как инспирированные министерством иностранных дел парижские газеты заподозрили как подлог твердое британское коммюнике, упоминавшее Россию. Французскому послу в Берлине было поручено вечером 27-го сделать новые предложения, расширявшие ту часть судетской территории, которая должна была быть немедленно передана для немецкой оккупации. Когда Франсуа Понсэ был у Гитлера, пришло послание от Муссолини, советовавшее, чтобы была принята идея Чемберлэна о конференции, и чтобы Италия в ней участвовала. В три часа дня 28-го сентября Гитлер отправил послания Чемберлэну и Даладьё, предлагая на следующий день совещание в Мюнхене с участием Муссолини. В это время Чемберлэн говорил в Палате Общин, делая общий обзор последних событий. Когда он уже был близок к концу своей речи, сидевший на галерее пэров лорд Галифакс передал ему вниз послание, приглашавшее его в Мюнхен. В этот момент Чемберлэн говорил о своем обращении к Муссолини и о результатах этого шага:

«В ответ на мое обращение к Муссолини, я был извещен, что Дуче послал инструкции... что, хотя Италия пол-

ностью исполнит свое обещание быть с Германией, но в виду большой важности просьбы Правительства Его Величества, обращенной к Муссолини, последний надеется, что Гитлер сочтет возможным отложить по меньшей мере на двадцать четыре часа тот шаг, который, согласно заявлению Гитлера сэру Горацию Вильсону, должен иметь место сегодня в два часа дня, и это, чтобы дать Муссолини время вновь обозреть положение и постараться найти мирное решение. В ответ на это Гитлер согласился отложить мобилизацию на двадцать четыре часа... Это еще не все. Я должен еще что-то сказать Палате. Я только что информирован Гитлером, что он приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он также пригласил Муссолини и Даладье. Муссолини принял приглашение, и я не сомневаюсь в согласии Даладье. Мне не нужно говорить, каков будет мой ответ... Я уверен, что Палата согласится теперь отпустить меня, чтобы я поехал и посмотрел, что я могу сделать в этом последнем усилении».

Таким образом Чемберлэн в третий раз полетел в Германию.

**
*

Много отчетов было написано об этой памятной конференции, и здесь возможно только подчеркнуть некоторые ее особенные черты. Россия не была приглашена. Самим чехам не было позволено присутствовать на заседаниях. Чешское правительство было извещено в сухих выражениях вечером 28-го, что на следующий день состоится конференция четырех европейских держав. Между «могучими четырьмя» соглашение было быстро достигнуто. Разговоры начались в полдень и продолжались до двух часов ночи. Меморандум был составлен и подписан в 2 ч. ночи 30-го сентября. В основном это было принятие годесбергского ультиматума. Судетская область должна была быть эвакуирована в пять приемов, начиная с 1-го октября, с тем, чтобы все было закончено в десять дней. Новая граница должна была быть определена международной комиссией. Документ был предъявлен чешским делегатам, которым было разрешено приехать в Мюнхен, чтобы получить готовые решения.

Когда три государственных человека ждали, пока эксперты составят окончательный документ, Чембер-

лэн спросил Гитлера, заинтересован ли он в частном разговоре. Гитлер ухватился за эту идею. Они встретились утром 30-го в мюнхенской квартире Гитлера и за исключением переводчика были одни. Чемберлэн показал следующий приготовленный им проект декларации:

«Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Британский Премьер-министр, имели сегодня еще одну встречу и были согласны в том, что вопрос об англо-германских отношениях имеет первостепенную важность для обеих стран и для Европы.

В подписанном этой ночью соглашении и в англо-германском соглашении мы видим символы желания наших народов никогда не вести войны один против другого.

Мы приняли твердое решение, что метод консультации должен быть методом, применяемым для урегулирования любых других вопросов, касающихся наших стран, и мы решили продолжать наши усилия с целью устранить возможные источники разногласий и тем содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочитал этот текст и подписал его без возражений.

Уединившись со своим итальянским союзником, он, несомненно, обсуждал менее дружественные решения. Знаменательно письмо Муссолини Гитлеру, написанное в июне 1940 года и впоследствии опубликованное:

«Фюреру Рим, 26, 21.40
Теперь, когда пришло время расколотить Англию, я напоминаю Вам то, что я сказал в Мюнхене о прямом участии **Италии в атаке на Остров**. Я готов участвовать в ней сухопутными и воздушными силами, и Вы знаете, как я хочу этого. Прошу Вас ответить, чтобы я мог перейти к действию. В ожидании этого дня шлю Вам мой товарищеский привет.

Муссолини».

Ничего неизвестно о какой-либо другой встрече Гитлера с Муссолини в Мюнхене за этот промежуток времени.

Чемберлэн вернулся в Англию. В Гестоне, где он высадился, он размахивал совместной декларацией, для которой он получил подпись Гитлера, и читал ее толпе встречавших его нотаблей и других лиц. Когда

его автомобиль ехал с аэродрома среди ликующей толпы, он сказал сидевшему с ним Галифаксу: «Все это кончится в три месяца»; но из окон на Доунинг-стрит он снова махал своей бумажкой и употребил такие слова: «Это второй раз, как из Германии на Доунинг-стрит приходит почетный мир. Я думаю, что это мир для нашего поколения».

**
*

Теперь у нас имеется ответ фельдмаршала Кайтеля на точный вопрос, поставленный ему на суде в Нюрнберге чешским представителем. Полковник Егер, представляющий Чехословакию, спросил фельдмаршала Кайтеля:

«Атаковала ли бы в 1938 году Германия Чехословакию, если бы Западные державы были на стороне Праги?»

Фельдмаршал Кайтель ответил: «Без сомнения, нет. Мы не были достаточно сильны в военном отношении. Целью Мюнхена (то есть соглашения в Мюнхене) было устранить Россию из Европы, выиграть время и закончить германское вооружение».

**
*

Суждение Гитлера еще раз оправдалось самым внушительным образом. Германский генеральный штаб был в полном смущении. В конце концов Фюрер снова был прав. Только своим гением и интуицией он правильно учел все военные и политические обстоятельства. Снова, как при занятии Рейнской области, руководящая воля Фюрера восторжествовала над obstructцией германских военных вождей. Все эти генералы были патриотами. Они мечтали увидеть свое отечество вернувшим себе свое прежнее положение в мире. Днем и ночью они посвящали себя всему, что могло увеличить мощь Германии. Поэтому они были глубоко подавлены тем, что оказались настолько не на высоте событий, и во многих случаях их восхищение дарованием Гитлера и его невероятным счастьем были сильнее, чем нелюбовь и недоверие к нему. Без сомнения, здесь была звезда, за которой надо идти, вождь, которому надо повиноваться. Так Гитлер окон-

чательно стал бесспорным властителем Германии, и путь для осуществления его грандиозных планов был свободен. Заговорщики сложили оружие и были оставлены их военными товарищами.

**
*

Здесь, может быть, уместно установить некоторые принципы морали и действия, которые должны быть руководящими в будущем. Ни об одном случае такого рода нельзя судить независимо от его обстоятельств. В свое время факты могли оставаться неизвестными, и их оценка должна была основываться в значительной мере на догадках, окрашенных чувствами и желаниями тех, кто пытался их делать. Не всегда правы те, кто по своему темпераменту и характеру склонны искать отчетливых и определенных решений трудных и запутанных проблем, и готовы бороться против каждого вызова, исходящего от иностранной державы. А, с другой стороны, не всегда неправы те, кто склонны опускать головы, терпеливо и добросовестно искать мирного компромисса. Наоборот, в большинстве случаев они могут оказаться правыми не только с моральной, но и с практической точки зрения. Сколько войн было избегнуто благодаря терпению и упорному желанию договориться! Религия и мораль равно санкционируют кротость и смирение в отношениях не только между людьми, но и между государствами. Сколько войн было вызвано подстрекателями! Сколько недоразумений, которые приводили к войнам, можно было устранить, выиграв время! Как часто государства вели между собой жестокие войны, чтобы после нескольких лет мира оказаться не только друзьями, но и союзниками!

Нагорная проповедь является последним словом христианской этики. Все уважают квакеров. И все же не этими принципами определяется ответственность министров, руководящих государствами. Их долг прежде всего так действовать по отношению к другим государствам, чтобы избежать раздора и войны, и чтобы предотвратить агрессию во всех ее формах,

будь то ради националистических или идеологических целей. Но сохранение государства, жизни и свободы их соотечественников, которым они обязаны своим положением, делают правильным и обязательным применение силы как последнего средства и, когда сложилось окончательное убеждение, что оно не должно быть исключено. Когда это оправдано обстоятельствами, можно применять силу. А раз это так, то она должна применяться при наиболее благоприятных обстоятельствах. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если потом, когда она вспыхнет, она окажется много хуже и ее будет много труднее выиграть. Это мучительные дилеммы, на которые человечество в ходе его истории так часто наталкивалось. Окончательное суждение о них может быть сделано историей лишь в связи с фактами, как они были в свое время известны участникам событий, а также как они были впоследствии установлены.

Существует однако один полезный руководящий принцип, а именно: государство должно держать свое слово и действовать в согласии со своими договорными обязательствами. Этот руководящий принцип называется честью. Может смутить мысль, что то, что люди называют честью, не всегда соответствует христианской этике. На честь часто оказывает влияние тот элемент гордости, который ее в такой большой степени инспирирует. Как бы красиво ни выглядел преувеличенный кодекс чести, приводящий к пустым и неразумным поступкам, его нельзя оправдать. Но в нашем случае наступил момент, когда Честь указывала путь Долга, и когда правильное суждение о фактах того времени подкрепило бы ее веления.

Для Французского правительства предоставить своей судьбе своего верного союзника Чехословакию было печальным прегрешением, имевшим ужасные последствия. Не только разумная и добросовестная политика, но рыцарство, честь и симпатия к находившемуся под угрозой небольшому народу представляли подавляющей силы сочетание аргументов. Велико-

британия, которая несомненно стала бы воевать, если бы была связана договорными обязательствами, тем не менее была теперь глубоко замешана, и приходится с сожалением сказать, что Британское правительство не только соглашалось с Французским, но и поощряло его роковую политику.

18.

МЮНХЕНСКАЯ ЗИМА

30-го сентября Чехословакия подчинилась мюнхенским решениям. Как чехи говорили, «они хотели зарегистрировать перед всем миром свой протест против решения, принятого без их участия». Бенеш подал в отставку, потому что «он мог бы оказаться теперь препятствием для того развития, к которому должно приспособить себя наше новое государство». Он уехал из Чехословакии и нашел убежище в Англии. Расчленение Чехословакии произошло в согласии с мюнхенским сговором. Но немцы были не единственными стервятниками над трупами. Как только состоялось мюнхенское соглашение, 30 сентября Польское правительство предъявило чехам ультиматум со сроком в двадцать четыре часа, требуя немедленной передачи пограничного округа Тешена. Противиться этому грубому требованию не было возможности.

Несмотря на героические черты характера польского народа, мы не должны закрывать глаза на историю его безрассудства и неблагодарности, которые в течение столетий приносили ему неизмеримые страдания. В 1919 году мы видим народ, который после многих поколений раздела и порабощения был возрожден победой Западных Союзников, чтобы стать независимой республикой и одной из главных европейских держав. А теперь, в 1938 году из-за такого второстепенного вопроса, как Тешен, он обособил себя от всех тех друзей во Франции, Англии и Соеди-

ненных Штатах, которые вернули им целостное национальное существование и в которых он скоро будет так остро нуждаться. В то время, как мощь Германии грозно собирается против нас, мы видим, как поляки спешат захватить свою долю в грабеже и разрушении Чехословакии. Во время кризиса они захлопнули дверь перед носом британского и французского послов, которым даже был закрыт доступ к министру иностранных дел польского государства. Это — тайна и трагедия европейской истории, что народ, состоящий из способных на любой героический подвиг, одаренных, смелых, очаровательных людей, постоянно проявлял такие застарелые недостатки почти в каждой области своей государственной жизни. Достойный восхищения в возмущении и гибели; постыдно мелочный в торжестве. Самый благородный из благородных, слишком часто следуя самым низким из низких! И все же всегда существовали две Польши: одна, борющаяся во имя правды, и другая, пресмыкавшаяся в бесчестии.

Мы еще будем говорить о провале их военных приготовлений и планов, о высокомерии и ошибках их политики, об ужасной потере крови и бедствиях, на которые они сами обрекли себя своим безрассудством. Но мы всегда найдем у них непреходящий импульс восставать против тирании и с несокрушимой твердостью переносить испытания, которые они сами постоянно на себя навлекают.

**
*

Венгры также были около мюнхенских разговоров. Хорти посетил Германию в конце августа, но Гитлер был очень сдержан. Хотя 23-го августа он долго разговаривал с венгерским регентом, он не открыл ему срока задуманной акции против Чехословакии. «Он сам еще не знает, когда. Кто хочет присоединиться к кушанию, должен помогать его готовить». Но час еды не был назван. Теперь однако и венгры пришли со своими требованиями.

**
*

Теперь, через столько времени, когда мы все прошли через годы крайнего напряжения и усилий, не легко нарисовать новому поколению картину тех страстей, которые бушевали в Англии вокруг Мюнхенского соглашения. Среди консерваторов семьи и интимные друзья расходились во мнениях, как никогда прежде мне не приходилось это видеть. Мужчины и женщины, за долгое время связанные партийной принадлежностью, светскими отношениями и родственными связями, смотрели друг на друга с досадой и гневом. Вопрос не мог быть решен ни аплодисментами толпы, которая приветствовала возвращающегося Чемберлена на аэродроме, на Даунинг-стрит и около нее, ни стараниями правительственных организаторов и сторонников. Мы, бывшие тогда в меньшинстве, не обращали внимания на насмешки или гневные взгляды сторонников правительства. Кабинет был потрясен до основания, но событие произошло, и его члены сплотились. Только один министр отделился. Первый Лорд Адмиралтейства Даф Купер покинул свой высокий пост, достоинство которого он поднял мобилизацией флота. В момент подавляющего господства Чемберлена над общественным мнением он проложил себе дорогу сквозь ликующую толпу, чтобы заявить о своем полном несогласии с ее лидером.

В начале трехдневных прений, посвященных Мюнхену, он произнес речь в объяснение своей отставки. Это был яркий эпизод в нашей парламентской жизни. Говоря с легкостью и без замечаний, он в течение сорока минут держал под своим обаянием враждебное ему большинство его партии. Лейбористам и либералам, находившимся в резкой оппозиции к тогдашнему правительству, было легко ему аплодировать. Это был спор, раздиравший на части партию Тори. Здесь следует воспроизвести некоторые из высказанных им истин:

«Я умолял моих коллег не смотреть все время на эту проблему, как на чехословацкую, не рассматривать ее исключительно с точки зрения стратегического положения

этой небольшой страны, но сказать самим себе: «Может наступить момент, когда в результате вторжения в Чехословакию начнется европейская война, и когда этот момент наступит, мы должны будем участвовать в этой войне, мы не сможем остаться в стороне, и нет сомнения, на чьей стороне мы будем бороться». Скажите это всему миру, и тогда у тех, кто готовится нарушить мир, будет основание себя сдерживать.

... В среду утром последовал последний призыв премьер-министра. В первый раз с начала до конца четырех недель переговоров Гитлер был готов уступить один дюйм, может быть, фут, но сколько-то уступить настояниям Великобритании. Но я напому Палате, что послание премьер-министра было не первой новостью, которую Гитлер получил в то утро. На заре он узнал о мобилизации британского флота. Узнать, каковы были побуждения человека, невозможно, и мы, вероятно, никогда не узнаем, который из этих двух источников вдохновения больше всего действовал на него, когда он согласился идти в Мюнхен; но мы знаем, что раньше он никогда не уступал, а на этот раз он уступил. Я долго настаивал на мобилизации флота. Я думал, что это язык, который Гитлеру легче понять, чем осторожный язык дипломатии или условные формулы гражданских чиновников. На том, чтобы что-нибудь было сделано в этом направлении, я настаивал в конце августа и до того, как премьер-министр отправился в Берхтесгаден. Я предлагал, чтобы такое мероприятие сопровождало миссию сэра Горация Вильсона. Я вспоминаю, как премьер-министр сказал, что это — то, что погубило бы эту миссию, а я сказал, что это — то, что приведет ее к успеху.

За все эти дни между премьер-министром и мной существовало глубокое разногласие. Премьер-министр верил, что к Гитлеру надо обращаться на языке ласковой рассудительности. Я считал, что ему более доступен язык брошированного кулака.

Премьер-министр верит в искренность господина Гитлера и в его слово, несмотря на то, что, когда господин Гитлер нарушил Версальский договор, он обязался соблюдать Локарнский, а когда нарушил Локарнский, обещал больше ничего не нарушать и не иметь никаких территориальных притязаний в Европе. Когда он насильственно вторгся в Австрию, он поручил своим приспешникам сделать официальное заявление, что он не будет вмешиваться в дела Чехословакии. Это было меньше чем шесть месяцев тому назад. Все же премьер-министр верит, что он может полагаться на искренность Гитлера.

Долгие прения были достойны поднявшихся страстей и поставленных вопросов. Я хорошо помню, что, когда я сказал: «Мы понесли полное и ничем не смягченное поражение», обрушившаяся на меня буря сделала необходимым перерыв, прежде чем я мог продолжать. Налицо было широко распространенное и искреннее восхищение упорными и непоколебимыми стараниями Чемберлена сохранить мир, а также личными испытаниями, которым он себя подверг. В нашем рассказе нельзя не отметить длинного ряда неверных расчетов и ошибочных суждений о людях и фактах, на которых он основывался; но руководившие им мотивы никогда не были заподозрены, а линия, которую он преследовал, требовала высочайшую степень морального мужества. Спустя два года я отдал этому должное в моей речи после его смерти. Как бы ни были страстны разногласия, возникшие между руководящими консерваторами, они не вызывали недостатка во взаимном уважении и в большинстве случаев, если и нарушали, то только временно, дружеские личные отношения. Общей почвой у нас было то, что рабочая и либеральная оппозиция, теперь такие яростные активисты, никогда не упускали случая добиваться популярности негодующим противодействием даже тем полумерам, которые правительство принимало для усиления обороны.

Правительство могло также опираться на аргументацию, хотя и не служащую к его чести, но серьезную и практическую. Никто не мог отрицать, что мы были ужасающе неподготовлены к войне. Кто указывал на это больше, чем я и мои друзья? Великобритания допустила, что сила ее авиации была намного превзойдена германской. Все наши уязвимые пункты были без защиты. Для защиты самого большого в мире города и центра населения можно было найти едва сотню противовоздушных орудий, да и те в значительной мере были в руках необученных людей. Если Гитлер был честен и длительный мир был достигнут, то Чемберлен был прав. Если, к несчастью, он был обманут, то мы, по крайней мере, выигрывали передышку, что-

бы исправить худшие из наших упущений. Эти соображения, а также общие облегчение и радость по поводу того, что ужасы войны были на время предотвращены, диктовали массе сторонников правительства лойяльное согласие. Палата большинством 366 против 144 голосов одобрила политику Правительства Его Величества, «благодаря которой во время недавнего кризиса была избегнута война». Тридцать или сорок несогласных консерваторов могли зарегистрировать свое неодобрение лишь воздержанием от голосования. Это мы сделали формально и сообща.

В своей речи я сказал:

«После этих долгих прений нам, право, не нужно тратить время на обсуждение различия в позициях, достигнутых в Берхтесгадене, Годесберге и Мюнхене. Это может быть резюмировано очень просто, если Палата разрешит мне видоизменить известную метафору. Наведя револьвер, от нас требовали один фунт. Когда мы его дали, от нас, наведя револьвер, потребовали два. В конце концов диктатор согласился взять один фунт 17 шиллингов 6 пенсов наличными, а остальное в виде обещаний благожелательного отношения в будущем.

Никто не был более решительным и непреклонным борцом за мир, чем премьер-министр. Все это знают. Никогда еще не было такой интенсивной и непреодолимой решимости сохранить и обеспечить мир. Тем не менее, мне не совсем ясно, почему у Великобритании или Франции была такая опасность быть вовлеченными в войну с Германией в данной ситуации, когда фактически они были готовы целиком пожертвовать Чехословакией. Я убежден, что условия, с которыми приехал домой премьер-министр, могли быть без труда получены через обычные дипломатические каналы в любой момент в течение лета. И я хочу добавить, что если бы чехов предоставили самим себе и сказали им, что они не получают от Западных держав никакой поддержки, то они смогли бы получить лучшие условия, чем те, которые они получили после всей этой грандиозной суматохи. Вряд ли для них что-нибудь могло быть хуже. Все кончено. Безмолвная, скорбящая, покинутая, сломленная Чехословакия уходит во тьму. Она во всех отношениях пострадала от своей связи с Францией, руководством и политикой которой она так долго воодушевлялась.

... Для меня нестерпимо чувство, что наша страна подпадает под власть нацистской Германии, в ее орбиту и под

ее влияние, и что наше существование становится зависящим от ее благожелательства или прихоти. Ради того, чтобы предотвратить это, я делал всё, что в моих силах, чтобы добиваться сохранения каждого оплота обороны — во-первых, своевременного создания авиации, превосходящей каждую, которая может достичь наших берегов; собирания воедино коллективной силы многих наций, и в-третьих, заключения союзов и военных договоров — всё в рамках устава Лиги Наций, — чтобы собрать силы, чтобы сдерживать продвижение этой державы. Всё было напрасно. Одна за другой все позиции были подточены и оставлены под благовидными и правдоподобными предложениями.

Я не порицаю нашего лойяльного, мужественного народа, который был готов исполнить свой долг, чего бы то ни стоило, и ни разу не поколебался под гнетом напряжения последней недели, я не порицаю его естественного стихийного взрыва ликования и чувства облегчения, когда он узнал, что в данный момент от него не потребуют тяжкого испытания; но он должен знать правду. Он должен знать, что в организации нашей обороны было грубое пренебрежение ею, и знать ее недостаточность; он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого будут сопровождать нас на нашем далеком пути; он должен знать, что мы прошли страшный поворотный пункт в нашей истории, когда все равновесие сил в Европе было расстроено, и для данного времени к Западным демократиям были обращены ужасающие слова: «Ты был взвешен и найден легким». И не думайте, что это уже конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение горькой чаши, которую нам будут подносить год за годом до тех пор, пока, восстановив свое моральное здоровье и военную силу, мы вновь не подыдемся и встанем на защиту свободы, как в былые времена».

**
*

Благодарность Гитлера за распоряжение Англии и за ее искреннюю радость, что мир с Германией был сохранен, нашла лишь холодное выражение. 9-го октября, менее чем через две недели после того, как он подписал навязанное ему Чемберленом заявление о взаимной дружбе, Гитлер сказал в своей речи в Саарбрюкене:

«Противостоящие нам государственные люди хотят мира... но они управляют странами, внутренняя организация которых делает возможным, что они потеряют свое положение и уступят место другим, которые мира не хотят. А эти другие имеются. Достаточно только, чтобы в Англии,

вместо Чемберлена, пришли к власти Даф Купер или Иден или Черчилль, и мы знаем очень хорошо, что целью этих людей будет немедленно начать новую мировую войну. Они этого не скрывают, они это открыто признают. Мы знаем затем, что и теперь, как в прошлом, на заднем плане притаилась ужасающая фигура нашего врага — международного еврейства, которое нашло для себя опору и форму в ставшем большевистским государстве. Мы знаем, кроме того, силу известной международной печати, которая живет исключительно ложью и клеветой. Это обязывает нас быть бдительными и помнить о защите Империи. Быть в любое время готовыми на мир, но также в каждый час готовыми себя защищать.

Поэтому, как я возвестил это в своей речи в Нюрнберге, я решил продолжать постройку наших западных укреплений с усиленной энергией. Я включу теперь в линию этих укреплений две обширных области, которые до сих пор находились впереди них — округа Аахена и Саарбрюкена».

Он добавил:

«Было бы хорошо, если бы в Англии были постепенно оставлены некоторые манеры, унаследованные от версальской эпохи. Мы не можем больше терпеть надзор гувернанток. Расследования английскими политиками судьбы немцев в пределах Империи — или других людей, принадлежащих к Империи — неуместны. Мы, со своей стороны, не волнуемся из-за подобных вещей в Англии. Внешний мир часто имеет достаточно оснований заботиться о собственных или, например, о палестинских делах».

Когда вызванное мюнхенским соглашением чувство облегчения остыло, Чемберлен и его правительство оказались перед острой дилеммой. Премьер-министр сказал: «Я убежден, что это мир для нашего времени». Но большинство его коллег хотело использовать «наше время» чтобы как можно скорее вооружиться. На этом в Кабинете возникло расхождение. Тревога, вызванная мюнхенским кризисом, раскрытие вопиющих недочетов нашей обороны, в особенности противоздушной артиллерии, диктовали самое энергичное вооружение. С другой стороны, Гитлер был возмущен таким настроением. Он мог бы протестовать: «Это доверие и дружба нашего мюнхенского пакта? Если мы друзья, и вы нам доверяете, почему вам нужно вооружение? Предоставьте мне иметь оружие и оказывайте

доверие». Но такой взгляд, хотя он вполне мог быть удостоверен представленными Парламенту данными, оказался неубедительным. Налицо было сильное течение в пользу усиленного вооружения. А это, конечно, вызывало критику со стороны германского правительства и подчиненной ему печати. Не могло, однако, быть сомнений в настроении английского народа. Радуясь тому, что премьер-министр избавил его от войны, и повторяя как эхо мирные лозунги, он в то же время остро чувствовал необходимость иметь оружие. Все заинтересованные ведомства делали свои заявки, ссылаясь на обнаруженные кризисом тревожные недочеты. Кабинету удалось найти приемлемый компромисс на основе всех вооружений возможных без расстройства торговли страны и не вызывая размерами мероприятий раздражения немцев и итальянцев.

**
**

К чести Чемберлена служит то, что он не поддавался искушению и оказанному на него давлению устроить после Мюнхена общие выборы. Это привело бы только к еще большему замешательству. Тем не менее зимние месяцы были тревожными и гнетущими для тех консерваторов, которые критиковали мюнхенское соглашение и отказались за него голосовать. Каждого из нас атаковала в его округе машина консервативной партии, и против нас агитировали многие из тех, кто спустя год были нашими пламенными сторонниками. В моем собственном округе, в Эппинге, дело зашло так далеко, что я оставил вне сомнений, что если местная организация примет против меня резолюцию порицания, то я немедленно сложу свой мандат и буду бороться на перевыборах. Но всегда верный мне мой неустанный поборник и председатель, сэр Джем Хуклей, при поддержке влиятельного круга решительных людей, стоявших на моей стороне, отвоевал почву дюйм за дюймом, и в этот тягостный час я получил на решающем собрании организации вотум доверия большинством в три пятых голосов. Но это была мрачная зима.

В ноябре у нас были еще прения о национальной обороне, в которых я произнес большую речь.

«Даф Купер Черчиллю.

19.XI.38 года.

Я был очень огорчен, узнав, что Вы были недовольны упоминанием Вас, сделанным мной в речи в Палате в прошлый четверг. Я не вижу для этого оснований. Я только сказал, что премьер-министр, сославшись на 1914 год, имел в виду, что всякое расследование после мобилизации всегда обнаружит упущения и недостатки, и что поэтому он вряд ли заслужил тот отпор, который Вы ему дали. Я, конечно, мог бы обойтись без упоминания Вас, но я думаю, что в прениях всегда хорошо связывать свою аргументацию с предыдущими речами. В четверг мое положение было не совсем просто. Ваша замечательная филиппика, которой я колоссально наслаждался и еще больше восхищался, была разгромом деятельности Правительства за три года, в течение которых я, за исключением последних шести недель, сам был членом Правительства. Поэтому Вы вряд ли могли ожидать, что я скажу, что всегда был с Вами согласен и буду соответственно голосовать. Тем не менее, я очень огорчен, что обидел Вас, основательна или нет была обида, и я надеюсь, что Вы извините меня, потому что Ваша дружба, Ваше товарищество и Ваши советы мне очень, очень ценны».

«Черчилль Даф Куперу.

22.XI.38 года.

Очень благодарю Вас за Ваше письмо, которое я рад был получить. При положении, в котором теперь находится наша небольшая группа друзей, является большой ошибкой возражать один другому. Единственное правило: помогайте, когда можете, другому, но никогда не мешайте. Никогда не помогайте медведю. При Вашем умении говорить было бы очень легко сделать ясной Вашу позицию, не обнаруживая разногласий со мной. Я всегда буду соблюдать это правило. Хотя в том, что Вы сказали, не было ничего, против чего я мог бы возражать, самый факт, что Вы сделали отступление, чтобы мне возразить, побудили нескольких моих друзей думать, не было ли за этим какого-либо намерения: например, — желания изолировать меня среди других консерваторов, несогласных с Правительством. Я сам никогда этому не верил и совершенно успокоен Вашим чудесным письмом. Нас так мало, врагов так много, дело наше так велико, что мы не можем себе позволить чем-либо ослаблять один другого.

Я думаю, что та часть Вашей речи, которую я слышал, была действительно очень хороша, в особенности каталог бедствий, которые мы претерпели за последние три года. Не понимаю, как Вы все их вспомнили без заметок.

Я, конечно, огорчен прениями. Чемберлэн теперь получил всё, что ему нужно. Мюнхен умер, неподготовленность забыта, и нового, реального, серьезного усилия вооружить нацию не будет. Даже купленная такой страшной ценой передышка не будет использована. Моя раздражительность, когда Вы предложили ужинать, была вызвана моим отчаянием вследствие этого положения, так как тогда я еще не знал, что Вы сказали в первой части Вашей речи.

Во всяком случае всегда рассчитывайте на Вашего искреннего друга».

**
*

1-го ноября ничтожество доктор Гаха был выбран на вакантный пост президента остатков Чехословакии. В Праге образовалось новое правительство: «В Европе и во всем мире, — сказал министр иностранных дел этого обреченного правительства, — условия не таковы, чтобы мы в ближайшем будущем могли надеяться на период спокойствия». То же думал и Гитлер. Формальный дележ добычи был произведен Германией в начале ноября. Польше оставили занятый ею Тешен. Словаки, которыми Германия пользовалась как пешками, получили непрочную автономию. Венгрия получила кусок мяса за счет Словакии. Когда в Палате был поднят вопрос об этих последствиях Мюнхена, Чемберлэн объяснил, что сделанное Францией и Англией предложение международной гарантии для Чехословакии не касалось существующих границ этого государства, а относилось только к гипотетическому случаю непровоцированной агрессии.

Чемберлэн говорил с большим спокойствием:

«Мы являемся теперь свидетелями исправления границ, установленных Версальским договором. Я не знаю, думали ли те, кто были ответственны за эти границы, что они всегда останутся такими, как их тогда определили. Я сомневаюсь, чтобы они так думали. Они, вероятно, ожидали, что время от времени границы будут исправляться. Нельзя себе представить, чтобы это были такие сверхлюди, что они были способны предвидеть, какие границы были правильными на все времена. Вопрос не в том, следует ли время от времени исправлять границы, а в том, должны ли они исправляться посредством переговоров или войной. Ис-

справление происходит, и в случае венгерской границы Чехословакия и Венгрия приняли арбитраж Германии и Италии, как окончательное определение границы между ними. Я думаю, что я достаточно сказал о Чехословакии». Однако, к ней пришлось позднее вернуться.

Я писал 17-го ноября 1938 года:

«Все должны признать, что премьер-министр преследует политику самого определенного характера и капитальной важности. У него собственное твердое мнение о том, что надо делать и что должно произойти. У него свое мерило ценностей и своя точка зрения. Он верит, что, сговорившись с Гитлером и Муссолини, он может осуществить соглашение, благоприятное для Европы и Британской Империи. Никто не заподозривает его мотивов. Никто не сомневается ни в его искренности, ни в его мужестве. Помимо всего этого он обладает властью делать то, что он считает наилучшим. Те, кто смотрят иначе и на принципы нашей внешней политики, и на факты и вероятности, с которыми должна считаться наша страна, вынуждены признать, что у них совсем нет власти помешать ему теми средствами и методами, которые имеются в его распоряжении, вести ту линию, в которую он искренне верит. Он готов взять на себя ответственность; он имеет право нести ответственность. И мы в сравнительно короткое время узнаем, что, согласно его намерениям, должно с нами произойти.

Премьер-министр убежден, что Гитлер не ищет дальнейшего территориального расширения на континенте Европы, что укрощение и поглощение Чехословацкой республики насытило аппетит нацистского режима. Возможно, что он хочет убедить консервативную партию вернуть Германии территории, на которые Великобритания имеет мандаты, или то, что он считает их полным эквивалентом. Он убежден, что такой акт на долгое время обеспечит добрые и прочные отношения между Великобританией и Германией. Он, кроме того, убежден, что можно достигнуть этих добрых отношений, нисколько не ослабив тех фундаментального значения связей с Французской республикой, которые — в этом все мы согласны — должны быть сохранены. Чемберлэн убежден, что все это приведет к общему соглашению, умиротворению недовольных держав и прочному миру.

Но все это лежит в области надежд и предположений. Надо иметь в виду целый ряд противоположных возможностей. Он может требовать от нас подчиниться вещам, с ко-

торами мы не можем мириться; он может оказаться вынужденным требовать от нас подчиниться вещам, с которыми мы не можем мириться. Или же другая сторона в этих трудных переговорах может не действовать с теми же добрыми намерениями и той же добросовестностью, которые воодушевляют премьер-министра. То, что нам предстоит отдать, что нас вынуждают отдать, может стоить нам дорого, но может оказаться недостаточным. Оно может принести вред и уничтожение Британской Империи, но может не остановить или хотя бы задержать более, чем на несколько месяцев, ход событий на континенте. В это время в будущем году мы будем знать, правильно или нет премьер-министр оценивал Гитлера и германскую нацистскую партию. В это время в будущем году мы будем знать, умиротворила ли политика умиротворения или только возбудила еще более яростный аппетит. Всё, что мы можем тем временем делать, это — накапливать силы сопротивления и обороны, так чтобы мы в худшем случае смогли устоять, если премьер-министр окажется неправым, введенным в заблуждение или обманутым.

**
*

Что бы ни думать о «мире в наше время», Чемберлэн более чем когда-либо сознавал необходимость отделить Италию от Германии. Он оптимистически верил, что заключил дружбу с Гитлером; чтобы завершить свое дело, он должен был привлечь на свою сторону Италию Муссолини, как противовес купленному дорогой ценой примирению с Германией. В этой новой попытке сблизиться с итальянским диктатором он должен был увлечь за собой Францию. Любовь должна быть повсюду. В следующей главе мы рассмотрим результаты этих попыток.

В конце ноября премьер-министр и лорд Галифакс были в Париже. Французские министры с восторгом встретили идею Чемберлэна посетить Рим, а он сам и лорд Галифакс были рады узнать, что французы намеревались последовать примеру декларации об англо-германских отношениях, подписанной в Мюнхене Чемберлэном и Гитлером. 27-го ноября 1938 года Боннэ писал об этом намерении французского правительства французскому послу в Вашингтоне: «Невилль Чемберлэн и лорд Галифакс во время имевших вчера место в Париже разговоров определенно выразили

свое удовлетворение по поводу декларации. По их мнению, имея тот же характер, что и англо-германская декларация, она явится непосредственным вкладом в дело международного умиротворения». Для этих переговоров Риббентроп приехал в Париж, привезя с собой доктора Шахта: немцы надеялись получить не только общее заявление о добрых намерениях, но и конкретное экономическое соглашение. Они получили первое, которое было подписано 6-го декабря в Париже, но даже Боннэ не мог решиться на последнее, несмотря на большое искушение предстать в роли создателя франко-германского соглашения.

За поездкой Риббентропа в Париже таилось более глубокое намерение. Как Чемберлен надеялся отколоть Рим от Берлина, так Гитлер думал, что он может отделить Париж от Лондона. То, что Боннэ рассказывает по этому поводу о своем разговоре с Риббентропом, не лишено интереса:

«По отношению к Великобритании я указал Риббентропу на роль, которую должно играть улучшение англо-германских отношений во всяком развитии политики умиротворения Европы, которое считается основной задачей всякого франко-германского соглашения. Германский министр старался возложить на британское правительство ответственность за теперешнее положение. Правительство, а в особенности английская печать, обнаружив, казалось, непосредственно после Мюнхена известное понимание, усвоила самое разочаровывающее отношение к берлинскому правительству. Повторные манифестации в Парламенте господ Даф Купера, Черчилля, Идена и Моррисона, и некоторые газетные статьи вызывают недовольство в Германии, где нельзя сдерживать реакции печати. Я снова подчеркнул фундаментальный и непоколебимый характер англо-французской солидарности, очень ясно указав на то, что длительное ослабление напряжения между Францией и Германией немислимо без параллельного ослабления напряжения между Англией и Германией».

Много спорили о том, кто больше выиграл в силе за год, прошедший после Мюнхена, Гитлер или Союзники. В Англии многие, знавшие нашу наготу, испытывали чувство облегчения каждый месяц по ме-

ре того, как развивалась наша авиация, и приближался выпуск аэропланов типов Ураганов и Спитфайеров. Число сформированных эскадрилий росло, и число противовоздушных орудий увеличивалось. Темп индустриальной подготовки к войне также продолжал ускоряться. Но какими бы неопределимыми ни казались эти улучшения, они были незначительны по сравнению с мощным усилением германских вооружений. Как уже было объяснено, производство амуниции в национальном масштабе достигается в четыре года. Первый год не дает ничего, второй очень мало, третий порядочно, а четвертый целый поток. Гитлеровская Германия была в это время уже в третьем или четвертом году интенсивной подготовки под нажимом почти таким же, как во время войны. Англия же работала только на не-чрезвычайном основании, с более слабым импульсом и в значительно меньшем масштабе. В 1938/39 гг. английские военные расходы всякого рода составляли 304 миллиона фунтов*), а немецкие достигли по меньшей мере полутора миллиардов. В этот последний год до начала войны, Германия, вероятно, производила по меньшей мере вдвое и, может быть, втрое больше амуниции, чем Англия и Франция вместе, и ее большие фабрики для производства танков, вероятно, достигли их полной производительной мощности. Таким образом она накопила относительно гораздо больше оружия, чем мы.

Порабощение Чехословакии отняло у Союзников чешскую армию численностью в двадцать одну регулярную дивизию с уже мобилизованными 15 или 16 дивизиями второй линии, а также горную систему укреплений, которая в дни Мюнхена требовала развертывания 30 германских дивизий, то есть главной силы подвижной и вполне обученной германской армии. Согласно генералам Гальдеру и Йодлю, во время мюнхенского соглашения на западе оставалось тринадцать германских дивизий, из которых только пять состояли из войск первой линии. Вследствие падения

*) В 1937/38: 234 миллиона; 1938/39: 304 миллиона; 1939/40: 367 миллионов.

Чехословакии мы, без сомнения, потеряли эквивалент примерно тридцати пяти дивизий. Кроме того, на другой стороне оказались заводы Шкода, второй по размерам арсенал в центральной Европе, производство которого от августа 1938 года до сентября 1939 года одно почти равнялось всему производству английских, работавших на оборону предприятий за тот же период. В то время как вся Германия работала под высоким, почти военного времени давлением, во Франции рабочие уже в 1936 году добились давно желанной 40-часовой рабочей недели.

Еще более катастрофичным было изменение относительной силы французской и германской армий. Начиная с 1938 г., германская армия с каждым месяцем усиливалась не только по числу солдат, количеству формирований и размерам образовавшихся резервов, но и по ее качеству и зрелости. Прогресс в степени подготовки и в опытности шел параллельно с увеличением снаряжения. Подобное улучшение и расширение не было доступно французской армии. Она была превзойдена во всех отношениях. В 1935 г. Франция без помощи ее прежних союзников могла бы почти без серьезной борьбы вторгнуться в Германию и вновь ее оккупировать. В 1936 г. все еще не могло быть сомнения в подавляющем превосходстве ее сил. Мы знаем теперь из немецких источников, что это продолжалось и в 1938 г., и что сознание собственной слабости побуждало германское верховное командование делать крайние усилия, чтобы удержать Гитлера от каждого из ударов, которые увеличивали его славу.

В последовавшем за Мюнхеном году германская армия, все еще слабее французской по размерам резервов, приближалась к вершине своей мощи. Так как она базировалась на населении вдвое большем французского, было только вопросом времени, когда она будет сильнее с любой точки зрения. Немцы имели преимущество и в смысле боевой морали. Отход союзника, в особенности вследствие его страха перед войной, подрывает дух любой армии. Сознание быть

вынужденным уступить угнетает и офицеров и солдат. В то время как у немцев уверенность в себе, успех и ощущение растущей силы воспламеняли их воинственные инстинкты, сознание слабости обескураживало французских военных всех рангов.

**
*

В одной чрезвычайно важной области мы начали, однако, обгонять немцев и улучшать свое положение. В 1938 году процесс замещения английских бипланов-истребителей вроде Гладиаторов современными типами Ураганов и Спитфайров только еще начался. В сентябре 1938 г. у нас было всего пять эскадрилий, пополненных Ураганами. Кроме того, резервы и запасные части для более старых аэропланов уменьшались, поскольку те выходили из употребления. Немцы были далеко впереди нас в пополнении современными типами истребителей. У них уже было значительное количество ME 109, против которых нашим старым аэропланам пришлось бы очень плохо. В течение 1939 г. наше положение улучшилось благодаря пополнению многих эскадрилий. В июле у нас уже было двадцать шесть эскадрилий современных восьмиорудийных истребителей, хотя не было времени образовать полный комплект резервов и запасных частей. В июле 1940, во время «Битвы за Англию» мы имели в нашем распоряжении в среднем сорок семь эскадрилий современных истребителей.

В Германии усиление авиации выражалось следующими цифрами:

1938: бомбардировщиков 1466;	истребителей 920
1939: бомбардировщиков 1553;	истребителей 920
1940: бомбардировщиков 1558;	истребителей 1090

Фактически прогресс германской авиации и по количеству и по качеству имел место главным образом до начала войны. Мы опоздали от них примерно на два года. Между 1939 и 1940 у них было увеличение всего на 20 процентов, тогда как у нас число современных истребителей увеличилось на 80 процентов. В 1938 у нас была чувствительная слабость в качест-

ве, и хотя мы в 1939 несколько подвинулись на пути к устранению неравенства, мы все ж были в сравнительно худшем положении, чем в 1940, когда наступило испытание.

В 1938 мы могли бы подвергнуться налетам на Лондон, к которым мы были жалким образом неподготовлены. Однако решительная воздушная битва за Британию была бы невозможна, пока немцы не заняли бы Франции и Нидерландов и не получили бы необходимые базы на близком расстоянии от наших берегов. Без этих баз они не могли эскортировать своих бомбардировщиков тогдашними истребителями. Но ни в 1938 ни в 1939 германская армия не была в состоянии победить французскую.

Обширное производство танков, которыми немцы сломали французский фронт, не имело места до 1940, и вследствие французского превосходства на западе и до завоевания Польши на востоке они, без сомнения, не могли сконцентрировать против Англии всю свою авиацию, как они могли это сделать, после того как Франция была вынуждена капитулировать. И все это, не принимая во внимание позиции России и того сопротивления, которое могла бы оказать Чехословакия. Я считал нужным привести цифры, выражающие сравнительную силу авиаций в данный период, но они ни коим образом не меняют сделанных мною выводов.

По всем приведенным основаниям передышка, будто «выигранная» в Мюнхене, оставила Англию и Францию в гораздо худшем положении по сравнению с гитлеровской Германией, чем они были во время мюнхенского кризиса.

**
*

Наконец, имеется еще потрясающий факт: за один 1938-й год Гитлер присоединил к Империи и подчинил своему абсолютному господству 6.750.000 австрийцев и 3.500.000 судетов, в общем более десяти миллионов подданных, рабочих и солдат. Грозный баланс несомненно передвинулся в его пользу.

19.

ПРАГА, АЛБАНИЯ И ПОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ

Чемберлэн продолжал верить, что ему достаточно установить личный контакт с диктаторами, чтобы значительно улучшить мировое положение. Он не подозревал, что их решения уже были приняты. Полный надежд он предложил посетить в январе Италию вместе с лордом Галифаксом. После некоторой задержки было получено приглашение, и встреча состоялась 11-го января. Нельзя, не краснея, читать в «Дневнике» Чиано комментарии, которые по адресу нашей страны и ее представителей делались за кулисами итальянской сцены.

«В основном, — пишет Чиано, — визит прошел в минорном тоне... Настоящий контакт не был установлен. Как далеки мы от этих людей! Это — другой мир. После обеда мы говорили об этом с Дуче. «Эти люди, — сказал Муссолини, — не сделаны из того же материала, как Фрэнсис Дрэйк и другие великолепные авантюристы, которые создали Британскую Империю. В конце концов они усталые сыновья длинной линии богатых людей»...

«Англичане, — замечает Чиано, — не хотят сражаться. Они стараются отступать возможно медленнее, но они не хотят сражаться... Наши разговоры с англичанами кончились. Ничего не было достигнуто. Я телефонировал Риббентропу, что это было абсолютно безвредное фиаско... Глаза Чемберлэна наполнились слезами, когда поезд тронулся, и его соотечественники запели: «Потому что он веселый, хороший парень». «Что это за песенка», — спросил Муссолини».

И затем две недели позднее:

«Лорд Перт представил на наше одобрение конспект речи, которую Чемберлэн произнесет в Палате Общин, с тем, чтобы мы, если нужно, предложили изменения. Муссолини одобрил речь и заметил: «Я думаю, что это в первый раз глава Британского правительства представил иностранному правительству конспект одной из своих речей. Это для них дурной признак».

Тем не менее, в конце концов, погибли Чиано и Муссолини.

Тем временем 18-го января Риббентроп был в Варшаве, чтобы открыть дипломатическое наступление против Польши. За поглощением Чехословакии должно было последовать окружение Польши. В первой части этой операции Польша должна была быть отрезана от моря утверждением германского суверенитета в Данциге и распространением германского контроля над Балтийским морем до большого литовского порта Мемеля. Польское правительство оказало сильное сопротивление этому давлению, и некоторое время Гитлер наблюдал и выжидал благоприятного для кампании времени года.

Во вторую неделю марта распространились слухи о движениях войск в Германии и в Австрии, в особенности в районе Вены-Зальцбурга. Были сообщения, что сорок немецких дивизий были мобилизованы до их военной силы. Уверенные в немецкой поддержке, словаки готовили отделение их территории от Чехословацкой республики. Полковник Бек, с чувством облегчения наблюдавший, что тевтонский ветер дует в другую сторону, публично заявил в Варшаве, что его правительство относится с полной симпатией к стремлениям словаков. Словацкий лидер отец Тисо был принят в Берлине с почестями, полагающимися для премьер-министра. 12-го Чемберлэн, когда его спросили в Парламенте о гарантии чехословацкой границы, напомнил Палате, что это предложение было направлено против непровоцированной агрессии. Пока такой агрессии не было. Ему не пришлось долго ждать.

**
*

В эти мартовские дни по Англии прошла волна протivoестественного оптимизма. Несмотря на то, что в Чехословакии под интенсивным немецким давлением извне и изнутри положение становилось все более напряженным, министры и газеты, идентифицировавшие себя с мюнхенским соглашением, не теряли веры в политику, в которую они вовлекли нацию. Даже отделение Словакии и обнаруженные в Германии

движения войск не помешали министру внутренних дел говорить 10-го марта своим избирателям о его надеждах на «Пятилетний план мира», который со временем приведет к созданию «золотого века». Все еще оптимистически обсуждалась идея торгового договора с Германией. Знаменитый журнал «Панч» напечатал карикатуру, изображавшую Джона Булля просыпающимся со вздохом облегчения от кошмара, в то время как все ночные дурные слухи, фантазии и подозрения вылетают в окно. В тот самый день, когда это появилось, Гитлер предъявил свой ультиматум шатающемуся чешскому правительству, лишенному мюнхенским соглашением его линии укреплений. Войдя в Прагу, немецкие войска взяли незащищающееся государство под свой полный контроль. Я помню, как я сидел с Иденом в курительной комнате Палаты, когда пришли вечерние газеты с сообщениями об этих событиях. Даже те, кто, как мы, были свободны от иллюзий и это серьезно засвидетельствовали, были поражены внезапной жестокостью этого преступления. Трудно было поверить, что Правительство Его Величества со всей его секретной информацией могло быть так дезориентировано. 14-го марта имели место распад и порабощение Чехословацкой республики. Словаки формально провозгласили свою независимость. Венгерские войска при тайной поддержке Польши вошли в восточную провинцию Чехословакии, Карпатскую Украину, которой они помогали. Гитлер, прибыв в Прагу, провозгласил германский протекторат над Чехословакией, которая таким образом была включена в состав Германской Империи.

15-го марта Чемберлэн говорил Палате: «Оккупация Богемии немецкими войсками началась сегодня в шесть часов утра. Чешский народ получил от своего правительства приказ не оказывать сопротивления». Он затем заявил, что данная им Чехословакии гарантия, по его мнению, потеряла свою силу. Пять месяцев до этого, после Мюнхена, министр доминионов, сэр Томас Инскип сказал об этой гарантии: «Правительство Его Величества чувствует себя морально обязан-

ным по отношению к Чехословакии соблюдать эту гарантию (как если бы она была технически в силе). Поэтому в случае акта непровоцированной агрессии против Чехословакии Правительство Его Величества несомненно будет обязано сделать все в его силах, чтобы обеспечить сохранение целостности Чехословакии». «Такова, — сказал премьер-министр, — была наша позиция до вчерашнего дня. Но она изменилась после того, как словацкий парламент провозгласил независимость Словакии. Осуществление этой декларации положило путем внутреннего распада конец тому государству, границы которого было предложено гарантировать, и вследствие этого Правительство Его Величества не может считать себя связанным этим обязательством». Это казалось окончательным. «Естественно, — сказал он в заключение, — что я должен горько сожалеть о том, что сейчас произошло, но не дадим на этом основании отвлечь себя от нашего пути. Вспомним, что желания всех народов попрежнему остаются сконцентрированными на надежде на мир...»

Через два дня Чемберлен должен был говорить в Бирмингеме. Я был совершенно убежден, что он примет то, что произошло, с самым приятным видом. Это было бы в полной гармонии с его заявлением в Палате. Я даже представлял себе, что он может вменить правительству в заслугу то, что своей дальновидностью в Мюнхене оно решительно отградило Великобританию от судьбы Чехословакии и центральной Европы. «Какое счастье, — мог бы он сказать, — что в прошлом сентябре мы решили не дать себя втянуть в борьбу на континенте! Мы теперь свободны допустить, чтобы эти передряги между странами, которые ничего для нас не означают, улаживались ими самими без траты нашей крови и денег». В конце концов это было бы логично после того, как раздел Чехословакии был решен в Мюнхене и одобрен большинством английского народа, поскольку оно понимало, что происходило. Это также было мнением некоторых наиболее ярых сторонников мюнхенского

соглашения. Поэтому я ждал бирмингамскую речь, наперед негодуя.

Реакция премьер-министра была для меня неожиданной. Он думал, что обладает особым пониманием характера Гитлера и способностью проникательно измерять границы, до которых дойдут германские действия. Он верил — и надеялся, — что в Мюнхене было подлинное взаимное согласие, и что он, Гитлер и Муссолини спасли мир от неизмеримых ужасов войны. Внезапно словно взрывом были расшатаны его вера и все, что вытекало из его действий и аргументов. Будучи ответственным за имевшие серьезные последствия ошибочные суждения о фактах, навязав свои заблуждения подчинявшимся ему коллегам и несчастному английскому общественному мнению, он тем не менее в одну ночь резко отвернулся от своего прошлого. Если Чемберлэн не смог понять Гитлера, то и Гитлер совершенно недооценил подлинный характер британского премьер-министра. Он ошибочно считал, что мирная внешность и страстное желание мира полностью выражают личность Чемберлэна и что зонтик является его символом. Он не разглядел, что Невилль Чемберлэн имел очень твердую сердцевину и не любил, чтобы его обманывали.

В бирмингамской речи прозвучали новые ноты. «Его тон, — пишет его биограф, — был совсем иным... Осведомленный более полной информацией и энергичными заявлениями о настроении в Палате, в стране и в доминионах, он отбросил давно приготовленный текст речи о внутренних вопросах и социальной политике и взял в руки горячее железо». Говоря о мюнхенском соглашении, он упрекал лично Гитлера в вопиющей недобросовестности. Он перечислил все заверения, которые давал Гитлер: «Это последнее территориальное притязание, которое я должен предъявить в Европе». «Я не буду больше интересоваться чешским государством и могу это гарантировать. Нам не нужно больше никаких чехов».

«Я убежден, — сказал премьер-министр, — что после Мюнхена значительное большинство английского народа

разделяло мое честное желание, чтобы эта политика продолжалась, но сегодня я разделяю его разочарование, его негодование вследствие того, что эти надежды так бесстыдно разбиты. Как согласовать события этой недели с теми заверениями, которые я вам читал?

У кого не разрывается сердце от сочувствия гордому, мужественному народу, который так внезапно подвергся этому вторжению, чья свобода урезана, чья независимость исчезла? Нам говорят, что захват территории стал необходимым вследствие беспорядков в Чехословакии. Но если там были беспорядки, не были ли они вызваны извне? Есть ли это последняя атака на небольшое государство, или за ней последует другая? Не есть ли это в действительности часть попытки господствовать над миром насилием?»

Трудно вообразить большее противоречие настроению и политике, выраженным за два дня до этого в заявлении премьер-министра в Палате. Он должен был пройти период крайнего напряжения. 15-го он сказал: «не дадим отклонить себя от нашего пути». Но теперь это был поворот «направо кругом».

Более того: изменение настроения Чемберлена не ограничилось словами. Следующим «небольшим государством» в списке Гитлера была Польша. Принимая во внимание всю серьезность решения и число тех, кого надо консультировать, следует думать, что это было очень занятое время. Через две недели (31-го марта) премьер-министр заявил в Парламенте:

«Я должен теперь сообщить Палате... что в случае какого-либо действия, явно угрожающего независимости Польши и которому польское правительство сочтет жизненно необходимым сопротивляться, Правительство Его Величества будет считать себя обязанным всеми средствами в его распоряжении оказать поддержку польскому правительству. Оно дало польскому правительству такое заверение.

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня сделать известным, что оно в этом вопросе занимает ту же позицию, что и Правительство Его Величества... Доминионы были полностью информированы».

Момент не был подходящ для споров о прошлом. Гарантия Польше была поддержана лидерами всех партий и групп. Я сказал: «С Божьей помощью мы не можем поступить иначе». Это было необходимое дей-

ствие в том положении, до которого мы дошли. Но никто из понимавших положение не мог сомневаться, что, насколько возможно человеческое предвидение, это означало большую войну, в которую мы будем вовлечены.

**
*

В этой печальной повести о заблуждениях людей, способных и с благими намерениями, мы теперь достигли наивысшей точки. То, что мы все должны были дойти до этого критического пункта, делает ответственных за это, как бы благородны ни были их мотивы, заслуживающими порицания перед судом истории. Оглянемся назад и посмотрим, на что мы постепенно соглашались или от чего отказывались: Германия, разоруженная по торжественному договору; Германия, вооруженная в нарушение торжественного договора; утраченное превосходство и даже равенство воздушных сил; насильственно занятая Рейнская область и построенная или строящаяся линия Зигфрида; образование оси Берлин-Рим; Австрия, поглощенная и переваренная Германской Империей; Чехословакия, покинутая и разрушенная мюнхенским соглашением, ее укрепленная линия в немецких руках и мощный арсенал Шкоды, изготавливающий оружие для немецкой армии; с одной стороны, отклонение попытки президента Рузвельта вмешательством Соединенных Штатов стабилизировать или выяснить европейскую ситуацию, а с другой стороны, игнорирование несомненной готовности Советской России присоединиться к Западным державам и идти с ними до конца, чтобы спасти Чехословакию; отказ от тридцати пяти чешских дивизий против все еще не созревшей немецкой армии, в то время как сама Великобритания могла дать только две дивизии, чтобы усилить фронт во Франции — все было унесено ветром.

А теперь, промотав все эти поддержки и преимущества, Великобритания идет, ведя за руку Францию, на то, чтобы гарантировать неприкосновенность Польши — той самой Польши, которая шесть месяцев то-

му назад с жадностью гиены присоединилась к грабежу и разрушению Чехословацкого государства. Имело смысл сражаться за Чехословакию, когда германская армия могла держать на западном фронте едва полдюжину обученных дивизий и когда Франция с ее шестидесятью или семидесятью дивизиями, без всякого сомнения, могла перейти Рейн или войти в Рурскую область. Но это было сочтено неразумным, опрометчивым, ниже уровня современного мышления и морали. Но теперь, наконец, обе Западные державы объявили себя готовыми поставить на карту свое существование ради территориальной неприкосновенности Польши. Об истории говорят, что она представляет собою отчет о преступлениях, безумствах и бедствиях человечества. Но всю ее надо перерыть и обыскать, чтобы найти параллель этой полной перемене политики пяти или шести лет благодушного задабривания и превращению ее в готовность идти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и величайших размеров.

Кроме того: как мы могли защитить Польшу и выполнить нашу гарантию? Только объявив Германии войну и атаковав более сильный Западный вал и более могущественную германскую армию, чем те, перед которыми мы отступили в сентябре 1938 г. Это — ряд подорожных столбов на дороге к катастрофе. Это — каталог капитуляций перед растущей мощью Германии — сначала, когда всё еще было легко, потом когда становилось всё труднее. Но теперь, по крайней мере, пришел конец английской и французской покорности. Здесь было, наконец, решение, принятое в самый неблагоприятный момент и на наименее удовлетворительном основании и которое, наверняка, должно привести к гибели десятки миллионов людей. Правое дело было сознательно, и с извращенной утонченностью обречено на смертельную борьбу после того, как были легкомысленно растрочены его козыри и преимущества. Все же, если вы не боретесь за правое дело, когда вы легко можете выиграть без кровопролития; если вы не боретесь, когда ваша побе-

да обеспечена и не будет слишком дорого стоить, то может наступить момент, когда вы должны будете бороться со всеми шансами против вас и лишь с сомнительным шансом выжить. Но может быть и еще хуже: вы должны будете бороться без всякой надежды на победу, потому что лучше погибнуть, чем жить рабами.

**
*

Бирмингамская речь сблизила меня с Чемберленом:

«Черчилль Чемберлену

Я позволяю себе повторить то, что я вчера сказал Вам в кулуарах, а именно, что нужно немедленно привести противовоздушную оборону в состояние полной готовности. Такой шаг не может казаться агрессивным, но он подчеркнет серьезность той акции, которую Правительство Его Величества предприняло на континенте. Собранные вместе, эти офицеры будут с каждым днем их призывного времени улучшать свою дееспособность. Впечатлением в стране будет скорее уверенность, а не тревога. Но больше всего я думаю о Гитлере. В данный момент он должен быть в чрезвычайно напряженном состоянии. Он знает, что мы стараемся образовать коалицию, чтобы сдержать его следующую агрессию. От такого человека можно всего ожидать. Если станет известно, что у нас всё готово, то это может устранить искушение произвести внезапное нападение на Лондон или на авиационные заводы, чего я боюсь даже еще больше. Тогда практически уже не может быть неожиданности, вследствие чего будет устранено побуждение к применению крайних средств, и, может быть, возобладает более благоразумная точка зрения.

В августе 1914 я убедил Асквита позволить мне послать флот на север так, чтобы он смог пройти Дуврский пролив и Узкие моря (английский и ирландский каналы) до того, как дипломатическое положение станет безнадежным. Я думаю, что укомплектование противовоздушной обороны имеет сейчас очень сходное значение, и я надеюсь, что Вы не возражаете против того, что я это Вам предлагаю».

**
*

Поляки получили Тешен благодаря своему постыдному поведению при ликвидации Чехословацкого государства. Им скоро пришлось расплачиваться.

21-го марта, встретившись с польским послом в Берлине Липским, Риббентроп взял гораздо более резкий тон, чем в прежних разговорах. Оккупация Богемии и создание вассальной Словакии подвели немецкую армию к южным границам Польши. Липский сказал Риббентропу, что простые поляки не могут понять, почему Германия взяла Словакию под свой контроль, который направлен против Польши. Он также спросил о недавних разговорах между Риббентропом и литовским министром иностранных дел. Не касались ли они Мемеля? Он получил ответ через два дня (23-го марта). Немецкие войска заняли Мемель.

Средства для организации какого-либо сопротивления против немецкой агрессии в Восточной Европе были теперь почти исчерпаны. Венгрия находилась в немецком лагере. Польша сторонилась чехов и не была склонна к тесному сотрудничеству с Румынией. Ни Польша, ни Румыния не хотели допустить русскую интервенцию против Германии через их территорию. Ключом к Великому Союзу было соглашение с Россией. Глубоко затронутое всем, что произошло, и несмотря на то, что во время мюнхенского кризиса оно было оставлено за дверями, Русское правительство 21-го марта предложило конференцию шести держав. Чемберлэн имел определенное мнение. 26-го марта он писал в частном письме:

«Я должен признаться в глубоком недоверии к России. Я совсем не верю в ее способность вести эффективное наступление, даже если она этого захочет. И я не доверяю ее мотивам, которые, как я думаю, имеют мало общего с нашими идеями свободы, и имеют в виду только ссорить других. Кроме того, к ней относятся с ненавистью и подозрением многие небольшие государства, как Польша, Румыния и Финляндия».

Поэтому советское предложение конференции шести держав было принято холодно, и ему дали заглохнуть. Шансы на то, чтобы вывести Италию из Оси, что играло такую большую роль в британских официальных расчетах, исчезли. 26-го марта Муссолини произнес неистовую речь, предъявляя к Франции требования, касающиеся Средиземного моря. Втайне он

готовил расширение итальянского влияния на Балканах и в Адриатике, чтобы уравновесить усиление Германии в центральной Европе. Его планы для вторжения в Албанию были уже готовы.

29-го марта Чемберлен возвестил в Парламенте предполагаемое удвоение территориальной армии, представляющее увеличение ее на бумаге на 210 тысяч человек (без снаряжения). 3-го апреля Кайтель, начальник штаба Гитлера, издал секретную «директиву для вооружения сил на 1939-40 гг.». Она касалась Польши и носила условное название «Белый случай». Фюрер прибавил следующее распоряжение: «Приготовления должны быть сделаны так, чтобы операции могли быть начаты в любое время, начиная с 1-го сентября».

**
*

4-го апреля Правительство пригласило меня на завтрак в отеле Савой в честь приехавшего для важного официального визита польского министра иностранных дел полковника Бека. За год до этого я встретил его на Ривьере, где мы завтракали вдвоем. На этот раз я спросил его: «Доедете ли Вы благополучно в Вашем специальном поезде через Германию в Польшу?» Он ответил: «Я думаю, у нас на это еще будет время».

**
*

Перед нами открылся новый кризис.

На заре 7-го апреля итальянские войска высадились в Албании и после короткой борьбы заняли страну. Как Чехословакия должна была стать базой для нападения на Польшу, так Албании предназначалась роль трамплина для итальянской акции против Греции и для нейтрализации Югославии. Британское правительство уже взяло на себя обязательство в интересах мира в северо-восточной Европе. Как же быть с угрозой, растущей на юго-востоке? Корабль мира давал течь при каждой волне.

9-го апреля я писал премьер-министру:

«Я надеюсь, что Парламент будет созван не позднее вторника, и что Вы сумеете сделать заявление, которое сможет создать такой же единый фронт, как в случае соглашения с Польшей. Я думаю однако, что теперь дорожает каждый час. Для нас повелительно необходимо снова обладать дипломатической инициативой. Этого уже нельзя достигнуть заявлениями или отказом от англо-итальянского соглашения или отзыванием нашего посла.

В воскресных газетах прямо говорится, что мы предлагаем гарантии Греции и Турции. В то же время я видел, что некоторые газеты говорят о британской морской оккупации Корфу. Если бы этот шаг был уже сделан, это создало бы наилучший шанс сохранить мир. Если он не будет сделан, — конечно, с согласия Греции, — я думаю, что после того, как об этой идее говорилось в печати и вследствие очевидной потребности ситуации, Корфу будет спешно занято Италией. Тогда будет невозможно взять его обратно. С другой стороны, если мы там будем первыми, то атака даже на несколько английских судов будет означать для Муссолини начало агрессивной войны против Англии. Прямо поставленный вопрос даст наилучшие шансы всем тем силам в Италии, которые против большой войны с Англией. Это не только не увеличит существующего серьезного риска, но уменьшит его. Но это должно быть сделано сегодня ночью.

На карте стоит не что другое, как судьба всего балканского полуострова. Если эти государства останутся под германским и итальянским давлением, в то время как мы будем им казаться неспособными действовать, они будут вынуждены заключить возможно более благоприятные для них соглашения с Берлином и Римом. Каким отчаянным будет тогда наше положение! Мы будем связаны обязательством по отношению к Польше и тем втянуты в дела востока Европы, в то же время лишив себя всякой надежды на широкий союз, осуществление которого только и могло бы означать спасение.

Я пишу это, не зная расположения нашего флота в Средиземном море, который, конечно, должен быть сконцентрирован и быть **в море**, находясь в удобной, но не слишком близкой поддерживающей позиции».

На самом деле наш Средиземноморский флот был рассеян. Из пяти больших линейных кораблей один находился в Гибралтаре, другой в восточной части Средиземного моря, а остальные три были в далеко отстоящих друг от друга итальянских портах или около них, два из них без прикрывающих их флоти-

лий. Сами флотилии миноносцев были рассеяны вдоль европейских и африканских берегов, а большое количество крейсеров сгруппировались в гавани Мальты без прикрытия могущественными противоздушными батареями броненосцев. В то время, как наш флот был так разбросан, было известно, что итальянский флот был сконцентрирован в Отрантском проливе и что войска были собраны и посажены на суда для какого-то серьезного предприятия.

13-го апреля я критиковал эту беспечность в Палате Общин:

«За границей знают английский обычай «викэнда» и большое уважение к праздникам, которые совпадают с церковными торжествами. Страстная Пятница была также первым днем после того, как Парламент разошелся. Было также известно, что британский флот в это время рутинным образом выполнял задолго анонсированную программу. Он был поэтому рассеян во все стороны... Я вполне могу себе представить, что, если бы наш флот был сконцентрирован и крейсировал в южной части Ионийского моря, то албанская авантюра не была бы предпринята.

После двадцатипятилетнего опыта в мирное и военное время, я убежден, что британская разведочная служба является лучшей в мире. Но мы видели и в случае оккупации Богемии и при вторжении в Албанию, что наши министры не подозревали или во всяком случае не были убеждены в том, что произойдет. Я не могу поверить, чтобы в этом была виновата разведочная служба. Как было возможно накануне богемского преступления заниматься так называемыми «солнечными разговорами» и предсказывать «зарю Золотого века»? Как это возможно, что на прошлой неделе были соблюдены праздничные обычаи, когда было явно, что надвигается нечто совершенно исключительное с неизмеримыми последствиями? Я думаю, что министры подвергают себя огромному риску, если они допускают, чтобы собираемая разведкой и, как я убежден, во время посылаемая им информация просеивалась, прикрашивалась и уменьшала свое значение и важность, или если у них самих создается настроение придавать значение только тем частям информации, которые соответствуют их серьезному и благородному желанию, чтобы мир не был нарушен.

Все движется в одно и то же время. Год за годом, месяц за месяцем, все вместе двигалось вперед. Когда мы мысленно достигали известных позиций, другие достигали их уже на деле. Теперь опасность очень близка, и большая

часть Европы уж в очень значительной мере мобилизована. Миллионы людей готовятся к войне. Всюду пограничные оборонительные сооружения наполняются людьми. Всюду чувствуется, что предстоит какой-то новый удар. Если он разразится, можно ли сомневаться, что он захватит и нас? Мы уже не в том положении, в каком были два или три месяца тому назад. Мы взяли на себя обязательства во всех направлениях — по моему мнению, правильно в виду всего того, что произошло. Нет необходимости перечислять все страны, которым мы прямо или косвенно дали или готовы дать гарантии. Мы делаем теперь то, что нам и не снилось год тому назад, когда все было гораздо более обнадеживающим, что нам не приснилось бы и месяц тому назад. Когда мы хотим увести всю Европу от края бездны на высоты законности и мира, мы сами должны дать высочайший пример. Мы ни от чего не должны держаться в стороне. Как можем мы продолжать вести у себя дома удобную, легкую жизнь, не желая даже произнести слово «принуждение», не желая даже принимать необходимые меры, посредством которых только и могут быть рекрутированы и снаряжены те армии, которые мы обещали. Темные воды быстро поднимаются с каждой стороны. И разрешите мне сказать с полной откровенностью и искренностью: как может это продолжаться, что в управляющихся нами органах не представлена полностью вся «сла нации?»

Через несколько дней я повторил мои жалобы относительно флота в частном письме лорду Галифаксу:

«Диспозиции нашего флота необъяснимы. Во-первых, в четверг ночью, 4-го апреля Первый Лорд удостоверил, что флот в наших водах был в таком состоянии готовности, что персонал не мог даже оставлять противовоздушные орудия, чтобы спускаться вниз. Это было следствием тревожной телеграммы и было, по-моему, больше того, чего требует бдительность. С другой стороны, в то же время наш Средиземноморский флот был, как я это описал в Палате, в самом уязвимом беспорядке рассеян по всему морю, и, как показывают напечатанные в газетах фотографии, «Бархам» стоял на якоре около неаполитанского мола. Теперь Средиземноморский флот, как это и должно быть, сконцентрирован и находится на море. Поэтому, на Средиземном море, без сомнения, все благополучно. Но неподготовленность перенесена к нашим водам. За исключением немногих противовоздушных орудий, в Атлантическом флоте ничто не было способно к действию вследствие того, что большое количество людей было отправлено в от-

пуск. Можно было бы думать, что в такое время отпуска могли бы по меньшей мере даваться по очереди. Все минные тральщики были вне действия вследствие ремонтов. Как это согласовать с заявлением о напряженном положении, существовавшем в ту неделю? Это представляется серьезным отступлением от практики постоянной и разумной бдительности. В сущности сейчас условия принципиально те же, что в прошлую неделю. Первый Морской Лорд серьезно болен, и я думаю, что слишком много упало на плечи Стэнкопа.

Я пишу это Вам для Вашего личного осведомления и с тем, чтобы Вы сами могли проверить факты. Поэтому считайте, пожалуйста, это письмо строго личным, так как я не хочу беспокоить по этому поводу премьер-министра, но думаю, что Вы должны это знать.

**
*

15-го апреля, после объявления германского протектората над Богемией и Моравией, Геринг встретился с Муссолини и Чиано, чтобы осведомить их о прогрессе германской подготовки к войне. Протокол этой встречи был найден. Одно место представляет интерес — это говорит Геринг:

«Тяжелое вооружение Чехословакии во всяком случае показывает, как опасно оно могло бы быть даже после Мюнхена в случае серьезного конфликта. Благодаря германской акции положение обеих стран Оси улучшилось помимо других причин также вследствие экономических возможностей, открываемых переходом к Германии большой производственной способности Чехословакии. Это содействует значительному усилению Оси по отношению к Западным державам. Кроме того, в случае более крупного конфликта Германии теперь не нужно держать наготове ни одной дивизии для защиты против этой страны. Это также преимущество, от которого в конечном счете выиграют обе страны Оси... Акция, проведенная Германией в Чехословакии, должна считаться выгодной обеим державам Оси. Германия может теперь атаковать Польшу с двух флангов и будет на расстоянии двадцати пяти минут полета от нового центра польской индустрии, который, вследствие его близости к границе, был передвинут дальше вглубь страны, ближе к другим польским промышленным округам».

«Бескровная ликвидация чешского конфликта осенью 1938 и весной 1939 и аннексия Словакии, —

говорил спустя несколько лет в одной лекции генерал Иодль, — округлили территорию увеличенной Германии таким образом, что стало возможным рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок».

В тот день, когда Геринг был в Риме, президент Рузвельт направил личные послания Гитлеру и Муссолини, убеждая их дать гарантию, что они не предпримут никакой новой агрессии в течение десяти лет «или даже двадцати пяти, если мы можем смотреть так далеко вперед». Дуче сначала отказался читать этот документ, а потом заметил: «Результат детского паралича!» Он не думал, что ему придется испытать еще худшее бедствие.

**
*

27-го апреля премьер-министр принял серьезное решение ввести воинскую повинность, хотя он неоднократно ручался, что не предпримет такого шага. Заслугой военного министра Хора-Белиши было то, что он вынудил это запоздалое пробуждение. Он, без сомнения, поставил на карту свою политическую судьбу, и некоторые его разговоры с главой правительства носили бурный характер. Я несколько раз встречал его в это время, и он никогда не знал, не будет ли этот день его последним днем в министерстве.

Конечно, на этой стадии введение воинской повинности еще не давало нам армии. Оно применялось только к двадцатилетним: они еще должны были быть обучены, а после обучения вооружены. Но это был символический жест исключительного значения для Франции, Польши и других стран, которые мы одарили нашими гарантиями. В прениях оппозиция не выполнила своего долга. Ни Рабочая, ни Либеральная партия не осмелились преодолеть старое и глубоко вкоренившееся предубеждение, всегда существовавшее в Англии против принудительной военной службы.

Лидер Рабочей партии внес следующую резолюцию:

«Будучи готовой сделать все необходимое для обеспечения безопасности нации и выполнения международных обязательств, Палата сожалеет, что Правительство Его Величества в нарушение своих заверений оставляет принцип добровольности, который не оказался недостаточным, чтобы обеспечить необходимые для обороны контингенты. Она считает, что эта мера является ошибочной и что, отнюдь не усилив материально эффективность обороны страны, она приведет к разногласиям и охладит усилия нации, и что она является еще одним доказательством того, что политическое руководство Правительства в это критическое время не заслуживает доверия страны и Палаты».

Лидер Либеральной партии также нашел основания возражать против этого шага. Оба они были в отчаянии от позиции, которую они должны были занять по партийным соображениям. Но они ее заняли и привели для этого много доводов. Разделение произошло по партийной линии, и консерваторы провели свою политику большинством 380 против 143 голосов. В своей речи я сделал все, что мог, чтобы убедить оппозицию поддержать неизбежное мероприятие, но мои усилия были тщетны. Я вполне понимал их трудности, в особенности принимая во внимание, к какому правительству они были в оппозиции. Я должен был здесь об этом рассказать, потому что это лишает сторонников Либеральной и Рабочей партий права осуждать правительство того времени. Они сами только слишком ясно показали себя пред лицом событий. Скоро им предстояло показать себя в более подлинном виде.

**
*

Хотя Чемберлен все еще надеялся предотвратить войну, было ясно, что он не остановится перед ней, если дело до того дойдет. Фейлинг говорит, что он отметил в своем дневнике: «Шансы Черчилля (войти в правительство) улучшаются по мере того, как война становится более вероятной и наоборот». Это было, пожалуй, несколько пренебрежительное замечание. У меня было много других мыслей кроме как о том, чтобы снова стать министром. Тем не менее, я понимаю, что думал премьер-министр. Он знал, что если

будет война, он должен будет обратиться ко мне и правильно считал, что я соглашусь. С другой стороны, он боялся, что Гитлер сочтет мое вступление в министерство за враждебную демонстрацию, и что это уничтожит все остающиеся шансы мира. Это была понятная, но ошибочная точка зрения. Тем не менее, нельзя порицать Чемберлена за нежелание довести до острого кризиса чрезвычайно серьезную и деликатную ситуацию ради того, чтобы ввести в Палату одного члена Палаты.

В марте я вместе с Иденом и около тридцати другими консервативными членами Парламента составил резолюцию в пользу образования Национального Правительства. Летом в стране поднялось очень значительное движение за это или, по крайней мере, за включение меня и Идена в состав правительства. Сэр Стэффор Криппс, занимавший независимое положение, был очень угнетен национальной опасностью. Он посетил меня и разных министров, настаивая на образовании того, что он называл «Все в правительстве». Я не мог ничего сделать, но на министра торговли Стэнли это произвело глубокое впечатление. Он написал письмо премьер-министру, предоставляя в его распоряжение свой пост, если это может облегчить преобразование правительства.

«Стэнли премьер-министру 30-го июня 1939

Я колебался, писать ли Вам в это время, когда Вы перегружены заботами и тревогами, но оправданием этого является крайняя серьезность положения. Я полагаю, что мы все думаем, что единственный шанс предотвратить войну этой осенью состоит в том, чтобы внушить Гитлеру уверенность, что мы исполним свои обязательства по отношению к Польше и что агрессия с его стороны неизбежно должна привести ко всеобщей войне. Все мы также должны были думать о том, имеется ли такая акция, которая, не будучи настолько угрожающей, чтобы вызвать репрессию, была бы достаточно драматична, чтобы приковать к себе внимание. Я лично не могу представить себе ничего более эффективного, как, в случае если это будет сочтено возможным, образование теперь же такого правительства, какое мы неизбежно образовали бы в случае войны. Это было бы драматическим подтверждением национального единства и решимости и произвело бы, я ду-

маю, большое впечатление не только в Германии, но и в Соединенных Штатах. Возможно также, что, если в одиннадцатый час возникнет возможность удовлетворительности урегулирования конфликта, то такому правительству будет легче быть готовым к соглашению. Вы, конечно, сами должны были думать о такой возможности и более отдаете себе отчет в возможных трудностях, чем я, но я думал, что должен был написать Вам как для того, чтобы Вы знали мое мнение, так и для того, чтобы заверить Вас, что в случае если Вы имеете в виду такую возможность, то я — и я убежден, что и все наши коллеги — буду с радостью служить на любом посту, как бы мал он ни был, в правительстве или вне его».

Премьер-министр ограничился формальным подтверждением получения письма. Постепенно почти все газеты, начиная с «Дэйли Телеграфа» (3-го июля) и особенно энергично «Манчестер Гардиен» стали отражать этот поворот настроения. Я был удивлен, как выражения его повторялись каждый день. Тысячи огромных плакатов: «Черчилль должен вернуться» неделями расклеивались на щитах для наклейки афиш. Много десятков добровольцев, мужчин и женщин, носили плакаты с подобными же надписями взад и вперед перед Палатой Общин. Я не имел ничего общего с этими методами агитации, но я, конечно, вступил бы в правительство, если бы был приглашен. Но опять моя счастливая звезда меня уберегла, а все остальное протекало с логической, естественной и ужасающей последовательностью.

20.

СОВЕТСКАЯ ЗАГАДКА

Мы подошли к периоду, когда прекратились все отношения между Англией и Германией. Конечно, мы теперь знаем, что настоящей близости между обеими странами не было с тех пор, как Гитлер пришел к власти. Он только надеялся убедить или запугать Англию так, чтобы она предоставила ему свободу рук в Восточной Европе, а Чемберлэн лелеял надежду его

умиротворить, перевоспитать и привести на путь благодати. Однако пришло время, когда рассеялись последние иллюзии Британского правительства. Кабинет был, наконец, убежден, что нацистская Германия означает войну, и премьер-министр предоставлял гарантии на все еще доступные стороны, независимо от того, могли ли мы оказать существенную помощь этим странам. К польской гарантии прибавилась румынская, а к ним союз с Турцией.

Мы должны вспомнить ту печальную бумажку, на которую он получил подпись Гитлера и которой он торжествующе махал, спускаясь в Гестоне со своего аэроплана. В ней он ссылался на два обязательства, связывавшие, как он думал, его с Гитлером и Англию с Германией, а именно мюнхенское соглашение и англо-германский морской договор. Порабощение Чехословакии уничтожило первое, теперь Гитлер отбросил и второе. Обращаясь 28-го апреля к Рейхстагу, он сказал:

«Так как теперь Англия и через печать и официально выражает взгляд, что она при всех обстоятельствах должна быть против Германии, и подтверждает это знакомой нам политикой окружения, то этим устранен базис морского договора. Поэтому я решил послать сегодня сообщение такого характера Британскому правительству. Для нас это не вопрос практического материального значения, так как я все еще надеюсь, что мы сможем избежать гонку вооружений с Англией, — но акт самоуважения. Если же однако Британское правительство вновь захочет вступить в переговоры с Германией по этому предмету, то никто не будет более меня рад тому, что все еще существует возможность прийти к ясному и определенному соглашению».

Англо-германское морское соглашение, которое было таким значительным успехом Гитлера в важный и критический момент его политики, теперь изображалось им, как одолжение Англии, благодеяния которого теперь брались обратно в знак недовольства Германии. Фюрер оставлял надежду, что он может быть склонен дальше обсуждать морскую проблему с Правительством Его Величества, и он, может быть, ожидал, что прежние жертвы его обмана будут упорствовать в их политике умиротворения. Для него это

больше не имело никакого значения. Он имел Италию, имел превосходство в воздухе и имел Австрию и Чехословакию со всем, что это означало. Он имел свой Западный Вал. В чисто морской области он все время строил подводные лодки так быстро, как мог, не считаясь ни с каким соглашением. Ради формальности он уже сослался на свое право построить сто процентов количества английских, но это несколько не ограничило германской программы строительства подводных лодок. Что же касается больших судов, то он не был в состоянии даже приблизительно использовать щедрую квоту, предоставленную ему соглашением. Поэтому для него было бесстыдной игрой бросить это соглашение назад в лицо тем простакам, которые его заключили.

В той же речи Гитлер объявил недействительным германско-польский договор о ненападении. Как прямое основание, он привел англо-польскую гарантию,

«которая при известных обстоятельствах заставит Польшу взять оружие против Германии в случае конфликта между Германией и какой-либо другой державой, в который в свою очередь будет вовлечена Англия. Такое обязательство противоречит соглашению, которое я некоторое время тому назад заключил с маршалом Пилсудским... Поэтому я считаю договор односторонне нарушенным Польшей и вследствие этого более не существующим. Я посылаю сообщение об этом Польскому правительству».

Проштудировав в то время эту речь, я писал в одной из моих статей:

«Представляется более чем вероятным, что мощный взгляд нацистской Германии направлен теперь на Польшу. Выражают или нет речи Гитлера его намерения, но резко выступающей целью его выступления в последнюю пятницу было, очевидно, изолировать Польшу, выдвинуть против нее наиболее правдоподобное обвинение и подвергнуть ее интенсивному давлению. Повидимому, германский диктатор полагает, что, сосредоточив свои требования на Данциге и Коридоре, он может сделать англо-польское соглашение неприменимым. Он, видимо, ожидает, что те элементы в Великобритании, которые кричали: «Кто будет сражаться за Чехословакию?», будут теперь кричать: «Кто будет сражаться за Данциг и Коридор?» Он, видимо, не осознал той огромной перемены в английском обществен-

ном мнении, которая была вызвана его вероломным нарушением мюнхенского соглашения, и полного поворота в политике, который это преступление вызвало у Британского правительства и, в частности, у премьер-министра. Объявление недействительным германско-польского договора 1934-го является чрезвычайно серьезным и угрожающим шагом. Этот договор только что был подтвержден в январе, когда Риббентроп был в Варшаве. Как и англо-германское соглашение, он был заключен по желанию Гитлера. Как и морское соглашение, он давал Германии значительные преимущества. Оба соглашения облегчали положение Германии, когда она была слаба. Фактически морское соглашение было равносильно прощению Англией нарушения военных статей Версальского договора и этим свело на нет решения, принятые в Стресе, и те, которые были приняты Советом Лиги Наций. Договор с Польшей позволил нацистам сконцентрировать свое внимание сначала на Австрии, затем на Чехословакии с губительными результатами для этих несчастных стран. Он на время ослабил связь между Францией и Польшей и предотвратил рост солидарности интересов между странами Восточной Европы. Теперь, когда он сослужил для Германии свою службу, он отброшен односторонним действием. Тем самым Польша получила предупреждение, что она находится теперь в зоне возможной агрессии».

**
*

Британское правительство должно было спешно думать о практических следствиях гарантий, данных Польше и Румынии. Ни та ни другая гарантия не имели военной ценности иначе как в рамках общего соглашения с Россией. Поэтому разговоры с этой целью начались, наконец, 15-го апреля в Москве между английским послом и Литвиновым. Имея в виду, как Советское правительство было до тех пор третировано, многого ожидать теперь от них нельзя. Однако, 16-го апреля с советской стороны было сделано формальное предложение, текст которого не был опубликован: создать единый фронт взаимной поддержки между Великобританией, Францией и СССР. Эти три державы с добавлением, если возможно, Польши должны были затем дать гарантии тем государствам Центральной и Восточной Европы, которые находились под угрозой германской агрессии. Препятствием к такому соглашению была боязнь этих самых стран по-

лучить советскую помощь в виде советских войск, проходящих через их территории, чтобы защищать их против немцев, и попутно включающих их в советско-коммунистическую систему, самыми ожесточенными противниками которой они были. Польша, Румыния, Финляндия и три балтийских государства сами не знали, чего они больше боялись — германской агрессии или русской защиты. Этот страшный выбор парализовал политику Англии и Франции.

Даже в свете позднейших событий не может быть сомнения, что Англия и Франция должны были принять русское предложение, провозгласить тройственный союз и предоставить выбор метода, каким он мог быть сделан эффективным в случае войны, союзникам в борьбе с общим врагом. В таких обстоятельствах создается другое настроение. Военные союзники склонны каждый считаться с желаниями другого: когда на фронте бьет молот битвы, принимаются всякого рода меры целесообразности, которые в мирное время вызывали бы отталкивание. При том великом союзе, который мог бы образоваться, для одного союзника было бы нелегко вступить на территорию другого иначе как по приглашению.

Но Чемберлен и министерство иностранных дел были поставлены в тупик этой загадкой сфинкса. Когда события развиваются с такой быстротой и в таком грандиозном масштабе, как в той ситуации, разумно делать в каждый данный момент только один шаг. Союз Британии, Франции и России в 1939 вызвал бы в Германии глубокую тревогу, и никто не может доказать, что даже тогда война не могла быть предотвращена. Следующий шаг мог бы быть сделан с превосходством сил на стороне союзников. Их дипломатия вернула бы себе инициативу. Гитлер не мог бы ни пойти на войну на два фронта, которую он сам так сурово осуждал, ни перенести остановки. Было несчастьем не поставить его в это тягостное положение, которое вполне могло бы стоить ему жизни. От государственных людей требуется не только улаживать легкие вопросы. Такие часто улаживаются сами

собой. Случай для принятия спасающих весь мир решений представляется тогда, когда весы судьбы колеблются и перспективы скрыты туманом. Попав в это ужасающее бедствие 1939 года, было необходимо ухватиться за наиболее обещающую надежду.

Даже теперь невозможно точно установить, в какой момент Сталин окончательно оставил намерение сотрудничать с западными демократиями и решил договориться с Гитлером. На самом деле является вероятным, что такого момента никогда не было. Публикация американским Государственным департаментом в «Наци-советских отношениях 1939-41» множества документов из архивов германского министерства иностранных дел дает нам, однако, некоторое количество до сих пор неизвестных фактов. Очевидно, что-то произошло уже в феврале 1939; но это почти наверное было связано с требовавшими обсуждения обеими странами торговых вопросов, возникших вследствие изменившегося после Мюнхена положения Чехословакии. Включение в середине марта Чехословакии в состав Германской империи увеличило значение этих вопросов. Россия имела с Чехословацким правительством несколько контрактов о поставке оружия заводами Шкоды. Что должно было случиться с этими контрактами теперь, когда заводы Шкоды стали германским арсеналом?

17-го апреля германский товарищ министра иностранных дел Вайцэкер сообщил, что в этот день русский посол посетил его в первый раз с тех пор, как почти за год до этого он вручил свои вверительные грамоты. Он спросил о контрактах со Шкодой. И Вайцэкер заметил, что «сведения о русско-британско-французском воздушном договоре и подобных вещах не создают в настоящее время благоприятной атмосферы для поставки военных материалов Советской России». На это советский посол сразу перешел от торговли к политике и спросил товарища министра, что тот думает о германо-русских отношениях. Вайцэкер ответил, что «за последнее время русская печать не вполне разделяла противогерманский тон

американских и некоторых английских газет». На это советский посол сказал: «Идеологические разногласия едва ли повлияли на русско-итальянские отношения, и они не должны непременно быть камнем преткновения для Германии. Советское правительство не использовало против Германии теперешних трений между Германией и Западными демократиями, и не имеет желаний это делать. У России нет оснований, почему она не должна была бы иметь нормальные отношения с Германией. А нормальные отношения могут становиться всё лучше и лучше».

Мы должны считать этот разговор знаменательным, в особенности в виду одновременно происходивших в Москве разговоров между английским послом и Литвиновым и формального советского предложения заключить тройственный союз с Великобританией и Францией. Это было первое несомненное движение России с одной ноги на другую. Отныне «нормализация» отношений между Россией и Германией преследовалась шаг за шагом параллельно с переговорами о тройственном союзе против германской агрессии.

Если бы Чемберлэн, получив русское предложение, например, ответил бы: «Хорошо. Объединимся все трое и сломаем Гитлеру шею», или что-нибудь в этом роде, то Парламент это одобрил бы, Сталин понял, и история могла бы принять другое течение. По меньшей мере, ее течение не могло бы быть хуже.

4-го мая я следующим образом комментировал положение:

«Самое главное, нельзя терять времени. С того, как было сделано русское предложение, прошло уже десять или двенадцать дней. Английский народ, который, жертвуя почитаемым и укоренившимся обычаем, принял теперь принцип обязательной военной службы, имеет право совместно с Французской республикой обратиться к Польше с призывом не чинить препятствий общему делу. Не только должно быть принято полное сотрудничество России, но должны также быть включены три балтийских государства, Литва, Латвия и Эстония. Для этих трех стран с воинственными народами, обладающими вместе, вероятно, двадцатью дивизиями мужественных войск, существенна дружба России, поставляющей оружие и оказывающей другую помощь.

Нет возможности удержать восточный фронт против активной агрессии без активной помощи России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать планам Гитлера в Восточной Европе. Должно всё еще быть возможно образовать прочный фронт всех государств и народов от Балтийского до Черного моря против нового преступления или агрессии. Такой фронт, если он будет образован с искренней готовностью и снабжен решительными и эффективными военными соглашениями, в комбинации с силой Западных держав, все еще поставит Гитлера, Геринга, Гимmlера, Риббентропа, Геббельса и компанию пред лицом таких сил, померяться с которыми у немецкого народа не будет охоты».

**
*

Вместо этого было долгое молчание, во время которого подготавливались полумеры и тщательно взвешенные компромиссы. Задержка была роковой для Литвинова. Его последняя попытка довести отношения с Западными державами до определенного решения была обречена на неудачу. Наш кредит стоял очень низко. Для безопасности России нужна была совсем другая политика, и для нее должен был быть найден новый выразитель. 3-го мая официальное сообщение из Москвы возвестило, что «Литвинов был по его просьбе освобожден от должности комиссара по иностранным делам, и его обязанности взял на себя премьер Молотов». Германский поверенный в делах в Москве сообщал 4-го мая:

«Так как Литвинов еще 2-го мая принял английского посла и был назван во вчерашних газетах в качестве гостя на параде, его устранение представляется результатом непосредственного решения Сталина... На последнем съезде Партии Сталин призывал к осторожности, чтобы избежать вовлечения Советского Союза в конфликт. Молотов (не еврей) считается «самым интимным другом и ближайшим сотрудником Сталина». Его назначение, очевидно, является гарантией того, что внешняя политика будет продолжаться строго в согласии с идеями Сталина».

Советским дипломатическим представителям за границей было предписано сообщить правительствам, при которых они были аккредитированы, что эта перемена не означает изменения советской внешней по-

литики. 4-го мая московское радио сообщило, что Молотов будет проводить политику коллективной безопасности, которая годами была целью Литвинова. Выдающийся еврей, предмет вражды немцев, был отброшен на данное время, как сломанный инструмент, и, не получив разрешения сказать хоть слово в объяснение, был удален с мировой сцены в неизвестность, нищету и под наблюдение полиции. Мало известный вне России Молотов стал комиссаром по иностранным делам в теснейшем содружестве со Сталиным. Он был свободен от всякого бремени прежних заявлений, свободен от атмосферы Лиги Наций и был в состоянии двигаться в любом направлении, которое могло казаться необходимым для самосохранения России. Фактически он мог двигаться только в одном направлении. Он всегда стоял за соглашение с Гитлером. Советское правительство было убеждено Мюнхеном и многим другим, что Англия и Франция будут сражаться только, если они будут атакованы, но что и тогда от них не будет много пользы. Нависшая буря была готова разразиться. Россия должна была заботиться о себе.

Отставка Литвинова означала конец эпохи. Она отметила потерю Кремлем всякой веры в договор о безопасности с Западными державами и в возможность организации восточного фронта против Германии. Комментарии немецкой печати того времени, хотя не обязательно правильны, были интересны. В немецких газетах от 4-го мая была напечатана телеграмма из Варшавы, согласно которой Литвинов подал в отставку после резкого столкновения с Ворошиловым. Ворошилов, без сомнения, на основании точных инструкций заявил, что Красная армия не намерена сражаться ради Польши и от имени генерального штаба осуждал «слишком далеко идущие военные обязательства». 7-го мая «Франкфуртер Цайтунг» была уже достаточно осведомлена, чтобы утверждать, что отставка Литвинова имела крайне серьезное значение для англо-французской политики «окружения» и что она, вероятно, означала, что те в России, кто был оза-

бочен связанным с этой политикой военным бременем, остановили Литвинова. Все это было верно; но на некоторое время было необходимо, чтобы огромная сделка была покрыта завесой обмана и чтобы даже до последнего момента советская позиция оставалась сомнительной. Россия должна была двигаться в обоих направлениях. Как иначе могла она вести свой торг с ненавистным и внушающим ужас Гитлером?

**

Еврей Литвинов ушел, и доминирующее предубеждение Гитлера было успокоено. С этого момента Германское правительство перестало характеризовать свою политику как «антибольшевизм» и направило свою ругань против «плуто-демократий». Газетные статьи заверяли Советы, что германское «жизненное пространство» не затрагивает русской территории, что оно фактически повсюду кончается, не доходя до русской границы. Поэтому для конфликта между Россией и Германией не может быть оснований, если только Советы не заключат соглашений с целью «окружения» с Англией и Францией. Германский посол, граф Шуленбург, вызванный в Берлин для продолжительной консультации, вернулся в Москву с предложением выгодных долгосрочных товарных кредитов. Движение шло с обеих сторон на соглашение.

Этот резкий и неестественный поворот в русской политике был превращением, на которое способны только тоталитарные государства. Едва два года до этого вожди советской армии, Тухачевский и несколько тысяч ее лучших офицеров был перебиты за ту самую тенденцию, которая стала теперь приемлемой для кучки напуганных кремлевских властителей. Тогда прогерманизм был ересью и изменой. Теперь он стал государственной политикой, и несчастье автоматически постигало того, кто осмеливался ее оспаривать, а часто и тех, кто недостаточно быстро поворачивал. Для новой задачи никто не был более подходящим и лучше подготовленным, чем новый комиссар по иностранным делам.

Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности. Он выжил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождалась постоянной угрозой личной ликвидации. Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смысленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он подходил для того, чтобы быть представителем и орудием политики не поддающейся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал длинную серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представлявшего современное понятие робота. И при всем этом это всё же был видимо толковый и остро отточенный дипломат. Я не знаю, каков он был по отношению к стоявшим ниже его. Из его ставших известными разговоров можно заключить, каким он был по отношению к японскому послу в годы после Тегеранской конференции, где Сталин обещал после поражения германской армии атаковать Японию: один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полноткровенность. Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совер-

шенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганьем и оскорблениями, чему наш рассказ скоро даст несколько примеров. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Доунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он показался глубоко взволнованным. За маской показался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием. Мы молча жали друг другу руки. Но тогда мы были вместе во всем, и это было жизнью или смертью для многих. Опустошение и разрушение было вокруг него, или получаемые им самим или им причиняемые другим. В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины. Как теперь, в конце моей жизни, я рад, что никогда не должен был выносить испытания, которым он был подвергнут: лучше вообще не родиться! Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в их компанию, если бы существовал другой мир, в который большевики позволяли бы себе входить.

**
*

С того момента, как Молотов стал комиссаром по иностранным делам, он преследовал политику соглашения с Германией за счет Польши. Французы скоро узнали об этом. Имеется заслуживающая внимания депеша французского посла в Берлине от 7-го мая, которая была опубликована во французской «Желтой Книге» и в которой посол сообщал, что на основании его секретной информации базисом для германо-рус-

ского сближения должен быть четвертый раздел Польши. «Начиная с мая месяца, — писал в 1946 г. Даладье, — СССР вел два ряда переговоров, одни с Францией, другие с Германией. Россия, видимо, предпочитала раздел Польши ее защите. Такова была непосредственная причина Второй мировой войны».

Но были и другие причины.

**
*

8-го мая Британское правительство, наконец, ответило на советскую ноту от 16-го апреля. Текст британского предложения не был опубликован, но 9-го мая агентство ТАСС выпустило сообщение, передававшее главные пункты английского предложения. 10-го мая официальный орган «Известия» напечатал коммюнике того содержания, что передача Ройтером английских предложений, а именно, что «Советский Союз должен дать отдельную гарантию каждому из отдельных государств, и что Великобритания обязуется быть на стороне Советского Союза, если он будет вовлечен в войну в результате этих гарантий», не соответствовала действительности: по словам коммюнике, Советское правительство получило английские контрпредложения 8-го мая, но в них не упоминалось об обязательстве Советского Союза дать отдельные гарантии каждому из соседних государств, в то время как в нем говорилось об обязательстве Советского Союза оказать немедленную поддержку Великобритании и Франции в случае, если они будут вовлечены в войну вследствие их гарантий Польше и Румынии. Не было, однако, никакого упоминания о поддержке с их стороны Советскому Союзу в случае, если он будет вовлечен в войну вследствие его обязательств по отношению к какому-либо восточно-европейскому государству.

Позднее в тот же день Чемберлен сказал, что Правительство приняло на себя новые обязательства в Восточной Европе, вследствие разных трудностей не пригласив Советское правительство прямо в них участвовать. Правительство Его Величества предложило, что-

бы Советское правительство самостоятельно сделало подобное же заявление и выразило свою готовность, если это будет желательно, оказать помощь странам, которые могут стать жертвами агрессии и будут готовы защищать свою независимость.

«Почти одновременно Советское правительство представило схему, более всеобъемлющую и менее гибкую, которая, каковы бы ни были ее другие преимущества, должна была, по мнению Правительства Его Величества, вызвать те самые затруднения, избежать которых было целью его предложений. Поэтому оно указало Советскому правительству на существование этих трудностей. В то же время оно сделало некоторые изменения в своих первоначальных предложениях. В частности, оно сделало ясным, что, если Советское правительство хочет определить свой предназначенный для совместного действия контингент в соответствии с контингентами Великобритании и Франции, то Правительство Его Величества не будет иметь против этого возражений».

Несчастье было в том, что это не было сказано так определенно на две недели раньше.

Следует упомянуть здесь, что 12-го мая турецкий парламент формально ратифицировал англо-турецкое соглашение. Посредством этого добавления к нашим обязательствам мы надеялись усилить, на случай кризиса, наше положение в Средиземном море. Это был наш ответ на оккупацию Италией Албании. Точно так же, как был закончен период разговоров с Германией, мы достигли в сущности такого же тупика в отношениях с Италией.

Переговоры с Россией подвигались медленно, и 19-го мая все проблемы были подняты в Палате Общин. Короткие и серьезные прения фактически свелись к выступлениям лидеров партий и видных бывших министров. Ллойд-Джордж, Иден и я убеждали Правительство в жизненной необходимости немедленного соглашения с Россией самого далеко идущего характера и на равных условиях. Ллойд Джордж начал и в самых мрачных тонах нарисовал картину грозной опасности:

«Положение очень напоминает мне то настроение, которое господствовало ранней весной 1918. Мы знали, что

предстоит большая немецкая атака, но никто точно не знал, где будет нанесен удар. Я вспоминаю, что французы думали, что это будет на их фронте, а наши генералы, что на нашем. Французские генералы даже не были согласны между собой, на какую часть их фронта будет произведена атака, и наши генералы также имели разные мнения. Всё, что мы знали, было, что где-то будет грандиозная борьба, и вся атмосфера была полна — я не скажу страхом, но беспокойством. Мы могли наблюдать огромные приготовления позади немецких линий и знали, что они что-то готовят. Это более или менее то, как мне представляется ситуация сегодня... Мы все очень обеспокоены, весь мир находится под впечатлением, что готовится нечто подобное новой атаке агрессоров. Никто не знает точно, где это произойдет. Мы можем наблюдать, как они ускоряют свое вооружение до сих пор невиданным темпом, в особенности производство наступательного оружия — танков, бомбардировщиков, подводных лодок. Мы знаем, что они занимают и укрепляют новые позиции, которые дадут им стратегическое преимущество в войне с Францией и с нами. Они инспектируют и обозревают от Ливии до Северного моря всякого рода места, которые могут иметь крайнюю важность в случае войны. В их движениях имеется секретность, предвещающая недоброе. Это того же рода секретность, как и в 1918, с целью сбить нас с толку относительно их намерений. Они не готовят обороны... Они не готовятся на случай атаки со стороны Франции, Англии или России. Такой угрозы нет. Я никогда нигде, частным образом или публично, не слышал и намека на то, чтобы мы замыслили нападение на Италию или Германию, и они это очень хорошо знают. Поэтому, все эти приготовления не для обороны. Они для наступательного плана против кого-то из тех, в чьей судьбе мы заинтересованы».

**
*

Ллойд-Джордж сказал затем несколько мудрых слов:

«Главная военная цель и план диктаторов, это — достичь быстрых результатов, избежать затяжной войны. Затяжная война не подходит диктаторам. Затяжная война в роде Испанской войны (Наполеона) их изнашивает, и великая русская оборона, хотя не дала русским ни одной большой военной победы, сломила Наполеона. Идеал Германии теперь — и таким он был всегда — привести войну к быстрому концу. Война против Австрии в 1866 продолжалась не больше нескольких недель, а война 1870-го года велась так, что она фактически была закончена в один или

два месяца. В 1914 планы были составлены с той же точно целью, и они достигли бы этого, если бы не Россия. Но с того момента, когда им не удалось достичь быстрой победы, игра была проиграна. Вы можете положиться на то, что в Германии большие военные мыслители разработали все эти проблемы: что было ошибкой в 1914, чего им не доставало, как они могут пополнить эти прорехи и исправить ошибки или избежать их в следующей войне?».

Переходя от фактов к игре фантазии, Ллойд-Джордж высказал предположение, что немцы уже имеют «двадцать тысяч танков» и «тысячи бомбардировщиков». Это было очень далеко от действительности.. Кроме того, это было ненужной апелляцией к чувству страха. И почему он все эти годы не занимался с моей маленькой группой, долбившей о вооружениях? Но его речь вызвала в собрании удрученное настроение. Два или еще лучше три года тому назад такое утверждение и весь пессимизм его речи вызвали бы раздражение и насмешки. Но тогда было еще время. Теперь, каковы бы ни были цифры, было уже слишком поздно.

Премьер-министр отвечал и впервые раскрыл нам свой взгляд на советское предложение. Он принял его холодно и фактически пренебрежительно:

«Если мы можем выработать метод, посредством которого мы можем получить сотрудничество и поддержку Советского Союза в образовании этого фронта мира, мы приветствуем это; мы хотим этого; мы ценим это. Предположение, что мы пренебрегаем поддержкой Советского Союза лишено основания. Кто не принимает чьего-либо неавторитетного мнения о действительной ценности советских вооруженных сил или о том, как они могут быть применены, тот не будет настолько глуп, чтобы предполагать, что такая обширная страна с ее многочисленным населением и огромными ресурсами является фактором, которым можно было бы пренебречь в той ситуации, с которой мы теперь имеем дело».

Это явно обнаружило то же отсутствие перспективы, которое мы за год до этого видели в случае отклонения предложений Рузвельта. Затем очередь была за мной:

«Я был совершенно не в состоянии понять, в чем состоит возражение против соглашения с Россией, которое

премьер-министр, по его заявлению, сам хотел бы заключить, при том в широкой и простой форме, предложенной Советским правительством.

Предложения, сделанные Русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией против агрессии, выгоды которого могут быть предоставлены другим странам, когда это желательно. Союз только с целью сопротивления новым актам агрессии и для защиты жертв агрессии. Я не могу понять, что в этом плохого? Что не годится в этом предложении? Спрашивают: «Можно ли доверять Советскому правительству?» Я предполагаю, что в Москве говорят: «Можно ли доверять Чемберлену?» Я надеюсь, мы можем сказать, что в обоих случаях ответ должен быть положительным. Я искренно надеюсь на это.

**
*

Турецкое соглашение, которое все одобряют, является большой консолидирующей и стабилизирующей силой во всей области Черного и восточной части Средиземного моря. Турция, с которой мы заключили это соглашение, находится в теснейшей гармонии с Россией. Она также в теснейшей гармонии с Румынией. Эти державы вместе взаимно защищают их жизненные интересы.

**
*

Существует значительное тождество интересов между Великобританией и связанными с нею державами на юге. Нет ли подобного тождества интересов и на севере? Возьмем балтийские страны, Литву, Латвию и Эстонию, которые некогда были причиной войн Петра Великого. Очень существенный интерес России в том, чтобы эти страны не попали в руки нацистской Германии. Мне не нужно распространяться о германской атаке против Украины, которая означала бы вторжение на русскую территорию.

Вы можете видеть, что вдоль всего восточного фронта на карте стоят существенные интересы и из этого как будто можно с основанием заключить, что эти страны будут готовы объединить их интересы с другими странами, затронутыми подобным же образом.

**
*

Если вы готовы быть союзниками России во время войны, этого высшего испытания, величайшей из всех возможностей, если вы готовы объединиться с Россией для защиты Польши, которую вы гарантировали, как и Румынию, почему должны вы бояться стать союзниками России теперь, когда самим этим фактом вы, может быть, предотвратите войну? Я не могу понять всех этих тонкостей дипломатии и это оттягивание. Если случится худшее из худше-

го, вы будете в нем вместе с ними, и вы должны будете вместе с ними стараться как можно лучше с ним справиться. Если трудности не возникнут, вы будете, по крайней мере, иметь безопасность в предварительных стадиях.

**
*

Правительство Его Величества дало гарантию Польше. Я был поражен, когда услышал, что оно дало эту гарантию. Я поддерживаю ее, но я был поражен, потому что ничто из того, что случилось раньше, не позволяло предполагать, что такой шаг будет сделан. Я хочу обратить внимание на тот факт, что вопрос, поставленный Ллойд-Джорджем десять дней тому назад и повторенный сегодня, остался без ответа. Вопрос был: прежде чем была дана эта гарантия, было ли запрошено мнение генерального штаба, разумно и практично ли ее давать, и имеются ли средства ее осуществить. Вся страна знает, что вопрос был поставлен и был оставлен без ответа. Это вызывает недоумение и беспокойство.

**
*

Россия, очевидно, не захочет участвовать в соглашении, если к ней не относятся, как к равной, кроме того, если она не будет иметь уверенности, что методы действий Союзников — фронта мира — таковы, что могут привести к успеху. Никто не хочет связывать себя с нерешительным руководством и неопределенной политикой. Правительство должно понимать, что в Восточной Европе ни одно государство не сможет уцелеть в течение, скажем, одного года войны, если не будет иметь за собою массивную и твердую поддержку дружественной России, присоединившейся к группировке Западных держав. В основном я согласен с Ллойд Джорджем, что, если может быть образован эффективный восточный фронт — восточный фронт мира или, чем он может стать, фронт войны, — то только при действительной поддержке Советской России, расположенной позади всех этих стран.

Если этого восточного фронта не будет, что произойдет с Западом? Что произойдет с теми странами на западном фронте, которым мы не дали гарантий, но по отношению к которым, по общему признанию, имеем обязательства — Бельгией, Голландией, Данией и Швейцарией? Вспомним о нашем опыте в 1917. Тогда русский фронт был разбит и деморализован. Революция и бунты подорвали мужество большой дисциплинированной армии, и положение на фронте не поддавалось описанию. И тем не менее, до того как фронт был ликвидирован заключением мирного договора, на нем оставались полтора миллиона немцев при самом бездейственном и жалком состоянии этого фронта. Как только этот фронт был ликвидирован, миллион немцев

и пять тысяч орудий были переведены на западный фронт и в последний момент чуть-чуть не перевернули весь ход войны и не принудили нас к заключению катастрофического мира.

Это — огромное дело, этот вопрос о восточном фронте. Конечно, я не ишу от Советской России благодеяний. Сейчас не время ждать благодеяний от других стран. Но имеется предложение, лояльное предложение, и, по моему мнению, оно лучше тех условий, которые старается получить Правительство; более простое, более непосредственное и более эффективное. Не отвергнем его, чтобы в результате не получить ничего. Я очень прошу Правительство Его Величества усвоить некоторые из этих brutальных истин. Без эффективного восточного фронта не может быть удовлетворительной защиты наших интересов на Западе, а без России не может быть эффективного восточного фронта. Если после того, как Правительство Его Величества в течение такого долгого времени пренебрегало нашей обороной, дало погибнуть Чехословакии со всем тем, что она означала в смысле военной силы, приняло без изучения их технической стороны обязательства защищать Польшу и Румынию, если оно теперь отвергнет и упустит совершенно необходимую помощь России и тем приведет нас самым худшим путем в самую худшую из всех войн, тогда оно окажется не заслужившим того доверия и, я прибавлю, великодушия, с которыми к нему относились его соотечественники».

Вряд ли можно было сомневаться, что все это было уже слишком поздно. Эттли, Синклэр и Иден говорили на одной общей линии о надвинувшейся опасности и необходимости союза с Россией. Позиция лидеров Рабочей и Либеральной партий была ослаблена тем, что они раньше голосовали против обязательной военной службы, в пользу которой они расположили своих сторонников лишь немного недель тому назад. Так часто приводимый аргумент, что это было вследствие их недовольства внешней политикой, был слаб. Никакая внешняя политика не может быть эффективной, если за ней не стоит достаточная сила и готовность нации принести необходимые жертвы, чтобы эту силу создать.

**
*

Усилия Западных держав образовать оборонительный фронт против Германии встретили ответ дру-

гой стороны. Результатом имевших место в начале мая в Комо разговоров между Риббентропом и Чиано было формальное и публичное заключение так называемого «Стального Пакта», подписанного 22-го мая в Берлине обоими министрами иностранных дел. Это был вызывающий ответ на хрупкую сеть английских гарантий в Восточной Европе. Чиано передает в своем дневнике разговор с Гитлером во время подписания этого договора:

«Гитлер сказал, что он вполне удовлетворен пактом и подтвердил, что средиземноморская политика будет определяться Италией. Он интересуется Албанией и в восторге от нашего плана сделать Албанию цитаделью, которая неотвратимо будет доминировать над Балканами».

Еще яснее удовлетворение Гитлера проявилось, когда 23-го мая, на следующий день после подписания «Стального Пакта», он имел совещание со своими начальниками штабов. Секретный протокол этого совещания теперь известен:

«Мы находимся теперь в состоянии патриотического воодушевления, разделяемого двумя другими нациями — Италией и Японией. Лежащее позади нас время было, действительно, хорошо использовано. Все меры были приняты в правильной последовательности и в согласии с нашими намерениями. Польша не есть «побочный враг». Польша всегда будет на стороне наших противников. Несмотря на договоры о дружбе, Польша всегда имела тайное намерение использовать каждую возможность нам вредить. Предметом спора является вовсе не Данциг, а вопрос о расширении на востоке нашего жизненного пространства и об обеспечении нашего пропитания. Поэтому нет речи о том, чтобы щадить Польшу, и мы остаемся при решении атаковать ее при первой возможности. Мы не можем ожидать повторения чешской истории. Теперь будет война. Наша задача изолировать Польшу. Успех этой изоляции будет иметь решающее значение. Нет уверенности в том, что германопольский конфликт не приведет к войне на Западе, тогда война должна прежде всего вестись против Англии и Франции. Если образуется союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я вынужден буду атаковать Англию и Францию несколькими уничтожающими ударами. Я сомневаюсь в возможности мирного соглашения с Англией. Мы должны готовиться к конфликту. В нашем развитии Англия видит фундамент гегемонии, которая ее

ослабит. Поэтому Англия наш враг, и конфликт с ней будет борьбой на жизнь и на смерть. Голландские и бельгийские воздушные базы должны быть заняты вооруженной силой. Заявление о нейтралитете надо игнорировать.

Если Англия намерена интервенировать в польской войне, мы должны занять Голландию с молниеносной быстротой. Мы должны стараться обеспечить оборонительную линию на голландской территории вплоть до Зюдерзее. Опасно думать, что мы можем легко отделаться: такой возможности нет. Мы должны сжечь свои корабли. Нет больше вопроса о справедливости и несправедливости, вопрос стоит о жизни или смерти восьмидесяти миллионов людей. Армия и правительство каждой страны должны стремиться, чтобы война была короткой. Но правительство должно быть готово и к войне на десять или пятнадцать лет.

Англия знает, что для нее проигрыш войны будет означать конец ее мирового могущества. Англия является движущей силой против Германии. Сами англичане горды, мужественны, упорны, тверды в сопротивлении и талантливые организаторы. Они знают, как использовать каждый поворот событий. Они обладают любовью к авантюрам и храбростью северной расы. Немцы в среднем выше. Если бы в Первой мировой войне мы имели бы на два броненосца и два крейсера больше и если бы Ютландская битва началась утром, то английский флот был бы разбит и Англия поставлена на колени*). Наряду с подготовкой к внезапному нападению должны вестись приготовления к длительной вбейне, при чем опорные пункты Англии на континенте должны быть у ней отняты. Армия должна будет держать позиции, существенные для флота и авиации. Если удастся занять Голландию и Бельгию, а также разбить Францию, то будут обеспечены фундаментальные условия для войны против Англии».

30-го мая германское министерство иностранных дел послало своему послу в Москве следующую инструкцию: «В противоположность ранее намеченной политике мы решили теперь вступить в определенные переговоры с Советским Союзом». В то время как ряды Оси смыкались для военных приготовлений, край-

*) Гитлер, очевидно, был совершенно незнаком с фактами, касающимися Ютландского сражения, которое от начала до конца сводилось к безуспешным стараниям британского флота вовлечь немцев в генеральное сражение, в котором превосходство орудийного огня британской боевой линии скоро оказалось бы решающим.

не необходимое звено связи Западных держав с Россией разрушалось. Лежавшее в основе этого различие взглядов можно вычитать из речи Молотова, произнесенной 31-го мая в ответ на речь Чемберлена в Палате от 19-го мая. Молотов сказал:

«Еще в середине апреля Советское правительство вступило с Британским и Французским правительствами в переговоры о мерах, которые должны быть приняты. Начатые тогда переговоры еще не закончены. Некоторое время тому назад стало ясно, что, если существует действительное желание создать эффективный фронт миролюбивых стран против агрессии, то обязательны следующие минимальные условия:

Заключение между Великобританией, Францией и СССР эффективного договора о взаимной помощи против агрессии, исключительно оборонительного характера.

Гарантия против атаки агрессоров со стороны Великобритании, Франции и СССР государствам центральной и восточной Европы, включая все без исключения страны, граничащие с СССР.

Заклучение между Великобританией, Францией и СССР точно определенного соглашения о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантированным государствам в случае атаки агрессоров».

Переговоры, видимо, зашли в непреодолимый тупик. Польское и Румынское правительства, принимая британскую гарантию, не хотели принять такую же гарантию и в такой же форме от России. Такое же отношение было в другой стратегически крайне важной области — у балтийских государств. Советское правительство дало понять, что оно присоединится к договору о взаимной поддержке лишь в том случае, если Финляндия и балтийские государства будут включены в общую гарантию. Все четыре государства отказались и при их страхе, вероятно, долго отказывались бы от такого условия. Финляндия и Эстония даже заявили, что будут рассматривать такую гарантию, данную без их согласия, как акт агрессии. В тот же день, 31-го мая, Эстония и Латвия подписали с Германией договор о ненападении. Так Гитлер без труда проник в хрупкую оборонительную систему направленную против него запоздалой и нерешительной коалиции.

21.

НА ПОРОГЕ

Лето шло, военные приготовления продолжались во всей Европе, и позиции дипломатов, речи политических деятелей и желания человечества все меньше принимались в расчет. Германские военные передвижения указывали на то, что решение конфликта с Польшей из-за Данцига было бы предварительным шагом к нападению на самое Польшу. 10-го июня Чемберлен выразил в Парламенте свои опасения и повторил, что он намерен заступиться за Польшу в случае угрозы ее независимости. В настроении отрешенности от фактов Бельгийское правительство, в значительной мере под влиянием своего короля, заявило 22-го июня, что оно против разговоров штабов с Англией и Францией, и что Бельгия намерена соблюдать строгий нейтралитет. Ход событий сомкнул ряды между Англией и Францией, а также внутри нашей страны. В июле было много обоюдных посещений между Парижем и Лондоном. Празднование 14-го июля было поводом для демонстрации англо-французского единства. Я был приглашен Французским правительством присутствовать на этом блестящем зрелище.

Когда я после парада уезжал из Бурже, генерал Гамелэн предложил мне посетить французский фронт. «Вы никогда не видели рейнский сектор, — сказал он. — Приезжайте в августе, мы Вам все покажем». Согласно с этим был составлен план, и 15-го августа генерала Спирса и меня встретил близкий друг Спирса, генерал Жорж, главнокомандующий армией во Франции и возможный преемник верховного главнокомандующего. Я был в восторге от встречи с этим в высшей степени приятным и знающим офицером, и мы провели в его обществе следующие десять дней, обсуждая военные проблемы и встречаясь с Гамелэном, который в то же время производил инспекцию некоторых пунктов этой части фронта.

Начав у поворота Рейна около Лаутербурга, мы проехали весь сектор до швейцарской границы. Как и в 1914 году, в Англии беззаботные люди наслаждались своими отпусками и играли на песке с их детьми. Но здесь, вдоль Рейна светил другой свет. Все временные мосты были отведены к той или другой стороне. Постоянные мосты усиленно охранялись и были минированы. День и ночь дежурили надежные офицеры, чтобы по сигналу нажать кнопки, которые взорвут мосты. Раздутая тающими альпийскими снегами, большая река текла тяжелым, угрюмым потоком. Французские передовые посты таились в их прикрытиях в кустарнике. Двое или трое из нас могли вместе спуститься к воде, но нам сказали, что нельзя показывать ничего, что походило бы на мишень. В тысяче футов от нас на другой стороне можно было там и сям видеть фигуры немцев, с прохладцей работавших киркой и лопатой над оборонительными сооружениями. Вся прилегающая к реке часть Страсбурга уже была очищена от мирного населения. Я стоял некоторое время на мосту и видел, как по нему проехали два или три автомобиля. На каждом конце имела место тщательная проверка паспорта и личности. Здесь немецкий пост отстоял от французского немногим больше, чем на триста футов. Между ними не было общения. Но в Европе был мир. Между Германией и Францией не было никакого спора. Извиваясь и кружась, Рейн тек, делая шесть или семь миль в час. Одна или две лодки с мальчиками неслись вниз по течению. С тех пор я не видел Рейна до того, как через пять лет, в марте 1945 года я переправился через него в небольшой лодке вместе с фельдмаршалом Монтгомери. Но это было дальше к северу, около Везеля.

По возвращении я послал несколько замечаний о своих впечатлениях военному и, может быть, некоторым другим министрам, с которыми я был в контакте:

«Французский фронт не может быть захвачен врасплох. Он не может быть прорван ни в одном пункте иначе как посредством усилия, которое будет стоить колоссаль-

ного количества жизней и будет таким продолжительным, что за это время общая ситуация изменится. То же верно, хотя и в меньшей степени, для германской стороны.

Но фланги этого фронта зависят от небольших нейтральных государств. Занятая Бельгией позиция считается глубоко неудовлетворительной. В настоящее время нет никаких признаков военного характера отношений между Францией и Бельгией.

На другом конце линии, о котором я смог много узнать, французы сделали всё, что могли, чтобы подготовиться против вторжения через Швейцарию. Такая операция приняла бы форму германского продвижения вдоль Аара, прикрываемого справа движением через Бельфорский проход или в направлении к нему. Я лично считаю крайне невероятным, чтобы немцы предприняли большую попытку против Франции или двух малых стран в начальной фазе конфликта. Для Германии нет необходимости мобилизации до нападения на Польшу. Она имеет достаточно готовых дивизий, чтобы действовать на восточном фронте, и будет иметь время усилить Линию Зигфрида, мобилизовавшись одновременно с началом атаки на Польшу. Германская мобилизация явилась бы поэтому тревожным сигналом, который, может быть, не будет дан до начала войны. С другой стороны, французы, может быть, примут меры уже в период крайнего напряжения, которому мы сейчас подвергнуты.

Как дело обстоит сейчас, предполагается, что Гитлер сочтет благоразумным ждать, пока в Альпах упадет снег, который предоставит Муссолини покровительство зимы. Эти условия установятся в первые две недели сентября или даже раньше. У Гитлера всё еще будет время ударить против Польши, до того, как в конце октября или начале ноября распутица затруднит там германское наступление. Первая половина сентября представляется поэтому особенно критической, и теперешние немецкие приготовления к Нюрнбергу — пропаганда и т. д. — согласуются с этим заключением».

**
*

Что было наиболее примечательно из того, что я узнал во время моей поездки, было полное принятие оборонительной стратегии, которое владело моими наиболее ответственными хозяевами, пригласившими меня и которое непреодолимо овладело мной самим. Говоря со всеми этими высоко компетентными французскими военными, чувствовалось, что немцы были сильнее и что Франция не имела жизненного пс-

рыва для большого наступления. Она будет сражаться за свое существование — это все! Там была укрепленная линия Зигфрида со всей увеличившейся силой огня современных орудий. Я сам также был до мозга костей проникнут ужасом наступлений на Сомме и у Пасшендале. Немцы, без сомнения, были много сильнее, чем в дни Мюнхена. Мы не знали глубоких опасений, которые грызли их высшее командование. Мы позволили себе оказаться физически и психологически в таком положении, что ни одно ответственное лицо — а я до тех пор еще не нес никакой ответственности — не могло действовать, исходя из допущения — которое было бы правильно, — что только сорок две полуснаряженных и полуобученных немецких дивизии охраняли весь длинный фронт от Северного моря до Швейцарии. Это по сравнению с тринадцатью во время Мюнхена.

**
*

В эти последние недели я боялся, что Правительство Его Величества, несмотря на нашу гарантию, не решится объявить войну Германии, если та нападет на Польшу. Не было сомнения, что в то время, как это ни было горько для него, Чемберлэн решил идти на всё. Но я еще не знал его так хорошо, как годом позже. Я боялся, что Гитлер испробует блеф с каким-нибудь новым фактором или секретным оружием, который собьет с толку наше переобремененное правительство. Время от времени профессор Линдемман говорил со мной об атомной энергии. Поэтому я просил его ознакомить меня с тем, как обстоит дело в этой области, и после нашего разговора написал следующее письмо Кингслей Вуду, о моих довольно близких отношениях с которым я уже упоминал:

«Черчилль Министру авиации.

5-го августа 1939 года

Несколько недель тому назад одна из воскресных газет пустила историю об огромном количестве энергии, которое может быть получено из урания посредством недавно открытой цепи процессов, имеющей место, когда атом расщепляется нейтронами. На первый взгляд представляется, что это указывает на возможность появления

нового взрывчатого вещества уничтожающей силы. Ввиду этого существенно знать, что нет опасности, что это открытие, как бы велико ни было его научное, а в конце концов, может быть, и практическое значение, приведет в течение нескольких лет к результатам, которые могут быть применены в больших размерах.

Имеются основания ожидать, что, когда международное напряжение примет острый характер, то будут умышленно распространяться слухи о применении этого процесса для производства нового ужасающего секретного взрывчатого вещества, которое сможет смести Лондон с лица земли. Без сомнения будут сделаны попытки через пятую колонну посредством такой угрозы побудить нас пойти на новую капитуляцию. Поэтому абсолютно необходимо установить, как обстоит дело в действительности.

Во-первых, наиболее авторитетные лица считают, что только небольшая составная часть уранния действует в этих процессах, и будет необходимо ее извлекать, чтобы сделать возможными результаты в большом масштабе. На это потребуется много лет. Во-вторых, цепная реакция возможна лишь, если ураний сконцентрирован большой массой. Как только энергия будет получена, она произведет взрыв с небольшой детонацией прежде чем будут достигнуты действительно страшные результаты.*) Это может оказаться так же хорошо, как существующие взрывчатые вещества, но вряд ли будет чем-либо значительно более опасным. В-третьих, эти эксперименты не могут быть произведены в небольшом масштабе. Но, если бы они были успешно произведены в большом масштабе (то есть с результатами, которыми нам будут грозить, чтобы мы поддались шантажу), то их нельзя было бы держать в секрете. В-четвертых, в распоряжении Берлина имеется лишь небольшое количество уранния на территории бывшей Чехословакии.

По всему этому боязнь, что новое открытие может дать нацистам какое-то грозное, новое, секретное взрывчатое вещество, чтобы уничтожить их врагов, явно лишена основания. Будут бросаться темные намеки, настойчиво распространяться устрашающие слухи, но надо надеяться, что никто на них не попадется».

Это предвидение было замечательно точным. И немцы нашли путь. Наоборот, они пошли неправильной дорогой и фактически оставили поиски атомной

*) Позднее эта трудность была преодолена, но только чрезвычайно тщательно разработанными методами после нескольких лет исследовательской работы.

борьбы в пользу ракетов или аэропланов без пилотов в тот момент, когда — как об этом будет речь в своем месте — президент Рузвельт и я пришли к соглашению о производстве атомных бомб в большом масштабе.

Я также писал в моей последней записке для комитета по вопросам воздушной обороны:

10-го августа 1939 года

«Главная оборона Англии против воздушных налетов, это цена, которую нам удастся заставить налетчиков платить. Если будет сбита одна пятая при каждом налете, это скоро покончит с налетами... Мы должны представлять себе начальную атаку, как большое предприятие, в течение многих часов пересекающее море в несколько смен. Но не первые результаты воздушной атаки определяют будущее воздушной войны. Прилететь и атаковать Англию не детская игра. Высокая пропорция потерь заставит неприятеля строго учитывать прибыли и убытки. Так как дневные налеты скоро будут слишком дорого стоить, мы будем иметь дело главным образом с периферийными ночными бомбардировками застроенных районов».

* *
*

«Передайте Чемберлену, — сказал 7-го июля Муссолини британскому послу, — что, если Англия решила сражаться в защиту Польши, то Италия возьмется за оружие вместе с ее союзницей Германией».

Но за кулисами его позиция была прямо противоположной. В то время он добивался не более того, чтобы консолидировать свои интересы в Средиземном море и Северной Африке, пожать плоды своей интервенции в Испании и переварить завоевание Албании. Он не хотел быть втянутым в европейскую войну ради завоевания Польши Германией. При всем своем публичном хвастовстве, он лучше, чем кто-либо другой, знал военную и политическую слабость Италии. Он готов был разговаривать о войне в 1942, если Германия даст ему оружие; но в 1939 — нет!

Когда летом давление на Польшу стало более острым, Муссолини стал думать о повторении своей мюнхенской роли посредника и предложил мировую мирную конференцию. Гитлер резко отбросил эту идею.

11-го августа Чиано встретился в Зальцбурге с Риббентропом. Согласно «Дневнику» Чиано:

«Дуче хочет, чтобы я документально доказал, что начать войну в данное время было бы безумием... Было бы невозможно ограничить ее Польшей, а всеобщая война будет катастрофой для всех... Никогда Дуче еще не говорил о мире так безоговорочно и так горячо... Риббентроп виляет. Что бы я его ни спрашивал о деталях германской политики, тревожит его совесть. Он слишком много лгал о германских намерениях относительно Польши, чтобы не чувствовать теперь неловкости по поводу того, что он должен мне говорить, и что они в действительности намерены делать... Германское решение воевать непоколебимо. Даже если им дадут больше того, чем они просят, они все равно будут атаковать, потому что они одержимы демоном разрушения... По временам наш разговор становится очень натянутым. Я не стесняюсь высказывать свое мнение с брутальной откровенностью. Но это на него не действует. Мне становится ясно, как мало мы стоим в глазах немцев».

На следующий день Чиано был у Гитлера. У нас имеется немецкий протокол этой встречи. Гитлер не оставил сомнений, что он намерен свести счеты с Польшей, и что ему придется также воевать против Англии и Франции, и что он хочет, чтобы Италия в этом участвовала. Он сказал: «Если Англия оставит у себя дома необходимые для нее войска, она сможет послать во Францию не более двух пехотных и одной танковой дивизии. Сверх этого она сможет поставить несколько эскадрилей бомбардировщиков, но вряд ли истребителей, так как германский воздушный флот сейчас же атакует Англию, и английские истребители будут крайне необходимы для обороны». Относительно Франции он сказал, что после уничтожения Польши — что не возьмет много времени — Германия сможет сконцентрировать вдоль Западного Вала сотни дивизий, и Франция будет вынуждена собрать на линии Мажино для борьбы на жизнь и на смерть все свои наличные силы из колоний, с итальянской границы и отовсюду. В ответ на это Чиано выразил свое удивление по поводу крайней серьезности того, что Гитлер говорил. Он жаловался, что с немецкой стороны никогда не было указаний на то, что конфликт с Польшей так

серьезен и так непосредственно близок. Наоборот, Риббентроп сказал, что вопрос о Данциге будет со временем улажен. Дуче, хотя и убежден в неизбежности конфликта с Западными державами, предполагал, что он сможет готовиться к этому еще в течение двух или трех лет.

После этого обмена мнений Чиано в мрачном настроении вернулся к своему повелителю, которого он нашел еще более убежденным, что демократии будут воевать, и еще тверже решившим самому остаться вне борьбы.

**
*
*

Французское и Британское правительства сделали новую попытку прийти к соглашению с Советской Россией. Было решено отправить в Москву специального посланника. Иден, имевший несколько лет до этого полезный контакт со Сталиным, предложил поехать в Москву. Это благородное предложение было отклонено премьер-министром. 12-го июня эта огромного значения миссия была поручена Странгу, способному чиновнику, но не имевшему особого авторитета вне министерства иностранных дел. Это была еще одна ошибка. Посылка такой второстепенной фигуры была фактически оскорбительной. Было сомнительно, удастся ли ему проникнуть за внешнюю оболочку советского организма. Во всяком случае все уже было слишком поздно. Много произошло с тех пор, как в августе 1938 Майский был послан ко мне в Чартвелл. Произошел Мюнхен. Армия Гитлера имела лишний год для своего созревания. Его военная индустрия, усиленная Шкодой, была в полном ходу. Советское правительство было очень заинтересовано в Чехословакии, но Чехословакия исчезла. Бенеш был в изгнании. В Праге правил немецкий гаулайтер.

С другой стороны, Польша представляла для России совершенно иной комплекс старых политических и стратегических проблем. Их последним соприкосновением большого значения была битва за Варшаву в 1920, когда большевистские войска под командой поручика Крыленко были отброшены назад и затем под-

вергнуты кровопролитному преследованию Пилсудским при помощи советов генерала Вейгана и английской миссии, возглавляемой лордом Даберноном. В следующие годы она была острием копья антибольшевизма. Левой рукой она касалась и поддерживала антисоветские балтийские государства, а правой рукой она во время Мюнхена помогла разграбить Чехословакию. Советское правительство было убеждено, что поляки его ненавидят, а также и в том, что Польша не в состоянии выдержать германское нападение. Но оно также вполне сознавало собственные опасности и необходимость иметь время исправить расстройство в рядах своего высшего командования. При таких обстоятельствах перспективы миссии Странга не были слишком хороши.

Переговоры вращались вокруг вопроса о нежелании Польши и балтийских стран быть спасенными от Германии Советами, и в этом отношении прогресса не было. В своей передовице от 13-го июня «Правда» уже заявила, что действительный нейтралитет Финляндии, Эстонии и Латвии жизненно необходим для безопасности СССР. «Безопасность этих стран, — писала газета, — имеет первейшую важность для Англии и Франции», что признает «даже такой политик как Черчилль». Вопрос обсуждался в Москве 15-го июня. На следующий день советская печать заявила, что «в кругах советского комиссариата по иностранным делам результаты первых разговоров считаются не вполне благоприятными». Весь июль переговоры продолжались с перерывами, а в конце концов Советское правительство предложило продолжить их на военной основе с французскими и английскими представителями. Поэтому Британское правительство 10-го августа послало в Москву адмирала Дракса с военной миссией. Эти военные не имели письменных полномочий для переговоров. Французскую миссию возглавлял генерал Думенк. Главным представителем русской стороны был маршал Ворошилов. Как мы теперь знаем, Советское правительство в то же самое время согласилось на приезд в Москву для переговоров не-

мецкого представителя. Военная конференция быстро споткнулась на отказе Польши и Румынии пропустить русские войска. Как пишет в своей книге Поль Рейно, позиция поляков была: «С немцами мы теряем нашу свободу, с русскими нашу душу».

**
*

В августе 1942 в Кремле Сталин в ранний утренний час ознакомил меня с одной стороной советской позиции. «У нас создалось впечатление, — сказал Сталин, — что Британское и Французское правительства не решили идти на войну, если Польша подвергнется нападению, но надеются, что дипломатическое единение Англии, Франции и России остановило бы Гитлера. Мы были убеждены, что он не остановится». «Сколько дивизий, — спросил в то время Сталин, — пошлет Франция после мобилизации против Германии?» Ответ был: «Около ста». Затем он спросил: «А как много пошлет Англия?» Ответ был: «Две и еще две позднее». «Ага, две и еще две позднее, — повторил Сталин. — Знаете ли Вы, — спросил он, — сколько дивизий мы должны иметь на нашем фронте, чтобы воевать с Германией?» Последовала пауза. «Более трехсот». Он не сказал мне, с кем и в какой момент он имел этот разговор. Следует признать, что это было солидное основание, но неблагоприятное для Странга, посланного нашим министерством иностранных дел.

В интересах торгога Сталин и Молотов считали необходимым до самого последнего момента скрывать их действительные намерения. Во всех своих контактах с обеими сторонами Молотов и его подчиненные проявили замечательное искусство двуличности. Вот все, что еще 4-го августа германский посол Шуленбург мог телеграфировать из Москвы.

«Из всего поведения Молотова очевидно, что Советское правительство фактически более склонно к улучшению германо-советских отношений, но что остается старое недоверие к Германии. Мое общее впечатление то, что Советское правительство решило подписать договор с Англией и Францией, если те исполнят все его желания. Ко-

нечно, переговоры могут продолжаться еще долго, поскольку недоверие Англии также велико... С нашей стороны понадобится значительное усилие, чтобы побудить Советское правительство повернуть в другую сторону».

Он мог не беспокоиться: кости были брошены.

**
*

Вечером 19-го августа Сталин сообщил в Политбюро о своем намерении подписать договор с Гитлером. 21-го августа союзные миссии могли найти Ворошилова только вечером, когда он сказал главе французской миссии:

«Вопрос о военном сотрудничестве с Францией был в воздухе в течение нескольких лет, но никогда не был урегулирован. В прошлом году, когда Чехословакия погибала, мы ждали от Франции сигнала, но он не был дан. Наши войска были готовы... Теперь Французское и Британское правительства слишком затянули политические и военные разговоры. Поэтому не исключена возможность, что произойдут некоторые политические события».

На следующий день Риббентроп прибыл в Москву.

**
*

В «Нюрнбергских документах» и в захваченных документах, недавно опубликованных в Соединенных Штатах, мы имеем теперь детали этой сделки, которая должна навсегда остаться в памяти. Согласно главному помощнику Риббентропа Гауссу, который прилетел с ним в Москву, «22-го августа пополудни состоялся первый разговор между Риббентропом и Сталиным... Министр иностранных дел вернулся с этого совещания очень удовлетворенный. Позднее в этот же день быстро и без трудностей было достигнуто соглашение о тексте Совето-германского договора о ненападении». «Риббентроп, — говорит Гаусс, — включил во вступление далеко идущую фразу об установлении дружеских германо-советских отношений. Сталин против этого возражал, заметив, что Советское правительство не может внезапно представить своему народу декларацию о германо-советской друж-

бе после того, как в течение шести лет нацистское правительство обливало их помоями. Тогда эта фраза была из вступления удалена». В тайном соглашении Германия объявила себя незаинтересованной в Латвии, Эстонии и Финляндии, но рассматривала Латвию, как часть своей сферы влияния. Была проведена демаркационная линия для раздела Польши. В балтийских странах Германия претендовала только на экономические интересы. Договор о ненападении был подписан 22-го уже поздно ночью.

**
*

Хотя все это было рассказано в этой и предыдущей главах без страсти, только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог взять на себя одиум такого противоестественного акта. Вопрос только в том, у кого он вызывал больше отвращения, у Гитлера или Сталина. Оба они знали, что это может быть только временным выходом. Антагонизмы между двумя империями и системами были смертельными. Сталин, без сомнения, считал, что Гитлер будет менее смертельно опасным врагом после года войны против Западных держав. Гитлер следовал своему методу «одного в каждое время». Факт, что такой договор мог быть заключен, знаменовал вершину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет.

О советской стороне следует сказать, что для нее было жизненно необходимо держать позиции для развертывания германской армии как можно дальше на запад, чтобы дать русским больше времени собрать их силы со всех частей их необъятной империи. Они помнили катастрофы, постигшие их армии в 1914, когда они поспешили атаковать немцев, будучи сами лишь частично мобилизованы. Но теперь их граница лежала дальше на восток, чем во время предыдущей войны. Они должны были силой или обманом занять балтийские страны и значительную часть Польши, прежде чем они подвергнутся нападению. Если

их политика была цинична, то в данный момент она также была в высокой степени реалистична.

Мрачные новости поразили меня как взрывом. 21-22 августа советское агентство ТАСС сообщило, что Риббентроп летит в Москву для подписания договора о ненападении. Каковы бы ни были эмоции Британского правительства, в числе их не было страха. Оно, не теряя времени, заявило, что «подобное событие ничего не меняет в его обязательствах, которые оно твердо намерено выполнить». Ничто не могло уже предотвратить или отсрочить конфликт.

**
*

И сейчас еще стоит вспомнить содержание договора:

«Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются воздержаться от какого-либо акта насилия, агрессивного действия и нападения одной на другую индивидуально или совместно с другими державами».

Договор должен был оставаться в силе десять лет и автоматически продолжен еще на пять, если за год до истечения срока не будет денонсирован одной из сторон. Было много ликования и тостов за столом конференции. По собственной инициативе Сталин произнес следующий тост за Гитлера: «Я знаю, как германская нация любит своего Фюрера. Поэтому я хочу выпить за его здоровье». Из всего этого можно вывести скромную и простую мораль: «Честность есть лучшая политика». Несколько примеров этого будут показаны на этих страницах. Будет показано, как хитрые государственные люди ошиблись в их изощренных расчетах. Но вот самый яркий пример. Должны были пройти только двадцать два месяца до того, как Сталин и многомиллионная русская нация должны будут платить в наказание страшную плату. Если правительство не имеет моральных сомнений, оно часто по видимости получает большие выгоды и свободу действия, но «Всё уравнивается к концу дня, и всё будет еще более уравнено, когда кончатся все дни».

**
*

Гитлер знал из тайных переговоров, что русский договор будет подписан 22-го августа. Даже до того, как Риббентроп вернулся из Москвы или когда было опубликовано сообщение, он говорил своим командующим генералам:

«Мы должны быть готовыми с самого начала сражаться против Западных держав... Конфликт с Польшей неизбежно должен раньше или позже произойти. Я принял это решение уже весной, но я думал, что сначала повернусь на запад и только потом на восток... Мы можем не бояться блокады. Восток снабдит нас хлебом, скотом, углем... Я боюсь только, что в последний момент какая-нибудь свинья предложит посредничество... Политические цели поставлены дальше. Начинается разрушение Британской империи. После того, как я выполнил политическую подготовку, слово за солдатами».

**
*

На известие о германо-советском договоре Британское правительство сейчас же реагировало мерами предосторожности. Были отданы распоряжения укомплектовать узловые пункты береговой и противовоздушной обороны и о защите относящихся к обороне уязвимых пунктов. Правительствам доминионов и в колонии были посланы телеграммы, предупреждавшие, что в очень близком будущем может оказаться необходимым установить систему мер предосторожности. Лорд Хранитель Печати получил полномочие перевести областную организацию на военную ногу. 23-го августа Адмиралтейство получило от Кабинета полномочие реквизировать двадцать пять торговых судов, чтобы обратить их в вооруженные коммерческие крейсера, и тридцать пять тральщиков, чтобы снабдить их асдиками. Были призваны для пополнения заокеанских гарнизонов шесть тысяч резервистов. Были предписаны противовоздушная защита радарных станций и полное развертывание противовоздушных сил. Были мобилизованы двадцать четыре тысячи резервистов авиации и все вспомогательные части, служащие авиации, включая эскадрильи воздушных

шаров. Все отпуска в воинских частях были отменены. Адмиралтейство выпустило предостережение торговым судам. Было принято много других мер.

**
*

Премьер-министр решил написать Гитлеру об этих подготовительных мероприятиях. Этого письма нет в биографии Фейлинга, но оно было напечатано в другом месте. Чтобы отдать должное Чемберлену, оно, без сомнения, должно быть широко известно:

«Ваше Превосходительство, наверное, уже слышало о некоторых мерах, принятых Правительством Его Величества и сегодня вечером опубликованных в печати и по радио.

По мнению Правительства Его Величества, эти меры стали необходимыми вследствие военных передвижений, о которых сообщается из Германии, и вследствие того факта, что возведение германо-советского соглашения, видимо, воспринято в некоторых кругах в Берлине так, что интервенция Великобритании в пользу Польши не является больше вероятностью, с которой следует считаться. Не может быть большего заблуждения. Каков бы ни был характер германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательства Великобритании по отношению к Польше, которое было повторно и ясно публично возведено Правительством Его Величества и которое оно твердо намерено выполнить.

Высказывалось мнение, что, если бы в 1914 Правительство Его Величества сделало свою позицию более ясной, то великая катастрофа могла бы быть избегнута. Правильно или нет это мнение, Правительство Его Величества решило, что на этот раз такого трагического недоразумения быть не должно. Если это станет необходимым, оно решило и готово немедленно применить все силы в его распоряжении, и нельзя предвидеть конца военных действий, раз они начнутся. Будет опасным самообманом думать, что, если война начнется, то она скоро кончится, даже если бы был обеспечен успех на одном из нескольких фронтов, на которых она будет вестись.

Я признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого пути избежать катастрофы, которая вовлечет Европу в войну. Ввиду тяжких последствий для человечества, которые могут быть результатом действий его правителей, я убежден, что Ваше Превосходительство самым тщательным образом взвесит те соображения, которые я Вам изложил.

Ответ Гитлера после рассуждений о «беспримерном великодушии», с которым Германия готова уладить вопрос о Данциге и Коридоре, содержал следующий образец бесстыдной лжи:

«Безусловное заверение, данное Польше Англией, что она при всех обстоятельствах окажет помощь этой стране независимо от причин, следствием которых может быть конфликт, может быть понято в той стране только, как поощрение под прикрытием такого документа развязать отныне волну ужаснейшего терроризма против живущих в Польше полутора миллионов немцев».

25-го августа Британское правительство возвестило о формальном договоре с Польшей, подтверждавшим уже данные гарантии. Оно надеялось, что этот шаг дает наилучший шанс соглашения посредством прямых переговоров между Германией и Польшей в виду того факта, что, если это не удастся, то Англия вступится за Польшу. В Нюрнберге Геринг сказал:

«В тот день, когда Англия дала Польше формальную гарантию, Фюрер позвонил по телефону и сказал мне, что он остановил задуманное вторжение в Польшу. Я спросил его, временно ли это или окончательно. Он сказал: «Нет, я должен посмотреть, сможем ли мы элиминировать английскую интервенцию».

Действительно, Гитлер отложил день Д с 25-го августа на 1-ое сентября и, как этого желал Чемберлен, вступил в прямые переговоры с Польшей. Однако его целью было не достигнуть соглашения с Польшей, а дать Правительству Его Величества возможность уклониться от своей гарантии. Но мысли нашего Правительства, как и мысли Парламента и нации, двигались в другом плане. Любопытным свойством жителей британских островов является то, что они, ненавидя военную учебу и не подвергшись вторжению в течение почти тысячи лет, становятся все менее нервными по мере того, как опасность приближается и растет. Когда она надвинулась, они неистовы; когда она смертельна, они бесстрашны. Это свойство не раз спасало их на краю гибели.

**

*

В Италии было недавно опубликовано письмо, которое Гитлер написал тогда Муссолини:

«Дуче,

С некоторых пор Германия и Россия взвешивали возможность заложить новое основание для их взаимных политических отношений. Потребность достичь в этом смысле конкретных результатов была усилена:

1. Общими условиями мирового политического положения.

2. Продолжающимся промедлением японского кабинета в занятии им определенной позиции. Япония была готова заключить союз против России, в котором Германия — и, я думаю, Италия — были бы заинтересованы лишь как в имеющем второстепенное значение. Она, однако, не соглашалась взять на себя определенные обязательства в отношении Англии — что с германской и, я думаю, с итальянской точки зрения является вопросом решающего значения.

3. Отношения между Германией и Польшей были неудовлетворительными с весны, а за последние недели стали нестерпимыми не по вине Германии, но главным образом вследствие британской акции.

Эти основания побудили меня ускорить окончание русско-германских разговоров. Я еще не информировал Вас, Дуче, детально об этом вопросе. Но за последние недели склонность Кремля вступить в переговоры с Германией — склонность, возникшая с момента отставки Литвинова, — становилась выраженной всё определеннее, и сделала для меня возможным после предварительного выяснения послать в Москву моего министра иностранных дел, чтобы составить договор, который является вне сравнения самым широким ныне существующим договором о ненападении, и текст которого был опубликован. Договор не ограничен какими-либо условиями и в дополнение устанавливает обязанность консультации по всем интересующим Германию и Россию вопросам. Я могу сообщить Вам, Дуче, что при этих соглашениях благожелательная позиция России обеспечена, и что, кроме того, больше не существует возможности атаки со стороны Румынии в случае конфликта».

Муссолини ответил на это немедленно:

«Я отвечаю на Ваше письмо, только что переданное мне послом Макензеном:

1. Что касается соглашения с Россией, я вполне одобряю.

2. Я думаю, что будет полезно избегать разрыва или охлаждения с Японией, что толкнуло бы ее на сторону демократических стран.

3. Московский договор удерживает Румынию и может изменить позицию Турции, которая приняла английский заем, но еще не подписала союза. Новая позиция Турции расстроила бы стратегические диспозиции Франции и Англии в восточной части Средиземного моря.

4. Что касается Польши, то я вполне понимаю позицию Германии и то, что такая напряженная ситуация не может продолжаться бесконечно.

5. Что касается практически позиции Италии в случае военных действий, то моя точка зрения такова:

Если Германия атакует Польшу и конфликт останется локализованным, Италия окажет Германии всякого рода политическую и экономическую помощь, какая только может понадобиться.

Если Германия атакует Польшу, а союзники последней атакуют Германию, то я должен подчеркнуть, что я не могу взять на себя инициативу военных операций в виду теперешнего состояния военной подготовки Италии, на что повторно и своевременно было указано Вам и Риббентропу.

Наше вмешательство может, однако, быть немедленным, если Германия даст нам сейчас же оружие и сырье, чтобы мы могли выдержать удар, который нам, вероятно, нанесут Франция и Англия. На наших предыдущих встречах имелась в виду война после 1942 года, и к этому времени, согласно установленным нами планам, я должен быть готов на суше, на море и в воздухе».

Отсюда Гитлер, если он об этом еще не догадывался, узнал, что, если будет война, он не сможет рассчитывать на вооруженное вмешательство Италии. Какие-либо попытки Муссолини в последнюю минуту повторить роль, сыгранную им перед Мюнхеном, были отвергнуты. О последних шагах Дуче, видимо, узнал не из немецких, а из английских источников. Чиано записал в своем дневнике от 27-го августа: «Англичане сообщили нам текст немецких предложений Лондону, о которых мы ничего не знали». Муссолини нуждался только в согласии Гитлера на нейтралитет Италии. И он это получил.

**

31-го августа Гитлер дал «директиву № 1 для ведения войны».

«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности мирным путем устранить невыносимое для Германии положение на ее восточной границе, я решил прибегнуть к силе.

2. Нападение на Польшу должно быть произведено согласно подготовке для «Белого случая» с теми изменениями, которые, что касается армии, вытекают из того, что она на это время почти выполнила свои диспозиции. Распределение заданий и объекты операций остаются те же.

День атаки — 1-ое сентября 1939 года. Время — 04,45 (вписано красным карандашом).

3. На западе важно, чтобы ответственность за открытие военных действий недвусмысленно падала на Англию и Францию. В начале следует ограничиться чисто локальными действиями против незначительных нарушений границ».

**
*

По моем возвращении с рейнского фронта я провел несколько солнечных дней в имении мадам Бальзан, в приятной, но глубоко обеспокоенной компании в старом замке, где король Генрих Наварский спал перед сражением при Иври. С нами были миссис Юан Воллес и ее сыновья. Ее муж был министром. Она ждала его приезда. Скоро он телеграфировал, что не может приехать и объяснит позднее, почему. К нам просачивались и другие признаки надвинувшейся опасности. Можно было чувствовать тяготеющую над всем тревогу, и казалось, что даже прелестная долина у слияния Эр и Вегр лишилась своей приветливости. В этой неопределенности мне трудно было заниматься живописью. 26-го августа я решил ехать домой, где я, по крайней мере, буду знать, что происходит. Я сказал жене, что скоро ее извещу. На пути через Париж я завтракал с генералом Жоржем. Он дал мне цифры, касающиеся французской и германской армий, и классификацию дивизий по их качеству. Результат произвел на меня такое впечатление, что я в первый раз сказал: «Но вы господа положения». Он ответил: «У немцев очень сильная армия, и мы никогда не можем позволить себе ударить первыми. Если они атакуют, обе наши страны исполнят свой долг».

Эту ночь я спал в Чартвелле, где я просил генерала Айронсайда провести со мной следующий день. Он только что вернулся из Польши с очень благоприятными впечатлениями от польской армии. Он видел пробную атаку целой дивизии с настоящей стрельбой и не без потерь. Польская мораль была высока. Он пробыл у меня три дня, и мы усиленно старались разгадать неведомое. За это время я также закончил кладку кирпичей для кухни котэджа, который я в прошлом году приготовил для нашей семьи на будущее время. Моя жена по моему сигналу 30-го августа приехала через Дюнкирхен.

**
*

Было известно, что в Англии находились двадцать тысяч организованных немецких нацистов, и было бы вполне в согласии с их практикой в других дружественных странах, чтобы началу войны предшествовало бы выступление в виде актов саботажа и убийств. У меня в это время не было официальной охраны, и я не хотел о ней просить; но я считал себя достаточно видным лицом, чтобы принять меры предосторожности. Мой прежний детектив из Скотланд Ярда, инспектор Томпсон был в отставке. Я просил его приехать и захватить свой револьвер. Я вынул свое оружие, которое было достаточно хорошо. Когда один спал, другой дежурил. Таким путем никому не могла удасться легкая победа. В те часы я знал, что если вспыхнет война — а кто мог в этом сомневаться — то на меня падет главное бремя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Безумство победителей	11
2. Мир в своем зените (1922–1931)	27
3. Затаенная угроза	47
4. Адольф Гитлер	61
5. Годы саранчи (1931–35 гг.)	76
6. Сцена темнеет (1934)	100
7. Равенство воздушных сил утрачено (1934–35)	121
8. Вызов и ответ (1935)	142
9. Воздушные и морские проблемы (1935–1939)	160
10. Санкции против Италии (1935)	179
11. Гитлер атакует (1936)	203
12. Зловещий перерыв — Испания (1936–1937 гг.)	224
13. Германия вооружается (1936–1938)	242
14. Иден в министерстве иностранных дел. Его отставка.	256
15. Захват Австрии (Февраль 1938 года)	277
16. Чехословакия	297
17. Мюнхенская трагедия	317
18. Мюнхенская зима	341
19. Прага, Албания и польская гарантия	359
20. Советская загадка	377
21. На пороге	399

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

Цена \$2.75